

Евгения Милева

НЕБО

молчаливое

18+

Евгения Мулева

Небо молчаливое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67564865

SelfPub; 2023

Аннотация

Небо молчаливое Верны ядовито и опасно. Когда-то здесь была процветающая колония, теперь же царит запустение. Редкие дирижабли курсируют между воздушными станциями-городами. Некогда великий герой молодой генерал Константин Кесаев проигрывает морскую кампанию, он не смог оправдать надежд отца. По его вине страна потеряла залив. Героя ссылают на Верну. Волей случая Константин подает на исследовательский корабль, которым управляют чокнутая ведьма, хмурый доктор и вор. Сможет ли он выжить в мире ядовитых облаков и прогорклой памяти?

Содержание

Глава 1	8
I	9
II	14
III	22
IV	28
Глава 2	46
I	47
II	56
III	60
IV	69
V	79
Глава 3	87
I	88
II	98
III	108
IV	112
Глава 4	117
I	118
II	127
III	132
IV	138
V	145
Глава 5	147

I	148
II	160
III	168
IV	178
Глава 6	186
I	187
II	193
III	198
IV	203
V	206
Глава 7	219
I	220
II	234
III	238
IV	245
V	255
Глава 8	258
I	259
II	265
III	274
IV	280
Глава 9	292
I	293
II	298
III	303
IV	310

V	316
Глава 10	325
I	326
II	340
III	344
IV	350
Глава 11	356
I	357
II	370
III	378
IV	382
Глава 12	390
I	391
II	401
III	403
IV	409
Глава 13	416
I	417
II	425
III	435
IV	445
Глава 14	454
I	455
II	461
III	471
IV	478

Глава 15	484
I	485
II	490
III	493
IV	498
Эпилог	504

Евгения Мулева

Небо молчаливое

Небо молчаливое

Пока вы не ушли, Администратор, я должна ещё об одном вам сообщить.

Солнце было очень добрым ко мне.

«Клара и солнце» Кадзуо Исигуро

Глава 1

герой героев

I

Говорят, у белых звёзд так далеко, что и не сосчитать годами, кружатся другие миры, на этот чем-то похожие. Говорят, духи квантовой запутанности знают, как оно там наверняка. Ну, а нам остаётся жить.

В одной из множественных вселенных, вполне вероятной: процента на семьдесят три она точна была и процента на четыре ещё немножечко пробудет; в планетарной системе жёлтого карлика жили люди. Сто семьдесят световых лет тому назад, согласно местному календарю, они основали колонию на пятой от звезды планете. Планета та была не то что бы хороша, но и не слишком плоха: атмосфера плотная, давление у земли такое, что слона в монетку расплющит. Возможно, поэтому слонов там не водилось, правда и монет тоже никто не нашёл, но воздух, воздух почти пригодный. Жить можно – если в атмосфере, если запустить плавучие станции-дирижабли, выплавить небесные города. Сказано, рассчитано, ещё раз рассчитано и ну ещё раз. Инженерам дали премию, химикам – по шапке, металлургам – правительственную награду. И полетели первые корабли, и стало небо молчаливой Верны обитаемым.

С тех пор минуло много, много лет. Люди, что когда-то выдавали награду металлургам, что ругали бедных химиков,

умерли, и на их место пришли другие. Вернские колонии жили тихо, работали себе автономные и далёкие, настолько далёкие, что со временем о них позабыли. Инженеры продолжали строить корабли и двигатели. Астрофизики с помощью спектрального анализа¹ искали пригодные для жизни миры. Генералитет штамповал кадры, способные эти миры покорить.

Прямо сейчас один из этих кадров сидит в приёмной секретаря Августина в ожидании вердикта прокуратора. В Тирхе, так называлась страна, прокуратор был чем-то вроде царя или президента. Он занимал самое красивое кресло на слушаньях, вещал с трибуны, носил дорогушие костюмы из шерсти и шелка и кожаные туфли, начищенные до слепящего блеска. Военным он не был, по крайней мере, прямого участия в кампаниях не принимал, для этого есть кто помоложе и подурее, кто с радостью возьмётся за импульсный клинок, кто выйдет пред толпой и скажет: в бой! И люди побегут и полетят сверхзвуковые самолёты, и двинутся армадой корабли. Звали такого дурака обычно генералом, и в генеральстве своём он был тем лучше, чем горластее. Вот прошлый продержался без малого тринадцать лет, а этот даже года не протянул, хотя наследник. Его величество. Герой героев. А

¹ Имеется в виду Доплеровская спектроскопия – косвенный метод обнаружения экзопланет, позволяющий обнаружить планеты с массой не меньше нескольких масс Земли, расположенные в непосредственной близости от звезды, и планеты-гиганты с периодами обращения примерно до 10 лет (*здесь и далее примечания авторки*)

вот кампанию морскую провалил. Осталась Тирха без залива.

– Облажался ты, – вздохнул с опаской Августин, – и весь рассказ.

– Казнят? – запальчиво бросил генерал. Бывший.

– Уволь, мы разве звери? – Августин развёл руками, причмокнул и сказал: – Сам прокуратор за тебя просил.

Этого, конечно, он не понимал, но слово прокуратора! Слово прокурора... Слово прокуратора не обсуждается.

– Так почему он отказался говорить со мной? Лично, Августин? Я имею право! Я генерал.

– Бывший.

– Скажи, как есть! – с тоской вымолвил разжалованный.

– Ты придурок, ваш' величество, – честно признался Августин.

Августин работал секретарём прокуратора вот уже тридцать лет. Тридцать, честное слово. Прокураторов за этот срок успело смениться штук десять, а кресло Августина только примялось в точности под его зад. Скольких генералов, сколько главнокомандующих он успел повидать! Ох, боженька, с такой текучкой кадров только и успевай досье подшивать. И, ох боженька, каких кадров только не было! Но этот, честное слово, этот... всем генералам генерал.

Вышеупомянутый генерал генералов страшный, точно северный великан, открыл рот и ничего не сказал.

Августину же хватило и этого, чтобы побагроветь до све-

кольного цвета от шеи до щек. Была у него такая особенность багроветь при виде начальства пусть и бывшего. «Бывшего», – сладко тянул про себя Августин, нравилось ему это слово, ой как нравилось, точно силу давало, возвышало над самым высоким, над самым великим человеком-героем, человеком-с-мечом-и-погонами, человеком, которого нынче гонят взащей, на мёртвую Верну гонят. Довоевался, ваше величество.

– Иди к чёрту, – посоветовал ему довоевавшийся, смахивая со стола приказ и посадочный. Себя он придурком не считал. Он был зол, зол и обескуражен. За всю его громкую да не долгую двадцатичетырёхлетнюю жизнь с такой бедой он столкнулся впервые. Он брал пиратский лагерь в одиночку, он хоронил отца, он выходил на поле брани с чужим мечом, он был великим, он был везучим, но вот удача, дурная баба, покинула его, ушла туда, где больше платят.

Человек-герой, поднялся со стула, выпрямляясь во весь свой немалый рост. Августин шумно сглотнул, почти что квакнул. Одно хорошо – больше этого он всё равно не встретит. Нового им дадут генерала покладистее и дальновиднее. С этой славной мыслью Августин выдохнул, стукнул печатью по фотографии разжалованного героя, на которой тот был года на четыре моложе и килограмм на десять меньше, вытер лоб клетчатый платком и был таков. К сожалению, Августин не знал и знать не мог, во что это выльется.

Разжалованного героя звали Константином Кесаевым, под

таким именем проходило его досье. Дверь секретарского кабинета хлопнула так, что пальто, повешенное с обратной стороны, рухнуло на пол, тихо подсказывая, что силы с потерей звания герой не лишился, а вот благоразумия... впрочем да чёрт с ним.

II

Он шёл к кораблю понурый и злой. Всё должно быть не так! Не так, о боги!

«Срань», – процедил герой. Мало что ли ему поражения? Под ногами чавкало сырое и холодное, ещё не весна, уже не зима – бурое варево грязи и льда, не сметённое с асфальта: листья мокрые и прелые, подмороженные по краям. Полигоном лет двадцать не пользовались. Двадцать лет никто отсюда не улетал. О проклятой Верне говорить не принято, в тех облаках только яд и прогорклая память. Может и правильно? Может это и правильно? Разве другое ты заслужил? Герой.

Не зря ведь говорят: не бывает бывших героев, бывают павшие. О духи, о боги всех времен и лет, почему он? Почему теперь? Почему не дали умереть в бою? Так было бы верней, так было бы проще. Он, взлетевший так высоко и так скоро: не становятся смертные генералами в двадцать четыре, упал ещё быстрее. Все нутро его кипело и рвалось. Всё в нем обратилось горечью густой и липкой, как ни скреби в горячем душе, как ни кричи в пустой квартире, ни молоти кулаками по стенам, вот она, здесь она, мерзкая, мерзкая проедает кожу в районе груди.

Шагал он гордо и голову держал прямо, и солнце золотило его короткие каштановые кудри. Он и забыл уже, что воло-

сы выются, столько лет ходил по-армейски, а теперь-то что? Месяц тянулись суды. Нарешали политики, надипломатили. Вот приказ, а вот печать, покиньте казённое жильё в течение суток.

Ночь он пролежал без сна, ни разу ещё такого не было. Обычно тело, привыкшее к лошадиным нагрузкам, вырубалось быстро и охотно, а тут! Он лежал и считал назад от пятисот. Дошёл до двухсот семидесяти, бросил, включил лампу, открыл книгу – стало полегче. Утро вползло в спальню за час до будильника. Шторы сделались рубиновыми, а стены золотыми. «Как будет на Верне? Есть ли там солнце?» – подумал он почти с интересом, треснул кулаком по матрасу и встал. Солнце на Верне то же самое, и шторы вероятно можно похуже раздобыть. О боги, почему он не умер? Почему?!

На сборы ушло минут двадцать. Следуя старой привычке, он сгрёб одежду в рюкзак, упаковал в непромокаемый конверт документы, ссыпал отцовскую записку в отцовский кошелек, осмотрелся и понял, что больше здесь делать нечего. Если по-честному, в этом «казённом жильё» ему принадлежала одна щётка и та старая. Всё остальное было отцовское. Картины в широких позолоченных рамах, мраморные мадонны, хрустальные бокалы за барным стеклом, пять бутылок дорожущего коньяка. Он взял одну, протолкнул, не глядя в рюкзачную горловину, взял и вторую, откупорил, выпил, но терпкий янтарный дух не дал ни спокойствия, ни наслаждения, коньяк обжег глотку и в пустой голове стало убий-

ственно жарко и звонко, и больно на столько, что проще в окно. Открыть и выйти. Открыть и выйти. Константин безжалостно захлопнул дверь.

Он шёл к кораблю голодный, пьяный и очень, очень злой. Чтоб пусто вам... Чтоб... Если б мир мог треснуть от его шагов, он бы давно развалился на две дрожащие половинки. К чертям и демонам такой мир. Мир, которому он больше не нужен. Рюкзак, бухло да форменные ботинки – вот всё, что он себе оставил. Оружие конфисковали в штабе, форму и того раньше отобрали. Ну и подавитесь. В пяти шагах от него семенил молоденький солдатик, а за ним Августин – такой вот немудрёный эскорт для героя.

«Погодите, господин Кесаев!», – принеслось ему в спину. Константин оборачиваться не стал, останавливаться тоже. На взлётной полосе уже ждали. Там, да осветится имя его, стоял сам прокуратор. Константин прошёл мимо, он, собственно говоря, не очень знал, куда надо идти, но предполагал, что тот единственный корабль потрепанный да крепкий предназначен ему.

«Кесаев!» – гаркнули грозно.

Константин шагнул на трап, споткнулся.

«Кость!» – воскликнул прокуратор.

Он стукнул кулаком по двери, та распахнулась. Лишь тогда он решил обернуться, улыбнуться и заблокировать дверь изнутри.

«Пусть небо будет добрым к тебе!» – крикнули в спину.

«Добрым, – прыснул герой, – куда уж там!». Внутри корабля было темно, только дорожка под ногами мигала синим. Теперь, уже когда всё решено, спешить не хотелось. Даже просто переставлять ноги по прорезиненному полу вслед за синими огоньками не хватало сил.

Какая теперь разница, что они ему сказать хотели. Кораблик-то вот он! Гудит сволочь. Рейс в одну сторону. Внутри оказалось темно и тесно. Приклонив голову, точно арестант, Константин поплёлся в рубку. Интересно пилот там есть? Может подговорить его сбежать? Полетят куда-нибудь к морю.

– Доброго утречка! – сказал пилот, щуплый дедок. Как его такого в отставку до сих пор не отправили? Или он единственный из всей Тирхи межпланетными кораблями управлять умеет?

– Здрасьте.

– Садись, герой, пристёгивайся. Что власть имущих обижаешь?

Константин молча сел и молча пристегнулся.

– Ну сиди, сиди. Ща потряхнет. А дальше полегче будет. Что про Верну знаешь?

Грубый ландшафт, усеянный останками вулканических пород. Люди живут на станциях, парящих в верхних слоях атмосферы. Была колония – стал ад.

– Что меня туда сослали.

– А-а, – протянул пилот. – Ага, – кивнул пилот. – Ну,

пристегнулся? Молодец. Взлетаем! – беспечно объявил он. – Значит, расскажу сейчас. Ух!

Все зарябило, затряслось и загудело, закачало, заворчал. Заворчался коньяк, комок желчи поднялся к горлу. Константин попытался зажмуриться, вспомнил, что обычно от этого становится ещё хуже. Пилотишка покосился на него, поцокал, но милостиво промолчал.

Минут через двадцать, когда тряска прекратилась, а мерцать стало нечему, Константин отрубился. Тревожный рваный сон укрыл его от пилота, от космоса, тряски и прокурора с Августином.

– Добро пожаловать на Верну, господин Кесаев! – отрапортовал пилотишка. Константину захотелось наружу, вырваться, выпрыгнуть прямо в эти грузные, в эти жёлтые серые облака.

Корабль подплыл к станции. В динамике зашипело приветствие. Тяжёлые створки разъехались, пропуская их внутрь газового шара.

– Снаружи тефлон, – бормотал пилотишка. Папка с документами, точно калённая, жгла ладони. – Защищает от неблагоприятного воздействия атмосферы.

«Да, заткнись ты», – хотелось рявкнуть, но силы оставили. Он точно замер оледенел внутри, а может умер, и это не Верна, а ад за бортом. Что б Верне не быть адом? Кругом жара и яды. «Значит, это я заслужил?» – подумал Константин.

Корабль встал, и его попросили наружу. Прощаться с пи-

лотом Константин не стал, смотреть печально вслед кораблику тоже. Ему всё ещё было тошно. И голова в придачу болела от перегрузок, похмелья и голода. Он оказался в каком-то ангаре, где кроме Тирхского стояли ещё семь кораблей.

«Люди живут на станциях», – вспоминал Константин. Было ему от этого ни тепло, ни холодно. Живут и живут. Он тут причём? Не увидит больше неба и весны не увидит. И, собственно, что?

Из ангара его доставили напрямиком в местное министерство, в лаконично серый барак в четыре этажа. «Станция, – думал Константин, – просто город какой-то. Разве что неба не видно». Вместо неба над головой где-то томительно высоко маячили белые лампы. Крутить башкой по сторонам жёлания не было. Он просто вышел из машины и вошёл в лифт, вышел из лифта – попал в кабинет. Само время сделалось тусклым и быстрым, и мыльным каким-то.

– Добрый день! Добрый день! – сказали ему на входе. – Нечасто к нам гости из Старого мира заглядывают. Ну, вы проходите, господин Кесаев.

– Вы знаете моё имя?

Откуда бы ему знать? Сигналы до Верны идут долго. Константин попытался вспомнить сколько. Не вспомнил. Ну черт с этими сигналами. Странно, что местный в курсе откуда Константин и зачем.

– Знаю. Вы присаживайтесь.

Он сел, придвинув стул поближе к столу. «Начальник полиции», – прочитал Константин. Почему полиции? Ему, кажется, говорили о другом...

Начальник был худ и невысок, светловолос, уже не молод, ещё не стар. Он выглядел совершенно скучным и ни капли не опасным. Такие люди хороши, когда сидят смирно на своих постах да они обычно высоко и не смотрят. Константин отменил всё это по привычке и широко зевнул, потер виски и сказал:

– И как давно вы знаете о моём прибытии?

– Неделью, – пожал плечами начальник. – Может чуть меньше.

А суд когда был?

– Значит, – протянул Константин. Что-то мерзкое зрело внутри, зрело-зрело и вызрело, – значит, – он ухмыльнулся, – прокуратор обо мне позаботился.

– Значит так, – добродушно поддакнул начальник. – А теперь давайте о делах поговорим.

– Давайте, – согласился Константин, выкладывая на стол треклятую папку.

– Я готов принять вас в наше ведомство. Работа, конечно, хлопотная, но местами интересная. Жильё будет. Тут, – он развел руками, точно обнимая свой тесный кабинет. – неподалёку.

– А платите сколько?

– Вам правда интересно? – он улыбнулся с облегчением.

Явно на другое рассчитывал, подготовился.

– Правда, – кивнул Константин, ему было плевать. – Так сколько?

– На жизнь хватит.

– Размыто, – хмыкнул Константин. Ему бы воды, а лучше пива.

– С моей стороны и так было уступкой взять вас. А вы, господин, отказываетесь...

Он похож на человека, который отказывается? Константин потёр виски. Ни графинов, ни чайника, ни кулера, ни стакана. Это просто попытка какая-то устраивать собеседование после перелёта!

– У вас... – начал он сбивчиво.

– Меня предупреждали, что вы...

Воды не предложат. Константин поднял голову. В голове трещало и поскрипывало.

– Так я могу отказаться? Прекрасно! – Константин не дал этому начальнику заговорить: – отказываюсь. Всё вам доброго.

– Подождите! – всполошился начальник.

– Да чёрта с два. Привет прокуратору, – добавил Константин, уходя.

Он сделал глупость и даже сам это, кажется, понял. Теперь эту глупость надо запить.

III

Во всех мирах обитаемой вселенной бары по городам раскиданы гуще, чем туалеты. Так Константин думал раньше и, впрочем, оказался прав. Бар он нашёл быстро, в пятнадцати минутах ходьбы от министерства. Были и ближе, но ему не хотелось пересечься с неслучившимися коллегами. Герой героев чуть взъерошил волосы, шинель поправил и подтолкнул обитую металлом дверь. Внутри творилось нечто безобразное. Во-первых – запах, воняло там кислятиной и потом, горелым хлебом и табаком. Ослепшая на треть люстра уныло подмигивала оставшимися лампочками. Сам барчик был узкий, но двухэтажный. У лестницы на второй толпились угрюмые рабочие. Скучно тут и грязно. И что? Он не девчонка, чтобы боятся гадюшников. «Мне пива», – сказал он у стойки и сразу вспомнил, что местных денег у него при себе нет, и что ел последний раз он, кажется, вчера.

Под лестницей какой-то бестолковый бугай с позолоченным кастетом прижимал к стене мальчонку. Если б не блик от кастета, Константин их бы и не заметил. Под лестницей темно и тихо. Константин поставил рюкзак на соседний стул и встал. Зачем? Бугай не такой уж и бугай, просто толстый мужик чуть повыше Константина, лысый и щетинистый. Лицо у бугая совершенно красное, у мальчонки белое. Пацан

что-то хрипел, тянулся к карману комбинезона, но вынуть не мог. «Чудесно», – подумал Константин.

«Пусти его!», – крикнул Константин. Пиво не подали. Бармен только полез за стаканом. Вот же... Ну вот... Константин, не раздумывая ломанулся в их сторону. Кто-то охнул, а кто-то присвистнул, предвкушая хорошую такую драку, только драки, увы, не случилось. Константин быстро и крепко вмазал бугаю, дернул на себя пацана, тот принялся верещать. Константин шикнул, глянул тоскливо в сторону не случившегося пива и поволок пацана наружу.

– Ты идиот? – спросил Константин. Пацан кивнул. – Живой-то хоть? – Пацан снова кивнул. Константин великодушно постучал его по спине, отряхивая налипшие куски побелки. – Какого чёрта ты ему сделал?

– Я... я... – промямлил спасённый. – Н-ничего, честно. О-он...

– Ладно, – отмахнулся Константин. Это совсем не его дело. – Бывай.

– Постойте. Стой! Спасибо, – пацан улыбнулся, бледный, измятый.

– Да не за что, – пожал плечами герой.

– Я Луи, – пацан протянул руку. Ладонь у него была мягкая и розовая как у ребёнка, только ногти грязные и обкусанные. – Луис.

Константин кивнул, сжимая его мягкую руку, и невольно поднял голову. Пацан продолжал виновато скалиться, забав-

ный. Он выглядел ровно так как мог бы выглядеть мальчик, выросший на Верне, выросший без солнца в огромной летающей кастрюле, что по ошибке обозвали станцией. Бледный, светловолосый, пухлый, но не толстый, не то, что бы низкий, но и не высокий, он доставал Константину примерно до плеча; и в общем какой-то бездомный. «На уличного кошака похож. Да, – рассудил герой героев, – на белого кота с помойки».

– Константин, – вспомнил Константин, фамилию он называть не стал. Да и что она скажет этому мальчишке?

– Ты военный? – оживился тот.

С чего бы?.. Ах, да! Шинель.

– Почти, – хмыкнул Константин.

– А летать умеешь? – не к месту спросил пацан.

– Ну, умею.

– А удостоверение есть?

– А тебе какое дело?– Константин хотел уйти, а пацан всё не отлипал. Помог на свою голову.

– Ты ведь не местный. И не отсюда! – воскликнул пацан. Быстро же он отошёл! – И не зарегистрирован в структурах, а в форме. Ха.

Константин начал потихоньку понимать того бугая.

– Ещё раз спрашиваю, тебе-то что?

– Мне? – хитро улыбнулся пацан. – Хочу тебе кое-что предложить.

– Тебе лет-то сколько?

– Сколько есть, все мои, – пацан насупился и выдавил еле слышно: – Семнадцать. А тебе, вояка?

– Двадцать четыре.

– Немногим больше, – хмыкнул пацан. Лицо его снова разгладилось, а громадные светлые глаза блеснули по-чертячи. – Значит, слушай сюда.

– Прямо слушай?

– Прямо заткнись и слушай! – шикнул пацан. – Сюда идут законники, ты, я так понимаю, от них свалил?

– Не твоё дело.

– А ну раз не моё, так и досвиданье! Я тут помочь хотел. Услуга, так сказать за услугу, а ты в тюрьму собрался! – он радостно развёл руки. – Ну, и шут с тобой.

– Луи?

– Да? – пацан ухмыльнулся, но как-то фальшивенько, Константин был готов поспорить, что тот за кем-то повторяет.

– Что за законники?

– Вот эти! – он указал в сторону скоренько марширующих ребят в серых форменных комбинезонах. Вот посередине начальник, нашивка на плече красная, лысина и отсюда поблёскивает. – Я бы хотел тебе предложить кое-что... Хочешь быть капитаном?

– Что?

«Законники» приближались.

– Капитаном, – повторил пацан, он, кажется, никуда не

спешил. – Будешь кораблем управлять. Будешь...

– Согласен, – Константин улыбнулся так широко, как только мог, не без злорадства воображая, как будут счастливы на Тирхе, когда узнают, что в первый же день он стал капитаном сам по себе, без их помощи. Он им не собака, чтобы на кости обглоданные кидаться. Пусть других идиотов ищут. Верна. Тирха. Пошли они лесом. Константин протянул Луи руку.

– А? – пацан въехал не сразу. – Да? Ты да?.. Ну... ну... Добро пожаловать на борт!

Они скрепили договорённость рукопожатием. Нет, Константин чувствовал, что поступает глупо. И что с того? Ему плевать. Он это чёртову Верну сжечь готов. «Законники» приближались. Пацан сглотнул, руки у него были влажные.

«Отмирай давай, спаситель», – выругался про себя Константин. В отличие от некоторых он привык соображать и действовать быстро .

– Луи?

– Ждём, – убийственно спокойно осадил пацан, показывая пальцем куда-то вправо и вверх. Полицейские приближались. Им осталось обогнуть свалку, метров двести.– Раз, – начал Луи не к месту. Чего он ждёт? – Два, —пацан осклабился, он и не собирался никуда двигаться.

– Три, – рывкнул Константин, хватая этого идиота за шиворот.

– Нет, – просипел Луи несколько не обидевшись, – ещё

не три. Пусти, – он дёрнулся, но Константин был сильнее. – Чего ты? Сам пойду.

Константин судорожно огляделся, спрятаться, как назло, некуда. Треклятые «законники» приближались. Конечно, они заметили Константина, конечно, обиделись. Что за люди такие? Неужели он не имеет права отказать? Константин за-тащил Луи в проулок. «Бесполезно», – думал он. Пацан придурковато крутил башкой, высматривая что-то вверху.

– А вот теперь, – подал голос Луи. Над головой противно грохотало, точно поезд по куполу полз, тяжёлый и ржавый. Константин не мог разобрать это на самом деле или просто сходит с ума. Треклятая Верна. Треклятый Луи. Если сдать-ся? И будет, что будет... – три!– победоносно заорал Луи, и на ту свалку, у которой они только что стояли хлынул из труб мусорный водопад, отрезая «законникам» путь.

Как Константин не заметил труб мусоропровода? Они же торчали прямо над их головами? Придурковатый Луи заморочил.

– Что стоишь? – поинтересовался пацан, – Бежим!

IV

Чередой грязных переулков Луи вывел их к рынку. Чувствовалось, что в этой полузаброшенной части станции пацан был как рыба в воде, только вот нормальные рыбы в такой грязи не живут. Воняло здесь знатно и на все лады. Сам воздух был ржавый и затхлый. Луи натянул на нос повязку, красно-серую бандану. У «законников» что ли стащил?

– Здесь не беги. Кто бежит – вор, – со знанием дела выдал пацан, – причём вор неместный. На своих сквозь пальцы смотрят, а чужакам не поздоровится.

– Ты сам вор, так?

– Нет. То есть... Теперь нет. Я с Эммой.

– Многое объясняет, – хмыкнул Константин.

– Скоро узнаешь. Здравствуйте! – Пацан опять ломанулся неизвестно куда. Константину пришлось топтать следом. – Здравствуйте!

В уголке у длиннющей клеёнчатой скатерти, густо усыпанной медными побрякушками, сидел дедок в потрёпанном комбинезоне без ботинок в заношенных белых носках. Из старомодной колонки, такие были в ходу лет семьдесят назад, лилось что-то гипнотическое барабанное, обволакивающее весь рынок религиозным дурманом. Луи прогулочным шагом обогнул скатерть, кивнул дедку и рухнул напро-

тив, дедок разулыбался, чуть прикрутил музыку и смущённо выпалил: «здрасьте!». Константин огляделся: всюду было так пыльно, будто последний раз тут убрали ещё при первых колонистах. Он обречённо представил, как эта застарелая вернская пыль клоками облепит шинель.

– Садись, – махнул ему дедок. – В ногах правды нет. – Константин нехотя уселся. У этого ж Луи найдётся щётка? – Ищите что-то конкретное, – дедок обвёл руками свои бестолковые богатства.

– Мм, – протянул пацан. – Не то, что бы конкретное, но вектор определён.

Дедок просиял, будто это чушь что-то значила.

– Приятно слышать! – он довольно потряс головой точь-в-точь старый пёс – пудель, и волосы кудрявые как у пуделя. А если сейчас взять и уйти?

Луи чем-то зашуршал, что-то вытащил и сунул дедку в карман жилета.

– Налево, направо, а там и ключ. – Дедок усмехнулся и точно также сунул Луи в карман жёлтый конверт. – Береги себя, Луи.

– Я Луи, – буркнул пацан, но смягчившись, добавил: – Как ваши дела?

– Вяло, – вздохнул дедок. – Не прёт торговля.

«Оно и понятно, – подумал Константин, – кому нужен этот мусор?».

– Люди хотят покрасивше, – продолжал дедок устало, –

подороже. Да чтоб с этикеткой фабричной и чтоб похвастаться. Чём сегодня народ хвастается?

Луи пожал плечами, поглаживая бумажку в кармане, глянул на Константина, будто тот мог знать о вернской моде, и гордо сообщил:

– Понятия не имею.

– И не надо, – кивнул дедок, – ни к чему тебе. Ты хороший парень, Луи. Благослови боги Небо и Эмму. Как там твоя госпожа?

– Хорошо. Работает.

– Работает, – протянул дед. – Эх, заглянуть к вам что ли? Всё времени нет заглянуть.

– Заглядывайте! – отозвался Луи, поднимаясь. – Ну, нам пора. До свиданья.

– До свиданья, – хмыкнул дедок, выворачивая свою гипнотическую музыку на полную громкость.

Константин тоже встал, он вообще не очень понял, для чего они тут сидели, отряхнул несчастную шинель. Подумать только, день на Верне, а он уже успел поссориться с местными властями и прогуляться по чёрному рынку с каким-то подозрительным пацаном. Они завернули в ряд с пряностями и чаем.

– Кофе, – шепнул Луи и принялся обшаривать свои многочисленные карманы. – Ага! – заключил он победоносно и ломанулся к дальнему торгашу, размахивая какой-то потрёпанной бумажкой. – Вот!

– Привет госпоже, – только и ответил торгаш с круглым морщинистым лицом, вручив Луи увесистый белый мешочек.

– Передам! – пацан махнул рукой, развернулся и потопал обратно. Константин начал злиться. Какого они тут ходят?

– Долго ещё?

– А? – пацан непонимающе уставился на него. – Не, щас для Фета горчицы в зёрнышках купим и всё. Не боись ты, капитаном станешь!

– Парень...

– Луи! – упрекнул пацан.

– Луи, – поправился Константин, – ты какого чёрта меня сюда притащил?

– Как какого? Ты же согласился работать на нас.

– На нас это на какого?

– На Небо.

– На какое на хрен небо?

– На Молчаливое!

– Парень, твою мать! Говори нормально.

– Я и говорю. Это ты выпендриваешься! Я вообще тебя от полицейских спас. Мог бы и не спасать. Нужен нам на Небе уголовник.

– Я не уголовник, – мотнул головой Константин. – Я отказался на них работать.

– Тогда что же они за тобой гоняются? – пацан гаденько ухмыльнулся. – За отказы не арестовывают.

– Не знаю, – буркнул Константин и выдал то, о чем говорить не хотелось. Никогда. Никому. Тем более этому Луи. – Я бывший генерал Тирхи.

– Чего? – не понял Луи. – Кирки?

– Молота, – фыркнул Константин. – Тирха – это страна такая.

– А-а. Ты из этих? – Луи ткнул пальцем в потолок.

– Я не священник.

Что за пацан такой?

– Ага, – кивнул Луи. – Из этих. Эмма меня убьёт.

– Что?

– Что?

– Кто такая Эмма?

– Эмма, – чуть ли не с обожанием выдохнул Луи. – Первым встань. И тихо!

Пацан жестом указал Константину идти по правому проулку, а сам пристроился сзади, то ли прячась, то ли чёрт его знает зачем. Повезло ж на такого наткнуться!

– Куда нам дальше? – спросил Константин, когда они отошли достаточно, чтобы напрочь заблудиться в рыночных рядах.

– В насосы, – отстранено сообщил Луи. – Туда. Там рыжего нет?

– Только я.

– Ты не рыжий, – отмахнулся пацан. – Пронесло, кажется – выдохнул Луи. – Сумасшедший день. Надо было на Юж-

ную ехать. Это станция такая, – сообщил он, опережая вопросы. – Как тебе у нас, кстати? Давно прилетел?

– Нет, – ёмко ответил Константин. Луи понимающе заткнулся. – Дальше куда?

– Т-туда, – парень поднял руку, неопределённо указывая куда-то между домов. – Документы д-делать.

«Туда так туда», – отрешенно думал Константин. Рыночный шум постепенно стихал, точно отлив. Людей вокруг стало поменьше и одеты они были приличнее, большинство в комбинезонах, как у Луи, серых, синих, болотно-зелёных – не марких, в общем, новее и чище. Сами они были бледными, но в целом обычными. «Люди как люди, – хотел бы утешить себя герой. – Можно с этой Верной сладить». В прогулке воняло чем-то уже не рыночным, но подозрительно похожим: гнилым и грязным – прокисшая капуста да старое тряпье. Луи шагал быстро и малость подпрыгивал, но шума при этом не создавал, точно резиновый мячик.

Почему его выкинули на этой станции? Она ж мелкая и не центральная? Карта населённого неба кляксой висела перед глазами. Южная вроде побольше будет, там архивы какие-то и медицинский центр. Одно это Константин и успел запомнить. От планов Верны воротило. Сколько бы он ни пытался уместить их голову, планы с Августиновых буклетов не умещались, а как-то наоборот вываливались. Зачем прокуратору этот слизняк? Ничего теперь не оставалось, кроме как крутить башкой по сторонам, да надеется, что будет сносно.

Пацан время от времени порывался открыть рот, но не открыл, хмурой гримасы Константина он явно побаивался.

Всё это, конечно, ни черта неправильно. Отец уж точно б не одобрил. Но полно, пап, тебя тут всё равно нет. Из скромных окошек доносилась обычная такая ругань. От сердца чуть-чуть отлегло. Навстречу выбежал кошка пухлый черный с белым хвостом. Только сейчас Константин заметил, что здания на «станции» были не такими уж бараками, только сейчас начал разглядывать. В этом районе ощущение в целом было не такое гнетущее. Жить? Жить здесь он бы не хотел. А ведь такую судьбу выписал ему прокуратор: служить в полиции, патрулировать тухлые переулки. М-да... Может и хорошо, что сбежал, а? Кто б наперед рассказал.

Луи привел его в какую-то конторку на пятом этаже полужилого-полуслужебного здания. Лифт не работал. Усатый дядька, отгородившись монитором, быстро клацал по клавиатуре, забивая протокол. Паспорт Константина ему понравился, а на письме Августина он тревожно хмыкнул, но ни слова не сказал. Зато пацан болтал за всех жителей обитаемой Верны сразу.

– А ну не улыбайся так! – зудел он Константину в плечо. – Ты ж не на паспорт фотографируешься!

Константин не улыбался. Он был готов треснуть этого Луи и камеру заодно разломать. Боги, боги! Отвратительная планета.

– Готово, – сообщил фотограф. – Можете выдохнуть, гос-

подин-капитан.

К списку потенциально стукнутых добавился ещё и этот. Может, надо было согласиться? Сменил бы форму на вернскую, отправился бы ловить таких Луи. Судя по всему, их здесь что блох на старой собаке.

– Константин Кесаев, – объявил Луи, – глянь как вышло! – он сунул ему под нос толстый планшет, похожий больше на разделочную доску.

– Шикарно, – буркнул Константин. Так плохо он на фотографиях ещё не получался. Такие снимки нужно сжигать, зажмурившись, а не лепить в досье.

– Добро пожаловать в команду Неба.

Неба. «Небо Молчаливое» значилось верхней строкой. Так значит.

– Благодарю, – буркнул Константин. – Можем идти?

– Так точно!

Пацан просто издевается. Издевается и всё.

Они вышли и стало полегче. Константин жадно глотнул станционного воздуха. Осталось простое: Эмме этой понравится, ну тут-то делов! Нравиться Константин умел. Хорошее это качество и очень удобное. Он через силу улыбнулся, а потом понял, что лыбится вполне искренне. А вот пацан напротив как-то помрачнел, даже подбодрить его захотелось, но Константин не стал. Они оказались в парковочном модуле. Луи шлёпнул по сканеру одноразовым пропуском и тяжёлые двери разъехались. Охранник, дремавший по ту сто-

рону, не потрудился и посмотреть на них. Прокураторского корабля уже не было. «И славно, – думал Константин, – нечего душу травить».

– Который наш? – спросил Константин. Выбирать там было особо не из чего: три странные посуды по левую руку и громадина в дальнем углу.

– Тот, – пацан выбрал громадину. Интересно, сколько у них всего человек на борту? И скольких ему дадут в распоряжение?

Корабль огромный – не меньше ста метров в длину упирался боками в купол отсека. «Дирижабль? – удивился Константин. – Они уже лет двести не в ходу. Самолёты быстрее и надёжнее, и меньше, куда меньше», – он думал о сверхзвуковых бомбардировщиках, о...

– Нам вон туда! – Луи обхватил его за плечи, подталкивая к трапу. На крепкий выдвижной прорезиненный мост кто-то кинул красную тряпку, не ковёр даже, а тряпку. Константин недоверчиво наступил на красную дорожку. Он чувствовал себя крайне глупо, внутри дребезжала тревога, и между тем он шёл и мост пружинил под ногами.

«НМ» гласила надпись с другой стороны узкой полукруглой двери. «Небо молчаливое», – догадался Константин. Странное название, но ведь и хуже бывает.

– Дирижабль? – запоздало спросил Константин.

– О, ты знаешь, как это называется! – откликнулся Луи, голос его подрагивал.

– И знаю, почему не используется.

– Круто.

– Они возгораются...

– Ага, – радостно согласился Луи, – Но это те, что с гелием. На Верне проще использовать воздух. Даже в верхних облаках он легче атмосферы.

– Ещё они медленные, – добавил Константин немного обиженно. Откуда пацан столько знает о доисторическом воздухоплаванье?

– Здесь некуда спешить. Пойдём. Если сейчас пойдём, Эмма тебе погадает.

– Погадает?

Что у них за Эмма такая?

– Быстрее!

Пацан буквально запихнул Константина в люк и сам запрыгнул следом.

– Эмм! – крикнул он, что есть силы. – Клиент! Не противься, у тебя ещё десять минут рабочего времени.

Издалека послышалось недовольное бормотание. Возможно, Константин, его выдумал.

– Туда, туда. – Луи подпихивал его по узкому серому коридору, сплошь увешенному гирляндами дурацких рыжих ламп. Света они почти не давали, только расписывали и без того тесное пространство мириадами паучьих теней.

– Тут всегда так темно?

Пахло внутри странно чем-то душно-пряным древесным

и терпким, солнечно-хвойным, от этого во рту горчило.

– Нет, – мотнул головой Луи, – это для сеанса.

– Слушай, объясни по-человечески!

– Мм? – воодушевлённо и совершенно невменяемо промычал Луи.

Света стало больше в коридоре выросла такая же узкая, такая же низкая дверь. Константину пришлось пригнуться, чтобы не приложиться затылком. Это «Небо» строили гномы для гномов. Луи прошёл спокойно, двери не стесняли его. В этом новом помещении пахло ещё сильнее. Было оно немногим больше его домашней ванной: три на два метра. У Константина была шикарная ванная, но здесь он задыхался от тесноты.

– Вот и пришли! – объявил Луи. – Привет, Эмм!

– Привет, – отозвалась женщина за столом. Константин её не сразу заметил. Она сидела тихо-тихо в углу на коричневом едва ли кожаном диване, замотанная в цветастые тряпки. К потолку от её стола поднимался тонкий синеватый дымок. На самом столе, покрытом чёрной скатертью, лежали карты, хренова туча карт, валялись ведьмовские безделушки: полупрозрачный кубик, стеклянные бусы, сухие веточки еловые. Или нет? Можжевеловые! Точно, можжевеловые и пахло здесь можжевельником.

– И вам добрый день! – отозвалась гадалка. Всего-то гадалка, но популярная, раз все о ней на рынке знают. – Присаживайтесь.

Луи плюхнулся на край дивана подальше от неё, чтобы не мешать, но посматривать.

– Спасибо. – Константин сел на «клиентский» стул. Гадалка принялась тасовать карты. Свет падал странно, золотил её тонкие пальцы, а лицо оставалось в тени. Но отсюда Константин мог разглядеть больше. Гадалка, замотанная в пестрые шали, чуть ли не по подбородок, была гораздо моложе, чем ему показалось. Длинные темные волосы она собрала в неопрятный пучок на макушке, и там, точно в гнезде, поблескивал металлический гребень. На запястьях звенели браслеты, на пальцах перстни. Огромные темно-карие глаза и совершенно безучастный взгляд.

– Ваш запрос?.. – поинтересовалась гадалка. Волосы, спадающие на лицо, казалось, вовсе ей не мешали. Константин понял, что молчит уже слишком долго.

– Запрос?

Запросы это в госструктуры.

– Что вас гложет? – спросила она, и Константин сглотнул. – Если тяжело, можете не говорить, но так мне было бы легче работать.

«Работать, – подумал он с усмешкой, – она называет шарлатанство работой!».

– Деловое или личное, семейное? – продолжала ведьма. – Успех, здоровье, любовь? – она перечислила, а Константин не понимал ни слова. Её голос и терпкий можжевеловый запах, мерцание маленьких ламп, развешенных под потолком,

дурманили похлеще односолодового виски, но виски так и не случилось, а ведьма вот напротив хитро поглядывает в его сторону.

– Успех, милая.

Гадалка как-то странно зыркнула на него. «Милая» ей что ли не понравилась?

– Выбирайте три карты.

– Эту, ту и...

Двери клацнули, по коридору загремели шаги.

– Вовремя, – холодно процедила гадалка. – Луи, документы. Прощу прощения, господин.

– Да пустяки! – улыбнулся Константин.

«Вот чёрт!» – подумал Константин, когда в тёмный залчик постучалась пара патрульных: один повыше и потолще, второй щуплый, рыжий и ростом едва ли с пацана.

– Добрый вечер, госпожа! – низенький вышел вперёд.

– Добрый, – отозвалась гадалка. – У меня сеанс.

– Мои извинения, – он наклонил голову не то чтобы уважительно, но почти. – Мы не займём вас надолго.

Они не за Константином! Уже хорошо.

– Дайте мне закончить, – она стала говорить ещё тише, но твёрже, точно специально заставляя людей прислушиваться. – У меня работа.

– А у меня приказ. Простите. Тимур? – он хлопнул по плечу напарника.

– Госпожа, – кивнул ей патрульный, хитро щурясь, – до-

кументы.

– Луи? – Эмма совершенно спокойно, томительно медленно повернулся пацану. Каждым жестом она всё больше и больше напоминала Константину птицу.

Пацан расстегнул жилет и вынул из внутреннего кармана на удивление не измявшуюся папку с документами и передал её Эмме. Патрульный вытянул руку. Эмма небрежно провела пальцами по корешку, точно заклиная, и отдала.

– Спасибо.

Она пожала плечами, мол в чём вопрос. Патрульный завис.

– Ну как, господин, вас всё устраивает?

– Мм... – протянул патрульный. – Вы Кесаев? – спросил он у спины Константина.

– Я, – согласился тот.

– Ха... хм. Ну добро пожаловать на Верну, капитан! – патрульный сообразил повернуться и протянул Константину хрупкую кисть.

– Благодарю! – отрапортовал тот.

– Правильный выбор, госпожа Эмма, – патрульный улыбнулся гадалке. – У моего ведомства нет к вам вопросов. Пока... Ну сами знаете. Пришлите нам копию вот этого, – он потряхнул листком, – и будет совсем здорово.

– Благодарю, господин, – гадалка тоже улыбнулась. – Думаю, Луи уже направил к вам заявление, так?

– Так! – отозвался пацан.

– Хорошо-хорошо, – закивал патрульный. – Так бы сразу, госпожа. Так бы сразу!

– Ну не каждый день к нам капитаны с небес падают, – ещё нежнее улыбнулась Эмма, что-то в её взгляде мелькнуло страшное как гроза, росчерк молнии посреди темноты.

– И то верно, – согласился патрульный.

– Верно, – подхватил его доселе молчащий напарник.

– Вас проводить? – она привстала.

– Не стоит, – улыбнулся первый.

– Хорошо, – она кивнула, она села обратно и совершенно холодно процедила: – дверь закройте за собой.

– Разумеется!

– Всего вам доброго! – Луи помахал им с диванчика. На том можно было б закончить. Можно выдохнуть. Чая попросить. Константин, кстати говоря, жутко хотел есть.

Пацан медленно опустил руку, пацан замер, перестал дышать, ссутулился. Константин не понимаяще глянул на него. Подавился? Приступ? Он астматик, эпилептик? Где-то в глубине клацнул люк. Кто-то третий объявил по радиии: «Взлетаем через пять минут. Двери в положении...».

Гадалка принялась шарить рукой по дивану, наконец, нащупала передатчик и мертвецки-тихим голосом выдавила: «Да». Парень насторожено поддался в её сторону, передатчик упал на диван.

– Луи, что это? – она вспорхнула точно орлица.

– Капитан.

– Какой ко всем чертям капитан?

– Мы же решили...

– Мы решили, что ты добудешь документы. Документы, Луи. Доверенность от капитанского совета на имя Фета или на моё.

– Он военный!

– А я физик. И что с того? Здесь Верна, а не Полис. Или откуда там его сослали.

– Тирха, – вставил Константин, четко осознавая, что вмешиваться сейчас не стоит.

– Плевать, – отрезала гадалка.

– Ну, Эмм! – взмолился парень. – Ты говорила, что не будешь сильно против, если я приведу...

– Кота, – процедила гадалка.

– Такого не помню, – дерзнул мальчишка. – Ты говорила... Ну если и так, чем он хуже животного?

– Он не животное, Луи! – выплеснула руками гадалка. – Я говорила о кошках, о крысах. Боги! Мне не нужны капитаны, бездомные, домашние – плевать. Мне вас, о духи, много!

– Вас трое, да? – подал голос Константин.

Гадалка фыркнула, что можно было счесть за «да, дубина, не донимай меня».

– Но он..., – Луи не подобрал слова, но наклонил голову смутившись. Он почему-то знал, всё выйдет мирно. В противном случае она просто выгнала их, нашла бы как.

– А как там доктор? – сощурилась гадалка. Ох, если бы

железо плавилось от взглядов, ни капельки бы не осталось от корабля и Константина.

Луи съежился и отшагнул к стене.

– Скажи, ему о нашем госте, – попросила она. И пять-ся захотелось новопровозглашённому капитану. – Фет будет рад.

Чутьё подсказывало Константину, что от радости Фета спастись будет непросто.

– Да, Эмм, – промямлил пацан.

Молчать дальше было не разумно.

– Я Константин, – вступил капитан.

– Очень приятно, – сухо ответила гадалка, поглядывая, как напуганный Луи плетётся по коридору.– Эмма, – она вытянула из-под балахона тонкую белую кисть, совершенно мраморную, подумалось Константину. И посему он беззастенчиво схватил её, и дёрнул девушку в объятия.

– И мне!

Наощупь она оказалась ещё тоньше, костлявее и лохматее, чем на вид. Она дрожала, там в глубине своих цветастых балахонов. Она дразняще дерзко пахла терпким можжевельником. Она почти приобняла в ответ.

– Личные границы, – сообщила гадалка, выворачиваясь из объятий.– Не делай так больше.

– Прости, – вполне искренне попросил Константин.

– Не люблю, – она дернула плечами, точно стряхивая эти глупые объятия, – когда незнакомцы меня касаются.

– Понял, – он слукавил, не сильно, он попытается понять.

– Неужто?

«Взлетаем!» – объявил третий голос. Корабль трянуло.

Глава 2

вор, гадалка, доктор Фет

I

Ведьма встала, оправила юбку, на Константина и не глянула, она вообще старалась не смотреть ему в глаза. Принялась молча собирать свечи: одну задула, вторую, третью, свечи были толстые, чёрные и оплывшие, ведьма явно их берегла, других похоже не было. «А может и были», – одёрнул себя Константин, он вообще ни черта не понимал, что тут твориться, Луи ещё этот! Заварил этот бред и свалил. Зажав свечи подмышкой, ведьма отправилась рыться в шкафчике над диваном. Нужно было что-то сказать, а может встать и помочь: подать тот шар и пучок благовоний.

– Не трогай карты, – шикнула она, не оборачиваясь, и тут же оказалась у стола в обнимку с чёрным сундучком. – Они живут здесь.

Щёлкнул замок. Ведьма откинула крышку. Внутри на серебристом бархате лежал мешочек из чёрной холстины и тонкая книжка, не больше блокнота. Вещь то была совершенно колдовская и точно не здешняя.

– Прости, – прошептал Константин. – А почему нельзя?
– Работать не будут.
– Правда? – Константин улыбнулся. – И ты в это веришь?
– Я? – она тоже улыбнулась, но не приветливо, а как-то едко. – Местные верят, что всё это, – она стукнула ногтем по

крышке, – магия. Мы с Луи эту веру продаём.

– Жестоко. Тебе не кажется? – спросил Константин.

– Кажется, – она равнодушно кивнула. – И что теперь?

Подай лаванду.

– А?

– Вон тот пучок, – она взмахнула рукой, взметнулась тёмная ткань. – С краю.

Константин беспомощно оглядел стол.

– Не важно, – ведьма нашла быстрее. Нашла и сунула жухлый пучок в белый мешок побольше. Кажется, на нём была вышивка, кажется, веточка светло-сиреневых – лавандовых цветов.

«Ну, конечно», – подумал Константин. Что-то подобное он видел на бутылках с сиропом. Мешок тоже отправился в верхний шкаф. Стол опустел и стал похож на стол. На обычный, в смысле. Не то прямоугольный, не то почти овальный с закруглёнными краями, толстыми металлическими ножками и бежевой псевдодеревянной столешницей. Чёрная скатерть тоже отправилась в ящик. Всё колдовское отправилось в ящик. Сеанс закончен. За эти свечи ты, капитан поддельный, не заплатил, вот поддельная ведьма и не стала тебе гадать. Хотя какая она поддельная? Ведьма осталась ведьмой.

– Так и будешь тут торчать, капитан? – протянула она едко. Будто ему было куда идти!

– Хотел с тобой объясниться, – он глубоко вздохнул. Ну что за дело? Волнуется как на экзамене. Нет, на экзамены

довольно быстро стало плевать. Как перед отцом. Константин откинул со лба отросшие волосы, с непривычки они его знатно бесили. – Я право не думал, – протянул он учтиво. Учтиво? Тоже ещё! Что в этой псевдоведьме такого важно-го? – Не думал, что будет... что Луи.

– Ты правда не думал, – хмыкнула она. – Вижу.

– Давай познакомимся, Эмма? Раз мы теперь на одном корабле?

Она взглянула на Константина крайне мрачно и снова отвернулась к шкафу. Хотя на столе больше ничего не было. Нечего убирать. Нечем занять руки.

– Я генералом был Тирхской армии. А ты? Ты не отсюда, так?

«Добрый день! Господа и дамы! С вами “Последняя буря утренней станции!”».

– Выключи, пожалуйста. – Эмма наконец отошла от шкафа. – Радио, – подсказала она устало. А сама направилась к двери. Неужели уйдёт вот так просто? Ведьма чёртова. Он же как лучше хочет! Будто ему это нравится? Быть не понятно на кем на каком-то странном корабле, у которого явно беды с законом, а у его «обитателей» – с башкой. И будто ему в радость объявлять всем и каждому: привет, я был генералом, героем Тирхи, а теперь я никто, до одури приятно познакомиться.

Радио нашлось куда быстрее. «Дурацкая лаванда, – думал Константин. – Чокнутая ведьма». Эмма тем временем сде-

лала что-то с выключателями и в комнате сделалось светло, заработала вентиляция и под потолком загорелись плоские экраны с изображением облаков. Почти что окна. Но окон у корабля не было.

– Я не люблю говорить о себе, – ведьма повернулась к экрану, на котором так нелепо и бахвально красовались свинцовые вихри. Корабль несло в скоплении грозových облаков. Мальчонке за штурвалом придётся несладко. Ведьма, повела затёкшими плечами. – Тебе не понять, – она усмехнулась: такого трепло как этот надо ещё поискать.

– Напротив, – Константин выдал ей лучшую улыбку, выдал со скрипом. Он бы предпочёл за штурвалом стоять. – Я хочу узнать тебя. Застряли мы, по-видимому, надолго, – он снова попытался улыбнуться, но сей раз вышла гримаса. А впрочем, какая разница? Ведьма всё равно не смотрит! – Значит надо как-то уживаться.

– Ты это откуда выучил? – спросила ведьма, но судя по тону ей было начхать. Долетят до ближайшей станции и выгонят его, а как обойти законника ведьма придумает. Ведьмы не пропадут. Ведьмы падают с метлы и встают. А героев лишних гонят взащей.

– Ниоткуда, – фыркнул Константин. – Я так думаю.

– Ну слушай, герой, – её голос сделался насмешливым и даже злым, да она попросту издевалась над его капитанским высочеством, его павшем величеством!

– Если тебе сложно, хочешь, я первый про себя расскажу?

Она покачала головой.

– Да плевать мне, если честно. Доберёмся к Южной, выправим документы и ссадим тебя, капитан.

Примерно это Константин и думал услышать.

– Справедливо, – буркнул он в пол.

Ни капельки не справедливо! Она даже не хочет попробовать, попробовать узнать его! Себе же хуже делает. Три человека на такой машине и без капитана, да им рук не хватает, а она гонит. Пусть не капитаном, пусть пилотом возьмёт. Ведьма, воришка и доктор. Да как они не разбились ещё?

– Рада, что ты понимаешь. Луи сглупил.

Она скидывала шаль за шалью, и на столе росло цветастое гнездо, а когда шали закончились, принялась за кольца. Сорочье гнездо.

– Ты накажешь его?

– А смысл? – пожала плечами. Под шалью она была одета в простую чёрную футболку, широкую точно парус, короткие рукава закрывали локти. Эмма оглядела свои руки и тотчас спрятала их под стол. Он не успел рассмотреть, но кажется, на правой у неё было вытатуировано нечто крылатое, а на левой – красные цветы. Странная ведьма. На Тирхе женщины таким не увлекались.

– Ты здесь главная?

– У нас демократия. Ладно, о боги... Хочешь чай? – Эмма поднялась, всё так же пряча руки в складках огромной юбки.

«А она ниже, чем кажется», – подумал Константин. Так

обычно думают о музыкантах, эффект сцены. Сцена и голос всегда придают значимости и роста. Похоже с ведьмами работает так же.

– Чёрный с двумя ложками сахара, – попросил Константин, едва ли не вставив что-то про рост и сцену, хрен её знает, как отреагирует. А чай – идея хорошая.

– Ого, – хмыкнула ведьма. – Сахара нет. Ложки грязные. Ничего не попишешь, мы не генералитет. А чай там, – она махнула в сторону шкафчика и пошла к чайнику.

– Эмма?

– Ну спрашивай, что ты там хочешь...

«Невеселое начало», – подумал Константин. Дома он с такими ведьмами дел не водил. Она странная, не чудная, не забавная, а именно странная.

– Ты не отсюда и похоже...

– Я из Нового мира. Это далеко. Другая солнечная система.

Константин обомлел.

– В смысле другая?

– Если о чем-то забыть, оно не исчезнет, капитан, – протянула она едко. – Старый мир позабыл о нас. Мы были когда-то, как Верна, колонией.

– Эм...

– Ладно, давай я сама расскажу. Быстрее будет. – Она упала на диванчик и, подтянув к себе чашку, сказала: – Это корабль моей научной группы. Мы прилетели сюда исследо-

вать, как бы покороче? – она поморщилась, – Предположим, климат. Климат Верны. Чуть меньше года назад. На другом корабле. Здесь его нет. Сбежать обратно в твой славный мир не удастся.

– Я и не думал.

– Потом подумал бы.

Чего она умничает?

– Зачем мне улетать?

– Чтобы вернуться. Ты ж ссыльный. Людвиг ловит таких.

– Кто? – не понял Константин. Людвиг. Боже, что у них за имена такие? И что за порядки?

– Неважно, – отмахнулась ведьма. – Я поняла, потому что поняла. Дальше. Дальше, – она выпила и поморщилась. – Горячо. Дальше мы работали, а потом мои коллеги заболели, климат не курортный. Миссию решили свернуть. Многие захотели остаться, и деньги к тому же по гранту отрабатывать надо.

– Ты осталась? – спросил Константин с сомнением. Гадалка, пацан этот и некий Фет плохо вписываются в понятие «много», хуже только в «научную группу».

– Мм... – протянула гадалка, – не совсем. Моему учителю стало сильно хуже. Мы бы не смогли перевести его через звёзды.

– Он умер? – угадал Константин. Ведьма быстро кивнула, её белое лицо сделалось ещё бледнее. «Жуть», – подумал Константин. – И они улетели, а ты осталась с ним?

– Нет. И не жалея меня. А когда мой учитель умирал, я убежала бить татуировку. Эту, – она медленно-медленно точно кукла шарнирная подняла левую руку. – Красивая? Мне вот очень нравится, – поиграла пальцами и тут же спрятала руку под стол. – Верна то ещё местечко. Скоро сам почувствуешь, *капитан*.

– Прости. – Ничего другого на ум не приходило. Ведьма отвернулась. Что ей его слова? – Думаешь, я не смогу быть капитаном? Не справлюсь?

– Думаю, ты здесь ни к месту. Думаю Луи... – она вздохнула.

– Я был генералом. Я умею управляться с самолётами и с дирижаблем смогу. Я вообще-то...

– Мальчик, – прыснула ведьма.

«Мальчик!» – вспыхнул Константин, но вслух возразить не успел.

– Ты был символом. Посмотри на себя, – она вытянула руку, всей ладонью указывая то ли на него, то ли на стену. А рука такая тонкая и белая, точно бескровная, точно лист бумаги, а не живая плоть и вся в татуировках. Жуть. – Ты такой красивый. Высокий вон, кудрявый, плечи широкие. Такого хорошо на фоне флага снимать. – Под её взглядом он, напротив, чувствовал себя маленьким и бестолковым. Ведьма медленно опустила руку. – Тебя использовали и вышвырнули. Это же Тирха. – Морщится. Глумится. Ведьма, чёртова. – В двадцать лет не становятся во главе армии.

– Но... – начал было герой героев. Ему вообще-то почти двадцать пять. Да хоть сто двадцать пять! Будто это её переубедит.

– Ну? – хмыкнула она, глумливо скалясь.

– Ведьма, – бросил Константин и встал, так и не притрунувшись к чаю.

II

– Привет, док! – Луи медленно-медленно, точно кот, крался в рубку. Доктор, ссутулившись, сидел в пилотском кресле. Оборачиваться он не спешил. И Луи даже хватило времени чтобы выдохнуть и вдохнуть, и споткнуться о открытый люк, и замереть в шаге от кресла, в полуметре от докторской макушки. Сколько же усилий ему понадобилось, чтобы не сорваться с места, не сбежать, не запереться в собственной каюте и руку не тянуть к докторским дредам, собранным в плотный пучок на затылке, так и хочется...

– Ну и зачем, расскажи мне, ты это сделал, а Луис?

Кресло повернулось, и доктор уставился на него, благо, сегодня он был в очках, так чуть легче. Чуть-чуть совсем. Совсем.

Луи вздрогнул, Луи отшатнулся, Луи открыл рот, вздохнул и глянул на Фета так виновато, как только мог. Казаться невинным, казаться маленьким, казаться... Казаться Луи умел. Но Фет всё видел и чуял ложь, не хуже ловчей.

– Затем, – надулся Луи. – Затем, что нам нужен капитан. А ему был нужен корабль. И он спас меня от... – Об этом упоминать не хотелось, об этом... Фет разозлится. И Эмма просила не говорить ему о *делах*. Не рассказывать, что он по старой памяти покупает и перепродаёт кое-какие товары.

Что среди ящиков с картошкой от станции к станции Небо возит контрабанду.

– Боже триединый! – вздохнул Фет. – Что с тобой опять приключилось? Законники? – Он встал. Корабль шёл ровно, Луи успел это отметить, пока отворачивался, пока смотрел вскользь доктора плеча на мелькающие дисплеи...

– Нет, придурок какой-то, – понурился Луи. – А Константин!.. – он сглотнул. Ведь доктор вдруг поднял руку, вдруг взял его за подбородок, заставляя смотреть вверх.

– Нос вроде цел, – Фет хмыкнул. – Голова не кружиться? Огрести не успел?

– Нет.

Прохладные докторские пальцы легонько погладили его по щеке. И Луи замер. Луи замер. Замер. Только бы не спугнуть. Но Фет отпустил его так же быстро, так же мягко и снова сел и повернулся полубоком, чтобы всё-таки видеть дисплеи.

– И хорошо. Боже, – покачал головой доктор. – Боже. В следующий раз одного не пущу, – проворчал он.

– Вот ещё! – возмутился Луи. И стало славно, стало тепло-тепло. И доктор, доктор кажется смотрел на него если не с нежностью, то почти. Может представить, что так. Можно ведь? Можно? – А капитан, – начал он, чтобы не думать. Если ведь думать, можно такое надумать. Это можно. Луи вздохнул. – Капитан, он хороший. Правда, Фет. Он был военным в том мире, – Луи указал пальцем на потолок. – И

сказал, что умеет летать. И так нам не пришлось врать и платить за документы. Ну почти... – Кое-что за документы Луи отдал заранее, иначе бы просто их и зарегистрировать не стали, да и процесс черт знает на сколько бы растянулся. – И платить ему не нужно.

– Как ты это провернул? – не понял доктор.

– Он и не спрашивал о плате. Ему нужно было укрыться от законников. Нет, он не беглый! Не беглый! Он просто отказался служить.

– Ещё лучше, – вздохнул доктор. – Ещё лучше.

– Но Эмме правда нужна помощь. И нам нужна. А ему мы нужны. Фет! Меня же приняли! Приняли. Вы... вы... И не бурчи. Ты добрый.

– Добрый. Добрее некуда.

– Ну Фет!

– Чёрт с тобой, – смягчился доктор, – Привел, значит привел. А лишние руки нам действительно не помешают. Не улыбайся так. Эмма тебе ещё вставит. Или уже? – Фет усмехнулся. Но этого Луи уже не боялся. Эмма добрая, он-то знает, и раз доктор на его стороне, значит утрясётся. Значит, всё будет хорошо. – Подменишь меня? – спросил доктор. Луи кивнул. – Хочу на нового капитана посмотреть. Как зовут?

– Константин.

– Константин, – повторил Фет. – Константин. Ладно. С остальным-то разобрался?

– Да! – объявил он с гордостью. Доктор кивнул, уступая

ему кресло. А что если... может сейчас?.. – Фет? – позвал Луи. Может, сейчас пока доктор спокоен и смотрит так слав-но, так тепло смотрит, пока на узких губах полуулыбка, а на лбу нет морщинок; может сейчас они, наконец...

– Ну? – Фет поднял бровь, нахмурился и губы сжались в бледную линию.

Нет, Луи не осмелиться. Не сейчас. Луи глупо помотал головой.

III

Что она знает? Ничего. Вот именно. Сама не местная, то есть не с Тирхи. Из нового мира какого-то. Учёная. Тоже ещё. Учёная! Куда уж там! Картишки за деньги раскладывает, людей дурит, да ещё сама охотно в том признаётся. На кой чёрт было идти с этим Луи? «И пиво моё осталось не выпитым», – с особой досадой припомнил Константин. «Ну и где этот Луи?» – рыкнул он в коридор, несколько не ожидая ответа. Его и не последовало. Что делают капитаны в таком случае? Капитаны... Ему и каюты не выделили. Найти пацана казалось выходом, пусть объясняется, извиняется, предлагает. Зачем-то он же устроил этот капитанский шантаж, значит пусть и думает, что делать дальше. Константину очень не нравилась эту ситуация, она его откровенно бесила. Сначала сбежал из участка, потом влип в это, теперь полагайся на малолетнего идиота и ведьмину милость, а с собой ни оружия, ни хрена, одна шинель, чёрт бы её драл. На дирижабле шинель, конечно, вещь первой необходимости, но, если его и в правду вышибут на станции, можно будет первое время на ней спать и ей же укрываться как в походе, как бомжи. Последнее сравнение разозлило его больше. Неужели он это заслужил? Видимо, заслужил.

В зале суда удушливо пахло краской и растворителем, ед-

кой дрянью. Однажды садовник заставил Константина ещё ребёнком оттирать рисунки с забора. Он ободрал костяшки и очень саднило, и сильно воняло. Ему было десять или двенадцать. Отец ничего не сказал. Не сказал, когда увидел разрисованный забор, ругань садовника пропустил, точно не было такого. На этаже перекрашивали стены. У Константина кружилась голова. Он ко многому был привычен, но тут ему почему-то сделалось худо. Судейская мантия казалась лужей опрокинутых на белый мрамор чернил. Под одеждой прикрытое парадным камзолом ныло плечо, перештопанное накануне. На скуле полоска пластыря. А так всё хорошо. Бывало хуже. Ох, хуже бывало! Ерунда.

– Кесаев Константин, вы признаёте...

– Признаю, – согласился Константин, защищаться не осталось сил. Отпираться незачем. Проиграл. Проиграл? Разве это была игра? Война. С живыми людьми.

Судья кивнул. Судьи кивают? Всё было невозможным, неправдивым и дымчатым, размытые люди, растворённые в зале суда. Этого не было вовсе? Это был сон.

– Вы приговариваетесь...

Нет, между этими и теми словами был перерыв. Суд прерывается на оглашение... на совещание. Куда там он прерывался. Его выводили из зала. Ему принесли стаканчик водички. Стаканчик водички. У Августина не бывает стаканов, только стаканчики. Только поменьше, не подешевле – поменьше, меньше, мельче.

– ... к ссылке, – закончил судья и хлопнул молоточком, по тому, по чему судьи хлопают молоточком. И весь зал объял глухой деревянный безнадежный тук. Тук. Тук в ушах, за барабанными перегородками тук, всюду тук, под кожей тоже. Тук рвётся наружу. Тук. Вырвался. Тук. – К ссылке.

Не расстрел значит. Герой предпочёл бы игристое и пулю в висок.

– Тук, – закончил судья.

– Тук, – понурился Константин.

Константин мотнул головой, не отпустило. Разве проигравших героев судят? Или проиграв, ты уже не герой, а просто человек, даже если имя у тебя отцовское и нос его, а вот ум ни на что не годен.

Константин так бы и шагал дальше, но чья-то тень перегородила проход. У тени были длинные ноги, обутые в мягкие кожаные ботинки, похожие на шкуру рыжего крокодила. Дальше к ногам крепилось тело на удивление длинное и худое с острым лицом и пучком неопределённо светлых волос, заплетённых в тонкие дреды, аккуратно собранные на затылке. Это видимо и есть тот самый доктор, к которому эта ведьма послала Луи. «Ведьма», – в который раз выругался Константин.

– Добрый день! – подал голос предполагаемый доктор. На доктора он походил мало. По крайней мере до этого Константин не видел докторов с дредами. – Вы, как я понимаю, наш новый капитан?

– Да! – с вызовом бросил разжалованный герой. – Константин Кесаев, – представился он куда бодрее.

– Фет, – кратко сообщил доктор, предлагая ладонь для рукопожатия. – Будем знакомы.

– Будем.

Ладонь у него была крепкая и сухая.

– Вас Эмма разозлила? – с улыбкой спросил доктор Фет.

– Неважно, – отмахнулся Константин.

– Отнюдь, – вступил доктор. Вот прилипала. Шёл бы куда шёл, но он же скорее всего к Константину и шёл. – Ха. Обычно это от меня все к Эмме жаловаться бегут.

– А вы?..

– А я смотрю за порядком, – представился Фет. «Этим ли занимаются врачи?» – подумалось Константину. Доктор тем временем продолжал: – Следуйте правилам, и мы подружимся, – он и в правду несколько походил на судью.

– Вы на моей стороне?! – Константин был готов выдохнуть, да что там! Он был готов обнять это длинного сурового доктора. Хотя какой же он суровый? А правила? Ну дайте сюда эти ваши правила, он выучит их лучше всех.

– Я на стороне... – задумался доктор. – Не выкидывать же вас за борт в серные облака? Сами подумайте. К чёрту, – он потёр нос под очками. Да, он носил очки, а под очками славные серо-зелёные глаза. – Пойдёмте, я покажу вашу каюту.

– Спасибо. – «Хоть кто-то!» – подумал Константин с досадой, но грубить доктору не стал:

– Я несколько растерялся. – Несколько! – Луи, – Константин изо всех старался не выдавать своё раздражение, незачем ещё и с доктором отношения портить, – привёл меня к ведьме... к Эмме и ушёл. Было бы славно увидеть весь корабль.

– Славно, – повторил за ним доктор. – Это более чем на него похоже. Тогда мне стоит показать и всё остальное. – Доктор улыбнулся. Константин благодарно кивнул. – До Южной неделя лёту, – продолжил доктор, – Это ближайшая к нам станция, – пояснил он, подмечая реакцию Константина. – Обычно мы задерживаемся в «пролётах». У Эммы есть определённый план. Ближайшая остановка не меньше, чем через десять дней, а значит, придётся нам уживаться.

– Я буду полезен. Я военный.

– А Эмма физик, – продолжил он хлёстко, в точности повторяя её слова, – на Верне это не играет роли, – с одной лишь разницей: ведьма грубила, а он объяснял. – Здесь нужно следить за машинами и по возможности не попадать в грозу. С машинного и начнём, капитан.

Корабль внутри, как и снаружи, походил на толстую вытянутую рыбу, разбитый на две с половиной палубы и воздушный отсек он был необычайно тесен при общей своей огромности и это как-то путало. С пространственным мышлением у Константина всегда было неплохо, но тут складывалось впечатление, что дурацкий докторский чертёж над ним посмеивается. На нижнем ярусе располагались обещанное ма-

шинное, грузовой отсек и два выхода в открытое небо: грузовой и пассажирский. Над пассажирским – рубка, над – грузовым лаборатории, под которые отводилось больше всего места; посередине – каюты. Из рубки можно было подняться в воздушный отсек, в тот самый половинный ярус, как называл его доктор.

Тирха потеряла залив. Тысячи гражданских стали подданными другого режима. Ссылка — не слишком ли мягко? Чем он заслужил такую лояльность? Если бы он не был Кесаев, если бы ему не было двадцать четыре... Но почему всё-таки Верна?

По новостям нескончаемым хаусом, тугим потоком цветного ада лилось страшное и патриотичное. То ли парад, то ли траур.

Он зажмурился. Потёр виски.

– Что призадумался, капитан?

– Да так, – пожал плечами Константин, – о прошлом.

Простил бы его отец, коли остался жив? Стал бы просить за него? Они бы могли сделать его не выездным, запереть в поместье. Что лучше, а? Там или здесь? Доктор ждал, выжидающе посматривал в его сторону. Вор, гадалка и доктор Фет.

– А-а, – протянул Константин, – Фет это как сыр?

Боги добрые, ну и зачем он это сказал? Доктор подозрительно нахмурился.

– Нет, – отрезал он. – Сыр как-то по-другому. И ты не

первый, кто так шутит.

– Жаль, – улыбнулся Константин.

– Ты есть, кстати, не хочешь?

– Хочу.

– Тогда пойдём смотреть буфет. – Доктор развернулся как по команде «направо!». – Эмма должна была уже уйти, – он ухмыльнулся, так взрослые ухмыляются перед детьми. – В буфете ты уже был.

– Кухня там же?

– Кухня ниже. Там только чайник. Готовим по очереди. Я принесу расписание смен. Смена в машинном, в рубке, на кухне, уборка. Нас мало, поэтому делаем всё и по очереди.

– Понял.

– И молодец, – доктор хлопнул его по плечу.

– А... Ты доктор, Эмма физик, – Физик. Девка с картами. Физик! – Луи получается тоже из ученых?

– Луи? – приснул доктор. – Луи вор. Он к Эмме пристал на Южной, кажется. Вообще чёрт его знает откуда он. Говорит, чуть ли на всех станциях обитаемых небес успел пожить. Ребёнком побирался, стал постарше начал воровать, сначала по мелочи: еду, тряпки всякие, чтоб не помереть. Мог бы в полицию пойти, там бы его устроили.

– Устроили? – хотел было возмутиться Константин, но доктор так на него зыркнул, что все хотенья расхотелись сами собой.

– Ты либо человек в системе...

– Либо не человек? – Константин усмехнулся. – Я по твоей логике уже не человек.

– Ты капитан.

– Капитан? – Константину стало горько и глупо. – Ты это Эмме скажи.

– Я с ней поговорю, – совершенно серьёзно пообещал доктор. «Ну пусть попробует», – подумалось Константину. Боги сколько безнадёжности в одной планетке!

– Ладно, а ты как сюда попал?

– Я врач. Прилетел на вызов. Я этим зарабатываю. Спасти господина не смог, а потом, когда все случилось, когда... Я даже сам не понял как, но я остался с Эммой. Ей нужен был человек, знающий небеса, да и одной управлять кораблём – гиблое дело. Мы, знаешь ли, быстро сошлись, хотя я с людьми плохо лажу, и Эмма неважно, может поэтому? А ты, расскажи, как к нам попал.

– Я? Я... – Константин открыл рот и почувствовал такую глухую черноту, что, о боги, безлунная ночь светлее, в подвале без фонарика светлее, ни слова не сказать. – Меня, – боги, а стыдно! Отмыться хочется, соскрести с себя этот позор. Герой героев! – Меня сослали. Я... – Ну давай, чего боишься, генерал! Рассказывай о своем провале! Стыдно что ли? Ох, стыдно ему! А люди умирали, за тебя умирали. Тогда стыдно не было? Им страшно не было? – Я был генералом Тирхи, и я проиграл, – выдавил Константин. – По моей вине мы потеряли залив и кучу людей, – Константин знал

точную цифру, знал сколько раненных, знал сколько... – меня сослали на Верну. Я должен был работать в полиции на той станции, но я ушёл. В бар, – добавил Константин. Казалось, внутри у него ничего не осталось сплошная гадливая горечь. – А там какой-то бугай бил пацана. Ну я и спас идиота! – хвастливо добавил Константин. Ему так не хотелось, чтобы кто ещё, чтобы доктор увидел эту чёрную дрянь, плещущую у него в груди. – Ха, – добавил он, и стало совсем тухло. Ха-ха, герой. Ха.

– И часто ты так спасаешь идиотов? – доктор хлопнул банку на стол.

Чем-то этот доктор на ведьму похож.

– Только по вторникам, – улыбнулся Константин. Губы свело.

– На Верне сегодня суббота. День гостей. Это, если тебе интересно, когда станции принимают свободные корабли.

– Они точно всё заранее рассчитали! – возмутился Константин. Неужели действительно рассчитали? По дням. И корабль же для межзвёздных перелётов где-то надыбали, и пилотишку этого ветхого из чулана вытрясли! Добрый дядя прокуратор.

IV

Небо редко заглядывало в Портовую: Эмма эту станцию не любила. Хотя с чего бы? Станция и станция, поменьше Южной и Громовержца, но не в размерах дело. Здесь было слишком много от... Память услужливо рисовала ангар с НМ-1, и совладать с тем Эмма не могла. НМ-1 давно отчалил, а она всё равно пришла смотреть на светлый абрис, оставшийся на его месте. Корабли на Верну прилетали нечасто, ангары пустовали годами. А вот сегодня кого-то принесло на маленьком имперском ходунке. Ходунками звали кораблики, способные на быстрые межпланетные перелёты в пределах одной солнечной системы. «Из Старого мира?» – подумалось Эмме. Впрочем, в ангарах она искала не память, а мастера. Даже самому новому кораблю время от времени требуется ремонт. Небу шёл второй год. Для Вернских дирижаблей это не срок, если конечно они не встретились с бурей.

Мастер оказался сволочью. Но Эмма предпочла не думать о нём. Она убежала к себе, вскорости переделалась, подвела глаза чёрным, выбелила и без того бледное лицо, закрывая темные круги, нацепила браслеты и перестала быть Эммой и вышла к клиентам, расставила свечи, камни и пучки благовоний, вынула карты. Люди как-то находили её, искали не то совета, не то спасения, не кого-то, кто мог рассказать им о

них самих. Эмме нужны были деньги: на содержания корабля, на еду и лекарские запасы Фета уходило не мало.

Она не любила быть среди людей, сколько себя помнила. Люди хорошие, раз за разом повторяла, тщетно пытаясь в это поверить, но выходило плохо. В хорошие дни почти получалось, в обычные – хотелось закрыться в лаборатории, чтобы никого рядом, никого. Но людям наплевать. Они вот они. Ходят и смеются, живут вроде как. Кричат, храпят. Если бы она была настоящей ведьмой, поселилась бы в башне в самом густом лесу, где никого, никого. Но за это не платят, а за карты платят.

В перерыве припёрся мастер. Растянул губы, прикрытые жиденькой щёткой усов.

И всё закончилось. И снова потекли люди. И снова карты. От жжёного можжевельника щипало глаза. Но день заканчивался, и Фет готовил Небо к отплытию. Как правильно назвать отбытие летающего корабля? Луи отчитался, что с документами всё сделано. «Проблемой меньше», – думала Эмма. Поток людей почти иссяк. «Вот удивительно, – она ли стала карты, ни показательно, а так; карты уже потрёпанные, но благо крепкие, приятно лежали в руке, – приходят же!».

Последним оказался *капитан*.

Эмма вздохнула. Лабораторный компьютер погас.

– Я к тебе, – сказал Фет. – Надо переделать расписание.

Эмма кивнула, она тоже об этом думала, уже минут двадцать разглядывая потухший экран.

– Сейчас запущу. Как он, освоился?

– Ошарашен. Только с Тирхи и к нам.

– А генерал, – протянула она отстранено, – по званию выше капитана?

– Выше. Капитан дирижабля – вообще не военное звание. Небо гражданское судно.

– Да знаю. А Людвиг ведь предлагал, – напомнила Эмма. На самом деле отдавать Небо военным ей не хотелось. Да, это бы значило какое-никакое финансирование. Она бы могла работать как раньше, выкинуть карты, заняться наукой. Но тогда бы её знания, её наработки перешли бы какой-нибудь Тирхе. И Небо бы ей перешло.

Что-то подобно уже было. Лет шесть назад, Эмма тогда то ли закончила, то ли заканчивала последний курс бакалавриата. К ним приходили люди, искали специалистов по просьбе Рогача. Тимофей Владимирович, тогда ещё почти не старый много хлопотал о судьбе студентов. Им предлагали военку, парням по большей части, но Эмме тоже поскольку средний балл больше четырёх и восьми – это много. В стране царил автократия. Военным платили жирно. По ту сторону толпы со щитами, газом и резиновыми дубинками всегда платят больше. Эмме было не то двадцать один, не то двадцать, она хотела денег, но связываться с этими людьми не хотела.

– Больше слушай, – хмыкнул Фет. Людвиг он недолюбливал. – Что там, кстати по ремонту вышло?

– Много, – тихо отозвалась Эмма.

– Что-то ты... Устала?

Эмма отвернулась.

– Не больше обычного.

– Из-за капитана этого? Хочешь я его, – Фет подмигнул и это вышло страшно для того, кто Фета не знал. – Триединый боже, – вздохнул он, – Что у тебя случилось?

– Ха, – сказала Эмма. – Да ничего вроде.

Вспоминать мастера, думать о капитане... Фет кашлянул.

– Эмма? – глянул грозно. Вот и нужно ему так смотреть? Мог бы спать пойти. Свободное время всё-таки... Эмма съёжилась в своём кресле.

Она вздохнула, щёлкнула пробелом, воскрешая экран. В матовой темноте отразилось её блёклое лицо.

– Я просто устала и надышалась можжевельником. Мутит немного, – она вздохнула. Фет просиял. Наконец! Наконец, она признала и призналась и... – А есть нашатырь?

– Есть, – мрачно ответил Фет. – Сиди.

– Сижу, – прошипела она в пол. – Хотя вроде бы... нормально.

– Точно?

Эмма промычала что-то неопределённо-утвердительное.

– С хера ли я такая хрупкая? – спросила она тихо. Фет неодобрительно фыркнул.

– Может воды?

– Не знаю. Ну дай. Да, дай пожалуйста. Этот мастер хренов. Он мерзкий. И старый. Боги, он такой старый. Морщи-

нистый как кролик и жёлтый, волосы жёлтые как яичный желток, а глаза водянистые, взгляд липкий такой. Помыться хочется. Выскрести его пальцы, его касания с моих волос и плеч. Он хотел трогать и целовать хотел. Я сбежала. Промямлила что-то. Вот на черта мне гадость такая? Он выпить хотел. И трахнуть меня. Не сразу, может даже не сегодня. Его руки на моих... Мы же ему заплатили за ремонт, зачем?..

– Мразь, – заключил доктор. – Смотри на меня.

Она помогала головой.

– Пора с этим завязывать.

– Пора.

– Прости Фет. Я просто... просто пойду мыться.

– Иди. Всё мыло молчаливого неба твоё, – повторил старую шутку доктор.

С тем же успехом можно было ничего не говорить, но лучше всё же рассказать. А мыло, мыло с водой сейчас живительней нашатыря.

– И карты ещё, – Фет постучала пальцем по коробочке с зондами. – Как ты столько людей высидела? – Эмма неопределённо пожала плечами. Ей всё ещё было дурно, но теперь ещё и стыдно. Где там обещанная вода? – Какого чёрта ты вообще разрешила Луи втянуть себя в это?

Эмма кротко пожала плечами. Программа, составляющая расписание, запустилась. Эмма щелкнула пару раз, расширила диапазон. В коде высветилась новая переменная k, может кэп, а может Константин. Странно, что она так сразу за-

помнила его имя.

Фет кашлянул. Говорить не хотелось.

– Нам нужны деньги. Что я ещё могу сделать? Моё образование на Верне никому не сдалось. И я женщина, Фет. У меня есть тело и карты. Можно стать шлюхой или ведьмой. Шлюхой, как видишь мне не подходит. – Эмма со вздохом откинулась на спинку кресла. Кресла от такого слабо всхлипнуло и откатилось. Пришлось подползать на нём обратно ко столу. – Что ещё делать?

– Не это, – отрезал Фет. Смотрел он очень и очень холодно. Но Эмма не боялась, а просто отвернулась. Насрать.

– Не это, а что тогда? Альтернативы у меня всё равно нет.

Фет нахмурился, хотя куда уже! Они говорили будто бы на разных языках: он словами, Эмма на языке программирования – циклами, массивами, не прошедшими компиляцию алгоритмами.

– Я не знаю, прости, – вины своей Эмма не чувствовала только усталость и серовато-скудную злость, – как ещё.

Да и Фет.

– Может Луи и прав. Втроём с кораблём не управится. Просто, ты же знаешь, я не люблю людей. Мне с ними сложно. Не умею с ними. Всё время какое-то дерьмо получается. Мне б в лаборатории сидеть.

– Так сиди. Хочешь, перестроим расписание. Ну ты, то есть перестроишь, так чтоб твои смены капитану, – улыбнулся Фет, – отошли. Пусть в машинном трудится.

– Не, – Эмма качнула головой. – Нет. Я, кажется, проросла в этот корабль. Мои смены. Не отдам. Сейчас, правда, полегче будет. Всем. И у тебя времени побольше, и Луи разгрузим.

– Его то как раз можно ещё загрузить.

– Можно, – хмыкнула Эмма. – А нужно ли? Впрочем, мы... – она не продолжила и на экран указала. – Расписание уже. Смотри. Есть его... куда скинуть?

– Кидай мне. Я перешлю и покажу, и отведу. Надо парня проинструктировать.

– Ты ж уже инструктировал?

– Да нет. Эта так, обзорная экскурсия с видом на туалет. – Фет хмыкнул собственной шутке и посерьёзnel. – Луи ему даже каюту не показал.

– Луи его сразу ко мне привёл, как на сеанс. Я даже карты разложила. Но потом этот за документами притащился.

– Замечательно, – всплеснул руками Фет. – Я с ним поговорю.

– Ха, – вздохнула Эмма. Луи не поздоровится, но этого он и заслужил.

– Он, кстати, боится тебя.

– Кто? Я Луи не ругала. Ну то есть да. Я извинюсь.

– Капитан, – усмехнулся Фет.

– И хорошо.

– Ну я пойду?

Любимая моя, светлая девочка. Знаю не любишь, когда я так обращаюсь. Но вдруг разозлишься и захочешь ответить?

Хотя бы так, Эмма, хотя бы так.

У нас всё хорошо, я консультирую Лавинскую. Скоро выйдет книга. Представляешь? С моим именем на обложке. Вот мама рассердится, опять мол о своих грешниках. Смеюсь за кадром. Но кто, если не я, о них напишет. Скоро Колядки. Соня мастерит рога, выклячила у бабы шубу, ту лохматую помнишь? Очень хочет показаться тебе. Ждёт, что приедешь. Я говорю, что приедешь, но к лету. Она согласна и летом колядовать. Спрашивает, как на Верне видно звёзды, а нас видно? Хочет, чтобы тебе премию дали, уже и платья выбрала себе. Говорит, что фуриет с шампанским — это, конечно, скучно, но она потерпит. Хочет помахать тебе из зала. Говорит, что восемь это уже очень много. Жалеет, что ты пропустила день Рождения Николаши.

Ни страшно. Третий день рождения можно пропустить. Приходи с машиной на читвёртый. Придешь?

«Не приду», – ответила Эмма пустой каюте. Между Верной и Новым миром около пяти световых лет. Не так и много, конечно, всего-то день лета сквозь кротовую нору – ерунда! Сколько лет прошло дома с тех пор, когда НМ-1 отчалил на Верну? Восьмилетняя девочка давно уже стала подростком, Эвину книгу напечатали, Дэвид защитил диссертацию. Первое время она старалась отвечать на письма, всё-таки Эва просила, а потом оказалось, что эти ответы запаздывают на месяц, на три, на половинку года. Связь сбоила,

но почему-то только в одну сторону. Вернские бури крали сигналы, искажали, путали время. И Эмма перестала писать. Она никогда не любила делать что-то впустую. В этой замедленной беседе Эвиного голоса хватало на них обеих.

Ей хотелось разбить планшет в мелкую стекольную крошку, пусть рассыплется гадкий по комнате. Пусть не останется ни одной ниточки в этот счастливый, приглаженный розовый мир, в котором у всех всё ровненько, сладенько. Пусть провалиться в толщу Вернских облаков. Эмма тихонько выла, вжимаясь стену. Её тошнило. Мир качался мерзкий и мутный. Такой-то она и заслужила. Глупая ведьма. Дура. Слабачка. На Верне ей самое место. Сюда же ссылают всяких. Всяких. Всякий стоит за штурвалом. Даже капитаном собственного корабля не смогла быть. Планшет погас, и в мире писем и пикселей наступила глухая ночь сравни забвению. Эмма встала, шатаясь, ухватилась за край стола. Пробормотала хрипло в пустоту каюты что-то о богах и мире, а потом выругалась и упала на кровать. Её смена начнётся через пять часов и сорок три минуты. Нужно уснуть. Немедленно. Без возражения и нытья. Она опустила руку, нашарила под кроватью пузырьрёк, не глядя отчитала две таблетки, выпила и принялась считать обратно от пятисот.

«Верна не прощает слабость», – говорили в институте, на деле же Верне было плевать.

– Доброго рассвета, – Фет близоруко шурился в дисплей. Корабль летел ровно, ни бурь, ни попутчиков на радаре. –

Выглядишь мёртвой. Хочешь ещё час поспать?

– Не поможет, – она покачала лохматой головой. – Пускай меня за штурвал. Тупая работа лучше всего прочищает голову.

– Ты себя гробишь, Эмм, – сообщил он устало. Другой бы увидел в тоне доктора упрёк, но Эмма знала это тихое неодобрение и прощения. Доктор многое отпускал ей, то, чего бы другим ни за что не простил. – Принести кофе?

– Буду признательна.

Сам он кофе не пьёт, считает, что вредно.

– Расцелуешь? – улыбнулся доктор.

– Оставь это Луи! – Она тоже улыбнулась, здесь у руля она была ровно на своём месте. Была смелой, самой смелой и самой сильной, великой и всемогущей. И Луи, и доктор умели управляться со штурвалом, и Эмма не делала этого лучше других, единственное и главное – она не боялась стоять у мостика и в самую тёмную Вернскую бурю. Ведь кто если не она? Если сейчас пробьёт обивку – значит пробьёт и будем чиниться, и никто в том не виноват, нужно выстоять и с минимальным ущербом. Корабль шёл ровно, и бед не предвещалось.

Доктор скрылся в темноте. Ночью большую часть освещения отключали, чтобы хоть как-то приблизить режим к «земному», и чтобы сэкономить энергию. Свет – деньги, как говорил Луи.

V

Проснулся он поздно. До смены оставалось всего семь минут – умыться и только. Сам распорядок «Неба» казался Константину пыткой. Как пить дать эта ведьма лично расставила смены, словно они тут не завтракают и не спят. И не разговаривают друг с другом. Понятно, что корабль большой, а их всего четверо, но разве это дело? Набрала бы людей.

Константин безучастно глянул в зеркало. Себя он старательно не узнавал. Узкая клетушка ванной вся пропахла мылом и зубной пастой. В белом стаканчике торчали три одинаковые, только что цвета разного: белая, синяя и зелёная зубные щётки. Константин докинул четвёртую, такую же, из той же пачки. Он и не думал раньше, что щётки продают пачками по семь одинаковых, но разноцветных штук.

Ему определили каюту, когда-то двухместную, теперь пустую и пыльную. «Швабра во-он там, – указал Фет, – постельное бельё в шкафу. Хочешь есть – иди на кухню. Связь по рации, ну или пиши. Эмме лучше пиши, – Фет постукал пальцем по часам. Константин понял, что Эмме и писать не стоит, лучше вообще не пресекаться. Пусть себе колдует. Доктор поправил очки. – Срочное мне, остальное – к Луи». На том инструкции закончились, и доктор с чувством

выполненного долга свалил. Константин с трудом проглотил желание окликнуть доктора, схватить за ворот и потрясти, и трясти, и трясти, пока объяснения какого чёрта, какого хера, какого дьявола тут происходит не высыплются на пол. Будто Фет носит ответы в карманах. Будто он знает, почему Тирха потеряла залив, почему прокуратор одел Константина в отцовскую форму, почему в конце концов Верна и почему он кинулся защищать пацана в баре, почему исследовательское судно досталось ведьме, доктору с дредами и малолетнему вору?

Не ища ни белья, ни швабры, которая во-он там, ни расстилая покрывала, он только ботинки снял и вытянул ремень, Константин рухнул спать. А в голове укором пронеслось, что он уже около месяца не ходил в зал и почти неделю не отжимался, зато бухал каждый день, опустошая отцовскую коллекцию.

Будить его никто не стал. Где-то посреди ночи, или того, что теперь придётся называть ночью, сработал будильник – в Тирхе семь утра, на корабле, если верить охваченным болезненным фосфорным сиянием часов, около четырёх, но возможно и дня. Константин решил, что можно ещё поспать и проспал всё, включая возможность позавтракать. Неохотно он сгрёб себя с кровати, зашнуровал ботинки, застегнул ремень, отжался двадцать раз и пошёл искать ванную.

Корабль казался новым. Даже не так, корабль был чудом воскресшим из забвения. Он, по всей видимости мог лететь

и без ручного пилотирования. В живых облаках точно бы мог, а здесь бури и прочая радость. В живых. Константин погрозил собственному отражению и вышел, стукнув по выключателю, вместо света включилась вентиляция. Ну и чёрт с ней. С начала смены утекло минут десять. И с ними чёрт. Много, однако чертей выходит. Небо Тирхи у восточной границы живей всех будет – сплошь ад, дурное варево меж крыльев бомбардировщиков. Отец сколько раз повторял: не суйся в авиацию? Без тебя наберут идиотов. Что бы теперь он сказал а, капитан дирижабля? Нет, он, конечно, конечно, уважал своих людей, и пилотам руки жал искренне, и Константина учил ценить людей превыше, превыше... да всего превыше. Вот и дверь в машинное. Минус пятнадцать минут смены. Она ж не заставит отрабатывать, ведьма эта?

Ведьма с доктором сидели в машинном. Она водила пальцем по экрану тончайшего планшета, а с пальца соскальзывало тонкое деревянное колечко. Без шалей и браслетов она выглядела совсем девчонкой в нелепом сером комбинезоне, в таком же ходит Луи, надетом поверх черной рубахи, и рубашка у него, кажется, была похожая, и ботинки, высокие почти армейские ботинки.

– Ты опоздал, – сказал, привставая, доктор. Доктор же выглядел точно, как вчера.

– Я... – начал Константин, но понял, что оправдываться совсем не хочется. Они бы поняли, будь оба нормальными людьми. – Что нужно делать?

– Следить за этой хреновиной, – ведьма махнула в сторону нагромождения серебристых труб. – Сейчас покажу. Ты хоть выспался?

– Выспался, – сухо кивнул Константин.

Она встала, а значит надо следовать за ней. В нагромождении труб оказались датчики и маленькие вентили.

– Сегодня Небо идёт хорошо, – сказала ведьма. – Тебе повезло. Обычно тут больше мороки. Просто смотри, чтобы этот уровень не уходил в красное. И если будет желание, подмети пол.

– Если не будет, тоже подмети, – добавил Фет из своего угла. – Часа через два придёт Луи, он покажет и расскажет, как тут вообще надо. Эмма!

Ведьма дёрнулась:

– Опять? Ну твою ж...

Что думать об этой парочке он не знал, странные они и злые. Не то, что Луи, Луи хоть и придурок, но кажется с ним ещё сойтись. Пацан улыбался здорово, шутил похабно и смеялся звонко, дурачился, – в общем, на человека хоть сколько был похож. А эти, будто из камня вытесаны.

Трубы и вентили нисколько не занимали Константина. И сесть здесь как назло было некуда. Константин угрюмо посмотрел на часы, надо бы их перевести на местное время. В корабле гудело и гудело со всех сторон.

– Ох, если б я была настоящей ведьмой! – она зажмурилась, припоминая как жмурится по-настоящему от золотого

солнца. – Я бы подняла бурю, и всех уродов бы смело в океан. – Она раскинула руки в стороны, и казалось, казалось, что вот-вот её тонкие белые пальцы охватит настоящее пламя. – Фет?

– А? – обернулся доктор.

– На Верне есть океан? – спросила она тихо-тихо как-то совсем по-девчачьи, не состоявшееся пламя угасало.

– Метановый, – послушно отозвался доктор.

– Подойдёт, – подмигнула Эмма, на та яркая ведьмовская бравада потухла. – Я бы просто ушла отсюда, – сказала она горько и грубо. – Улетела бы к чёрту. Говорят, – нахмурила брови, – ведьмы как раз с чертями дружат.

Капитан все смотрел на неё и не мог постичь, о духи, чем же она так хороша? Лохматая как метла и худая в той же мере.

– Гхм... – кашлянул доктор.

– Время? – спросила ведьма, высвобождая руку с часами из-под многочисленных сладок. – Время, – сама и ответила. – Пойдём, Фет.

Доктор поднялся, длинный точно шпала. Быть бы ему не доктором, а прокуратором, думал Константин, жаль место занято.

– Капитанствуй, капитан, – бросил Фет, и не понятно: он серьёзно или шутит. – Луи к обеду сменит.

Они ушли, и лампочка над круглой дверью стала зелёной. Через два часа действительно явился Луи, сумбурно отта-

раторил, потыкал, покрутил, пообещал всегда быть на связи, уронил разводной ключ в двух сантиметрах от ноги Константина и велел топтать в рубку. Потому что у них перерыв как раз на то, чтобы объяснить, как управлять дирижаблем. Константин хотел поест. Он ни черта не понял и не запомнил. И кажется, опять не поймёт.

Константин вошёл в рубку. Там, закинув ноги на стол, прямо на приборную панель, в ботинках прямо, сидел Луи, покачиваясь в такт неслышимой мелодии. На его голове громоздились потёртые фиолетовые наушники с лисьими ушами на толстом ободе. Одно ухо мигало, другое, кажется, не работало.

– Ну ты как, кэп?

Константин устало повел головой. Жаловаться он не любил, а врать не хотелось. Радар тревожно высвечивал грозу на северо-западе.

– Показывай, как здесь управляться.

Если ему предстоит стать капитаном, то он станет хорошим капитаном.

«Вы ещё узнаете, как я могу!» – браво рассудил Константин, подходя к штурвалу. На мостке отчаянно и горько пахло можжевельником, её можжевельником. Где там, Луи говорил включается вентиляция? С третьей попытки Константин отыскал серенькую плашку «вентиляция». В рубке загудело. В корабле постоянно что-то гудело, точно за стенами автомагистраль. Он прошёлся по рубке: места тут было немного

ровно на десять широких шагов. Приборная панель, над ней большие три больших экрана с наружными тучами, кресло, дверь в общий коридор, дверь-люк в стыковочный модуль, Фет называл его гостевым. Позади интерактивный план корабля.

За бортом собиралось серое, предгрозовое, пока не дождливое. Константин подумал, не страшно, но серое стало чёрным и на экранчике мелькнуло грозно: внимание. Он хорошо запомнил, что нужно делать в таких случаях, было бы что запоминать! Он сделал в точности, как велел Луи. И грозное перестало быть грозным. Всё-таки есть толк от паренька. Объяснял Луи сумбурно: туда жми, это крути, а ещё потом ногой и на красную панель. По-хорошему следовало записать. Но Константин запомнил и так, у него отличная память. Этот дирижаблик в управлении будет попроще чем самолёт.

«Что теперь скажешь, папа? – думал он с издевкой. Точно отец может здесь появиться, посмотреть на него и ужаснуться. Константин хотел бы этого. Хотел бы показать: – Вот что вышло! Рад теперь?». Если бы он знал, на что злиться. Если бы...

Дисплеи заморгали оранжевым. «Ладно, оранжевый не красный», – подумал Константин. Лживые экраны перекрасили тихий закат во что-то сине-бурое. Константин уклонился в сторону, отмеченную чем-то менее оранжевым. Дирижабль особой маневренностью не отличался. Псевдо-тучи сделались темней и гуще. «Что за?.. – не успел додумать Кон-

стантин. «Буря» высветил датчик. Буря?

«Вашу ж мать! – подумал Константин. – Где их чёртова рация?». Никаких передатчиков и микрофонов видно не было. Они что просто орут друг другу? Чёртов корабль. Чёртова Верна. Думай! ты капитан! Константин облетел всю рубку, места тут было немного, почти не было: кресло, приборная панель, куча бестолковых датчиков. Кресло, приборная панель, дверь и лестница. «Буря», – мигало и подмигивало.

«Ну буря, – возмутился Константин, – и буря. Заткнись! Что я могу сделать?!». Залив потерял, дом потерял, отца не сберёг и девушку... Буря у них! Одна шинель от него прежнего осталась. Герой героев. Героев герой. Панель, дверь и кресло. Константин пнул злосчастное кресло и из-под него выкатился микрофон. «Чудесно», – подумал он мрачно. Потрогал микрофон. С боку была кнопка. Хорошо. Хоть увидел! Права эта чёртова ведьма, ничего он себя не представляет, ничего не стоит. Облака на панели стали ещё черней и злей. Нет, он не протащит корабль сквозь бурю. Просто не сможет. Константин рухнул в кресло.

«Буря!», – объявил Константин.

Глава 3

лазурный лоскуток

I

Буря шла с севера. «Третья», – окрестил её Фет. Константин в Вернских классификациях пока что не смыслил и потому понятия не имел, третья – это совсем конец или так около. По тону доктора разобрать чего-либо было невозможно. Угрюмый и какой-то каменный Фет начал подбешивать его.

Корабль трясло и качало. «Такую громадину, – думал Константин. – Что ж там за буря? Третья», – вертел он, ясней не становилось. Он отошёл к дальней стене и встал там. Капитан! Девка из кресла выгнала. Какой же он капитан?

– Иди в машинное, – скомандовала Эмма, не ему, на него она совсем внимания не обращала, ну уж точно не больше чем на дверь. Да и командовала тихо, можно просто сделать вид, что не расслышал. Она всё делала тихо, будто нарочно. Ей так и хотелось добавить громкости. – Я не смогу там.

– Там же... – начал Луи.

– Идём, – дёрнул его Фет.

Пацан уходить не хотел, он сам рвался за штурвал, рвался и не рвался одновременно. «Бойтся», – понял Константин. И сам он сам боялся. Не за себя. Умирать почему-то стало не страшно, а вот ошибиться, подвести ещё и их. Ещё раз. Ну теперь-то его ссылать некуда. Что у нас дальше Верны? Тюрьма? Расстрел.

– Третья – это нестрашно, – кивнул ему доктор, уходя.

– Да подумай, – хмыкнула Эмма. – Что паникуем тогда? – она нажала что-то и корабль выровнялся.

– Кто паникует? – возмутился Фет.

– Идём, – дёрнул его Луи.

Константин хмыкнул. Забавно смотрятся.

– Эй, капитан, – окликнула ведьма. Не зовёт – издевается. – Подойди, не бойся. Ты вообще за штурвалом стоял?

– Сидел.

– Вертолёты? Истребители?

– У отца был частный самолёт.

– Недурно, – усмехнулась ведьма. – Здесь проще. Куда, – она дёрнулась, – чёрт...

Корабль повело в сторону. В сторону расцветенного красным лохматого вихря.

– А если ну... рухнем?

– Куда ему рухнуть? Луи! – крикнула она в рацию. – Три к четвёртому.

– Ключ? – раздался удивлённый голос.

– Разводной, – шикнула Эмма. – Нет.

– А-а понял.

А Константин нет.

Корабль делится на пять отсеков, это Константин уже вы-

учил: рубка, жилое, лаборатория, машинное и грузовое, а надо всем кубометры воздуха под толстой тефлоновой шкурой. В лаборатории Константин ещё не был, а вот машинное успел невзлюбить.

На самом деле он не любил корабли, с детства, наверное, и потому старался всячески их избегать: непрекращающаяся качка, тесное железное убранство, одни и те же люди изо дня в день, месяцами, дешёвая еда, от которой первое время совсем воротило, и ничего кроме моря, совершенная беспомощность.

Морские и океанские побережья не были главным богатством Тирхи, основной доход страна получала из экспорта природных ископаемых. В южных штольнях у хребта Погасших гор добывали алмазы, на западе качали нефть, на севере среди полосы подмёрзших болот все ещё давали железо оскудевшие рудники. А море? Ну море и море. Где-то у Сальных берегов мудрёные «водяные мельницы» обращали волны в электричество. Нет, корабли он совсем не любил, и, кстати, яхты тоже. Другое дело самолёты! Но жизнь на борту дирижабля напоминала больше плавание, чем полёт, и еда здесь была такая же скудная и резиновая, только что каюта попросторней.

Свою каюту Константин решил обустроить под себя, насколько это оказалось возможным. Для начала он с каким-то нелепым стыдом умыкнул, ну нет, позаимствовал из машинного ящик с инструментами, никто и не узнал, на завтра же

ящик вернулся обратно, в тот же угол, распахнутый так же небрежно, Константин даже положил отвёртку ровно так, как она лежала на полу между двумя трубами. Зачем он это делал, Константин так не понял? Будто из страха. Перед Эммой? Вот вздор. В каюте он с боем отвинтил вторую койку от стены и намертво привинтил её к полу возле первой так, чтобы получилось двухместное ложе. Ложе, ага. Часа три провозился, крепя и подпиливая. Пришлось полностью срезать подпорки и привинтить их заново, но результат того стоил. На освободившееся место встал стол, взятый с позволения Фета из пустой каюты, после к нему добавилось кресло и подвесная полка. Правда, что он будет ставить на полку, Константин не знал. У него даже книг с собой не было. Прогулявшись по кораблю, Константин сумел разжиться ещё одной подушкой, он кинул её на кресло, пустой чернильницей, блокнотом и позолоченной фоторамкой пока пустой. Фотографий он с собой не брал. В большом корпоративном облаке весело двадцать пять альбомов, пересматривать которые не хотелось.

– Привет, кэп!

Константин инстинктивно повернулся на голос. «Кэп? – подумал измученно. – Ну да, – кивнул он зачем-то, – я теперь кэп». Настоящим капитанам, он слышал, полагаются ну там привилегии всякие, а не бесконечные часы грязной работы. Тело не то, что бы ныло, но как-то сдавало. Другая гравитация, другая планета и хренова туча работы, конечно, его му-

тит. Признаваться в этом Константин упорно не желал.

– Привет, – сказал он с улыбкой.

– Пойдём чай пить.

– А?

– Мы в тихой зоне. Повисим тут немного. Эмме нужно кое-какие данные снять. Я сейчас всё сделаю!

Капитана потеснили от «штурвала».

– У нас с Портовой, ну это станция, где тебя высадили, пирог остался. Правда он не свежий уже, но какой есть, – говорил Луи, ловко выравнивая корабль. – Всё. Можно висеть.

– А с ним не?..

– Не! – отмахнулся Луи. – Тут можно. Всем надо передохнуть.

С этим Константин не спорил. Он даже не знал, сколько дней уже капитанствует. Считать дни сменами не получалось. Не время – протухший кисель. Трижды, а может четырежды он ложился спать и не мог уснуть. Бессонница, начавшаяся ещё на Тирхе всё не отпускала.

Он опрометчиво распахнул дверь в душевую, красной за-слонки у замка не было, потому Константин и не думал, что там окажется Эмма.

Он не разглядывал, но заметил, что ноги ведьмы от стоп до колен были покрыты плотным синим кружевом, точно кожа языческого многоликого божества. На востоке стены храмов расписывали такими вот полубогами-полудемонами.

– Ой, – обронил Константин. – А ты красивая.

К его немалому удивлению, ведьма не стала визжать, за-
пахиваться в халат, не стала кричать на него, как стояла
в трусах и с полотенцем, так и осталась.

– Да что ты? – насмешливо поинтересовалась ведьма, —
Ты выйдешь, нет?

– Сейчас. Прости.

Он отвернулся и, потупившись, вышел. «Я б её... А она со-
гласилась бы переспать?» – подумал с сомнением Констан-
тин и почему-то тут же устыдился собственных мыслей.
Девушки охотно делили с ним постель. Им нравилось, что
он с ними делает, нравилось его тело, звание нравилось и
выпивка, и добрый голос, и деньги на дорогу до дома, а иногда
он сам отвозил их домой на красивой служебной машине. Но
та жизнь прошла. А в этой всё хлипко и бестолково.

«Нет, не согласилась бы. Она вообще похоже всё людское
призирает», – решил он с горечью. Странно это было, и эти
странности только распаляли интерес. А если Луи спро-
сить? Тоже выход. Огонёк над дверью замигал и из красного
стал зелёным.

– Я всё. Ванная твоя, капитан.

– Спасибо, – отозвался сбитый с толку Константин.

Нет, она не похожа ни на нормальную девушку, ни на фи-
зика. Ведьма.

– Эй, кэп, – окликнул Луи. – Идешь? – Парень поднялся. –
Лимонный пирог, – повторил он.

«Откуда на Верне лимоны?» – подумал Константин и сказал, что идёт. Можно попросить её объясниться. По-хорошему. С ведьмой тоже стоит дружить. Если это возможно.

– Можно? – Константин просунулся в дверной проём. Ведьма сидела у себя на кровати, окружённая ворохом каких-то тряпок, точно в гнезде.

– Что? – бросила она недовольно.

Эмма шла! Константин встал и дверь хлопнула его по спине.

– Ой, – выдохнул он отстранённо. Всё его внимание почему-то заняла Эмма, её пальцы, быстро перепархивающие: раз стежок, два... Константин недоуменно уставился на неё и не понял, что смотрит, не понял, что так и стоит, подпирая полузакрытую дверь. Шила. Странно даже. Неужели он ни разу не видел человека с иглой? Глупости. Сидит надменная ведьма и шьёт стежок за стежком, подумай! Правда? Только он стоит зачарован процессом. Ерунда.

– Ты зачем-то пришёл, – напомнила ведьма.

– Да. – Он пришёл. Определённо пришёл. Вот же стоит.

– Штаны новые ушиваю, – пояснила она как-то растерянно и даже смущено, но самую малость. – На кого их только делают?

Константин пожал плечами. Этого он не знал. Как выяснилось, он вообще мало что знает, почти ничего. Дома ведь было иначе?

– А я не умею.

– Бывает, – ведьма кивнула. – Я картошку чистить не умею.

– Да? – он удивился и попытался скрыть, и не получилось. – Разве там сложно? Я тоже не умел. – Ни разу в жизни до недавнего, он не держал ножа вот так. Ни разу, но Луи показал, как надо, и всё вышло просто. – А потом получилось! Отлично даже.

– Рада за тебя, – безучастно отозвалась Эмма. Она словно пропадала, проваливалась из этой реальности куда-то ещё. И в том куда-то было явно лучше. И его явно не было. Почему так противно внутри? – Так чего?..

– Фет просит уточнить списки.

– Хорошо, – совсем тихо и серо, бесцветно совсем сказала она. Могла бы уж просто послать.

– Зайдёшь к нему?

– Зайду, – кивнула, – я же сказала.

Константин пнул дверь, и дверь его тоже пнула.

В буфете сидел один Фет. Ведьмы не было. Не ведьминское это дело с ними чай пить. Обидно как-то, да с чего бы? Радоваться напротив надо. Без ведьмы спокойнее.

– Тебе какую? – спросил Луи, протягивая три грязные ложки. Про ложки она не шутила.

– А помыть ты их не хочешь? – поинтересовался доктор, ложка у него была собственная, и он её мыл.

– Это чистые, – обиделся Луи.

Константин встречать не стал.

– Ты капитан, – она усмехнулась, – а слушаются здесь меня.

Ей, видимо, нравилось, как это звучало. Ей нравилось быть нужной и всесильной. Ведьма чёртова!

– Я бы хотел, чтобы ты перестала так ко мне относиться.

– Как так?

– Жестоко.

– Жестоко? – она вскинула бровь, оскалилась, точно дикая кошка. – Ты что-то хочешь от меня, а что я не понимаю. Лезьшь. Крутишься-крутишься павлин без хвоста. Мне это не интересно.

– Я не...

– А я не вещь. И флиртовать не хочу. – Она не наступала, а отходила. Она была сильной, но сейчас пятилась к двери. – Ты наступаешь, я огрызаюсь. Жестоко? Ну уж прости.

– Ты неправильно...

– Хватит.

– Эмма!

– Отвали, пожалуйста. Я не хочу тебе грубить.

– А я – обидеть.

Так и сидели втроём, поочерёдно ковыряя залежавшийся пирог. Константин молчал, Луи жевал, Фет перемешивал сахар ложечкой, и выходило у него это тихо, словно у старого аристократа. Мать Константина пыталась так же вышколить,

но проще оказалось пить без сахара.

Константин не решился заговорить, может у них так принято? А почему это, собственно, не принято? Тем более ведьмы нет.

– Живём на одном корабле и почти не разговариваем! – возмутился Константин.

– Некогда, – пожал плечами Луи. – Нас всего четверо, а корабль большой. Трудно управиться.

– Втроём вы же как-то управлялись.

– Как-то, – усмехнулся Луи. – Я когда в забегаловке работал, времени, если, честно больше было. Но тут... как бы тебе сказать. Небо стало мне домом. Команда хорошая, да, Фет? И ты вроде как. Да?

– Не знаю, – вздохнул Константин. Небо было ему не домом, но место ссылки. – А ты чего? – обратился он к доктору.

– А я чай пью, – отмахнулся доктор. – И Луи, говорить о людях в третьем лице, когда они рядом сидят невежливо.

– Но я ж хорошее. Я так и сказал, что ты хороший!

Доктор хмыкнул.

– А Эмма где? – спросил он, отставив чашку.

– Не знаю, – Луи как-то виновато потупился. – В лабе, нет?

II

Эмма сидела в комнате уже где-то сутки, фальшивое небо с ладных дисплеев успело побуреть, порозоветь, налиться серыми грозowymi тучами, очиститься до лёгкого предночного сияния, подмигнуть растущей вернской луной, далёкой и невидимой. Эмме хотелось выть, и она ни в чём себе не отказывала. Всю первую половину злосчастливого дня она плакала, потом попила воды и уснула. Нога почти не болела. Боги, да разве то рана? Так глупость! Ну, наступила на гвоздь, получила от Фета укол и долгий выговор. И то и то Эмма выдержала стойко, как солдат, с лицом совершенно несчастным, но каменным. И к себе дохромала резво, и весело буркнула в рацию, что-то про «больной-выходной». За день корабль не развалится. За два тоже. А вот сама она, как оказалась от маленького гвоздя развалилась. «Дура, – думалось горько, – смотреть надо. Смотреть», – и что-то в этих словах было очень-очень докторским. Эмма перевернулась на другой бок, чтобы фальшивых звёзд не видеть, натянула одеяло до подбородка. Верхний одеяльный краешек был весь мокрый, подушка тоже. Зараза. Придумала сама себе беды. Фальшивые звёзды так и манили своим несбыточным белым сиянием.

– Эмма, ты не права, – увещевал Фет. – Тебе нужно вы-

говариваться. Приходи ко мне, боги, неужто так сложно прийти?

– Сложно, – буркнула Эмма. Она не умела, она терпеть не могла такие разговоры. Фет постоянно пытался... и ни черта у него не выходило. – Чья сейчас смена?

– Луи, – безразлично отозвался доктор.

– Проверить не хочешь?

Доктор закатил глаза: без меня что ли не справится? Но вслух ничего не сказал, поднялся, грозно глянул на Эмму, ведьма нагло улыбнулась, будто не про неё всё это, ох не про неё. Доктор неохотно вышел в коридор. Он вообще-то любил смотреть, как Луи ведет корабль сквозь облака. Луи за штурвалом менялся. Из вора вышел отличный пилот.

Фет не любил судить людей, оно само выходило, само. Не попишешь. Правилам нужно следовать, иначе выйдет дерьмо такое, что за жизнь не разгребёшь. Кажется, для него одного это очевидно. Даже Эмма, умнейшая Эмма местами так безответственна, не приведи небо.

– Можно я просто умру? – спросила Эмма без трагедии, без надрыва, она так спрашивала который час у собственных часов.

– Нет, – запретил Фет. – Не пугай меня, Эмм. Вспомни, кто собственником на корабль записан.

Эмма устало пожала плечами. «Вот к чёрту всё это делать – почти сказала она, – если всё равно без толку? Таблетки пить и витамины, за кораблём следить, сидеть в ла-

боратории. Не выходит же ни черта!».

«Надо!» – приказал Фет, он молчал, конечно, разглядывал свои обожжаемые бумаги. Эмма вздохнула: надо так надо. Она не лениться, просто устала. Просто упасть бы и часов двадцать проспать.

Она потряхнула головой. Фет прав, прав конечно. Корабль институтский, она единственный представитель научной группы и так далее...

– Не могу, когда так. Как дельфин в аквариуме.

– Дельфин?

Фет как исконный житель Верны о дельфинах ничего не знал.

– Как большая рыба, только млекопитающее.

– Ты издеваешься?

Эмма улыбнулась.

– Ты отчёт просмотрела, да?

Эмма кивнула, конечно, смотрела! Что за вопросы? Смотреть она не собиралась.

– Есть замечания? В конце я не совсем точно написал, как правильно не знаю. Хотел расспросить Константина, но неудобно как-то, человек устал, перелёт хм..., а потом сразу в машинное и буря! Он даже не ел с Тирхи своей. Тирха это где?

В голове у Эммы всё плыло и мельтешило. Буря, Тирха, Константин. Какой отчёт он вообще имеет в виду?

– Мм... – протянула ведьма.

– Так есть замечания?

«Всего одно, Фет, – подумала Эмма, – зачем ты его написал?» Или это не замечание? Наверное, нет, решила Эмма и как на лекции сказала:

– Нет почти. Не значительные. Можно вишивать в систему.

Фет довольно кивнул, а потом нахмурился, а потом снова кивнул. Надо бы было всё же хотя бы пролистать.

– Точно? Давай лучше исправим на всякий?

– Не стоит, – уверила Эмма. – Хочешь я сама внесу?

Доктор вёл бортовой журнал примерно... примерно всегда, ну то есть с того момента, как основной экипаж Неба покинул Верну. Эмма ленилась: отчёты, по её мнению, были тупой тратой времени и места в безлимитном корпоративном облачном хранилище, но Фету кажется нравилось.

– Нет-нет, – покачал головой доктор. – Я не хочу утруждать тебя. Я и так твоё время занял, занимайся исследованиями.

Фет посылал отчёты в облако каждый день. Эмма и знать не знала о чём он там писал, о купленной картошке, о мелких бурях, визитах пиратского капитана, о её шарлотанской работе? Да впрочем, без разницы, их всё равно никто не станет читать. В конце недели Эмма отсылала собранные данные и расчёты по ним и краткую сводку «всё хорошо, мы не упали». Ей тоже никто не отвечал. Возможно, связь Верны и Нового мира давно прервалась. Возможно,

вся её работа и жизнь давно ничего не стоят, потерянные электронные импульсы, ничто в чернющей пустоте.

Доктор отправился мыть кружки. Он вряд ли думал об этом, и вряд ли думал так. Он знал инструкции, он вызубрил законы Неба и просто шёл по ним. А Эмма даже брошюрку открыть не потрудилась, на инструктаже по безопасности она сбежала в коридор, когда пошёл рассказ о струйках артериальной крови. Эмма знала, где висят огнетушители и куда жать, если буря; знала, что переходить из корабля в корабль можно только в респираторе, что главное – команда, а на станциях лучше не высовываться. Большого и не нужно, больше знает Фет.

Кто-то постучал. Эмма дёрнулась, больная нога накрепко запуталась в простыни. Постучали ещё раз.

– Это я, – сказал Константин.

«Ваш новоявленный кэп, – уныло подумала Эмма. – Ну, впрочем, понятно, Фет с Луи заняты, а этому по всей видимости некуда себя приткнуть».

– Вижу. – Она правда не хотела грубить. Это ведь глупо и пользы не принесёт. Лучше побыстрее его выпроводить и поблагодарить, конечно. Эмма попыталась улыбнуться, добавляя к улыбке глупое: – Здравствуй.

Он кивнул вполне дружелюбно, и вместо того, чтоб побыстрее убраться, вошёл в комнату.

– Я тебе поесть принёс. Ты ела вообще сегодня?

Эмма неопределённо пожала плечами. Она, кажется, вче-

ра завтракала, а потом машинное и... ну в общем не доковылять до кухни. У неё, конечно, была рация и...

– Поставь на столик. Спасибо. – Она указала в сторону, пряча руку под пледом.

– Как ты?

– Нормально, – отмахнулась Эмма. – Рана ерунда, только ходить не могу. Ты что-то хотел?

Он растерянно покачал головой.

– Я подумал, тебе одиноко тут сидеть. Мне было бы одиноко.

«Странно, что именно ты подумал», – Эмме сделалось очень тоскливо, тоскливо и всё тут. Сколько раз Луи прибежал к ней погрустить, сколько Фет из-за ерунды выдёргивал, а теперь... Ну а впрочем, может и правильно? Чем она их участие заслужила? Конечно правильно. Как и тогда. Не было б правильно, Эммы б тут не было на этой треклятой планете, на этой дурацкой посудине.

– Нормально. Правда, нормально.

– Хорошо, – он кивнул. – Может...

– Нет, правда, всё хорошо. Если что у меня есть рация, – которую она не включала, – могу... Так что, не надо.

– А нога?..

– Пойдёт.

Примерно тут он должен уйти. Любой бы ушёл. Давай ва-ли, капитан.

– Точно? – Он улыбался широко и добродушно. Эмме хо-

телось запустить в Константина подушкой, только б убрался.

– Нет, – она вдохнула глубоко-глубоко. Простить было трудно. Эмма вообще не любила простить. Никого. Ни о чём. Никогда. Сама. Тут самой не получится. Какая ж она всё-таки жалкая! – Ты мог провести меня? – ну вот несложно совсем, разжать губы и сказать. – Тут недалёко, – добавила Эмма, винясь. Будто на корабле может далёко. В нём всего-то сто метров от силы. – Мне надо... Хочу тросточку взять. – Боги, ну что за признание? Хочешь бери. – Вдруг упаду опять, – она грустно улыбнулась. Если бы это хоть где-то было смешно! Не смешно.

– Давай руку, – сказал он с готовностью. У него была тёплая, надёжная и явно сильная рука. Эмме почему-то захотелось реветь. Боги, сколько жалости к себе и к этому маленькому, вечно болеющему телу успело скопиться. Боги, как долго она не давала себя плакать. Не разрешала. Некогда. Некогда. Сегодня смена и завтра смена. Два человека на борту мало, три мало. – Встала? – спросил Константин. Она встала как раненная цапля на одну ногу. До чего же жалкое зрелище! – Берись за руку. Берись, берись.

Эмма неуверенно схватилась за подставленный локоть. То ещё унижение! «Сама напросилась», – напомнила она строго.

– Нормально, – буркнула Эмма. Благо, идти тут недалеко. Ковылять.

– Если хочешь, я тебя поне...

– Нет, – Эмма опасливо покачала головой. Ей стало дурно и холодно от страха, от стыда. Чужой человек возьмёт, схватит, поднимет. Эмма отшатнулась.

– Не бойся, ты лёгкая.

– Не надо. Не надо, пожалуйста. – Она понимала, что её голос звучит жалко и загнанно. Лучше б Луи пришёл, или Фет в крайнем случае. Ну отругал бы. Ещё раз.

– Эмм? Хорошо. Всё хорошо. Я нормальный, если что.

«А я нет, – подумала она тоскливо, незачем такое говорить. – Завтра будет получше. Конечно, утешай себя», – мысли разбрелись, бестолковые и колючие. Ну вот и пришли почти.

– Нам туда. Там каюта... Тимофея Владимировича.

Она действительно собирается взять трость Рогача? Теперь. Ну, ему-то, с другой стороны, тросточка уже не нужна.

Константин кивнул.

В каюте было темно и тихо, и пахло какой-то дрянью: валерьяной и сухими цветами, кто-то на Южной тогда нарвал и притащил охапку и бросил без вазы. Эмма неуклюже ухватилась за столик. Константин стоял сзади, стоял тихо.

– Где здесь свет? – спросил негромко.

– Слева за дверью.

«Как странно, что помню», – подумалось Эмме. Каюты всё типовые: стол, шкаф, кровать. Научным сотрудникам – одноместные, команде – скромнее. Рогач мог попросить что-то роскошное, только ему было незачем. Капитан тем време-

нем нащупал выключатель.

– Не дави, – сказала Эмма, – просто коснись и задержи ладонь.

Свет хлынул в комнату, как вода, оголяя память. Как было, так и осталось. Аккуратно прибранная кровать. Иссохшие цветы у изголовья. Его вещи: планшет и тетради, коробок цветных карандашей, красная кисть в стакане, альбом забрали. Заречься не ходить сюда, чтобы потом прийти и разграбить.

– Трость? – угадал Константин. Она кивнула. Кошунство рушить эту тишину. «Не для него», – поняла Эмма. Новоявленный капитан бесстрашно ломанулся по каюте, бесстрашно вклинился в царствие мёртвых вещей, откинул коробки, обошёл кровать, вытащил трость и протянул её Эмме: полу-чи, принцесса, драконью голову.

– Спасибо, – сказала она тихо, нельзя было не сказать, но брать не спешила. Казалось, мир рухнет, казалось сейчас явится Дэвид и проклянёт её и корабль, и Верну, и небо. Сначала ты так, а потом... Эмма просто и спокойно сжала пальцы на рукояти. Холодное дерево было ладным и гладким, как надо в руку легло. – Вещи, – Эмма набрала побольше воздуха, и время замерло на долгом вдохе, – это просто вещи, – объяснила сама себе. Выдохнула. – Спасибо, что сходил со мной.

Следующий день оказался попроще. Натуго перемотанная нога почти не болела, почти не мешала, так что и трость

толком не была нужна. Эмма закрылась в лаборатории, выставив перед собой полную кружкупряного кофе и стопку тетрадей Рогача. Рано или поздно их нужно было открыть. Рано или поздно, да к чёрту. Сейчас.

III

– Люди из шкуры лезут, чтобы быть не такими как все, а ты и без этого, – запал кончился, и Константин скис, но фразу закончил: – особенная.

Это комплимент такой? Судя по наглой улыбке, он самый.

– Просто скажи, что я странная, – Эмма вздохнула, – не обижусь.

Константин покачал головой: нет, не то он имел в виду.

– Нет. По крайней мере, не в плохом смысле.

«Смысл один», – подумала Эмма.

– Что ты от меня хочешь?

– Ничего, – он улыбнулся, разводя руки в стороны, то ли распятие, то ли объятия... – Хочу узнать тебя.

Он давил. А этого Эмма не выносила, она просто выскальзывала из-за стола с остывшем чаем, из разговора, из-под пристального взгляда. У неё всегда, всегда-всегда имелась волшебная дверь, в которую можно уйти, за которой никто не тронет.

– Эмм?

Она вздрогнула. Почему он пристал к ней, а не к Луи? И если молчать, отвяжется?

– Я, наверное, не так сказал. Знаешь, я очень хорошо чувствую людей.

«Ты очень хорошо навешиваешь ярлыки», – поправила она, но говорить не стала. Пусть думает, что как хочет, если ему так больше нравится.

– А меня не чувствуешь. Очень романтично, – Эмма вздохнула. Хватит тут сидеть. Пора в лабораторию.

– Зачем тебе это?

Он не смотрел с укоризной, по крайней мере, Эмме хотелось так думать, очень хотелось, а ещё хотелось под стол залезть, чтобы не видеть, и чтобы её не видели. Но так ведь нельзя. Она запахнулась в кофту, пряча руки в растянутой ткани.

– Татуировки?

А что же ещё? Глупый вопрос, но хоть немного выкроит время. Выкроит и?.. Кофта больше не тянулась. Эмма смутно чувствовала, что мёрзнет. Он кивнул и чуть поддался в её сторону.

– Я не осуждаю, ты не подумай. Просто для меня, – Константин задумался, явно подбирает слова. Пусть подбирает, предыдущие вышли не очень. Эмма зажмурилась. Если сейчас встать и уйти? Если... – Для меня это странно. Не так! Непривычно. Там откуда я родом, девушки таким не увлекаются. Ну, может только музыкантки какие или...

– Проститутки? – Вообще-то Эмма подумала о художницах и бандитках, о байкершах в кожаных куртках.

– Не знаю, – он улыбнулся чуть-чуть смущённо. – Я не покупал секс.

– Ты покупал расположение. Красивый алкоголь, твоя мордашка... – Эмме сделалось мерзко от собственных слов. Нужно остановиться. – Не так уж и много отличий.

– Цинично.

«Он не обиделся?», – Эмма вздохнула.

– Прости, – она мотнула головой. – Меня сбил с толку твой вопрос. Не знаю почему. – К чему ему твои оправдания? – Прости ещё раз. Зря я...

Так бы она защищалась от Эвиных слов и нападок родителей. «Зачем ты это с собой сделала?» – ужасались домашние. Юная Эмма улыбалась, ей нравилось, наконец, обрести что-то своё, что-то, что отделило бы её от этой маленькой хибары, где всю жизнь она была чужой, неуместной и неправильной, в отличие от замечательной сестры. Как хочешь из кожи лезь, всё равно любимой не станешь. «Эмма, зачем?» – холодно и смиренно спросил тот, кто любил, спросил и руки не подал, от неё отвернулся. «Надо», – прошептала она одними губами. От равнодушия Дэвида колкости не спасли.

– Да всё нормально, – отмахнулся с улыбкой Константин. – Мне не стоило..., да?

– Не знаю, – обронила она устало. Ей очень нужно, до ломоты, чтоб хоть кто-то пожалел, как она жалела Луи, чтобы поговорил и обнял. Она тряхнула головой. – Ты про татуировки спрашивал? Мне нужно... мне... Я вижу себя такой. Мне нравится, как они выглядят. Этот контраст между тёмной краской и светлой кожей. И так я... как бы... чувствую

себя живой. Чувствую себя. Не могу объяснить. – Эмма не думала, что у неё получится говорить так долго.

– Я, кажется, понял, – он кивнул, примирительно улыбаясь. – Или нет. – Эмме стало тепло и, кажется, капельку проще. – Выглядит здорово, как по мне.

– Спасибо.

Когда-нибудь она перестанет пугаться людей.

IV

– Сиди смирно.

– Сижу! – улыбался Константин. – Ты раньше стригла людей?

– Стригла, – согласилась ведьма. – На Верне с парикмахерскими, видишь ли, туговато. – Она пожала плечами. Ей было скучно сообщать простые, сами собой разумеющиеся вещи. – Не бойся, капитан, уши оставлю.

– Эмм, я тебе не особо нравлюсь, да?

– Ты не деньги, чтобы всем нравится.

Она взяла расчёску, а ножницы опустила в карман передника. Подошла ближе близкого так, что игнорировать можжевеловый дух он больше не мог. Белым росчерком в зеркальной мути взметнулись руки. Он замер, почему-то он замер, вдохнул, а выдохнуть забыл. Но ничего не случилось, ножницы так и остались торчать в кармане передника, расчёску она сжимала между пальцев левой руки. Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным, безголосым. Снаружи бушевали метановые облака. Холодные пальцы пробежались он шею к затылку.

– Надо будет побрить, – заключила ведьма. Её дыханье коснулось макушки, запуталось в мокрых кудрях.

Сколько это длилось? Не меньше жизни. Её быстрые каса-

нья, её тепло и близость дыхания и близость... А потом пришёл Луи с машинкой для бритья, воткнул её в розетку, протянул шнур и совершенно довольный, и совершенный спокойный уселся с ногами на стол.

– Готово, – Эмма взъерошила его кудри, стряхнула простыню. – Следующий.

Луи спрыгнул со стола и два пружинистых шага оказался на месте Константина, и надо сказать, он лучше сюда подходил.

– На пять сантиметров, – показал ребром ладони Луи.

– Как пожелаете. – Она стянула с руки резинку, и закончив вычёсывать собрала часть его волос в пучок. – Ты пахнешь дымом.

– Я мылся, – запротестовал Луи. – Это рубашка.

– Да знаю.

Солнечно-белые волосы Луи падали на пол. Падали к его тёмным, ещё мокрым кудрям.

– Как там ты говорила?

– О чём? – она проводила расчёской и стригла. Проводила, стригла, отходила на шаг смотрела, кивала сама себе или хмурилась, так живо, комично.

Константин думал было уйти, но вдруг прирос к тому самому столу, где пятью минутами ранее сидел Луи.

– Обо всем!

– Конкретнее Луи.

Было видно, как нравится ей этот разговор. Нет, с Луи и

с Фетом она была совсем другой: весёлой и славной, а с ним едва ли.

– О мире, в котором живут внизу. Не в этом низу, – он вытащил руку из-под простыни только чтобы указать пальцем в пол. А Константин сидел, не двигаясь, боясь, что она разозлится? Эмма казалась такой безмятежной. Глупости, глупости. Просто боясь. – Ты тоже там был?

– Нет, – ведьма не дала Константину ответить. – Он из другого мира. Из старого дома. Мой мир – колония, как Верна, но более развитая.

– Ты собираешься вернуться туда?

Почему его вопрос прозвучал упреком?

– Не знаю, – холодно ответила ведьма.

– Эмм? – дёрнулся Луи.

– Тш. Уши остригу.

– Готов.

– Спасибо! – Луи ринулся к зеркалу. Что он думает там разглядеть? – Ты чудо, Эмм.

– Я знаю, – улыбнулась ведьма, довольно кивая.

Сеанс закончился. Она взяла веник и совок с длинной ручкой и подмела, а ведь могла приказать кому-нибудь.

– А про солнце расскажешь? – Луи крутился возле совка, норовя наступить в кучку мусора.

– Луи, шаг назад, – просто сказала ведьма, не упрекая, не повышая голоса, сказала – не цыкнула. – Встань к кэпу, – а вот на кэпе поморщилась, ну конечно же! – тогда расскажу.

Я ведь уже рассказывала?

– Ага.

– Найди тетрадь. Термоядерный синтез мы с тобой ещё не разбирали ведь?

– О боги, – выдохнул Константин, спиной ощущая, что его-то как раз никто не спрашивал.

– Неа! – Луи уже приготовился бежать за тетрадь. Стоит отметить, что ничего бумажнее Эмминых карт Константин тут на Верне не видел.

– Ты правда ученная?

– Непохожа? – усмехнулась она в привычной манере.

– Ну... Эти шали, карты.

По-хорошему ему нужно согласиться и всё.

– Как много НИИ ты тут видишь, а капитан? – Она смеялась над ним, каждым словом, каждым. Не дала ответить, сказала сама: – Я столько же. А карты вот.

«А карты вот», – повторил про себя Константин.

– Стой, – обронила она растерянно.

– Да? – он с радостью остановился. Он хотел, чтобы она его остановила. Чтобы подошла чуть ближе. Чтобы простила. Чтобы позволила показать, что он не враг и не животное.

– У тебя тут... Подожди.– Она подошла вплотную, наклонилась и провела пальцами по голой капитанской шее. – Я поцарапала, пока брила. Прости. Сейчас за мазью схожу.

– Эмм?

– Что?

– Прости меня.

– Да, кэп. Прощаю. А за что?

Глава 4

здесь пахнет солнцем

I

– Близко, – встревожено оповестил Луи.

– Кто? – так и не понял Константин.

– Друзья, – нахмурилась Эмма. – Разрешай стыковку. А ты, – она указала пальцем на Константина, – оповести Фета, чтобы был здесь, – поморщилась, – немедленно. Зараза.

– Да, Эмм, – отозвались они с Луи почти что хором.

Фет выругался в рацию, через три минуты он уже был в рубке. Луи натружено пялился на дисплей, выкручивая ручки. Эмма извлекла из кармана брюк круглое зеркальце и жирный угольный карандаш, быстро, почти не глядя, она подвела глаза, возвращая себе ведьминский облик. Фет усталый и грязный после прерванной смены в машинном кратко выругался.

Они замерли в ожидании. Константин просто рядом встал. Беды на Молчаливом Небе не повторялись.

Корабли состыковались с первого раза. Луи даже присвистнул от удовольствия, в первый раз вышло так ладно! Эмма улыбнулась ему. Она явно нервничала, но никто, пожалуй, никто кроме Константина этого не заметил. Доктор, примчавшийся из машинного, стянув респиратор и гогглы, застыл у люка, точно каменный страж, точно статуя рыцаря пред собором. Люк выпустил воздух, словно выдохнул, и

открылся. Константин вышел им навстречу, раз он капитан, значит должен встретить их первым.

– Госпожа, Эмма! – из люка вылетел широкий рыжий человек в кожаной фуражке с косматыми бакенбардами. – Здравствуй!

– Здравствуй, Людвиг, – ведьма легко проскользнула мимо спины Константина, в которой раз указывая капитану его капитанское место. Она протянула руку вошедшему, и тот радостно сграбастал своей мохнатой рыжей лапой Эммину кисть. Человек походил на пирата. За ним из люка вытекло ещё двое – Рано вы в этом цикле. Приключилось что?

– Знаешь всё, ведьма! – усмехнулся человек-Людвиг. – Это что новый у вас? Правильно, руки на борту лишними не бывают, даже у такой ведьмы как ты!

– Константин!

– Тебя не спрашивали. Так, госпожа?

– Его зовут Константин, – сказала Эмма. Спасибо, что хоть сказала.

– Будем знакомы!

– Будем, – буркнул Константин. Этот человек-Людвиг ему не нравился.

Наконец они отвлеклись. Рыжий Людвиг стянул фуражку, хлопнул Луи по спине, свистнул своим компаньонам и прилепился к Фету. Доктор покорный, точно рыбак перед бурей, вытянулся по струнке, хотя куда ему становиться ещё прямей? Вытянулся и точно выскользнул из этой реальности, от

этих людей.

– Ты пойдёшь? – шепнул Луи тихонечко, точно крикнул во всё горло: не ходи.

– Да, – ответила она также едва слышно. – Сейчас закончат и...

– Три ящика, так? – громовым басом поинтересовался рыжий.

– Один яблоки, два картошка, – подтвердила Эмма. – У Фета список.

– Потом пройдемся, госпожа! – в голосе Людвига радости было излишне, хотелось её поумерить. В нос кулаком поумерить.

– Боги, – вздохнула Эмма шёпотом. – Яблоки у нас последние.

– И картошка, – обреченно добавил Луи.

– И Фет только из машинного без отдыха, а у них ножевые опять. Вовремя, боги, вовремя.

– Эмм? – встревожился Луи и голос повысил, так что один из людвиговых зыркнул на них.

– Штурвал, Луи. Мы сцеплены, но вот то облако никто не отменял. Они явно на радар сейчас не смотрят.

– Правее, – подсказал Константин. – Уводи на двадцать градусов.

– Есть!

Корабли в связке двигались медленнее, точно огромная фура, двуглавый холм на колёсиках.

– Эмма! – позвал Людвиг. Натрепались. – Идём кофейка выпьем, пока доктор готовится. Иль покрепче, – он подмигнул. Подмигнул собака!

Она кивнула, мол иду, и двинулась. У Константина всё внутри стало как снаружи шаттла, и не увести правее на двадцать градусов.

Она задела его плечом и замерла.

– Кэп? – ему послышалось. – Кэп, – повторила Эмма, – пойдёшь со мной?

– Да, – кивнул Константин с охотой.

– Спасибо, – прошептала Эмма ему в плечо. – Каждый раз с ними пью – по краю хожу, – она шептала и улыбалась пиратам. Шептала и улыбалась. Константин никогда не думал, что можно так, что смелость не равна бесстрашию. – Не отходи от меня, – приказала ведьма.

– Не отойду.

– Что с вами приключилось? – спросила ведьма, поравнявшись с Людвигом. Константин поймал себе не мысли, что воздушных пиратов видит впервые, что сам бы с пиратами хотел бы говорить также, а ещё рома бы выпить хотел. Но мысль такая показалась ему глупостью, Эмма искала защиты, а не ребячества.

– Ох, все ты расскажи!

– Сам разве не хочешь? Похвастай, Людвиг, – подначивала она пирата.

– Ну обожди чутка! – он растянул свой рот в оскале. Пять

золотых зубов, в одном торчит зелёный камушек, неужто изумруд? – Плеснём крепкого и перетрём. С тебя, госпожа, тоже рассказ полагается.

– Как скажешь! – она нелепо подмигнула: сщурила и второй глаз. Константин и не догадывался, что можно так нелепо подмигивать.

За люком оказался длинный коридор с полукруглыми чёрными стенами, точно туннель метро. Воняло там адово: пылью и какой-то сладковато-едкой химической пакостью. Как бы запах и к ним не протёк.

– Что за? – сморщилась Эмма.

– Тараканов травили.

Эмма натянула повязку на нос. И она, и Луи, и Фет, и люди на станциях и даже пираты носили на шеи банданы. Константин ещё не успел обзавестись вернской привычкой и потому задыхался.

– Боги, эта дрянь и через ткань воняет. Похоже, что с тараканами вы вытравите и меня.

– Прости, госпожа, – Людвиг почесал голову.

Вся процессия, не сговариваясь, ускорила шаг. Коридор закончился светлым «предбанником», если такие бывают у кораблей. В отмеченных красными лампочками застеклённых шкафах скрывались нетронутые костюмы химзащиты, три штуки. «С эмблемой Молчаливого неба», – мрачно отметил Константин. Кроме костюмов два огнетушителя и меч, длинный такой широкий.

– Трофей, – ухмыльнулся Людвиг, подмечая, куда смотрит гость.

– Настоящий?

– А то!

Из глубины грохотом принесли шаги.

– Капитан? – окликнули Людвига.

– Идём! – рявкнул он в ответ.

Пиратский корабль был не меньше Неба, может даже и больше. Но был именно кораблём, и за бортом, казалось, плещутся не серные облака, а настоящие солёные волны. Константин почти слышал их шепот, их шелест.

– Минуточку, ребят! – голос Эммы выдернул его из раздумий, и шелест немного утих. Она выскользнула из хватки Людвига и как-то оказалась рядом с Константином.

– Налево, а потом ещё раз налево! – прикрикнул им след Людвиг.

– Я помню, спасибо! – отозвалась Эмма, подпихивая Константина в бок.

– Мы куда? – полушепотом спросил он. Коридоры стали темней. Коридоры, обитые снизу тёмным лакированным деревом, стали темней и уже. Пол тоже дерево. Роскошно живут. Откуда на Верне вообще взяться деревьям?

– В туалет, – прошипела ведьма.

– Я не хочу.

– Ну, можешь не ссать, – она пожала плечами.

В пиратском сортире удушливо пахло антисептическим

раствором. Она хлопнула дверью и повернула затвор.

– Что ты?..

Эмма скинула один ботинок, встала на него, расшнуровала второй.

– Снимаю штаны. Разве не видишь?

– Зачем? – не понял Константин, – Мне тоже снять?

– Как хочешь, – отмахнулась Эмма. Если это флирт, то самый безбашенный и неуместный, круче даже того раза, когда он свалился со сцены. – Была шаль – станет платье, – сказала Эмма и сунула ему в руки скомканные штаны. – Подержи.

– Мне отвернуться.

– Отвернись. Но думаю, ты уже видел девушек в трусах, и многие явно были поинтереснее меня. Я ведьма, – она взмахнула подолом вполне приличной юбки, – они хотят шоу.

– Понял.

– Не понял, – усмехнулась Эмма, – а теперь слушай. Первый раз налью – выпей залпом, сколько б не было. Ты ж военный, – она ухмыльнулась, – справишься. Дальше уже не пей, но будут предлагать – не отказывайся. И от еды не отказывайся, но много не бери. Они щедрые, но тупые, – последнее слово она произнесла так тихо, что Константин едва разобрал.

Ведьма опасно оглянулась. Не хорошо так о хозяевах, ей было жутко и стыдно. Но слышать тут некому. Константин хотел было ободряюще её по плечу погладить, благо, опомнился, точно б леща получил.

– Еда на Верне – ресурс и чуть ли не главный, – Эмма хмыкнула. – Они, видишь, пустые почти. Иначе б нас не ловили. Картошку забрали. Боги, хорошо, что Южная близко. Людвиг щедр и неблагоразумен, и команда у него такая же. Впечатление произвести и гостей порадовать важнее, а наперёд подумать... Это я так. Не ешь много, а то снова зайвится.

– Я всё понял, Эмм.

– Тогда пошли. Боги, боги, боги...

– Я рядом, Эмм, – прошептал Константин ободряюще. Будет ли правильно взять её за руку?

– Ага, – кивнула Эмма совсем отрешённо и бодро зашагала по коридору. – Нам туда.

«Сумасшедшая», – понял Константин. Они подошли к приоткрытой двери, из-за которой тянуло чем-то жареным и пряным, за которой слышался раскатистый бас рыжего. Ведьма толкнула дверь и проскользнула в щёлку, Константин последовал за ней, но дверь треснула его по плечу.

– А это кто? – ухмыльнулся один из пиратов, чернявый и бородатый, из-под дурацкой шапочки-колпачка выглядывает залысина. Он разливал пиво, и видимо прикидывал, наливать ли Константину.

– Это? – она упала на стул, закинула ногу на ногу, протянула стакан. – Мой официальный капитан, – говорила она нарочито медленно, – Вторая правая рука. Пора было завести такую. Луи мой...

– Светленький? – любопытствовал крайний пират, так

будто у Эммы было штук пять Луи на выбор.

– Светленький, – она усмехнулась, – Луи его привёл. К нам на станциях придирались, корабль большой, людей мало, не по правилам, и бумажек не доставало. Я послала Луи бумажки эти сраные выправить, он выправил и вот пожалуйста! – Эмма стукнула Константина по плечу, как заводчик бьёт лошадь по крупу. – Благо, ни Фет пошёл, он бы служивого притащил в сани. – Она снова хмыкнула, и Людвиг принялся хохотать, а за ним и остальные пираты, Константин тоже, чтобы не выбиваться из общего ритма.

Жареное мясо пахло дивно. Подумать только он не ел мяса, нормально мяса: ни маслянистой тушенки, ни этой вяленой древесины, об которую только зубы ломать, кто её вообще мясом назвал? Фета точно обдурили! Короче говоря, последний раз он мясо ел дома ещё в Тирхе.

II

Доктор вернулся раньше Эммы с Константином. Он выглядел совсем замученным.

– Так и сидишь? – сочувственно поинтересовался он, будто это Луи лечил пиратов.

– Ну да, – кивнул Луи. – Мало ли.

– Хочешь, сменю? – предложил доктор.

– Н-нет. Ты чего? Я... мне ничего не сделается. Я... Фет...

Ты устал, да?

Доктор кивнул.

– Не люблю, когда они приходят, – пожаловался Луи.

– Никто не любит. Пираты, – фыркнул Фет, – что с них взять?

– Зато они с нас взяли. Мы ничего не можем?.. Эмма пьёт с ними... Это неправильно!

– Эмма пьёт с ними, а я лечу их после стычек, – он устало уставился на свои пальцы, – пять ножевых на троих человек и одно сотрясение, про ушибы и.. говорить не буду. О чём я? Да. За тем, Луи, чтобы эти стычки были не с нами.

– И лекарства.

– И топливо контрабандное, и Эммины реактивы. Кто бы нам всё это на станции продал? И без лицензии?

Луи мог бы возразить, открыл уже рот, но не осмелился.

Фет прав. Ему очень хотелось поговорить с доктором, хотелось, чтобы тот не уходил, чтобы дождался Эмму вместе с ним. Сидеть тут действительно не сложно, но скучно, ну очень скучно следить за двумя не подвижными кораблями.

– Отдохни, немного. Я справлюсь, – заверил его Луи. Доктор кивнул и ушёл.

Корабли немного покачивало. Луи вытащил из кармана наушники, которые зачем-то спрятал, завидев доктора. Будто слушать музыку за штурвалом непристойность какая-то. Луи прикрыл глаза, он думал о солнце, и ему было тепло. Он точно решил, что когда придёт Эмма, попросит смену Фета в машинном, чтобы доктор мог подольше отдохнуть. А когда закончит, он быстро закончит. Там нужно только прибор для фильтрации отладить. Это быстро. Он с ним почти уже. Они с Эммой почти уже. Когда закончит, он пойдёт к Фету. От этой мысли стало ещё теплей.

Здорово думать, что где-то выше всех потолков и крыш, выше самого высокого тефлонового купола есть другое настоящее небо, голубое-голубое. Вот бы урвать хоть лоскуток. Жалко, что Фет в такое не верит. Но Эмма же верит, у неё и книжки про небо есть и фотографии, фильмы они иногда о небе смотрят. Правда-правда, а Фет не верит, потому что тридцать один год на Верне прожил, и ничего кроме яда, в этих твоих облаках, Луи нет. В этих нет, но в других-то!

Луи сидел в машинном, дожидаясь пока установка перезапустится, и бездумно грыз ломоть сушёного манго, сахарный-сахарный, рыжий-рыжий – никакенный на вкус. Фет может говорить всё, что ему захочется, всё-всё. Да пусть хоть справочник свой с костями наизусть зачитает! И кодекс Молчаливого неба, и схему полураспада урана. Пусть двести, двести тысяч раз окажется прав! Луи послушает, он послушный, только горечь его никуда не девается.

Фет добрый и любить умеет, лучше всех умеет. Как доктору не уметь? Это врачам можно, а докторам никак. Он и прощать умеет: Эмме как святой, всё грехи отпустил и кэпа принял, и Луи тоже. Не найти сильней, мудрей не найти.

Луи проглотил чёртов манго, не жуя и не чувствуя вкуса. Пахло кругом по-машинному, по-железному. Фет ругаться станет: нельзя здесь есть да ещё и грязными руками. Но Луи крошки за собой уберёт, будто ничего и не было. Возьмёт сейчас веник, куда его спрятали? Возьмёт и сметёт. От этой мысли стало полегче. Совсем ненамного, но стало. Луи поднялся, придирчиво цыкнул на термопару², вытер руки о бёдра: ткань рабочего комбинезона привычно шершавила. Это ж Эмма достала. Чтоб он без Эммы делал? Тревожные мысли сделали круг и цапнули Луи за задний карман комбине-

² Термопара – это устройство для измерения температур, основанное на эффекте возникновения электрического тока при наличии разницы температур между двумя проводниками (двумя частями термопары) различного состава, выводит на экран вторичного прибора значение температуры.

зона, за тот, где гаечный. Он сидел на гаечном ключе и не заметил!

Эмма и Фет. Фет и Эмма. Два неба: Вернское и... Нет, его, Луи, нет, твердит Фет. Луи мотнул головой. Где ж там веник? Эмма же говорила... Эмма и Фет. Два причала, два начала. Луи било надвое, а ведь ничего кругом страшного не было! Эмма с доктором славно ладила, и доктор Эмму любил. Как они такие разные мирно ужились? Здесь Луи стало совсем гадостно от какой-то подковерной зависти. Не будет же Луи ссорить друзей, только потому что ему вот так... Ведь если по-честному, ну давайте уже по-честному: они не разные. Да, Эмма хитрее и свободолюбивее, на быт не смотрит – сама манго грязными руками ест, в богов не верит, а в Луи верит, но с Фетом они плечо к плечу стоят и знают одно, одно дело делают. Луи нашёл веник, честно-причестно сейчас ещё и совок найдёт. Сколько в машинном не мели? Грязи вон выше купола корабельного.

– Привет! – он без стука проник в докторский кабинет. – Ты как? Выспался?

Доктор кивнул.

– У тебя что сейчас?

– Н-ничего. Не знаю, – Луи растерянно вжал голову в плечи. – Фет...

– Ну? – доктор равнодушно посмотрел на него. – Тебе заняться нечем?

– Нет. Я уже!

Луи и овощи перебрал последние, и в машинном отладил эту..., ну как её? Отладил в общем.

– Я тут вспомнил кое-что, – Луи пересел на подлокотник докторского кресла, чтобы лучше видеть его, чтобы доктор мог нечаянно коснуться его, нечаянно спихнуть. – Может, моя амнезия, – он покрутил это слово в уме, странное слово, – не такая и необратимая, а?

– Может, – согласился Фет, он был занят, писал очередной отчёт о встрече с пиратами. – Я не давал прогнозов.

– Прогнозы это к Эмме, – усмехнулся Луи. Доктор неодобрительно цыкнул. На Эммин заработок он смотрел сквозь пальцы, не то чтобы запрещал, попробуй Эмме запретить, но благословения явно не давал.

– И что там было? – Фет равнодушно пролистывал станционную газету, смахивал пальцем статью за статьёй.

«Нечто солнечно-звонкое, золотое-золотое, колокольный перезвон!» – хотел выкрикнуть Луи так громко, чтобы услышали все на этом и на Эммином небе, чтобы хоть немножечко вернуться в тот дразняще-яркий день. Чтобы хорошо стало, как тогда было. Но Фет сидел такой отрешённый и чужой, что не скажешь, все пропустит.

«Не поверит», – с грустью понял Луи, отвернулся к стене и сказал:

– Ничего.

Доктор только пожал плечами, как бы говоря: ну и к чему это всё было?

III

После встречи с пиратами Эмма убежала мыться, а он остался в рубке. Луи пора было сменить. Константин запоздало подумал, что встреча с пиратами была возможностью, если не свалить с Верны, то хотя бы узнать как. Как-то же это возможно. Он не знал, конечно же, он не знал, что будет делать, если получится. Получиться раздобыть корабль, получится вернуться... Домой? К Августину?

Ты проиграл, герой.

Каждый новый человек был дверью, через которую можно сбежать. Если в начале Константин думал, что ссылка – милость, не заслуженное послабление, то теперь оценил и сполна. Верна – ад. Но люди-двери, как оказалось, попадаются редко и никто ни том корабле, ни этом помочь ему не способен. А ведьма не станет. Пираты, которых она так боится, хмурый доктор, воришка...

«На что я надеюсь?» – вздохнул Константин. Стоило поспать.

Он настолько устал, что ему привиделось, будто бы... Он стоял у ведьминой каюты ночью, стоял, а потом вошёл.

Константин застыл у двери. Открыл уже, а всё не заходит. Приглушённый оранжевый свет лился к его ногам абрикосовой сладостью, летним вечером, недостижимой нежно-

стью. Они лежали кошачьим клубком под стёганым одеялом. Светлые волосы Луи разметались по подушке, лицо его было красное и опухшее. Эмма гладила пацана по голове и шептала всё что-то доброе и бестолковое. Константин не видел её лица, только руку с чёрными драконьими крыльями.

– Что-то наверху? – спросила она тихо, точно вся комната, весь корабль, всё молчаливое небо держалось только на ней, на её голосе.

– Всё в порядке, – заявил Константин, решительно отпихнул дверь и большой грозной тенью затёк в её маленькую комнату. «Милая, – думал он, – у Эммы комната типовая, но обжитая: вон какой бардак».

– Привет, кэп, – поднял голову Луи. – Иди к нам.

Ну он и пошёл. Чего в том такого? Снимет ботинки, уместится с краю. Теперь он заметил, что большую часть Эминой кровати занимал именно Луи, сама ведьма лежала у стенки. Никакой это не клубок так два человека, которые пытаются выплыть в этих ядовитых облаках.

– Кэп, – начала она резко. Неужели против? Выгонит? Смешно. Сколько можно вот так? Ходить друг подле друга, как враги шипеть. Нет, он не отступит. Что он плохого ей хочет? Не обидит же! – Там капли мои на столе, – продолжила Эмма всё также тихо и чуть хрипло. – Дай пожа-луйста.

– А?

– Вон те, в белом пузырьке.

Всего лишь.

К утру всё это стало сном. Во снах и только свет бывает сладким и абрикосовым, а ведьмы добрыми.

Живая же Эмма сидела в рубке, закинув ноги на стол. Ноги в ботинках. На столе кофе. Благо, Фет не видит, он бы такого не вынес. На глазах чайные пакетики. Вполне обычная Эмма. Наверное, всё же приснилось.

– Это?..

– Это компресс, – отозвалась Эмма, не снимая пакетиков. – Глаза опухли, – Эмма махнула рукой и звонко стукнулась кистью о подлокотник. – Бесит.

– Помогает?

– Вполне. – Всё так же не глядя, она подняла ноги: вот-вот ботинком заденет кофе.

– Осторожно, кружку не смахни! – Константин рванулся к столу.

Нога застыла в сантиметре от чашки, почти касаясь тяжелой подошвой фарфорового бочка.

– А? – Эмма сняла один пакетик, прищурилась на кружку. – Точно. Забыла, – вздохнула: – Боги, когда-нибудь я выплещусь, – рассеяно улыбнулась и встала. – Кэп...

– Да?

– Хочешь кофе?

– Без сахара и все ложки грязные? – решил вернуть её же слова и сразу пожалел.

– Не, – ухмыльнулась Эмма, – Луи вчера помыл. Так бу-

дешь?

– Буду, – кивнул Константин. Не зачем рушить это хрупкое, это странное равновесие. Нет, он не нравится Эмме, пока не нравится, но с этим уже можно жить. И мысль о том, что ведьма сама захотела и сама сварит ему кофе; поселила внутри нечто теплое и чуть ехидное.

Эмма залпом допила свой кофе, будто это спирт такой, и, подхватив кружку за ручку точно сумку, ушла.

«Может ещё наладиться?» – подумал Константин, усаживаясь на «капитанское» кресло «под любую задницу», как здесь говорили. Точно Луи придумал. Хорошо, что он ему тогда встретился. Иначе бы... иначе... Константину и думать не хотелось, как бы всё вышло, если б не Луи, если б не «Молчаливое небо».

Его вышвырнули, всё отобрали, а потом искать вздумали. Да пошли они! Пошли они, туда, откуда не возвращаются! Правильно он всё сделал. Нет, больше Тирхи, нет генерала Кесаева. Есть кэп.

На дисплее вихрастые бури крутили сине-зелёные пиксельные хвосты. «Небо» летело ровно. Он просто смотрел. До заветной Южной всего-то десять часов на этой скорости.

Она вернулась минут через десять с двумя кружками и без пакетиков.

– Держи, кэп.

– Спасибо, – он улыбнулся. – Ты сколько уже выпила?

– Одну. Не будь как Фет, пожалуйста, – Эмма вздохнула. –

Как тебе у нас? Тоскливо?

– Да нет. Мне нравится «Небо», – сказал Константин без удивления. Нравится...

– Правда? Две беды за неделю, – она прыснула, – даже для Верны многовато. Зато ближайший месяц никакого Людвига.

– Первая, я так понимаю, я.

Эмма улыбнулась.

– Я не... Боже! Луи мог бы предупредить меня.

– Меня он тоже не предупредил, – поделился Константин. – Я видел, кстати, у пиратов защитные костюмы «Неба».

– Пришлось подарить. Когда они в первый раз прилетели, – она шмыгнула носом, потянулась к каплям, – я не знала, чем откупаться. Мы с Фетом знатно тогда пересрались. Корабль был рассчитан на двенадцать человек, плюс мы хотели нанять местных. Костюмов много.

– Зато теперь пираты носят эмблему «Молчаливого неба». Тебя уважают.

– Так я не думала, – ведьма наконец улыбнулась. – Молчаливого... Ты знаешь?..

– Да?

– Что «НМ» по-другому расшифровывается. Мы не «Небо Молчаливое».

– В смысле?

– Никольский металлургический. Наш спонсор. Это компания, отлившая кораблик.

– Серьёзно?

– Ага. По документам мы «фэ-пэ-чего-то-там-дробь-два». Два, потому что отдельно космический блок, отдельно Вернский.

IV

– Эмм, ты спишь?

«Луи», – подумала она обречённо. Что-то опять пошло через жопу. Эмма открыла глаза. Да, Луи. Глаза красные, сам убитый. Она откатилась к стенке, дёрнула к себе подушку.

– Поместишься?

– Ага. – Он скинул ботинки, не расшнуровывая, стянул толстовку и влез на кровать.

– Фет?

– Фет, – подтвердил Луи. – Он мне не верит.

– Это же Фет.

Гадать, почему они опять поссорились, сил у Эммы уже не было.

– Почему он не может относиться ко мне хорошо? Я же не делал ему плохо. Никому не делал? Потому что я вор, да?

– Нет. Нет, – повторила она. – Потому что Фет... потому что... та ещё задница.

Эмма вздохнула.

– Эмм, расскажи сказку, – попросил он. Эмма недовольно покачала головой. Луи и так отобрал у неё кучу «свободного времени», которое она могла провести в лаборатории. Но внутри... внутри все бурлило от беспокойства. Пробыть одному эти два часа? Он не сможет. Луи ненавидел сам се-

бя. Как можно быть таким слабым? Ну как? Эмма поправила шаль. От неё пахло какими-то тёплыми благовониями.

– На самом краю земли, – начала Эмма и голос её изменился, стал не громче, но звучней и глубже, точно обрёл силу, наполнил маленькую каюту и весь корабль вместе с ней. Луи любил представлять, будто звуки имеют цвета и форму, точно волны они перекатываются по миру, по станциям, не оставляя места свербящему чувству. Зачем Фет так груб с ним последние дни?

– ...там, где море обрывается водопадом, где всегда закат и всегда осень высится башня из звёздной земли. В башне живёт бог, что мудрее всех земных царей. Бог выходит на крышу башни ровно в полдень, раскуривает тонкую трубку, и поднимаются над островами туманы. В полночь он приходит снова, смотрит на звёзды через старенький телескоп. Он прикупил его на блошином рынке в одном из тысячи миров. Насмотревшись, бог уходит. Он рисует в полутьме атласы вечно-изменчивого неба. Говорят, по ним можно найти Ирею. А можно и ничего не найти. Мало кто умеет плавать в чёрной пустоте. Чёрной пустотой боги космос зовут.

– Странная сказка, – заметил Луи. Эмма кивнула.

– Не помню даже, откуда она взялась. Но мне нравится думать, что где-то есть небо, к которому мы всегда можем вернуться. По крайней мере, у бога из сказки оно есть.

– А ты бы вернулась?

Эмма пожала плечами. Сказки о боге, живущем на краю

всего, придумала её младшая сестра.

– А ты? – спросила она. Но Луи тоже не знал. Воспоминания пусть и придуманные со временем тускнеют. Может и его уже... всё?

– Как ты это всё терпишь? – он шмыгнул носом, маленький и несчастный, даром что всю кровать занимает, а Эмме уголок остался.

«Как-то терплю», – подумала Эмма, ни одной занозы внутри: ни злости, ни раздражения. Она же просто сидит и не делает ничего толком. Что тут поделать? Гладить по спине и быть.

– Я только и ною, – Луи вздохнул и вытащил новую салфетку. На полу уже успела скопиться заметная белая горка.

Эмма вздохнула и отняла руку. «Вот стукнуть бы вас с Фетом лбами!»

– Не стыди себя. – Эмма чувствовала, как слова безвкусные, бесцветные скрипят на языке. Он её не слушает. – Всё хорошо, – шептала она ему в сгорбленные плечи. Что ещё шептать?

– Ты не выспишься.

– Выплюсь, – соврала Эмма.

– Эмм? – протянул с выражением. Ну кому ты лжёшь?

Она глянула очень строго. Только Луи лежал спиной и глаз её видеть не мог.

– Мне жаль, что когда тебе было страшно, никто не мог поддержать тебя, – сказала она вполне честно, но в голове

звучало другое: «мне так обидно, что никто не помог мне, когда кругом было так темно, что хотелось лечь и сдохнуть. Поэтому я не оставляю тебя с этой гадостью наедине». – Поэтому я здесь сейчас.

Луи улыбнулся очень бледно, но очень тепло. Значит, всё не зря. От постели пахло его потом. Эмма приобняла его за плечи. Всё будет здорово, мальчик мой. От нежности в груди клокотало и от боли чужой.

– Ты наверно уже устала от меня? Я.. я пойду.

– Точно?

– Да, – он встал и вытер нос, наклонился, чтобы собрать салфетки и снова шмыгнул. И было это так нелепо и мило, и печально, и... – У тебя тут кулон.

– Что? – Эмма рассеяно мотнула головой.

– Кулон, – повторил Луи, протягивая ей пыльную побрякушку.

– А-а, – протянула Эмма. Стекло приятно холодило пальцы. Только сейчас Эмма поняла насколько ей жарко и неудобно душной каюте. Эмма встала, чтобы прикрыть дверь, оставляя щелочку. Как она будет здесь спать? До смены оставалось часов шесть.

«Проклятье», – заключила Эмма и без особого интереса обратилась к находке.

В круглодонной колбочке перекачивалась сухая полынная веточка, сверху пробка, посаженная на вспузырившийся клей, и колечко под шнурок. Она надевала подвески не

часто, по большей части ленилась: застёжки эти сушая пакость, и шнурков у Эммы было два, они вечно путались, точно змеи в клубке, сначала размотай, потом выцепи кучи побрякушек нужную. С кольцами проще. Где-то под майкой болтался серебряный медальончик, привезённый из страны дешёвых отелей, пурпурной жары и эвкалиптового чая. Эмма носила его не снимая, точно волшебный талисман. Ей бы хотелось иметь такой. Хотелось, чтобы кто-то мудрый однажды сказал носить и беречь, потому что в этой серебряной глупости защита высших сил. Хотелось волшебного и особенного. Скорее так носят божьи знаки – золотые солнца и кресты, не побрякушки с туристических рынков и полынные веточки в стекле. Эмма покрутила кулон: целый вроде как, грязный только. Разлука и горечь. Что ж, мне подходит. Вообще-то она любила полынный аромат, его глубину и дурманную резкость, такое вот непопулярное мнение. Эмма погладила кулон, стирая налипшую пыль. Дешевая вещица.

На утро она действительно ни черта не выспалась. Кофе уже хотелось не пить, им хотелось умыться.

Вот почему опять *она* должна что-то делать? Потому что может? Или ей заняться нечем? Развернуться легче лёгкого и Фету меньше проблем.

– Фет, – она спокойно вошла в его кабинет, закрыла ящик с инструментами, а сверху поставила две чашки. – Надо поговорить. О Луи. Не спорь, мне тоже не хочется. Вот чаю выпей, – она указала тонким пальцем на чашку, едва не макну-

ла. Но Фет не заметил или решил не промолчать? – Много бинта на Людвигу ушло?

– Много, – мрачно согласился доктор. – У нас антибиотики закончились и обезболивающе почти все вышло.

– На Южной возьмём. Я подам запрос.

– Уже. Что с Луи?

Эмма вздохнула.

– Он расстроен. – Нет, мягко не получится. Боги, знала бы она ещё как говорить с людьми! – Ты был груб, Фет. Луи обиделся. Эти воспоминания очень дороги ему.

– Это фикция, сама знаешь. Какой к чёрту солнечный мир, он родился вырос на местном блошином рынке. Да, не завидная правда получается.

– А если нет?

– А если да? Добрый солнечный мир позовёт его обратно? И там, я не знаю, его ждёт милый домик среди ёлок и лилий?! В твоём мире, Эмма, есть ёлки?

– Есть. И лилии тоже. И милые дома.

– А воришек там любят?

– Луи исправился.

– Люди не меняются.

– Ох! Конечно!

– Конечно, – упрямо гнул своё Фет. Сил спорить с ним у Эммы не было. Эмма спорить в принципе не любила. – На что этот дурень надеется?

– Он верит.

– В небо? – саркастично вставил доктор. – Небо оно молчаливое. Слушай-не слушай – не заговорит.

Эмма молчала как Фетово небо. Что бы она ни сказала сейчас, сделает только хуже. Боги! Как можно быть таким упёртым и тупоголовым? Таким не эмпатичным? Да, ты прав Фет. Тысячу раз прав, четыре тысячи грёбанных раз! Нечего искать ответов свыше, выше один потолок. Эмма сама в богов не верила и в магию тоже, и благородству сестры, и маминым обещаниям. Хочешь – не делай сама. Но Луи верит и ему больно.

– Нельзя с ним так, – наконец выдавила Эмма.

– Он не ребёнок, – хмыкнул доктор.

– Пей свой чай, остывает.

V

Её чай пах солнцем, так говорила Эмма, так он за ней повторил. Её чах пах жёлтыми первоцветами, медвяной примулой. Когда-то мальчишкой он собирал букеты в лесах. Мама собирала, а он помогал. Отец всё журил их дома, что редкие цветы обдирают, но весь лес, весь-весь был усыпан желтым медовым цветением. А ещё её чай пах лимонным мармеладом, такой он сам себе покупал и ел по дороге домой, и руки о штаны вытирал, и упаковку в дальней мусорник выкидывал, чтобы дома не узнали, не увидели. А потом он вырос и лесу стал бывать только на учениях. На кой чёрт цветы тому, кто на учении? Ему и мармелад не нужен.

– Я сама собирала. Притащила на Верну ворох пряной травы. Такая здесь не растёт. Ей солнце нужно настоящее и небо с облаками. Чувствуешь? – В её взгляде отражались далёкие леса и облака густые, ватные. Она и сама ведь пахла лесом, камнепадами пахла и солнцем.– Видимо, я стала ведьмой ещё раньше, чем Луи предложил шаль.

– Вкусно, – только и сказал Константин.

– Завтра к Южной причалим. В шесть где-то. В половину седьмого поезд до станции.

– Ты ссадишь меня?

– Нет, – она обронила это «нет» серебряной капелькой,

привстала с кружкой в руке, взглянула робко, не выдержала ответного взора.

– Спасибо.

– Не проси.

Глава 5

в осенней глуби

I

Хуже всего пришлось доктору: на его душу выпало дежурство в рубке. Остальные смены Эмма отменила, рассудив, что за ночь эта кастрюля не развалится, а нам надо спать. С рассветом она поднялась в рубку сонная, но полностью готовая с массивной серой сумкой на плече. У Константина была похожая для походов в зал. Луи растолкал его ещё раньше. Кто растолкал Луи, кэп не знал. Пацан весь горел в предвкушение *дела*.

«Швартуемся!» – объявил доктор. Корабль заметно трянуло.

Фет кивнул Эмме и отступил от штурвала. Было в ней что-то волшебное в этот притворный рассветный час. На тонком экране, точно глумясь над экипажем и всей Верной как она есть, разгорался рубиново-алый рассвет.

Сквозь густую дегтярно-вязкую черноту летел состав. Южная считалась большой станцией, дважды в день сюда прибывали корабли: торговцы и пираты, прилетали послы, а всякие ремонтники закупались материалами. Южная жила автономно, и потому продать здесь можно было только что-то по-настоящему интересное. Редкие фрукты, вещи из Старого мира, картины. Картины покупались особенно активно. Художников на Верне практически не было, оно и понятно

в ядовитом мире нужно работать – выживать, а не кисточками размахивать. Так объяснял Луи и Константин в принципе был с ним согласен.

Пацан обещал, что их ждёт *дело* и большего не уточнял. Говорил: весело будет, что тебе, капитан, скучать? Нужно только пойти со мной, вместо Фета. Доктор сам любит продукты закупать, но его могут и позвать куда-то. Луи пообещал, что позовут.

Константину план не нравился, он его не понимал, а главное он не понимал, что за *дело*. Но Луи был настойчив. И должность капитана, который ничего не решает, а только крутит гайки в машинном, ну или не гайки – без разницы, порядком ему надоела; и вроде с Неба его пока не гонят, а так может и вовсе не выгонят.

План был простой: Фет отправляется по каким-то своим врачебным делам, его, кажется, позвали консультировать, Эмма колдует, а они с Луи...

Фет читал что-то, отрешённо хмурясь. Эммина сумка покоилась у него в ногах. Сама Эмма дремала, завернувшись в пёструю шаль. Волосы падали ей на нос. Ох, если бы он сидел рядом, на месте доктора, мог бы смахнуть, мог укрыть её своим свитером. Свитер, Константин, позаимствовал у Фета.

Станционные поезда были устроены таким образом, что в каждом вагоне умещалось не больше пяти пассажиров, остальное место отводилось багажу. На станции прилетали покупать и продавать. Редкий делец расстанется со своим то-

варом. Чужакам на Верне не доверяли, на Верне вообще мало кому доверяли. И всё же он предпочёл бы сесть с ведьмой, хотя бы просто для того, чтобы подействовать ей на нервы. Луи напевал что-то бодрое, постукивая пяткой. Из его наушников доносились бойкие басы, а иногда переливы скрипки. Эмма уронила голову на плечо доктору. Луи зашёлся в припеве. Темнота всё не кончалась. Текла и текла. Если бы он мог тоже провалиться в сон... Но сны не шли, а когда приходили, изматывали точно смена в машинном.

– Дай наушник.

Луи недоуменно уставился в его сторону, он был там, среди музыки и солнца, которого никогда не знал.

– Чего?

– Наушник. Дай. Один, – отрывисто повторил Константин, перекрикивая грохот.

– Да, кэп.

Стало полегче. Незнакомая музыка заполнила мысли. Легче. Если не слушать себя, не слышать всю эту гадость, становится легче. Почему он раньше этого не делал? Сильный такой, герой! Конечно, конечно. Ни чёрта он не сильный выходит, жалкий какой-то, своих же мыслей боится. Луи мычал и постукивал пяткой, барабанил пальцами по сиденью. Константин никогда особо не ценил музыку, но, если так?.. Если можно вытеснить себя хотя бы на немного, пока эта гадкая чернота не кончится, можно ведь?

Поезд встал. Запахло креозотом, той чёрной дрянью, ко-

торой смазывают шпалы, а ещё горячей пылью и стоячей водой. Константину захотелось заткнуть чем-нибудь нос. Респиратором он так и не обзавёлся. Вагон мучительно дёрнулся, покати́лась Эммина сумка, проехала полметра, проехала бы и больше – Фет схватил. Луи дёрнулся. Наушник выпал. Поезд остановился, снова дёрнулся и снова встал. Машинист пробухтел что-то про спокойствие. Луи подал Константину наушник, Эмма что-то сонно промычала, Фет отечески поправил её шаль. Поезд громыхнул и наконец поехал. Ползли они ещё минут сорок, песни у Луи закончились и пошли по второму кругу. Всё они были бодрые, славные, совершенно одинаковые, всё они слились в одну длинную бессмысленную мелодию, всё проскользнули мимо.

Тьма расступилась и от резкости ламп у Константина заболели глаза. Поезд встал и точно вздохнул.

– Приехали! – объявил доктор и встал, крайне довольный собой, до неприличия бодрый. А то без него не понятно, что приехали!

Эмма сонно шурилась на станционные лампы, жёлтые и слепящие. Она потянулась за сумкой и потеряла шаль. Выругалась. Подняла и снова уронила.

Фет наклонился, длинный, что шпала, он мог просто протянуть свою длинную руку и достать до другого края вагона, доктор поднял шаль и легко и умело замотал в неё ведьму. Луи что-то обиженно пробурчал за его спиной, и Константин с удивлением обнаружил, что злится. С чего бы?

Хорошо, что доктор не пойдёт с ними. Целый день в компании Фета Константин бы не вынес.

– Куда нам? – Луи влез между Эммой и Фетом, оттесняя доктора к краю перрона.

– Туда, – Эмма махнула в сторону длинного пологого эскалатора, который ехал скорее вдаль, чем вверх. – Поднимемся. Распишемся. Документы?

– Тут, – Фет хлопнул себя по карману.

– Дай, – попросил Луи.

– Зачем? – не понял доктор. – Потеряешь.

– Мой же паспорт... – обижено напомнил Луи, вставая вторым на эскалатор за Эммой. Ведьма отрешённо глядела по сторонам, сжимая свободной рукой перила.

– Да какая разница? – отмахнулся Фет. Луи поник.

Эскалатор привёз их темный зал пустой и скудно обставленный, у стен на хлипеньких коричневых сидениях спали какие-то неопрятные господа с большими рюкзаками. Завидев команду Неба, один из них, не такой уж и спящий, поднялся и пнул друга локтем, тот тоже привстал, шикнул недовольно, стянул с глаз бандану, пригладил волосы и ломался к ним. Фет ускорил шаг.

– Автостопщики, – шепнул Луи. – Хорошие ребята. Не заговаривай с ними.

Вовремя. Константин почти поздоровался.

– Вы все такие нелюдимые?

– Нет, только я, – отрезала Эмма, голос у неё был сонный,

а вид страдальческий.

Зал закончился. Парень не успел добежать, дверь захлопнул Луи.

– Прости друг, – сказал он в пустоту. – Всем не помочь.

– Они к Краю летят, – бросила Эмма. – Нам не по пути. Край на востоке, – точно для Константина добавила. – Там станций сорок рядом, знаешь, как деревня плавучих домиков.

– Воу! А может по пути? – влез Луи.

– Притон там летучий. Даром что ли Край? И нечего всякий сброд подбирать, – отрезал Фет. – Корабль ведомственный.

«Ведомственный! Куда там!» – хмуро подумал Константин.

На выходе у них попросили документы, и Константин как-то незаметно оказался первым: Эммина сумка застряла на ленте, Эммин паспорт остался в сумке. Доктор наблюдал за этим, не скрывая привычного недовольства, чужие промахи он отмечал с особым ехидством, но Эмме замечаний делать не стал. И это разозлило Константина ещё больше. Он ей явно симпатизирует, но главное Эмма отвечает доктору тем же. Было б ещё за что!

Луи тем временем подкрался к Фету:

– Ну что тебе жалко паспорт отдать? Я что дурак совсем?

– Не совсем, – холодно ответил доктор, не прошибаемо уверенный в своей правоте. Вот всем бы так! Вот Констан-

тину...

Наконец парковочные коридоры закончились, и они вышли в «город».

– Я так давно здесь не был. – Доктор мечтательно огляделся. Руки у Константина чесались, чесался язык. Как бы не сказать что-то гадкое? – Всё изменилось, какие лианы! – он указал в сторону разросшихся вьюнов: целую стену заплели и пахнут, пахнут конфетами какими-то. Константин нормальных сладостей уже месяц не ел. То ли Верна настолько жестока, то ли команда его на конфеты тратиться не желает. Это доктор небось. Кофе не пьёт, полы моет по графику, ворчит без дела, смотрит на людей, точно душу вытягивает. А если нет у Константина души, всё Тирха забрала? Пошёл он!

Но доктор уходить не спешил, всё продолжал крутить башкой:

– Изменилось... Выгоны новые, а люди те же. Постарели, – добавил он мрачно, – и я постарел.

– Ты чего? – улыбнулся Луи. – Станция как станция, есть чем поживиться.

– Луи! – цыкнул Фет.

Тот разулыбался, демонстрируя неправильный прикус, на это он и рассчитывал:

– Спокойно, я гипотетически.

– Шш, ребят, – Эмма приложила палец к губам. – Смотрите левее! – Она взмахнула рукой, указывая в сторону по-

толочных балок. Прямо на этих балках гнездилась колония толстых серо-синих птиц.

Больше вороны, прикинул Константин, но похожи голубей, а крылья короткие. Раньше он таких птиц не встречал.

– Пурики! – усмехнулся Луи со знанием дела. – Можно жарить, но лучше в бульон – на дольше хватит. Если, конечно, сумеешь поймать.

– Чего? – Фет изумлённо уставился на пацана.

– Того. Не всё тут из хорошей семьи, – хмыкнул Луи. – Хочешь жить – нос не вороти.

– Ты шутишь, – процедил Фет. – Ты ведь шутишь?

– Без двадцати восемь, ребят, – строго вставила Эмма, перехватывая получше свою серую сумку с колдовской атрибутикой. Кому она в такую рань собирается гадать, Константин не спрашивал. – Пора, – заключила ведьма, ускоряя шаг. – Меня не ждать, – смотрела она уже не на них. – Не скучать. Но помнить, что я рядом. Луи!

– Да, Эмм!

– Пиши, к вечеру.

– Так точно, Эмм!

На том они разошлись. Луи спросил, могут ли они купить горячего шоколада? Но перед этим подождал, когда Фет точно, совсем-совсем исчезнет с обозримых горизонтов. Он, такие вещи не жалуется. А Константин сказал: конечно! Всё, что злило Фета, сегодня его дико радовало. Он был готов купить Луи весь шоколад вернского неба.

Они завернули в проулочек, узкий на столько, что можно плечами сразу о два балкона стукнуться. Константину вспомнились пошловатые байки о старых городах, в которых когда-то не было канализации и ночные горшки выливались прямо из окошек. Он поднял голову и чуть не врезался в спину впередиидущего Луи. Окна были маленькие и круглые, похожие на корабельные иллюминаторы. Видимо, стекло на станции сэкономили, а может это вообще был пластик.

– Ты давно знаешь Эмму? – наконец, решился спросить Константин. Вообще-то он хотел спросить другое, но на «другое» пока не хватало сил.

– Давно, – задумчиво протянул Луи. – Мне было шестнадцать и чуть-чуть, когда мы встретились. Сейчас мне семнадцать с половиной. Ну, полгода где-то. Да, – Луи кивнул сам себе. – А что тебе интересно? Хочешь... хочешь замутить с ней?! Не, кэп, Эмма учёных любит.

– Я..., – замялся Константин, влетая плечами ровно в два балкона. Не стоило об этом думать. – Я не о том. Хотел спросить... Мы же команда вроде как.

– Да, – согласился Луи. – Команда! – Он больше не слушал, а выглядывал заветную дверь, за которой варили горячий шоколад.

– Я ей не нравлюсь, – признал Константин, – понятия не имею, почему.

– Правда? – Луи встал на цыпочки, глядявываясь в вывеску. – Она классная и ты ничо так, – пожал плечами, – боль-

шего не скажу. А с чего ты это взял?

– Э-э...

– О, глянь! Пришли.

Внутри кофейни пахло дивно: корицей, сдобой и шоколадом. Места там было совсем немного – в маленький зальчик едва ли вмещал несколько столов и витрину. Люди заскакивали, хватали тёмные бумажные стаканчики, белые хрустящие пакеты и исчезали. Луи пристроился в очередь.

– Знаешь, тут говорят, если к прилавку выстроилась очередь, там что-то стоящее, – поделился он. Константин мог бы поспорить. Но кой чёрт расстраивать парня? Он счастлив оказаться в этой маленькой кофейне, не лучшей, далеко не лучшей. Константин привык завтракать в заведениях на порядок приличнее. Обычная захолустная кофейня, но милая. – Будешь что-нибудь?

– Буду.

Константину подали круглую белую булку с толстым слоем ванильного крема и стаканчик чего-то густо-чёрного и очень горького, как тот воздух, по которому ехал утренний поезд. Напиток Луи пах лучше – ликером и шоколадом.

– Вот зараза! – фыркнул Луи. – Это невозможно пить. Сладкое как...

– А у меня горькое!

– Мм... – протянул Луи. – Нам бы третий стакан. – Мм...

Отпей чуть-чуть.

– Зачем мне пить это?

– Ты за него заплатил! – усмехнулся Луи, отпивая из своего стаканчика. – Не расстраивай Фета.

– Вот ещё! – возмутился Константин. Смысл делать себе плохо из-за какого-то Фета?

– Один глоток, – протянул Луи. – Я перемешать хочу. У тебя чистый кофе, у меня ерунда какая-то орехово-шоколадная.

– У тебя ликёр, – заметил Константин мечтательно, он ведь с Тирхи не пил, даже пива по прилёту не дали.

– Правда? – удивился Луи сунул нос в стакан. – Не-е, один ароматизатор. Та-ак, – протянул, – пей давай. Вместе это съедобно будет!

– Можно было просто стакан попросить и не давиться.

– Поздно, – Луи забрал стакан Константина, снял крышку, снял и со своего, перелил немного горечи к несчастному ликёру, перемешал, перелил обратно, потом ещё раз и ещё. – На!

Константин попробовал: и правда съедобно! И этого парня Фет дураком считает?

– О, глянь! На тебя девушка смотрит!

– Какая? – заинтересовался Константин.

– Там вон с рыжими волосами у выхода.

– Мм... – Константин посмотрел куда, указывал Луи. Девочка действительно пялилась на него, хорошенькая, низенькая с милым личиком, бедра только широковаты, но это её не портило. Девочка на вид была где-то как Луи. Констан-

тин отвернулся Девочка как девочка. – Она тебе больше подойдёт.

– Не думаю, – точно извиняясь, ответил Луи. – Мне мальчишки нравятся.

– О... эм... – Константин обомлел. Он шутит?

– Не ты. В смысле, не бойся, если что. Знаю, вы с, – он ткнул пальцем в полоток, – боитесь. Но ты не бойся, в общем. То есть ты классный, но я вижу... В общем, ну...

Луи не шутил.

– Я понял, – закончил за него Константин. Он не понял. На Тирхе такое было дикостью, такое не приветствовалось, особенно среди отцовского круга. Если бы... Проще промолчать. Проще замолчать. – Доел? Пойдём тогда?

– Сейчас. Нужно в ежедневнике отметить, – Луи вытащил из кармана жилета маленькую черную книжку с мудрёным замком по корешку. Сумки он принципиально не носил.

– То есть ты отмечаешь в ежедневнике, что съел булку?

– Да, а что?

II

Эмма разглядывала журнал электронной записи: её фамилия висела на третьей строке с номером K519 в колонке ожидания. Очередь двигалась медленно. Эмма ненавидела поликлиники, ненавидела очереди ворчливых и словоохотливых старух, запах белизны, спадающие синие бахилы. На Верне их ещё и стирали, дабы использовать повторно, пока не порвутся или сотрутся от многократного старушечьего шарканья. Иглы, она надеялась, всё же были одноразовыми.

Колдовская сумка мешалась, оттягивала плечо. Эмма перебрасывала её то в одну, то в другую руку, стойко маршируя от кабинета к кабинету. Голова немного кружилась. Она думала, как доберётся до центра, в котором ей подготовили кабинет и что-нибудь съест, что-то кроме кофе, хотя бы шоколад. Врачи не похожие на привычного Фета, похожие на фабричных фасовщиц смотрели куда-то сквозь Эмму, сквозь плотную змейку людей в коридоре. Всё походило фестивальным фильмом, снятый к тому же на дешёвую камеру. У невролога ей предложили есть йогурт, потому что для иммунитета. Эмма связи не поняла, но несколько раз кивнула, и поспешила сбежать, пока ей не выписали вместо рецепта контакты какого-то мужика-молочника. На Верне молоко по больше части было растительное, для животноводства не

хватало места.

Ей очень хотелось кому-то пожаловаться. Хотелось прийти домой, или на корабль, но там снова Луи и это ему нужно участие, а Фет может только наорать в профилактических целях. От таких мыслей Эмме сделалось стыдно. Она любила Луи и Фета любила. Но добрые боги... Как же они оба ей надоели!

«Скучная работа прочищает голову», – напомнила себе Эмма, когда чистенький стеклянный лифт любезно объявил её этаж. Лифт говорил с акцентом. Вместе с ней вышла какая-то девушка, пара полицейских поехала дальше.

Сил гадать не было. Никаких. Эмма закрылась в туалетной кабинке, проверила и снова поверила. «Да какая к чёрту разница? Кому я тут нужна? Придут проверять чего не сру?» – она резко скинула куртку: гадалки куртку о тысячи карманов не носят, не носят высокие шнурованные ботинки и перочинный нож с отвёртками. Она повесила сумку на крючок, расстегнула, чтобы проще было, стянула штаны, отряхнула юбку. Сейчас нужно одеться и выйти, чем дольше она прокопается, тем меньше людей успеет принять, тем меньше будет денег. Деньги. Всё в них упирается. Ни жизнь – сплошное торгашество. Она оправила юбку и вышла ведьмой, повесила сумку на плечо, встала у зеркала и быстро, почти наощупь подвела глаза жирной чёрной подводкой, получилось скорее зловеще. На ходу нацепила перстни.

«Здравствуйте!» – огласила, входя. И милый мальчик тот-

час подскочил, чтобы проводить ведьму к столу с чёрной скатертью.

– Мы вас очень ждали! Всё небо шепчется...

– Знаю-знаю, – согласилась Эмма, превращая стол в алтарь. Ей было лестно и совестно: люди приходили за магией, люди искали утешения, чего-то высшего и мудрого, больше Верны и обозримой вселенной, но главное больше их.

– Вы... вы похожи на земную богиню.

Эмма кивнула. Ей очень-очень хотелось возразить. Но платят ей здесь не за возражения. Для Вернских поселенцев «земное» виделось сакральным. Многие из них, да и Фет в том числе, не очень-то верили в солнечный мир, в мир, где небо голубое и доброе, где облака не из серы и прочей гадости, где видно звёзды. Они и в звёзды не верили. Трудно верить в то, чего вроде как нет. Гости сюда прилетали реже редкого. Проще считать, что это местные сумасшедшие с далёких станций. Мало ли тут станций? Кто их вообще регистрирует?

Вернские женщины не носили юбки и сетчатые чулки, не торговали телами в рекламе абрикосового джема. Как смеялась сама Эмма горько-горько: вот оно отсутствие гендерной социализации. Или всё-таки нет? В таком мире стать богиней оказалось проще простого, стоило только платками обмотаться да все цацки на себя навесить, достать таро и притвориться, что сама в это веришь.

– Правда? – Эмма вытащила благовония и подставку,

спички и кварцевый кубик, он служил датчиком в одном полетевшем приборе, а теперь магии служит.

– Д-да. Можно приглашать?

– Минуточку. – Она чиркнула спичкой. Вот-вот снова провоняется можжевельником, этот запах накрепко к ней прирос. – Теперь зови.

Мальчик выскочил за дверь. Если так прищурится, Эмма прищурилась, можжевельный дым заполнял комнату, хочешь не хочешь прикроешь глаза... Мальчик чем-то походил на её дипломника: треугольное личико, брови лохматые, целый мир готов перевернуть, а посчитать погрешности все времени не достаёт. Хороший был бакалавр, на красный защитился. Ей, правда, тогда казалось, что мальчик в неё влюбился, а ещё казалось, что это педофилия какая-то получается, хотя парню как прочим бакалаврам-четверокурсникам было не меньше двадцати одного, а ей аспирантке – двадцать четыре. Только в этом возрасте, в окрестности двадцати, каждый год виделся пропастью. Это сейчас время куда-то пропало, то ли замедлилось так сильно, точно течение равнинной реки. Эмма привыкла к рекам высокогорья, но Верна и здесь подсовывала свои правила.

Первой оказалась женщина, она спрашивала о здоровье дядюшки. Эмма разложила «крест» и «поляну в заповедном лесу». По ходу выяснилось, что кверентка (какие только слова не вспомнишь, когда деньги понадобятся) не может простить дядюшку и себя, и мучается от вины и тревоги, злить-

ся на больного и ничего не может с тем поделать.

Эмма говорила долго и очень славно, почти как на лекции, и люди верили. Она вообще-то умела хорошо говорить, в университете кроме прочего был добровольно-принудительный факультатив риторики. Хотя как-то окупилось моё образование, смеялась ведьма, глядя на себя в пёстрых тряпках, в звонких позолоченных браслетах за столом, покрытым чёрной скатертью. Где твоя диссертация? Хотела ж первой с выпуска защитить.

Кверенты смотрели на неё точно на святую, и верили, и оставляли деньги, и Эмме хотелось спрятать лицо, а лучше спрятаться самой. На святую она походила мало. Неужто людям настолько не хватало опоры, что они готовы были уверовать в силу одной растрёпанной девчонки и её карт? Нет, она не хотела обманывать, она хотела денег и только. «И быть услышанной», – подумалось с болью. Как сильно, как долго она хотела, чтобы и её голос имел вес! Чтобы ни Эва, ни родители, ни Дэвид не имели власти над ней. И вот пожалуйста, все эти люди остались в пяти световых годах от тебя! Одно лишь чудо поддерживает связь между ядовитой Верной и твоим Новым миром. Сама ведь знаешь, что шанс снова увидеть их стремиться к нулю. От таких мыслей ей стало и очень тухло. «Ну вот зачем я так?» – спросила она, но даже хваленные карты смолчали.

Следующими пришли девочки-подростки чуть младше Луи. Они улыбались смущенно, разглядывали карты, по-

просили потрогать кварц. Поинтересовались: «А правда ли, правда ли она, Эмма, не отсюда?». Эмма подтвердила, разжигая ещё большее любопытство. Они спрашивали о будущем, искали определённости. Хотели свалить куда-нибудь с Южной, от родителей, от фабрик, торговцев, вездесущих птиц вечнозелёных предосенних неменяющихся садов.

Эмма разложила по три карты для каждой, дважды простой расклад, а потом послала мальчика за кипятком и чашками, и принялась вытягивать из колоды старшие арканы. Таро, как многие древние практики, вмещало в себя мономиф – каркас всех человеческих историй, часть коллективного бессознательного, этим оно в когда-то и приманило аспирантку-Эмму.

Мальчик приволок чайник с таким видом, будто поймал дракона. Поставил чашки, белые с желтым налётом от заварки, совсем не волшебные. Эмма вытянула из сумки самодельные пакетики с душистым сбором. Оказалось, на Верне чайные пакетики изобретать не спешили – слишком много расходников, проще в чашку травы насыпать.

Все трое – кверентки и мальчик зачарованно глядели, как вода обращается в духмяное золото, почти что солнце пить.

На следующем мужичке Эмма совсем забылась: чужие тяготы, привычные запахи, весомость собственного голоса вычистили поликлинические ужасы и белизной больше не пахло, и место укола под рубашкой не ныло. А главное о результатах пока можно не думать, а значит и не тревожиться. Люди

приходили, складывали в деньги в шляпу, шляпу тоже выдумал Луи, он путал всё на свете: гадалок и фокусников, звёзды и луны, морковь и свёклу, а идеи его выстреливали одна за одной.

Южная напоминала Эмме нескончаемый старообрядческий, вероятно ещё языческий, праздник урожая. Здесь всегда было вдоволь еды, громадный овощной рынок был не меньше половины Портовой, сотни маленьких ресторанов, сети больших ресторанов, кофейни, питейные, винодельная и старый пивоваренный завод, несколько лет назад переделанный в художественную галерею. В галерее обычно давали балы раз в год. Бал колонистов. Рогач и пара ребят с экспедиции были там, ещё тогда, когда всё не закончилось, а только-только начиналось большим космическим приключением, до жути романтическим, невероятно высокооплачиваемым. Эмма не пошла, она любила приключения и космос, и деньги, но скопления людей не любила. Ей и без того было тесно среди двадцати человек в не запертом, но ограниченном корабельном мире. Ей бы хватило Дэвида и Рогача и интересной работы, которой было тогда ровно столько, чтобы к вечеру приятно устать и смотреть с Дэвидом сериалы, которые дома смотреть не успевалось. Ни машинного, ни тревожных часов в рубке, только та работа, ради которой Эмма училась и летела сюда сквозь мириады звёздных километров. Не надо гайки крутить. Хотя она сейчас не так уж и часто крутила гайки. Гаек именно гаек, металлических

шестиугольничков, почти звёздочек, почти; на корабле было немало, ну точно не мало, по-другому просто и быть не должно, но держались они плотно и крепко, в машинном стояло следить не за тем.

И всё-таки Южная была осенью, была людской памятью об осени, была лучшим, что есть в осени: кармином, пурпуром, переливом оранжевого, легкой дымкой перед закатом лавандо-невесомой, паутинкой над синью, золотой патиной, тыквами и шарлоткой, горячим и пряным. Была летом, которое ещё не случилось, уже отгремело, не проронив ни звука июльских громовых раскатов. Была зимой самой белой и снежно, которой ещё не будет, вообще не будет, никогда не будет, потому что времени на Верне на самом деле нет. Есть только память о времени. Всё кругом – это память колонистов, но тех, что придут на бал, а тех, что уже никуда не придут. Ожившая густо-оранжевая, карминовая, пурпурная, тыквено-пряная, покрытая золотой патиной людская память.

III

Складывалось ощущение, что по рынку они уже не меньше часа шатаются и всё без толку. Луи то к одному старику подойдёт, то к другому и с каждым минут по десять терпится и, если б по делу ещё!

– Какого мы тут вообще время теряем?

– Мы не теряем. Мы ждём. И алиби нарабатываем, – добавил Луи шёпотом и снова в ряды нырнул. Константину оставалось лишь следовать за ним.

Рынок дышал и жил своей особой рыночной жизнью не самой чистой, ох, не самой: Константину приходилось следить, чтобы не вляпаться во что-нибудь подозрительно вязкое и пахучее. Рынок шуршал, шептал, кричал, громыхал тележками, предлагал, торговался, выменивал.

– Давай Эмме заколку купим? У неё сломалась, – предложил Луи, просачиваясь между стойками с вялой рассадой.

Фет говорил, что пацан вырос в таком месте, до шестнадцати лет воровал и побирался. Скитался в торговых шаттлах между станциями. Не позавидуешь такому детству. Луи вернулся с тремя похожими деревянными заколками-гребнями длинными и очень острыми, можно и в глаз воткнуть, если потребуется. Эмма оценит.

– Ты же одну хотел?

– Одну и купил, – улыбнулся Луи.

– А эти?

– А эти... – Луи отвернулся.

– Стащил?

– Мм... – он помрачнел. – Привычка, – буркнул тухло. –

Хочешь верну?

– Поймают. Пошли лучше отсюда.

– Да, кэп. Я стараюсь. Честно. Ты Фету не говори, пожа-
луйста.

– Не скажу.

– Спасибо, – Луи просиял, а его карман засветился. – От
Эммы, – пояснил он, вытаскивая коммуникатор. – Ох чёрт!

– Что там? – поинтересовался Константин. – Пора уже?

– Да, нет. Я забыл. Сейчас! – он вернул потухший комму-
никатор в карман, и вытащил из другого записную книжку. –
Хм.. – сказал Луи, разнимая хитрый замок на книжечке. – Ну
мы в принципе молодцы. – Осталось только... Рынок всё, –
неизвестно как в руке у него оказался карандаш. Такое ощу-
щение, что рук у Луи не меньше трёх. – Затем... – он кивал
сам себе и зачёркивал. – Куртку тебе купить. Туда пойдём.
Нет, в другое туда, которое слева.

– Но лево...

– Другое лево! Искусство любишь?

Константин промычал что-то неопределённое, говорить,
что другое лево называется право, он не стал.

– А я люблю! – заявил Луи и хлопнул книжечкой, замок

закрылся сам собой. – А знаешь, что на Верне бумага, – он погладил свою книжечку, – о-очень, – растянул Луи, – о-о-очень дорогая? Деревья для этого дела негде растить. У нас всё электронное.

– А это? – поднял бровь Константин. Он видел книги у Фета, в его каюте стояли книги, в раскладах старьёвщика валялись книги и книжечки как Луина, попроще Луиной.

– Это завозная из Старого мира, ей лет восемьдесят.

– Сколько?

– Ну может тридцать, – пожал плечами Луи. Подумаешь плюс минус полвека. —Здесь тоже печатают. За дорого. Целлюлозу производят из палой листвы.

– То есть деревьев нет, а листья есть?

Луи встал и глянул на него озадаченно. Что он так смотрит? Земли-то тоже нет.

– Что? Здесь ни садов, ни леса.

– Почему же? – удивился Луи. – Сады есть. Откуда, по-твоему, овощи? – Луи усмехнулся. Об этом Константин не думал. – И парков много. О, стой!

– Куртка? – Константин уже задумалась, так ли нужна ему эта куртка.

– Нет. Смотри какие бокалы!

– Какие бокалы? Зачем нам бокалы?

– Я быстро. Жди.

И он убежал. Константину оставалось только вздохнуть и пойти самому искать куртку. Луино быстро... Понятно те-

перь, почему доктор так охотно согласился, чтобы за покупками с Луи пошёл он. Всё обещанное и славно спланированное оказалось сплошным трёпом, фактически они просто шатались по рынку. Куртку Константин нашёл без проблем, придираться и выбирать нечто особенное, желания не было.

– Говорил же быстро! – Луи подскочил к нему сзади. – Всё. С рынком всё. Теперь по делам.

Дела располагались в более пристойном районе. Луи вывел их сначала к маленькой круглой площади, мощенной белым камнем, затем протянул по лестнице с такими же былыми ступенями по обе стороны от перил уставленной кадками с апельсиновыми деревьями. Константин протянул руку и с опаской сорвал недозревший кругленький апельсин.

– А вот теперь... – Луи остановился. – Теперь... Теперь...

– Мы заблудились?

– Нет, у меня есть карта.

«Но ты не умеешь её читать!», – чуть не сказал Константин.

– Теперь мы заходим в это здание. И ты идёшь рядом и кажешься большим, сильным и молчаливым. Да?

– У меня есть выбор? – пробурчал Константин. Быть большим и молчаливым ему не нравилось. Да его только что называли дураком!

Луи взлетел по ступенькам и замер у домофона.

– Не помню, какую жать, – признался он и тыкнул. Но ни гудков, ни пиликанья не последовало. Тогда он нажал следу-

ющую кнопку, и следующую. Секретность зашкаливала.

– Нас не... – хотел возмутиться Константин, но Луи наконец ответили, и он быстро затараторил в домофон. И Константин понял, что пустил бы его просто для того, чтобы этот поток наконец прекратился.

– Сейчас откроют. Нам не туда, конечно, но можем после зайти. Там художник живёт, я иногда с ним беседую. Он хороший. Правда нездешний. Кажется, из твоих краёв. Хочешь познакомиться? Ой, дверь заклинила. Это бывает. Надо подождать.

– Ага, – буркнул Константин. При всей *логичности* плана ничего не выгорит. С таким Луи только...

– Эй, кэп, а ты ж военный?

– Ну?

– А ты людей убивал?

Лучше б пацан его ударил.

– Лично, – он поморщился, ведь это даже не ложь, но всё же закончил – нет. Они умирали из-за меня. По моим приказам. – На черта он это спрашивает? – По моей глупости.

– Ух... Ну ты это... Открыли, смотри! Нам на седьмой.

– А лифт тут есть?

– Не знаю, – весело отозвался Луи. – Да не хмурься. Есть. Только он иногда застревает. Всегда. Но не страшно. Ты главное молчи и будь страшным.

Константину уже хотелось рычать.

На волшебном седьмом этаже Луи собрался. Их даже

встретили, и предложили кофе, но Константина вместе с чашкой выгнали стоять за дверь. «А если я ею сопру?» – подумал он с досадой, но решил, что мокрая чашка в сумке – это больше проблема, чем трофей. Луи появился скоро и сказал ждать. Ждать он захотел не здесь, а двумя этажами ниже, потому что там уборная. Константин поплёлся за ним, оставив чашку на полу возле двери.

– Расскажи о Тирхе! – попросил Луи. – Всё равно сидим.

Пацан выглядел совершенно счастливым, то ли это утренняя булка на него так подействовала, то ли... «С таким настроением, – подумалось Константину, – на дело не ходят. Они ж проваляться к чёрту! Или их поймают, сдадут полиции». Хорош герой! От службы отказался, пошёл в вору. И Эмма с доктором ещё... «Я что боюсь?», – удивился Константин. Какого чёрта он боится? Луи вот не боится. «Приплыли», – подумал Константин. Мысли сделали круг.

– Ты был кем-то важным там? – напирал Луи. Нет, просто интересовался. Напирают по-другому. Было бы неплохо выпить перед... Где-то совсем близко слышался птичий клёкот. Так близко, что складывалось ощущение, будто эти чёртову птицы вот-вот свалятся им на голову.

– Был.

– А кем?

– Военачальником, – вздохнул Константин. Сейчас ему казалось, что всю свою жизнь он был идиотом и больше никем.

– Здорово! – восхитился Луи. – У тебя было войско и ты был начальником?

– Что? – Константин непонимающе глянул на Луи. Умный вроде бы парень...

– Что? Ну тебе ж... не знаю, ты не королевич сказочный, чтобы войско вести. У тебя прям меч был?

– И щит, – вздохнул Константин. – Нет. Я не королевич, но мой отец...

– Был королём! – усмехнулся Луи.

«Можно и так сказать», – подумал Константин.

– У нас демократия.

– Правда? – изумился Луи. – А она существует?

Где-то тут Константин понял, что над ним издеваются.

– Пошли уже к твоему художнику. По времени у него должен быть обеденный перерыв, – Константин точно не знал, бывают ли у художников обеденные перерывы с часу до двух. Возможно, у них весь день перерыв.

– Да он не обедает, – отмахнулся Луи.

– И сколько нам тогда сидеть?

– Ну... тогда ты объясняйся.

– С радостью, – фыркнул Константин, поднимаясь. Луи подскочил вслед за ним. Единственная причина, по которой он ещё не свалил, заключалась в том, что этот художник был из Тирхи, предположительно. Предположительно, но если да? Если да, он может помочь связаться с домом. С кем именно он свяжется, Константин ещё не придумал, но у него

будет время, пока он будет уговаривать художника.

– Добрый день! – объявил Константин с широченной улыбкой.

– Здрасьте, – повторил за ним Луи – Можно воды?

Мужчина в фартуке лениво кивнул. Вошедшие ему явно не нравились.

– У вас кулер есть! – Луи ломанулся на другой конец комнаты, споткнулся и едва не уронил пустой мольберт.

– Осторожно! – встрепенулся мужчина. Около кулера выскочил шаткий шкаф с хрустальными вазами, статуэтками и гипсовыми головами. Луи замер. Сама осторожность.

– Вы художник? – спросил Константин, потому что нужно было хоть что-то спросить, пока их не выгнали.

– Художник, – кивнул мужчина. Он был невысок, чуть ниже Луи, худощав, а профилем походил на гипсовую статую, которую сейчас трогал Луи: кудрявый, лысеющий с широким носом и бородой. С себя лепил что ли?

– Я забыл он математик или?.. – Луи щёлкнул голову по носу.

– Философ, – буркнул художник. – Не трогайте, пожалуйста, скульптуры. Они пачкаются.

– Д-да, – выдавил Луи, поглядывая на собственные пальцы на удивление чистые, не то что после машинного.

– У нас к вам дело, господин...

– Художник.

– Вас же как-то зовут?

– Художник, – он пожал плечами. – Я привык. На Верне не так много мастеров.

– А вы значит мастер? – поинтересовался Луи.

– Значит.

– Не дурно.

– Зачем вы пришли?

Луи растянул губы в ехидной улыбочке. И тут удача впервые за день улыбнулась Константину: Луи кто-то позвонил, с того загадочного седьмого этажа, и он ломанулся туда, позабыв о Константине. Художник тоже выдохнул с облегчением.

– Хороший парень, – сказал он, – но шума от него, – Художник устало покачал головой. – Так зачем вы пришли, вам-то явно что-то надо.

– Надо. Вы правы. Меня зовут Константин Кесаев я бывший генерал Тирхи. Был правой рукой, кулаком прокуратора.

– И вас сослали.

– Да, – признал Константин. – Мне нужно вернуться.

– Я жил в Тирхе, и в Полисе тоже. Я родом из Старого мира, Луи вам рассказал. – Константин кивнул в ответ на эти слова. – И сознательно покинул эти места. Сбежал сначала из одной страны, от одного диктатора, прокуратора как вы его назвали, к другому. И после понял, что к чёрту мне эти порядки не сдались. Я улетел сюда с контрабандистами и не жалею. Подумайте, господин Кесаев, так ли вам нужно обратно.

– Я думал, – процедил Константин. – Эта планета...

– Верна не так плоха, как кажется. Но... Но если вы настаиваете. Хм.. У меня нет контактов со Старым миром и с теми контрабандистами, я видел, как загорелись ваши глаза. Простите.

– Но?

– Но... – задумался Художник. – У меня есть приглашение на бал. Вы хорошо танцуете, господин Кесаев?

– Не дурно.

– Прекрасно. Не думайте, что я рехнулся. Это бал колонистов, там собираются... там вы найдёте людей с более свежими связями со Старым миром. Обычно в эту пору прилетают послы. Жуткий курятник. Но вам понравится. Подыщите костюм и дайте мне свои контакты.

– А когда?

– Через два месяца. Как раз будет время обдумать свои желания.

IV

С доктором они встретились у рынка, тот немного опоздал, устал и был несколько озадачен.

– Сложный день? – спросил Луи, поддался в его сторону, точно хотел то ли приобнять, то ли за руку взять, то ли ткнуть в бок локтем.

– Пойдёт, – отмахнулся Фет. – Всё купили?

– Всё, – ответил Константин, хотя так до конца и не понял, чем они занимались весь этот день. – Где мы с Эммой встречаемся?

– В парке под висячими садами. – Луи снова полез к коммуникатору. – Эмма тоже закончила, но ей доехать надо.

– Это далеко? – спросил Фет. Выглядел он неважно. И чем же таким он мог понравиться ведьме?

Пакет с едой немного мешался, острый край порвал целлофан и теперь колот бедро.

– Нет, – мотнул головой Луи, – это близко! – На доктора он не смотрел, косился куда-то в сторону. – Сейчас лампы... Смотри! – он ткнул Константина в плечо.

В память о солнечном мире свет к вечеру приглушали. На сколько это сохраняло биологические ритмы, он не знал, но электроэнергию заметно экономило, по крайней мере так объяснял Фет, а Луи поддакивал.

Место, куда их привёл Луи, напоминало амфитеатр, но вместо арены город, то есть станция. Хотя всё вокруг было станцией, подобием настоящего города, настоящих садов, настоящего мира.

– Красиво тут, – протянул Луи, распаковывая обед.

Они втроем устроились на ступеньках под самым куполом. Все уголки станции при желании можно разглядеть, а Эммы вот видно не было. Ведьма опаздывала. Фет время от времени поглядывал на наручные часы, высчитывая, сколько можно не тревожиться до отправления. Часы говорили: можно, спокойно сиди, а он сомневался. Есть такой приём для укрощения тревоги, назначить себе чёткое время, с которого можно нервничать, а до того заниматься своими делами. Фет об этом знал, но получаться у него это не получалось. А Эмма, напротив, так со многим сладила. Это Луи успел рассказать Константину, пока они дожидались не понятно чего.

– Красиво, – согласился Фет. – Но вы всё купили? – уточнил он ещё раз.

– Ты нам не доверяешь? – возмутился Луи, выбирая кусок побольше.

Доктор не ответил, и стало тише. В этом уголке станции было куда тише, чем на корабле. Константин почувствовал, что почти привык жить на борту Неба. Он довольно быстро наловчился управлять дирижаблем, привык к машинному, к обходам внутренних систем.

На часы поступило сообщение с незнакомого номера. «Художник», – понял Константин. «Надо готовить костюм», – решил Константин, но эти мысли не принесли покоя. Он всё ещё не знал, у кого во всей Тирхе может попросить помощи. Эмма пришла примерно тогда, когда они дошли всё, кроме её части. Луи увидел её, поднимающуюся по ступенькам в самом низу трибун.

– А ты зоркий, – заметил Фет. Он что-то попутно читал со своего планшета. Луи просиял. Но Константин уже не обращал на них внимания.

– Привет! – сказал Константин. Боги, как он улыбался! С такой улыбкой императоры входят в побеждённые города, с ноги открывая ворота. Эмма лохматая и взмыленная вскарабкалась ещё на две ступеньки. Он уронил кусочек персика, и тот покотился вниз...

Луи приподнялся и помахал ей рукой. И Эмма ему помахала. Взятый город горел. Такие города не сдаются. Их генералы предпочтут сжечь крепость, сжечь, но не отдать.

– Долго ты, – заметил Фет.

– Так получилось, – она не оправдывалась, никогда не оправдывалась. Просто подошла и кинула сумку на ступеньку выше, и замерла, не знаю куда сесть. – Ужинаете?

– Ага! – подтвердил Луи.

– Мы и тебе купили, – Константин поднял оставшийся бумажный пакет. Пусть так, хоть так, посмотрит, заметит может наконец?

– О духи! – она смахнула локон со лба. – Спасибо. Жрать хочу.

– Кушать, – поправил Фет.

– Жрать, – покачала головой ведьма. – Не люблю твоё слово, оно какое-то мерзкое.

– Как знаешь, – пожал плечами Фет. Луи он за такое бы отчитал.

– Как ты сегодня?

– Сегодня хорошо получилось. – Она оправила юбку и села, действительно села к нему. Ничего не говоря, ничего не спрашивая, просто села как к другу. – Услуги гадалки набирают популярность.

– А то! – подмигнул Луи.

– Думаю, мы в плюсе. Процентом, – зажмурилась, точно подсчитывая в уме, – на сорок. На тринадцать.

Луи кивнул.

– Всё так.

Фет нахмурился.

– А расходы ты не считаешь?

– Считаю, – улыbnулась Эмма. – Мы математики, Фет, а ты доктор. Позволь нам считать, а то сворую градусник. Или Луи стащит. – Эмма подмигнула, и Луи ей подмигнул.

Тут-то он и понял – она знает, и знает больше чем он, может вообще сама спланировала. Хитрая ведьма. Конечно, она в курсе!

– Спорить не буду, – мрачно отозвался Фет. – Через два

часа вылетаю. Нужно ещё доставку принять.

– Как скажешь, – ведьма пожала плечами. – Но думаю, всё уже как обычно доставили к кораблю. Да, Луи?

– Да. Как обычно, Эмм. Там люди проверенные.

– Видишь? – улыбнулась она. Константин всё ещё ни черта не понимал.

– Вижу, но проверить всё равно надо. Так что долго не сидим.

Эмма кивнула. Луи протянул ей булочку. Она взяла и откусила, а потом продолжила есть салат. Ей, кажется, было не важно, что есть. Она почти не смотрела, замороженно глядела в станционную даль.

– С чем она? Тут семечки, изюм и какой-то творожный крем.

– Это кэп отхватил! – сообщил Луи. – Мне тоже понравилось.

Выбирал Луи, Константин только заплатил.

– Вкус у вас... – хмыкнул Фет. – Не буду комментировать.

– Правильно, – поддакнул Луи. – Не нуди.

Закончив свою сумбурную трапезу, Эмма спустила сумку, отряхнула её и легла, и тут же матерясь подскочила.

– Свечи. Шар...

– А ножи у тебя там есть? – усмехнулся Фет.

– Есть. А ещё отвёртка и разводной ключ.

Доктор помрачнел, приготовился сказать нечто нудное.

– Ложись ко мне, – ни на что не надеясь, предложил Кон-

стантин. И она просто переставила сумку обратно, поправила юбку и действительно положила голову ему на колени. Константин замер, будто раньше женской головы не касался, и подумал, что она и просто на ступеньку могла бы лечь, что ничем его колени этого бетона для ведьмы не лучше. Может, хоть Фет разозлиться, но доктор отвернулся лицом к городу и продолжил читать.

Ведьма поерзала и немного приподняла голову, но не встала.

– У тебя, – она быстро провела рукой по его животу и груди, и мир закончился, – крошки тут, – закончила Эмма, мир вернулся, но Константин всё ещё не знал, что говорить.

– Время, – произнёс Фет и начал собираться. Луи тоже встал, и доктор вручил ему мусор.

– Я догоню, – сказала Эмма. – Мне встать?

Константин покачал головой.

– Долгий день, – пояснила она, – сначала анализы, потом кверенты. —Константин снова ничего не понял. Внизу доктор поторапливал Луи. – Не могу так, – она встала, – вроде бы наш корабль, а такое ощущение, что самолет, который вот-вот и без нас.

– Давай твою сумку, – предложил Константин, ему тоже уходить не хотелось, но вся магия правда распалась, и самолёт, который корабль уже готов отчалить.

Эмма оказалась на ступеньку выше, и они стали одного роста.

– Когда ты успел поседеть, капитан?

– Я? – удивился Константин. В двадцать четыре сесть объективно рано. Наверно. Но думал он совсем о другом. О холодных пальцах на его затылке, о приглушенном свете засыпающей Южной, о том, что Эмма стоит так близко и не собирается сбегать. – Почему? – спросил он, хотел спросить «почему теперь не уходишь, почему тогда злилась?», «я ведь хороший», хотел добавить.

– Чуть-чуть совсем. Не страшно. Хочешь закрашу?

– Нет, – он не понял о чём она. – Эмма?

Если бы именем можно было приблизить, можно было... Если бы имя было ключом, если бы. Но это не сказка, где за словами скрываются смыслы, скрывается магия. Он позовёт, а она ничего, только посмотрит испуганно.

– И правильно. Тебе так идёт. Капитан, – она усмехнулась.

– Константин.

Почему она ни разу не назвала его имени?

– Эмм? – спросил он тихо. Всё сила его и вся упертость точно волны о каменную твердь разбиваются. – Ты...

– Только не признавайся мне в любви... Боги, прости. – Она хотела пошутить, но смутилась. – У меня неважное чувство юмора.

– А если... – и у Константина сил шутить не нашлось, пришлось говорить правду: – Я хотел спросить, почему ты так не любишь меня.

– Не люблю?

– Я вижу, что неприятен тебе.

– Н-нет, – её шатнуло в сторону, и тонкая ниточка приязни лопнула. Нет, он не шагнёт на встречу, он и так ей надоел. – Нет, – повторила Эмма, глядя в сторону домов и всей большущей Южной. Она могла бы вот так запросто объять целую станцию да всю Верну. Но лучше бы обняла его. – Я лежала у тебя на коленях, – прошептала она жалобно, будто пристыженно. – Кэп? Я... так не делаю. П-пойдём к кораблю? Хорошо?

– Пора уже? – грустно спросил Константин. «Может ещё постоим? Корабль не уйдёт, обещаю», – подумал, говорить побоялся. Что с ним приключилось? Почему он страшиться всего?

– Пора, – отозвалась Эмма и спрыгнула на его ступеньку, и побежала вниз. Её тонкая юбка так красиво... Константин отвернулся, споткнулся, лучше б под ноги смотрел.

Глава 6

КОНИ НЕ ВОЮТ

I

Константин потёр глаза. Впервые за столько дней на душе у него было тихо, не сказать, что тишина эта была хорошей, больше всего она походила на смирение, но уж лучше так. Константин скорчил гримасу отражению, смахнул остатки пены, причёсываться он не стал, лишь равнодушно пригладил волосы мокрой рукой. Кажется, что-то, что-то глубинное в нём переломилось или вовсе распалось в труху. Как раньше не выйдет. Увы. Он так долго ваял себя, сыпал позолоту на отцовскую славу. Герой героев! Куда уж там. Между этой жизнью и той, что осталась в несбыточно далёкой Тирхе, один жалкий месяц и тысячи тысяч километров. Если бы это могло утешить...

Если считать тишину минутами, выйдет неправильно и децибелами тоже немного не то. Константин это быстро выучил. Тишина на станциях была запахом, чем-то бесплотным, неосязаемым, точно чужие невозможные духи. «Вот поэтому они и носят респираторы и повязки цветные, банданы и прочую намордную муть», – понял Константин.

Мир немного дрожал. Локальное такое землетрясение без земли. Если считать тишину минутами, она задушит. Отец любил тишину, а Константина от неё тошнило. Мир пёстрый и живой переварить куда проще, он хотя бы переваривается,

особенно если запить вискарём.

Корабль не зря назвали Молчаливым. Он весь был яд и смирение. Или это внутри теперь не сила, но яд и смирение? Константин вяло мотнул головой. Спокойствие равное по-смертному. Дождь из серных облаков.

Она раскладывала карты. Константин шёл в машинное, но повернул голову, потому что идти в машинное и так мерзко, а если смотреть только в пол, можно рехнуться, а если в сторону... В стороне оказалась каюта ведьмы. Дверь она не закрыла, точно ждала кого-то. Но скорее всего не ждала, а просто забыла закрыть. В её пальцах совершенно голых и белых без колец, перчаток, браслетов, мелькали карты быстро-быстро. То есть, конечно, никто не носит браслеты на пальцах. Просто руки, кости, кожа, чернильные узоры под кожей. Боже, на чёрта ей столько татуировок? Разве это красиво? Женское тело... Она так мало подходила к стандартам... к пониманию желанной конвенциональной женской красоты. И вряд ли её это волновало.

– Привет, – холодно отозвалась Эмма. – Что-то нужно?

– Да нет, – сказал Константин. Что может быть нужно, когда ты герой и идёшь в машинное следить, чтобы медленно ползущие цифры с экранчиков не уползли? – Колдуешь?

Она медленно покачала головой. Внутри клубка не то кос, не косм, блеснуло что-то металлическое немного похожее на коротенький нож.

– Медитирую. Хочешь зайти?

Константин не без удивления обнаружил, что всё ещё стоит в коридоре. Всё ещё стоит.

– Погадай мне, – выдал он первое, что могло прийти в голову ему, бестолково стоящему напротив незакрытой двери.

– Бесплатно не гадаю, – отрезала ведьма, а потом улыбнулась. – Повешенный.

– Что? – не понял Константин. Что?

– Карта Повешенный. – Она отсалютовала Константину картой. С такого расстояния это был просто цветной прямоугольник. – Вынужденное бездействие. Стагнация. Вокруг тебя разворачивается какая-то неприятная ситуация, а ты ничего не можешь с ней делать. В общем, не рыпайся. Оглянись. Это временно.

– Обнадёживает.

Ведьма пожала плечами. И он, наконец, понял, что хочет спросить.

– А вы с Фетом?.. – понял, но произнести не смог. Он не знал как, закончить! На этой чертовой Верне он разучился говорить, и мямлить теперь, как в детстве. Как перед отцом.

– Да?

– Ты с Фет не...

– Не... – протянула она. Её лицо очень изменилось. – В смысле? – ведьма оставила карты и удивлённо уставилось куда-то поверх Константина. Почему она никогда не смотрит в глаза? – С Фетом скорее Луи, если ты об этом. Но они не... Ну как бы...

– Луи гей... – вспомнил Константин. – Так?

– Да, – легко ответила, точно в этом нет ничего такого. –
А что такого?

– Ну...

В смысле, что? Это же... Это... Мерзко? Вот злобные отцовские шутки и новости по федеральным каналам, и чьи-то глумящиеся голоса и... Пацан же как пацан, ну придурочный временами, и что с того? Говорит он нормально, одевается практично в старье и рабочие комбинезоны. У Эммы... нет, это говорит об обратном, боже, даже у Фета был такой. Все на этой чертовой планете носят комбинезоны, кроме Константина, он новенький, недостаточно овернулся., вор Этот парень, конечно, но парень хороший. Неужели? Эмма сидела совершенно невозмутимо, то ли привыкла, то ли... то ли...

– Они что? Они вместе?

Эмма пожала плечами, будто ей было плевать.

– И ты ничего с этим не делаешь?

– А что мне с этим делать? Обвенчать их? Я не священник и даже не юрист.

– Эмм, они...

– Боги, да какая разница? Я не хочу обсуждать личную жизнь моих друзей. Если это тебя так волнует – узнай сам. Только Фет скорее всего пошлёт тебя, а Луи расплатится.

– Эмм, он же тебе нравится, да? – спросил он с горечью.

– Кто? – будто действительно не понимает. Почему хотя

бы так нельзя признаться? Константин не будет спорить, не будет. Он отступит. Станет ей другом, другом тоже быть хорошо.

– Фет.

– В смысле? – не поняла ведьма. Это было не то притворное удивление, которым люди пытаются прикрыть стыдное, мягкое, сокровенное.

– Ну...

– Он мой друг.

Хмурилась Эмма забавно.

– А кто тогда? Луи?

– Что? – она поморщилась, точно съела что-то кислое, кислое-кислое. – Слушай, какого чёрта это вообще тебя так волнует?

Константин смутился. Волнует? Нисколько. Ему просто нужно знать, нужно понять наконец:

– По какой-то же причине я тебе не нравлюсь?

– Что? – только и сказала ведьма.

Каюту наполнила тишина, тревожная, густая, колкая, как перемёрзший февральский снег. Константин не то чтобы испугался, чего тут бояться? Но, боги, как-то нехорошо. Эмма молчала, Эмма зажмурилась, беззвучно хохоча.

– Прости, кэп, – прошептала она, восстанавливая дыхание. – Боги, мне бы твоё самолюбие! Прости. Думаешь дело в каких-то моих возлюбленных? И если б не они, я бы обожала тебя по умолчанию. Нет, кэп, это так не работает. И возлюб-

ленный мой главный и официальный, давно улетел домой. Так что на Верне у тебя конкурентов нет, – она усмехнулась и встала.

– В Новом мире есть?

Она не определённо кивнула.

– По-твоему, это что-то объяснит? Ты... Боже. Мне работать надо.

Она встала, несобранная колода осталась лежать на не заправленной кровати. Эмма перешагнула через сумку, лавандовый плед струился за ней к шкафу, точно плащ средневековой леди. Она скинула плед на стул поверх одежды, наушников и каких-то проводов.

– Дашь пройти?

Константин подвинулся.

II

Дом был большой, громадный оказался дом. Эмма прижимала к груди синюю папку с документами, документами на по-настоящему свою квартиру в этом громадном синем доме.

«В синем доме с изломанной геометрией», – уточнила Эмма, второй рукой, рукой с зонтиком нащупывая в кармане телефон. Она запуталась в собственном графическом пароле: левой рукой вырисовывать квадрат всегда сложнее, опустить документы она не могла, не могла зажать их локтем, не могла. Наконец, квадрат поддался. Эмма быстро сфотографировала дом, всего его треугольные балконы, все синие перекрестия этажей. Дом действительно выглядел очень странно. Как бы его описать? Но Эмма решила, что не будет описывать дом, просто скинет нерезкую фотку сестре, просто скажет, всё хорошо. Да, мне так удобнее. Нет, жить с твоим мужем я не хочу. Ну не с мужем, ну с тобой. Да, не хочу. Послушает о том, какая она не молодец, дважды послушает. Маме ведь тоже захочется об этом напомнить. А потом купит лаванду. Любую. В цветочном. И горшок к ней любой. И на её подоконнике, в её квартире, будет расти её лаванда. А потом назло или просто, зла особого Эмма ни на кого не держала, не держала,

ей просто хотелось сделать что-то мрачное, резкое, социально и религиозно не одобряемое – обустроить настоящий ведьминский алтарь с бутафорским воробыным черепом, а может не бутафорским, а вырезанным из какого-нибудь камня, из розовато-коричного родонита или зелёной яшмы. Постелить на какой-нибудь столик чёрную ткань, выставить толстые свечи, ракушки с холодного побережья, бестолковый полумрамор-полугранит с перевала. Зачем-то же она его тащила в и без того тяжёлом рюкзаке? За этим. И постельное бельё купить какое-нибудь тёмное – густо-бордовое или мишисто-зелёное или вообще чёрное. Почему бы и нет? И закрыть дверь. На два оборота закрыть. Больше всего это напоминало свободу.

«Тебе не будет там одиноко?», «там пустая квартира», «как ты одна?» – летело, сыпалось, звенело. «Мне будет замечательно!», – сказала Эмма, сказала вслух осенней листве, прицепившейся к высоким ботинкам.

Эмма посмотрела на свои высокие ботинки: никакой листвы там, конечно, не было, немного клокастой пыли и только, и сами ботинки другие.

Что в этой жизни у неё было, было её, Эммино? Чего она добилась? Что создала сама и чем владела? Кораблём, записанный на её имя, просто потому что больше не на кого было записать.? Чужой корабль, такой огромный и такой бесполезный! Небо молчаливое! Ну ха. Ха-ха. Незаконченное исследование, труды всей жизни. Тебе самой-то не смешно?

Смешно. Не весело, но очень-очень смешно, аж плакать хочется. Кучка файлов в облаке и кучку «колдовского» барахла. Ничего существенного, ничего по-настоящему стоящего. Ни корабль, ни собственные труды она не могла применить как следует. Никакой пользы, одни потуги и порывы, и куча промахов. А вот Эва!.. На душе стало гадостно. Сестра во всем была лучше. Успешная и везучая, красивая той самой продающей женственной красотой, прелестная в суждениях и делах, и не пустышка к тому же. Таковую дочь мама и хотела, такую воспитала, а вторая вот не вышла. Какая жалость. Почему бы тебе Эмма не вести тебя так же? Скольким девочкам это помогло? Потому что я так не умею. Эмма вздохнула. Жизнь подобная Эвиной была бы для неё сплошной ложью, долгой и мерзкой игрой. Она уже пробовала жить так. Правда, пробовала. Делала как делают все люди. Была послушной и милой, позволяла себя любить и трогать, улыбалась, когда все улыбались, смеялась, выбривала волосы, чтобы тело уподобилось гладкому телу ребёнка. Такая жизнь, правильная «женская» жизнь не для неё скроена. «Может я и есть на самом деле безумная ведьма?» – Эмма вздохнула. Ведьмовать куда проще. С ведьм никто не спрашивает за их странность.

Один Рогач был добр к ней. Но Эмма так чинно держала дистанцию, и старый профессор, который вполне бы мог стать ей другом, остался профессором. Она определённо не умеет сближаться с людьми, если только для этого нет острой нужды, как с Фетом. Она бы свихнулась, если б не по-

дружилась с Фетом. Если б не свихнулась, не подружилась. «Проклятие!» – выругалась Эмма. На экране мелькали хвосты далёких молний. Где-то стороной гремела буря, но рулевой упрямо вёл их прочь. Кто в рубке Эмма не помнила. Программа, составляющая расписание, давно перестала занимать её мысли, как и прочие удавшиеся дела. Что сложного в том, чтобы настроить простую сортировку на четыре имени, на пять позиций: рубка, буфет, уборка, машинное, свободное время, где под «сводным временем» понималось время, в которое Фет проводил в своем лекарском кабинете, перебирая медикаменты и заметки, и журналы, составляя отчеты в «облако»; в которое Луи возился с бухгалтерией Неба, Эмма торчала в лаборатории, а Константин? Да чёрт его знает. Эмме подумалось, что надо бы приставить этого капитана к чему-нибудь полезному. Но боги, ещё и об этом думать сил нет, никаких. Он капитан, так пусть думает самостоятельно, чем занять своё «свободное время». Может хоть выспится в отличие от остальных. Эмма перевернулась на левый бок. Её не то тошнило, не то укачивало, вероятно опять давление.

Последний визит на Южную хороших вестей не принёс. Она не умирала, да, но безнадёжно слабела. Вернский климат, если это вообще можно было климатом назвать, самым что ни на есть поганым образом истощал организм. Боги! Даже собственное тело только мешало ей, отказывалось служить как следует! Жалкое тело. Нет, Эмма не собиралась за-

водить детей ни сейчас на Верне, ни когда-нибудь ещё. И наступит ли это славное когда-нибудь? Не собиралась, но разве это значит, что нужно вот так? Она беспомощно перекадилась на спину, пытаясь поудобнее устроиться на чертовой койке. Сон не шёл. Снотворное закончилось, а выдавать ещё Фет не спешил, ни то жмотничал, не то побоялся, что она увлечётся и больше не захочет вставать. Последнее было довольно заманчиво, но у Эммы были дела, которые ей непременно нужно закончить, и Луи, и снова корабль. Они стали друг другу тюремщиками. Боже, кто бы мог подумать, что Эмма будет зависеть от корабля, будет так к нему привязана, и не любовью, а стыдом и воистину тупым обещанием. Лучше бы ей наконец заснуть.

III

– Привет.

Эмма вышла из одной двери, а он из другой. Заспанные они не сразу заметили друг друга. Эмма смотрела все так же в пол, боялась ли, или просто хотела встретиться взглядом?

– Привет, – он улыбнулся. – Долгая смена?

– А? Н-нет. Фет за штурвалом. Я спала, – прошептала она виновато, будто сон был преступлением или слабостью. – Кэп? – она подняла голову, закусил губу. Без шалей и подводки с растрёпанным узлом на голове Эмма казалась совсем юной, точно ей пятнадцать, а не двадцать шесть. Она шагнула к нему на встречу и ничего не говоря прижалась к его груди.

«Так можно было?» – подумал Константин. Её трясло.

– Эмм?

Она отрицательно промычала, мотнула головой, мол не говори, не говори, пожалуйста. В глубине что-то грохнуло, грохнуло ещё раз. Эмма подняла руку с часами. Вздохнула, точно осуждая циферблат и так же ничего не говоря, отстранилась.

Грохотало в столовой. Из рубки к своему кабинету шагал Фет. У Константина было ещё полтора часа до дежурства в машинном, как раз чтобы позавтракать с командой. Но ко-

манда ещё ни разу, за всё то время, что он провёл на Небе, не завтракала вместе. Кэп отправился в столовую, в надежде застать там хотя бы Луи, а можно и Эмме кофе сварить и принести. Можно же?

К чему было это неловкое утреннее стояние, не то объятия, не то... он не знал. Всё смешалось и спуталось. В коридоре почему-то пахло дождём и терпким Эмминым можжевельником. Он больше не гнал от себя этот густой вездесущий запах, вдыхал и выдыхал с жадностью и тоской. Но запах был просто запахом. Сама же Эмма всё время ускользала. Фет кивком поздоровался. Константин ответил ему добрым утром. Доктор нырнул в полукруглую дверь, ему предстоит ещё разобрать новые лекарства, рассортировать по подписанным идеально круглыми буквами контейнерам. Ампула к ампуле.

В буфете крутился Луи, перекладывая купленные на Южной яблоки из мешков в ящики. Луи откуда знал, что так яблоки простоят дольше. Фет на каждое такое подозрительное знание недовольно цокал, точно уличая Луи во лжи. И между тем Луи каждый раз оказывался прав, а доктор как-то печально качал головой, словно каждый промах что-то у него отбирал. Глядя на их разлад, глядя на их разлад ещё с другой стороны, Константин ещё острее чувствовал, как им всем недостает искренности. «Молчаливое небо, – крутил он скороговоркой, – слишком молчаливое». И тут же Эммин голос насмешливо припоминал «Никольский металлургиче-

ский». Какое небо, кэп? Здесь Верна. Здесь всё, что за бортом кипящая смерть. Луи напевал что-то тише тихого. Яблоки укладывались в ящик узором, похожим на соты. «Так больше помешается», – пояснял Луи. Время до смены в машинном текло медленно. Константину не сиделось.

– Вы снова с Фетом?..

Зачем он вообще с этим лезет? Луи... Константин, в который раз не то с боязнью, не то с неприязнью, оглядел пациента и ничего отталкивающего не увидел, Луи как Луи. Сидит ссутулившись, волосы точно доктор на затылке собрал. Яблоки вот сортирует. Разве можно его такого не любить?

– Ась? – откликнулся Луи. – Мм... Он... мм, – Луи закусил губу, – Кэп, а можно честно? Ты ответишь?

– Я не вру.

А сейчас вот соврал, но Луи ничего не заметил. Он потрянул яблочный мешок, проверяя как много там осталось.

– Я что-то делаю не так? – сказал Луи мешку. – Почему Фет злится? И Эмме он верит, а мне почему нет? Разве сложно представить, что кроме Верны где-то ещё жизнь?

Это было смешно и очень-очень больно.

– Фет никогда не был?..

Не был – понял Константин, не успев договорить. Как вообще из этого ада без помощи извне сбежишь? Луи покачал головой.

– Он родился здесь, и его родители, и родители родителей, и ну и так далее. Ну ты понял, да? – Время кивнуть. – У

него семья хорошая была, квартира в Стрельце. Он в школу ходил, а потом на доктора выучился, девушку встретил, женился. – Глаза у Луи покраснели. – Фет на Стрельце двадцать шесть лет прожил, никуда не выходя. Его там все знают.

– А где этот Стрелец? – нахмурился Константин, – на Эмминых картах такого, кажется, не было? Мелкая типа Тихохода станция?

– Неа, – мотнул головой Луи. – Огромная, почти как Южная. Хотя не, Южная побольше будет.

Он выронил яблоко, чертыхнулся, полез ловить, а руки дрожат.

– Как так?

– Стрелец взорвался, – ответил Луи из-под стола. – Поганое яблоко.

– Гнилое? – не понял Константин. Гибель станции – станции Фета, целой, мать её! станции, не умещалась в его голове.

– Х-хорошее, – пролепетал Луи.

– Дай сюда.

– Он меня не любит. И не полюбит! Я... я...

Константин взял яблоко красное-красное в бардовых прожилках, ароматное, да ещё и с листиком, образцовое просто яблоко.

– Не говори ерунды.

– Это правда, кэп. Он жену свою любит. Мёртвую... Когда... когда станция рванула, там двигатель... газ... не знаю.

Когда всё случилось, он был на корабле Ирвинга Краха. Он как Людвиг, но не пират, урод хренов. Собака сутулая.

– Луи...

– Не надо... Он также меня по голове гладил! – Луи вернулся и сел прямо на пол. – Фету денег пообещали. Много. Крах не хотел огласки. Его люди поймали молоденького доктора и притащили борт. Фет согласился. Пока он работал, Стрелец упал.

– Твою ж...

– Он столько лет себя простить не может. Шесть. Я не хочу, чтобы... чтобы ему больно было. Я люблю его... А он меня?..

– И он тебя.

– Не утешай, а? Вообще, зря я тебе... Это ж личное. Зря...

– Мы в одной лодке.

«В кастрюле, – хмыкнул про себе Константин, – тефлоновой».

– Не говори Фету, что я...

– Хорошо. Всё? – он указал на ящик. – Не поднимай. Я дотащу. Скажи только, куда.

– Спасибо, кэп. Ты хороший.

– Потому что ящики ношу?

– Поэтому тоже.

IV

Глупо, глупо, бесконечно глупо печалится по тому, чего вроде как никогда и было. Ну какой дом, Луи? Ты всегда жил так. Воришка. В груди пекло да так отчаянно, хотелось прыгнуть в ледяную речку с зелёной ряской у камышей. Хотелось, чтобы все эти сны стали правдой, чтобы Фет поверил. Очень-очень хотелось домой. Он потерялся, среди звёзд потерять легко.

Может он тоже, как кэп, был героем, вел армию за собой, но злые враги оболгали?.. А может, как Эмма учил и учился, писал диссертацию? Он просто забыл, проснулся однажды пятнадцатилетним и всё сначала. Луи помнил землю, помнил реки с зелёной ряской, спокойные и холодные, заходить в них надо единым махом, а лучше прыгать, тогда быстрее привыкнешь и не будешь глупо визжать. Помнил звёзды – белые искорки, рассыпанные по чёрному бархату небес. Он видел такие картинки в Эммином планшете, значит это правда. Правда?

Дома когда-то была собака, рыжая и ушастая. Луи гулял с ней по лесопарку. Выходил утром, жуя бутерброд с дурацким сыром: кусок себе, кусок собаке. Такой сон стучался к нему часто-часто. Собака неслась, что есть мочи, Луи с трудом поспевал. Солнце только-только поднималось, чаща наполнилась

кружевом синих теней, дышала туманом, стелющимся от реки по обеим сторонам овражка. В начале лета в пролеске распускались похожие на свечи белые цветы с круглыми глянцево-зелеными листьями. Это всё не может быть грёзой. Не может, ведь так?

Руки ещё пахли яблоками, а в волосах застыли прикосновения. Ему было и сладко, и стыдно. «Кэп хороший», – думал Луи. В груди сильно-сильно жгло. Он разболтал чужую тайну, он заплакал при кэпе. Ладно ещё при Эмме плакать. Ладно.

Память продолжала подсовывать обманки.

Город, окружённый колючей проволокой, в который невозможно было попасть. Город с цветущими лугами и грохочущими полигонами. Панельные коробки солдатских домов. Генеральские дачи. Подземелья с ракетами. Нет, этого не было. Не было. Что за глупости Луи? Глупости, Фет. Ты прав.

Город закрыли. Здания снесли.

Тихо-тихо он крался по коридору от рубки до лабораторного отсека, не хотел ни с кем видеться. От мысли, что придётся с кем-то здороваться, что придётся с Фетом объясняться или с кэпом шутить или Эмме "доброе утро" сказать, нет, с Эммой он бы мог, а от остального внутри крутило и подташнивало. Луи любил быть среди людей. Одиночество мучило и пугало его чуть ли не больше всего на свете: вдруг всё снова станет как было? Вдруг он вновь останется один по-

бираться и юлить, будет скитаться жалкий и неприкаянный от станции к станции, прячась в топливном древних цепелинов? Он гнал эти мысли. Гнал. Он ненавидел их. Прочь. Прочь, пожалуйста. Ни к чему. Ни к чему. Ни к чему.

Дверь в лабораторию оказалась не заперта. Эмма редко, когда её закрывала, только на время сеансов. Он зашёл, огляделся украдкой. И на собственном корабле воришка. Что за жизнь? На экране Эмминого компьютера крутилось синее колесо загрузки. Эксперимент, видимо. Луи прошёл дальше, не хватало ещё подпортить что-нибудь. Это совсем плохо будет. Только яблоки перебрал и...

Зачем он всё это помнит? Бумажных карт у Эммы не было, только атлас один, он его видел тысячу раз. Остальные болтались в компьютере. Зелёные панорамы далекого мира, её мира. Звёздные росчерки, белые точки, белая вязь на непроглядном черном. Фет не верил, а Луи знал, это всё правда, это всё так. А ещё знал, что ему туда надо. Непременно, обязательно. Что хочешь делай, но с Верны валить пора.

V

Она оказалась у него в каюте. Как-то. Наверное, через дверь вошла. Стояла у двери, сесть не решалась. А Константин сел на кровать, его всё-таки каюта.

– Привет.

«Привет» она сказала раньше, сначала сказала, он тоже сказал, потом сел. Он был, конечно, рад. Но Эмма здесь? Зачем она здесь? Тогда она сказала что-то вроде:

– У меня минут семь или полчаса, если не есть. Мне надо поговорить с кем-то.

– Со мной? – он вскинул бровь, приятно посмотреть, как она смущается, приятно немного отомстить, вернуть хоть толику её же холодности. «Не заиграйся, – одёрнул себя Константин, – а то уйдёт». Он ведь не хотел, совсем-совсем не хотел, чтобы она уходила.

Эмма нахмурилась.

– Зря я... Чёрт, – она повернулась к двери.

«Зря решила, что могу с тобой говорить», – закончил за неё Константин.

– Эмм?

– Боги, зачем я... Ты сидишь в *своей*, – выделила она последнее слово, – каюте в одних трусах и полотенце, светишь роскошным торсом, смеёшься. С одной стороны я ни хрена

не вовремя, с другой тебе весело, и я не хочу в этом участвовать. Прости.

– У меня роскошный торс? – Конечно, он хотел сказать немного не это.

– Твою мать, – вздохнула Эмма. – Твою мать.

– Значит роскошный, – он усмехнулся широко и нахально.

Пора заканчивать, это лишь шутка. – Мне одеться или?..

– Как хочешь. Я... – она развернулась, протянула руку к двери.

– Эмма, стой.

Ведьма дёрнулась.

После Южной его каюта стала уютнее: добавился плед, сшитый из мягких золотисто-красных ромбов, чернила и перьевая ручка, выменянные с ловкой руки Луи на пару сплетен; три маленькие подушки, книга и шесть бокалов с золотым ободком. На кой чёрт ему бокалы Константин пока не придумал. Но раз подарили, чего ж не взять?

– Эмма, стой, пожалуйста.

Обнять её лохматую в широком мягком свитере... Может ли он обнять её? Не оттолкнет? Оттолкнёт. И что?

«Оттолкнёт, – понял Константин. – Оттолкнёт и исчезнет». Почему ему так важно, чтобы она осталась?

– Можно тебя я обниму? – выдохнул Константин почти бесстрашно, почти отважно.

Она кивнула, почти сказала: «Прости, я не придумала, зачем пришла». Будто прийти просто так настолько невозмож-

но, непозволительно даже.

– Насколько всё плохо?

– Неважно.

– Эмм?

– Эта грёбанная планета меня убивает, – она дрожала, она, кажется, плакала или заплачет вот-вот. – Боги, жри не жри витамины... ты видишь? – она провела рукой по волосам, он не увидел. – Я подыхаю. Здесь нельзя жить. А там я теперь не смогу. И боги, Луи! Как он тут будет? А Фет? А ты, в конце концов? Я не могу, кэп, я не могу придумать, что этим делать! Мышцы теряют тонус. – Эмма подняла руку и опустила. Под плотным синим рукавом не видно ничего, то ли она хотела показать, то ли просто... – Я сначала и не поняла, что происходит. Никто из нас не понял. Другой образ жизни. Дома я много гуляла, каждый день часа по три, так лучше думается. В бассейн ходила. Тут корабль – много не походишь. Вроде понятно, другой образ жизни, другая планета. Значения этому поначалу никто из нас не придавал. На Верне живут люди, мы это знали. Сто с лишним лет живут, а значит сменилось где-то пять поколений, если по двадцать лет считать. В общем, нормально всё, в пределах погрешности.

Она плакала так тихо, что, если бы не покрасневшие веки, можно было подумать, что вовсе не плачет.

– У вас был врач?

– Да, с ассистенткой. Они тоже улетели. И правильно сде-

лали. Я решила, что мне плевать, что будет, что будет. Мне незачем возвращаться домой. Даже тогда, мне было ещё нормально. Хуже стало после. Наверно, я просто не замечала. Я вообще плохо чувствую тело, будто оно лишнее, не моё какое-то. Я стала быстро уставать. Похудела. В нашей культуре, не знаю, на Трихе такая ж культура, это, напротив, хорошо. Девушки должны быть тонкими и сладкими как бабочки. Временами мне кажется, что я просто медленно исчезаю. Это страшно на самом деле. Не в смысле, что я сдохну, это как раз нестрашно, это понятно. Но я ещё лет тридцать, ну сколько нужно, хотела бы побыть. Мерзкая культура. Стольким плохо от неё.

Константин прыснул, и Эмма глянула на него грозно, впервые за вечер посмотрела в упор. Пришлось объясняться, но он бы и так объяснился.

– Нет, не подумай. Ты всё это время, когда о себе говорила, точно рецепт читала. – Она помрачнела. Очень, очень. Сейчас встанет. – Нет, Эмм! Я не прав. Я просто удивился немного, ну тебе трудно, даже тебе трудно, ты с большой силой готова защищать других.

Она покачала головой.

– Нет. Нет. Кэп, – протянула она. – По-твоему это хорошо? Ведь ни черта. Я перевожу тему, сбегая. И я до сих пор не знаю, почему сижу тут и говорю.– Она пригладила край свитера. Ткань натянулась, узоры встали ровно. Там на чёрном раскрывали крылья серебристо-синие птицы с коро-

тенькими хвостами, с длинными клювами. – Я, видишь, привыкла надо всем... – она не сказала «шутить», покачала головой. – Но это страшно. Ты сам как?

– Да нормально, – не успев подумать, ответил Константин. Птицы на свитере, казалось, двигались, оживлённые её прикосновением. Нормально это было весьма условным. – Фет мне какие-то витамины выдал, – Константин улыбнулся, – под расписку. Целый мешок.

– Помогает?

– Не знаю, – он снова улыбнулся. – Меня трудно убить. Сколько народу пыталось и фронте и на гражданке, даже в суде, даже пираты! И чтобы какой-то планетке это удалось? Да чёрта с два!

Он наклонился, он наклонился и очень быстро щёлкнул её по носу. Эмма даже не сообразила, что произошло.

– Хочешь я... – он ничего не мог ей предложить. Он сам не знал, и даже не задумывался, что можно поменять. Разжалованный герой, генерал в изгнание. Что бы сказал отец? А ничего он теперь не скажет. – Придумаем что-нибудь, – пообещал Константин, он пододвинулся ближе в нерешимости. Боги, откуда в нём это чувство? Как он великий вдруг стал бояться? Колючая или просто сильная она не смотрела ему в глаза, при том всегда шагала напролом, была всемогущая и умная и плакала тут, не таясь.

Эмма подняла голову, волосы прилипли к её лицу, волосы тёмным неряшливым окружали ведьму, то ли пряча, то ли

храня. Ничего не говоря, ни о чём не спрашивая, она сама подвинулась к нему, падая на руки, как ребёнок лёгкая, полупрозрачная и стальная внутри.

– Всё будет хорошо.

– Знаю, – хрипло ответила Эмма, её потряхивало.

Они замерли, прижавшись друг к другу, живые и надломленные. «Зачем с нами так? – думал Константин. – Несправедливо. На Тирхе она была бы счастлива». А была бы? А он сам был? Жизнь геройская хороша и легка, особенно когда папа в генералах и штрафы за быструю езду не приходят и барах смотрят с обожанием, и место в будущем ждёт его славное, папино место. Что ж ты, герой, не справился?

– Кэп, – прошептала она. – Кэп? У меня нога затекла.

Эмма выскользнула, и вся магия растаяла. Она отвернулась закапать нос.

– Иногда, – прошептала Эмма, – раньше чаще, – сказала, зажмурившись. – Мне кажется или казалось, что это не жизнь, а моя извращённая память о жизни. Как сон. Сны у меня всегда были абсурдные.

– Эмм, а ты собираешься возвращаться? – он покачал головой. – Нет. – Не так, не это он хотел спросить. – Ты можешь вернуться? – А он может? Есть ли вообще способ отсюда сбежать?

– Могу. Хочешь спроводить меня и забрать корабль?

– Непременно, – он, кажется, стал перенимать Эммины интонации. Забавно. Забавно. – Эмм? – А вдруг сейчас вре-

мя рассказать последний кусочек правды. Она доверилась, и он... – Я, – начал Константин. Эмма сидела отрешённая на краешке кровати, сидела и засыпала. – Я, – признание осталось беззвучным выдохом у него на губах.

– Давай завтра – она устало потёрла глаз, ещё больше размазывая растёкшуюся подводку, – договорим? – Эмма встала и пошатнулась, протянула дрожащую руку к двери. – Мне нужно поспать хотя бы эти жалкие три часа до смены. И тебе нужно, – она зевнула, но наконец ухватилась за ручку.

А Константин сидел всё в той же позе, будто сдвинуться значит разрушить. Ему хотелось бы дотянуться, а лучше попросить её остаться, но это глупость, ведь так? Дома было проще, определённее, там он был кем-то другим, кем-то настоящим, а здесь точно тень прошлого себя.

– Устала?

– Всё настолько плохо? – она усмехнулась. Разумнее будет промолчать.

Жизнь на Верне выматывала точно кросс, который никогда не закончится, а бежать и в начале не было сил. Усадили их всех в эту чёртову тефлоновую кастрюлину и скинули в ядовитые облака.

– Ну как... Я думаю, не лучше.

Эмма пожала плечами.

– Поспи, кэп, – прошептала почти ласково. Лишь бы ласково, лишь бы ласково. – Полегчает.

– У меня с «поспи»... не очень. Бессонница, – сказал он

отрывисто. Константин никогда не любил жаловаться, за это и от отца получить можно. Он сжался весь, того не чувствуя, а Эмма всё так же тихо добавила:

– Сходи к Фету, у него пустырник был. Луи помогает.

– Да, – он закивал, и стало легче: тревогу растопила нежность, откуда ей взяться?

Фет торчал у себя в кабинете, Эмма определила ему выходной. Выходные доктор по обыкновению посвящал чтению и разбору немногочисленных лекарств. После посещения Южной лекарские припасы заметно обогатились. Всё одно на пиратов пойдёт.

Константин и сам не знал, что за порыв привёл его к доктору, то ли злой совет Эммы так подействовал, то ли простое любопытство. Стучать не пришлось, кабинет доктор не запирает. Константин просто пнул дверь и, не сказав ни слова, упал в «пациентское» кресло.

– Да? – доктор неохотно поднял голову. Он читал. – Что-то болит?

«Душа», – подумал Константин.

– Не, я так. – Он протянул руку и заграбастал себе какую-то круглую резиновую штуку, то ли ластик, то ли мячик, с каким коты играют. На кой он доктору?

– Может позже зайдёшь? – поинтересовался Фет.

– Может, – отрешённо кивнул Константин. – А ты дреды давно делал?

– Давно, – доктор потёр лоб. – Лет в пять назад. Так про-

ще. Мыть меньше. Я, знаешь ли, по таким кораблям скитался, что них и умыться негде. А врачу чистоту блюсти положено.

– Так подстригся бы? – предложил Константин самое простое, что могло прийти на ум.

– Не люблю, – покачал головой доктор. – Короткие ещё чаще мыть. – Грустно глянул на книгу, подложил закладку, захлопнул и отложил. – Так зачем ты пришёл?

– Не знаю, – признался Константин.

Теперь, когда злости в нём больше не было, когда ревность схлынула, он увидел доктора ровно таким, каким Фет был. И был он старым. «А ведь ему лет тридцать. Не так и много», – подумал Константин. Но между тем выглядел доктор сухим и усталым, холодный и суровый взгляд, тонкие губы, морщины и полуседая голова, на русых волосах не так и видно, а дредах почти не заметно, и всё же. «Что я надумал себе?» – Константин усмехнулся, вернул резиновый шарик на стол. А ведь раньше он прекрасно разбирался в людях, читал их безо всякого труда. Стоит только заговорить! Но и с Эммой, и с доктором ерунда какая-то получилась. «А с Тирхой? А с карьерой твоей?» – Константин стукнул кулаком по колену, доктор, благополучно уткнувшийся в книгу, вновь поднял голову, вопросительно посмотрел на него. Из всех своих талантов этот он ценил превыше прочих. Он был умён, о, несомненно, глупцу военачальником не стать; силён, красив и удачлив, что этому миру нужно ещё? Особенно, когда ты

сын такого отца. Всегда будешь хуже него. Будешь. Как не пытайся. Вот Константин и перестал, и жил себе в удовольствии.

– Ты как вообще, капитан?

– Нормально. А что?

– Да не похоже что-то. Тревожно мне за тебя, капитан.

Скверно выглядишь.

– Вздор. Я сегодня даже выспался.

– Да? Помогли таблетки?

– Помогли, – кивнул Константин. Да, он спал, лежал с закрытыми глазами, не думал, не двигался, а на утро всё равно находил себя немного мёртвым. – Наверно, – добавил он, почувствовав, что наврал. – А ты не знаешь... – Спрашивать про Луи и про ну это... как минимум бестактно. И грязно. Неужели после этого маленького откровения он будет ненавидеть пацана? Луи то остался Луи. – Слушай, а чего Эмма ко мне всё время...

– Вы до сих цапаетесь? – удивился доктор. – Ха. Не думал. Почему не скажу. Но знаешь, я давно уже понял, хочешь поссориться с Эммой – отбери у неё толику хотя бы свободы: ограничь в чём-нибудь или наоборот заставь делать, или выбери за неё.

– Мы и так с ней все время ссоримся, – буркнул Константин.

– Вы просто не можете понять друг друга.

– Просто она меня презирает. Почему? Да черт её знает, –

он развёл рукам.

– Не думаю, – улыбнулся доктор. – Ваши размолвки – это не конец.

– Можно хуже?

– Можно, – кивнул доктор и задумался о чем-то своём.

– Потом будет полегче, – успокаивать Фет не умел, – обещаю, – а врал ещё хуже.

– С чего ты взял?

– Эмма так же привыкала. Первые месяцы, по её словам, мучалась, а потом организм адаптировался. Это так. Я изучал её карту.

– Она позволила?

– Я врач. А мы с тобой похоже сплетничаем.

– Разве? Мы говорили обо мне.

– Ты все разговоры к себе сводишь. К себе и к Эмме.

– Что? – возмутился Константин. – Вернись лучше...

– Пей побольше, – оборвал его доктор. Фету не нравилось, когда ему приказывали. – И успокоительное. Я дам, – сказал он неохотно. – Одной таблетки на ночь хватит. Не переусердствуй.

– У этой ерунды побочки есть? Это ж... А что это?

– У всего есть, – коротко ответил Фет.

– Я, мать твою, три... две... – Константин замялся, он не мог ни понять, ни вспомнить, сколько времени провёл на этой мерзкой планете, – с Тирхи! – вот и ответ, – с Тирхи не сплю!

Доктор хотел бы ответить, фыркнуть жёстко и однозначно. Не по душе ему всякие проявления чувств. Сам ходит что статуя из льда: справедливый, трижды праведный. Константин видел, как нарастает в том неприязнь, как белый лоб расчертила складка, как нахмурились жёсткие брови. Что, ну что скажите, в нём подобном острию кинжала привлекло мягкосердечного Луи?

– Фет! – послышалось из коридора, – Фет! – на два голоса.

– Что такое? – отозвался доктор, спешно вытряхивая из шкафчика успокоительное. – Вот.

– Спасибо.

– Там...

Константин без труда различил лепетанье Луи.

– Иду, – Фет стремительно выскочил в коридор, чудом головой о дверь не стукнулся. – Что опять?..

– Сигнал бедствия, – опередила его Эмма. – Хватай аптечку. Луи, на мостик.

– Но...

– Луи!

– Да, Эмм.

– Быстро! – приказала Эмма. Луи ломанулся обратно.

Константин отметил, что выглядел тот неважно.

– Вы оставили корабль без пилота? Сейчас? – Фет закипал.

– Там автомат, – отмахнулась Эмма. Доктор пробурчал что-то вроде: «совсем рехнулись» и поспешил вслед за

Луи. – Кэп, стой. Поможешь мне в машинном?

– Конечно.

– У нас что-то... в общем, я покажу.

Глава 7

куда падают звёзды?

I

Сигнал бедствия подавал маленький шаттл, неведомо как оказавшийся в этом секторе неба. В этом секторе не было станций, даже станций-заводов, и торговые пути не пролегли. НМ забрело сюда только потому, что, так нужно было для испытания новой Эмминой программы для обнаружения бурь.

Вчетвером они столпились в рубке, кажется, такое уже было. Когда прилетал Людвиг, припомнила Эмма.

– Шаттл? Здесь?! – возмутился Фет.

– Долго он *здесь* не протянет, – хмыкнул Луи, он выглядел напуганным, и он был прав. – У шаттлов обшивка тонкая. Я как-то летал. Это почти как прыгать с зонтиком вместо парашюта. Шаттлами вообще редко пользуется.

«Странное сравнение для человека с Верны», – подумала Эмма, ей вообще ничего по делу в голову не лезло.

– На кой чёрт делать спасательные шаттлы с тонкой обшивкой? – Константин недовольно разглядывал карту бурь. Настоящий полководец перед боем. Эмма хмыкнула. – Слева буря. Мелкая, но близко.

– Что будем делать? – спросила она.

– Спасать, – отрезал Константин и подрубил дальнюю связь. – Стыковку разрешаю, – голос у него был действитель-

но капитанский.

– Это шаттл, – напомнил Луи, а вот у Луи голос дрожал. Константин свирепо зыркнул на него, он не понял, не догадался, что с шаттлом надо не стыковываться, нужно принять его как груз.

«Проклятие, – вздохнула Эмма, – ведь он уже их позвал».

– Стыковка не получится. Нужно в грузовое, – неохотно пояснила она. А ведь тем самым она соглашается. Принимает его командование? Да нет! Решение. Боже, ну как не вовремя!

– Приму в хвостовое. Луи! – приказал Константин. Луи дёрнулся. – Со мной.

– Д-да, – он испуганно глянул на Эмму, – да, кэп.

– Я... – начала Эмма.

– Я... – и Фет с ней одновременно.

Они с доктором бросились к пилотском креслу и одновременно сказали: «ты». Эмма почти села.

– Машинное! – подскочила Эмма. – Зараза! Там...

– Иди, – кивнул Фет.

Эмма побежала вниз к брошенной установке. Если шаттл будет стыковаться, а Небо зависнет, датчики, настроенные на непрерывное движение, настроенные на скорость корабля и внешнего ветра сгорят к чертям, так уже было. И нужно отключить синтез, иначе к чистой воде примешаются выхлопы с двигателя шаттла.

На кой чёрт он это делает? А Эмма не остановила. Са-

ма сказала про грузовое, сама побежала отключать установки, сама ломанулась в рубку, забросив едва начатый эксперимент. Зачем, боже?

«Это артисты», – шепнул Луи, когда Эмма только вошла. Будто имело значение, артисты они или электрики.

«Беглые», – добавил тогда же Фет.

Эмма не придавала этому значения. Беглые. От кого можно бежать на Верне? «От пиратов, – пришёл ответ. – От кого-то вроде Людвига. Может написать ему?», – подумала Эмма, но не решилась. Она едва ли успела отключить всё, как её снова выдернули в рубку. Константин справился быстрее. Лабораторный компьютер подвис, и Эмме пришлось долго его уговаривать, она уже почти попрощалась с тонкой аппаратурой. Если контролер сломается, кто его будет чинить?

Боги, какого труда Рогачу стоило обустроить Небо, ну то есть тогда ещё не Небо... Науку финансировали неохотно, а один сканирующий микроскоп стоит как четыре квартиры.

Эмма поплелась обратно в рубку. «Пташки прибыли», – написал Фет. Почему пташки? В рубке было тесно. В рубке всего тесно, она рассчитана на одного, а не на шестерых. *Пташек* было двое: низкая светловолосая девица в темно-бардовом комбинезоне и высокий чернявый парень с длинным чехлом подмышкой.

– Госпожа-ведьма! – ахнула девица. Девица на вид была немногим младше Эммы. – Вы госпожа-ведьма, да? – она уставилась на Эмму, точно на экзотическое животное, хотя

на Верне и собаки экзотика. Эмма кивнула. – Джейк! – пискнула девица. – Нам повезло. Это Небо!

Её товарищ с подозрительным футляром неохотно промямлил: «да» и снова уставился в потолок.

– Ладно, господа, – начал Фет, – Луи определит вам каюты, и потом мы с вами поговорим.

– Это очень мило с вашей стороны, – промурлыкала девица. – А наш шаттл?..

– И посмотрю, что с ним! – вызвался Луи. Девица просияла.

– Вы так добры к нам! Сам боже триединый послал вас, иначе и быть не может! Кто ещё мог направить вас, госпожа-ведьма, в эту часть небес?

– Работа, – тухло отозвалась Эмма.

– Здесь лучше слышно богов, да госпожа-ведьма? – изумилась девица. Эмме захотелось пнуть её и посильней.

– Здесь лучше слышно Верну. Я провожу исследования. С богами и магией они не связаны, – отрезала Эмма.

– Исследования? – её круглые глаза ещё больше округлились. «Боже, Луи, – взмолилась Эмма, – да уведи ж её отсюда!». – Вы что ученая?

Где-то сбоку прыснул Константин.

– Да, – ответила Эмма, и будто бы соврала, и слово оказалось тяжёлым, и захотелось скинуть это груз с себя, и захотелось сбежать обратно к приборам. – И мне некогда с вами... – а вот теперь точно соврала: времени на Верне немерено,

нечем время мерить. Эксперимент стоило перезапустить.

– А давно вы?.. – прогундосил второй, тот, что с чехлом, тот, что не приставучая певчая пташка, скорее нахохленный чёрный грач. – Ну это... наукой занимаетесь?

– Давно, – процедила Эмма. Где-то внутри открывалась тяжёлая дверь, и у Эммы не было сил её захлопнуть.

Кажется, это было на исходе весны. Ну, может чуть раньше, в городе время немного запаздывало. Зимы длились дольше и отступали лишь к концу второго весеннего месяца. Привычная к теплу Эмма часто болела и ходила в пальто до первых тюльпанов. Но в тот день, помнится, уже цвела сирень. Эмма долго смотрела в зеркало, прикидывая, насколько она похожа на ту Эмму, которой хотела стать, на ту, которую возьмут в экспедицию, кому комиссия улыбнётся, на... Белая рубашка не спасала, она казалась огромной и чужой, точно Эмма забрала её у Дэвида; а брюки палацио так туго обтягивали задницу, что казалось вот-вот треснут. Надо было на размер больше брать, но в те, что больше, в талии можно было ещё одну Эмму запихнуть. И честно говоря, ей нравилось, как они сидят.

«Я достойна... Боги... Возьмут же?», – спрашивала Эмма, перекалывая волосы. Так плохо и так торчит всё. И коса кривая, и пучок растрёпанный. Дэвид подошёл сзади, взял заколку и сделал сам.

«Так тебе лучше», – сказал.

«Так мне лучше», – подумала Эмма.

«К чёрту вас всех», – решила Эмма.

– Кэп, иди за штурвал, – сказала она бесцветно. – Фет?

– Охотно уступаю. Извольте, капитан, – усмехнулся доктор. – А вы господа за мной.

Артисты потопали вслед за Фетом, но перед тем девчонка подскочила к Константину и чмокнула его в подбородок. Её дружок понуро мялся рядом.

– Спасибо, ребят, – прогундосил он в коридоре.

– Благо дарим! – отозвалась колокольчиком девчонка. – Пусть небо будет добрым к вам!

Эмме очень хотелось весны и билет до родительского городка. Можно и поездом, хоть на ослах. Жаль ишаков на Верне не водится.

– Эмм? – подал голос Константин.

– Следи за дорогой, – ляпнула сгоряча. Внутри все жжалось и ухнуло вниз.

Какая ко всем чертям дорога в небе? Сейчас этот капитан шутить начнет. Сейчас... Эмма схватила забытую с её смены кружку с остывшим кофе да так, что кофту окропило россыпью коричневых капелек. «Проклятье», – шептала Эмма. «Проклятье», – сказала, стукнувшись головой на лесенке. Кружка подпрыгивала, кофе шёл рябью. Пойти против пиратов. Против Людвига? Нет, Людвиг бы своих птичек не выпустил? Зимородковы? Не похоже. Зачем кэп их пустил? Совсем мозгов нет? Герой выискался!

Она пнула дверь в лабораторию. Пугливо огляделась, но

нет – пусто и тихо. Пташки у Фета, Герой в рубке. Славно.

Эмма бесстрашно щелкнула почту. Среди этого ада даже Эвино письмоце не сможет сделать ей горше. Боги, от одного дня бездействия Небо не развалиться. А если развалиться, то... то... не она теперь капитан. Эмма давно уже не капитан. Сколько можно спасти всех вокруг? Луи и Фета, придурка из Тирхи, случайных людей, Дэвида, маму. Её бы кто спас. Письмо на сей раз оказалось коротким.

«Мы тебя ждём, дорогая. Ответь».

Дальше сестра говорила о новых дорогах на юге. О повышении мужа. О маминых розах. Эмма листала, слова не отзывались. Да, мама, да, розы. Мама и розы. Далёко в космосе среди темноты и холода, среди раскалённого гелия, среди ничего и пыли есть роза, есть и всегда будет. Её не видно, а она есть. Нет, Эмма не плачет. Не плачет. Она отодвинула клавиатуру подальше. Она посмотрела на пальцы, на руки в узорах. Её отругают, Эва и Дэвид, и мама, и в институте. Ты научный сотрудник, а выглядишь...

«Я научный сотрудник, – тоскливо подумала Эмма. Мысль точно якорь. Нет, просто тянет ко дну. – Я взрослая. Боги! – она всё смотрела и трогала руку, правую левой. – Мне нравится это. – Дракон улыбался. Эмма знала, он летит к небу, к настоящему небу. – И я себе нравлюсь». Она закрыла письмо и запустила новый эксперимент. Зонд медленно приземлился к поверхности образца. Эмма настроила блок подачи напряжения.

«Их слова не умоляют мою значимость», – ей хотелось домой и не хотелось тоже. Там тепло, но там сделают больно.

Эмма переключила рычажки – плюс на минус, напряжение поменяло полярность. На экране ничего не изменилось. «Ещё рано», – Тимофей Владимирович бы попросил, не отвлекаясь следить за экраном. Будет видно на другом. А Дэвид бы ещё и в статью успел абзац написать. Даже в своих мыслях она разрешала Дэвиду больше, чем себе.

– Ты не любишь музыку?

Эмма вздрогнула. Это на соседнее кресло плюхнулся Луи, как он вошёл, Эмма не заметила.

– П-почему? – Эмма подняла голову. Кантилевер дополз к середине скана. – Музыка все любят. Я не люблю людей, которые падают на нас из ниоткуда. Бесит.

– Эмм, они ж не виноваты, – пролепетал Луи. Будто она спорила.

– Невиноватых тоже не люблю. У нас еды их долго держать не хватит. – Аргумент с едой был стальной и безотказный. Эмма выдала его, как термин с термеха на последнем зачёте: звучит хорошо и будто по теме, а что значит – неважно. Ей было грустно, она не понимала откуда эту грусть взялась.

– Твой этот... играл?

– Дэвид? – хихикнула Эмма, и тут же смутилась, – у него слуха не было. Он из тех учёных, которые только учёные и не больше. Ему и не надо. Он может сдвинуть мир и без того. – «А я не могу» сквозило в её голосе, но Эмма сделала вид,

что не сквозит. – Дэвид, – повторять чужое, но не забытое имя повторять было сладко, томительно нежно, убийственно глупо. – Дэвид... – Давай скажи ещё раз! – Он любил музыку. И периодически водил меня в бары на...

Луи ждал. А Эмма запнулась. Почему он всё ещё слушает?

– Неа, не помню. – Если б было нормальным сбегать из собственной лаборатории из-за такой глупости, она бы уже. – Боги... – Во рту тянуло. – Я забыла его группу. Я, кажется, ни разу в слух это название не произносила.

Эмме стало как-то беспричинно тревожно оттого, что она болтает и болтает без толку. Луи всё равно плевать.

– Тяжёлое?

– Тяжёлое.

– А тебе такое нравится?

– Ну да вообще-то. Иначе бы я не ходила. У нас с ним похожие вкусы.

– Ты скучаешь, да, Эмм?

– Не знаю. Мы с ним сделали больно друг другу. По глупости или... по слабости? Не знаю... Чёрт. – Сообщила она тихо, на мониторе всё пошло рябью. Напряжения оказалось излишне. – Сгорел собака.

– Ещё раз?

– Ещё раз, – вздохнула Эмма.

– Ты вернёшься, – Луи указал пальцем в потолок, – туда.

– Вернусь...

Эмма не имела ни малейшего понятия. Да боги! Она так долго старалась об этом не думать. Коробка с зондами почти опустела, осталось... раз, два... пять из двадцати.

– Луи, там ещё есть зонды?

– Такие коробочки? – Луи, не вставая потянулся к шкафу.

Стул скрипнул и покатился. – Одна. И пустые.

– Хреново. Но может нам хватит.

– Эмм, а учёным нормально столько ругаться?

– Тебя Фет покусал?

– Да не, просто интересуюсь... я может хотел бы... Не на

Верне, правда.

– Да, – просто и не в такт сказала Эмма. – Если или когда я вернусь, я заберу тебя. Как говорили, помнишь?

– Помню, Эмм. Я не хочу быть тебе в тягость.

– Мне это не сложно. Просто выправим документы. Ты и так часть Неба. Мой сотрудник. Я только, – это нужно сказать, Эмма знала, только духа не хватало и воздуха. Вдох. – если... Фет вряд ли захочет. Я как-то говорила с ним. Он... ты лучше моего его знаешь.

По рации потекла музыка. И Луи, и Эмма замерли.

– Поставим двадцать вольт, – наконец сказал Луи, когда песня стихла, когда кэп объявил, что на радарх чисто.

– Должно хватить.

Поезд полз в сторону большого города. Эмма держала перед собой листок с речью: семиминутное выступление, впихнутое в одну страничку мелком шрифтом, Дэвид сказал

так правильно, чтобы не потерялась в листах, когда будешь читать, но читать вообще-то нельзя, надо говорить. Эмма заучила свой текст, как стих и уже совсем не понимала о чём он.

На длинном экране оранжевым мигали станции. Горстка попутчиков равномерно рассыпана по вагону, в голове шумело: а не посчитать ли, согласно какому распределению, они тут сидят. Славный парень высокий и рыжий в синем костюме, в белых наушниках-капельках, Эмме такие нравятся. Эмма почувствовала, как внутри все от стыда перекручивается и во рту вяжет-вяжет виной, Дэвид-то вот сидит, одними губами строчка за строчкой, за строчкой строчка, пальцем ещё ведёт. Ведёт, но не смотрит, и так уже знает. Рыжий парень что-то пальцами теревит, золотую печатку снимет наденет, покрутит, снимет, наденет. И сам он несчастный какой-то. Одет хорошо, а ботинки поношенные. Эмма уставилась в пол. Она не могла заставить себя читать.

Напротив её ног ноги в розовых кроссовках, светлые-светлые в лилово-сизых синяках, девушка везёт ролики. У неё на сумке вышита карта старого мира. Эмма зажмурилась. Откуда-то слева приносилось тихое постукивание чужих битов. Бормотание Дэвида стало отчётливей. О небо. Ей нужно просто пережить эти несколько оранжевых станций.

– Волнуешься, – прошептал Дэвид ей в ухо.

Эмма кивнула.

– Повтори, – сказал он разумно, – мне помогает.

– Ага.

Она послушно расправила листик, выхватила два предложения моргнула и продолжила смотреть в никуда.

– Закончим, наверное, – сказала она Луи. Луи кивнул. Теперь она Дэвид, теперь её слушают. «Боже, почему мне это нравится?» – это была неприятная, сколькая, грязная зловонная мысль. Луи послушно встал.

– Ты в рубку сейчас?

Эмма кивнула.

– Нашёл им каюты? – спросила она, потому что стоило спросить.

– Да. Двухместную. Они сказали, подходит. А Фет сказал, что с ними всё хорошо, даже надыхаться ничем не успели. Хотя обшивка кое-где... но не критично, кстати, я могу починить.

– Не слишком ли... – Эмма встала. Она чувствовала, что её голос стал голосом престарелой гардеробщицы, – мы гостеприимны?

– Ну это ж не сложно! – всплеснул руками Луи. – Я просто... – он понурился, – хочу помочь.

Эмма слабо кивнула. Боже, да какая разница, пусть делает что хочет! Не ей же шаттл чинить. Она встала, а тело сделалось тяжёлым от немоции, от бессилия. Всё случилось само собой, всё решили без Эммы, на её мнение всем опять

плевать.

Путь до рубки стал дорогой на вершину по камнепадам и леднику. Если с кораблём что-нибудь случится по вине этих, нет, по Эмминой вине, это ей нужно было всё предусмотреть и продумать, а не становиться мебелью, частью рубки, тихой частью корабля.

В пилотском кресле сидел Константин, кажется, по её команде.

Эмма остановилась, на пару шагов не доходя, ей почему-то ужасно не хотелось становиться ближе.

– Смена, – сказала она, сказала слишком тихо, он едва ли услышал. Эмме раньше нравилось как это звучало: смена – сменяемся, смена – время, смена – строчка в расписание, смена – вставай.

– Уже что ли? – он удивлённый повернулся. – Ты закончила своё... что ты там делаешь.

– Да, – ответила неохотно. – Встаешь?

– Выгоняешь меня? – он улыбался. Насмехается или просто добродушен? По нему не понять.

– Нет, – Эмма вздохнула. – Ты разве не хочешь проведать своих гостей?

– Эмм! – чуть ли не выкрикнул он. Эмма отшатнулась. – Сначала Фет, теперь ты. Неужели я настолько не прав? – он возмущенно развёл руками. – Я людей спас.

– Уверен? – Ей было страшно, она пятилась к стене, а надо бы к креслу. Надо бы сесть. Корабль повисит, конечно,

немножко, ничего с ним не станется. – Если Фет прав, – прошептала она. Фет скорее всего поднимался сюда и долго-долго рассказывал Константину про пташек, про пиратов, про то, что так делать плохо, а как хорошо? Эмма не хотела грубить, не хотела как Фет и злиться тоже не хотела. – Если эти люди сбежали от пиратов, пираты будут искать нас. Что ты сделаешь с пиратами? Устроишь воздушный бой? – Эмма поняла, что не злится, а боится. Что она будет делать с пиратами? Из оружия на корабле только... если только лазер переделать. А этот лыбиться. – Учти, – процедила она, – из оружия только лазер, который я тебе не дам.

Попробуй вытащи ещё этот лазер. Боже и какой она после этого ученый? И он слабенький, чтобы обшивку чинить.

– Придумаю что-нибудь. Я умею нести ответственность за... то что делаю!

– Ну так иди и неси, – процедила она. – Не стоит оставлять *пташек* без присмотра.

II

Он был зол. Да, он был зол. Его допекли. Нет, ну серьёзно. Сначала доктор со своими пиратами, потом Эмма. Пусть и так, пусть и так. Что теперь бросать *пташек* в облаках? Боже, кто людей *пташками* называет?! Константина шагал по коридору в сторону кают. Как разумный человек, как настоящий капитан, он предложит им поесть. А после они поговорят и всё прояснится. Девушка, Лика, она представилась Ликой, выглядела неважно, да и парня потрепало. По их словам, они болтались в облаках больших трех дней в картонном шаттле размером в две туалетные кабинки. Константин замер, ему хотелось объясниться. Ну право слово, он поступил, как поступил. Бросать людей в открытом небе последнее дело. Как им вообще удалось сбежать? И если пиратом был Людвиг... Константин улыбнулся немного злорадно. С Эммой надо поговорить.

Со стороны лабораторий показался Луи.

– Эй, кэп! – крикнул он, голос у Луи был нервный. – Слушай, – начал он, – не сможешь мне с шаттлом? Эмма почему-то... Но я думаю, это правильно будет. Там немного работы и инструменты у нас есть.

– Пошли, – резче чем следовало ответил Константин. – А чем залатать?

– У нас есть, – оживился Луи.

Возможно несколько часов монотонной работы поможет освежить голову или по крайней мере устать.

– А гости? Их бы покормить.

– Фет сказал, они спят. Он осмотрел их, всё нормально.

– Знаю, что осмотрел он и мне сказал, – Константин вдохнул глубоко, потом выдохнул и бить стены чуть-чуть расхотелось. – А ещё он сказал, у них клейма на запястье, у обоих. Птичка какая-то. Вроде парные татуировки...

– Они чьи-то, – прошептал Луи.

– В смысле? – Константин всё ещё не въезжал, разве люди могут быть чьи-то, чьи-то на столько, чтобы их клеймить?

– Так отмечают, когда... когда ты соглашаешься быть... они как... Я не могу объяснить.

– Работоторговля?

– Почти. Но нет. Обычно на это соглашаются добровольно. У них есть где жить и что есть, но нет свободы перемещений и всё, что они делают, музыку, – пробормотал Луи, – принадлежит господину. Он может продавать её, но они не получают дохода.

– И на черта на это соглашаться? – возмутился Константин. – Добровольно! Куда уж там.

– Когда иначе не получается. – Луи отвернулся, он как Эмма прятал глаза. – Я больше всего боялся, что со мной будет так, – он вздохнул. – Когда меня поймал Фет, когда притащил на Небо, когда они с Эммой предложили жить здесь,

я думал – попал. Я два года барахтался, цеплялся за любую работу, воровал, лишь бы не с клеймом... Но это не клейма, это маленькие татуировки. Я так удивился, когда увидел, что у Эммы всё руки... Потом знаешь, потом я вспомнил... вспомнил что-то, что Фет называет выдумками. Мастерскую с художников, к ним приходили счастливые, свободные люди. В солнечном мире это искусство, а здесь метка. Верна все извращает. – Луи опустил голову. – Ну вот почему так? – спросил он. Константин понятия не имел почему, ему тоже хотелось бы знать. – Мне страшно об этом, – Луи вдохнул, а выдохнуть забыл. Он не хотел бить стены, а Константин хотел. Теперь хотел ещё больше.

– Понимаю, – сказал он, потому что так говорят, когда *так*.

– Я думал тогда, ну тогда, когда Эмма и Фет..., ну что меня тоже. А ещё я подумал... Знаешь, мне до сих пор гадко. Подумал, что и ладно. Допрыгался. Доворовался. Рано или поздно это всё равно должно было случиться. Со всеми такими случается. Это или дурь. Но лучше это. И у меня будет где жить, будет своя каюта и еда будет, и они вроде не злые. Да, я не буду себе, не смогу больше скитаться по станциям, летать зайцем и солнечный мир, видимо, точно теперь не увижу. Зато мне больше не нужно думать, как выжить. Это, кэп, было вообще поганое время. Знаешь, продать свободу за еду и спокойствие за возможность, наконец, перестать трястись и выкручиваться, показалось мне не так и плохо. Да если чест-

но, в моём случае даже выгодная сделка. Но они просто приняли меня. Без клейма. Потому что они хорошие. И... и...

– Я не знал, – Константин положил руку ему на плечо. Что он мог ему сказать? Ну вот что он мог сказать на это? – Пойдём чинить чертов шаттл.

Луи просиял.

Четыре часа они возились с шаттлом, возились бы и дольше, но Луи нужно было в рубку. Константин заканчивал сам в ущерб «свободному времени». Но он не Эмма, ему не нужно торчать в лаборатории, и не Фет, чтобы разбирать лекарства или что там делает доктор в свое «время»? «Отчёты пишет», – вспомнил Константину, впрочем, это ему тоже не грозит. Получилось в итоге очень даже сносно, но сил осталось только на поспать. С утра машинное, после рубка. «Приказа» Эммы он не исполнил и был почему-то этому рад, как ребёнок назло не надевший свитер. Но что с ними делать? Что делать если явятся пираты? Он не знал. Сон казался выходом.

Сон, как всегда, не шёл.

III

Она встала у стены, перевязала волосы серебристой лентой той, что носила на запястье точно браслет, вдохнула глубоко:

– И что вам спеть, родные?

– Да всё равно... – пожал плечами Константин.

Они собрались в буфете вчетвером: музыканты, Константин и Луи. После машинного, он заглянул к ним и предложил обед. Лика растолкала Джейка, по её словам, он проспал уже двадцать часов. Константин в это не очень-то верил, по его расчетам на борту Неба они провели меньше. Хотя кто его знает? Он давно разучился считать дни.

– Постой, – Луи подскочил со своего места, запнулся о кресло, щелкнул одним выключателем, вторым, погрозил лампам.

Все молчали, и Константин молчал, ему почему-то захотелось встать и усадить Луи обратно, а потом извиняться. За что? Луи щёлкнул и получилось так, что в столовой темно, но над головой Лики свет. Они так меняли освещения к Эмминым сеансам. Волосы Лики отливали золотым, а на голых плечах медовые отблески, и вся она кажется существом нездешним не вернским и не земным, фейский подменьш.

Лика запела.

Без музыки. Инструменты, мудреная аппаратура – всё осталось в грузовом там, где картошка и Эммины вещи. Они сбежали с инструментами, но не взяли еды. Не об этом думать надо. Константин выпил ещё. Может так будет легче? Из стакана пахло жасмином, пахло цветеньем. Баром и летом, оборванной жизнью. Ну и зачем ему помнить? Джейк встал. Лица глянула строго. Он растянул тонкие губы в щепячьей ухмылке: «За флейтой». Она замолчала.

– Не делай так. Дождаться что ли не мог? – всплеснула руками.

– Прости, – выдал он у двери.

– Сам ведь знаешь.

– Чего нельзя? – встрял Луи.

– Уходить и входить во время выступления, – ответил Константин, голос его оказался усталым на удивление и мрачным, точно Эммин. Что за дела? – Дождись пока закончат, а потом вали.

– А-а... – протянул Луи. – Ну с флейтой-то лучше будет, – добавил он примиряюще.

Они сидели в буфете уже второй час. Парень, которого звали Джейком, который был флейтист по-хозяйски осмотрев шкафчики, намешал им четверым коктейли из приправленного джина, сока и Эмминых трав. «Эмма будет зла», – подумал Константин. Он всё ещё не узнал ничего путного, что могло бы её убедить, что могло бы подсказать, как действовать дальше, он просто напился.

– Попробуем снова? – улыбнулась Лика. Он заиграл, а Лика запела. И это было похоже не на музыку, а на транс, на языческую молитву. Мерцание. Мерцание и звон. Точнее не подобрать. Она пела и раскачивалась, точно колядовала, точно призывала духов, а может богов. И свет дробился, светлился, путался в её волосах, в её голосе, в стакане Константана, на языке, он пах льдом и жасмином.

Она закончила петь. Константин поднял голову, последние минуты, секунды, сколько? Сколько... Сколько-то он смотрел лишь стакан, ловил блики и мутные отражения гранённым стеклом и апельсинным изгибом, жасминовым духом. Это уже было. Он это уже видел. Держал, целовал, спасал и не спас.

– Ты употребляешь что-то?

– А? – Лика тряхнула своими золотыми фейскими кудрями. У той, что он любил волосы были белей.

– Наркотики, – подсказал Луи. Константин всё ещё не мог выплыть, не мог очнуться до конца.

– Они мне ни к чему, – улыбалась она очень красиво. У неё были пухлые мягкие губы, и ровные белые зубы, крепкие и немного великоватые для такого лица, как у манекена в стоматологическом кабинете. И всё-таки она улыбалась красиво. Она нисколько не похожа на ту, что он недолюбил. – У меня есть музыка. Она моё спасение, моё наваждение. Почему спрашиваешь, капитан?

– Потому что похоже, – бросил он мрачно. Объяснять не

хотелось.

– На кого?– пристала поющая. На кого...

– Да так. Знал одну.

– В Тирхе? – снова влез Луи. Хорошо хоть флейтист молчал.

– Да. Жили вместе. Спали.

– Девушка? – уточнила Лика. Луи заинтересованно приподнялся.

– Девушка, – процедил Константин. Луи сел обратно. – Встречались два года.

– Ого.

Все трое ахнули.

– Ага, – буркнул Константин. – Она классная была.

– Красивая? – спросила Лика

– Очень, как ты.

Та, кого он не спас, выглядела иначе.

– Правда? – чуть обиженно протянула она.

– Нет. Вы разные. Она тоже пела. Талантливая была. Я думал, что других таких просто нет. Я любил её. Наверно. По итогу она половину батиных денег спустила на дурь.

– И всё?

– И всё. Ты хочешь грустную историю любви? – он усмехнулся опять как Эмма. Не лучшая привычка. —Ну, грустно было. Но давно.

– А...

– Потом, отец умер, и мне дали генеральскую форму. Она

ещё жила в той квартире, может и сейчас живет, если не прокурила. Мне не жалко.

– Квартиру? – встрял Луи. – Ты чего кэп? Это ж чертова куча денег.

– И? – спокойно поинтересовался Константин. История была настолько старая, что и чувств никаких не осталось. – Деньги только деньги, Луи.

– Когда их много, – вставил молчаливый флейтист.

– Даже когда их много, – фыркнул Луи, – деньги важны.

«Возможно, – подумал Константин, – возможно ты говоришь так, потому что всегда был беден. Возможно, поэтому я ни черта не понимаю. Но деньги, есть деньги. Люди важнее». Публика ждала продолжения. И Константин его вспомнил, так для потехи, пусть слушают. Что ему?

– За это время я успел налюбоваться, как она сгорает. Сначала непонятно, вроде всё как было, но чуть странно. Слова там тянет, ходит медленно, точно не ощущает себя в пространстве. Музыка изменилась, проще стала. Мне она говорила, что стиль ищет. Ищет, ищет. Потом и во все перестала писать, играла старое. Оно хорошо продавалось. Красивая девочка, сладкие песни.

– Бедный капитан! – промурлыкала Лика, – Не бойся со мной такого не приключиться. Давай лучше ещё споём? У тебя красивый голос, капитан, поднимайся!

– Откуда ты знаешь, я же не пел?

– Но ты говорил. Поднимайся!

Константин был достаточно пьян, чтобы встать, достаточно, чтобы вспомнить, как он тоже на сцене с той... это было... Он дернулся.

– Не хочу. – Одной поющей ему хватило. Одного дебюта вполне. Вторых дебютов вообще-то не бывает.

– Кальян? – спросил флейтист – спас. Лица мгновенно переключилась, она тоже была пьяна.

– Ох, у вас кальян есть!

«Откуда? – подумал Константин. – Какого чёрта он роется в наших вещах?!».

– А то! – подтвердил Константин. Кальян этот он видел впервые.

Луи недоверчиво уставился на своего кэпа, пожалуй, он один, ну а теперь и пташки, признают в нём капитана.

– Ты пробовал, Луи? – спросила Лица.

Луи побагровел. Точно! Он же не любит, когда его имя произносят так:

– Луи! – повторил Константин.

– Сокращенно от Луис. Не пробовал, – отрезал Луи. – И Эмма не оценит. Надо хотя бы спросить.

– Это её? – удивилась Лица. Будто бы Эмма такая скучная, будто кальянов у неё не может водиться.

– Точно не доктора.

– Фет не одобрит, – с какой-то садистичной радостью процедил Луи. – Давайте сюда. Я знаю как.

– Держи, Луи.

– Луи.

IV

Эмма сидела на самом краешке кресла, позади неё можно было усадить ещё несколько Эмм. Комиссия ушла на перерыв. Дэвид с Рогачом обсуждали выступление. У Дэвида был толстый блокнот в кожаном переплёте и именная ручка, подарили на кафедре на позапрошлый день рождения. Пока ещё было неясно: услышали их? Поверили? Согласны?

Эмма разглядывала зал, полупустые бутылки на столах. Ей было тесно и душно, и одновременно очень холодно, она чувствовала себя ребёнком на взрослом празднике. Дэвид был взрослым. Она нет. Хотя она выступала, а он пока нет и может не будет. Ей всё больше и больше казалось, что её вытолкнули с речью, только потому что она красивая — молодая девушка с роскошными черными волосами, она выделялась. Ученым она себе не чувствовала, чувствовала частью презентации, хорошим дизайнерским ходом. Дэвид что-то писал, а теперь зачитывал Рогачу, тот кивал. Минут через семь они перешли на модели микроскопов. Эмме стало совсем душно и совсем холодно, краешек стула показался колючим.

Эмма вылетела наружу, запнулась о край линолеума, беззвучно выругалась, но никто уже вроде не слышал. Она просто спуститься на первый и просто купить воду. Во-

да в поллитровых прозрачных бутылках, стеклянных, о боже, стеклянных, притворно хрустальных, точно висюльки с бабкиной люстры... Нет, она не... Новые туфли натёрли. Глупее не придумать, кто надевает новую обувь на такие, такое... сюда. Эмма бы просто, пожалуйста, можно? просто бы села на подоконник, тут вроде бы тихо, тут вроде не ходят, тут можно заплакать. Но Эмма идёт за водой, в хрустальной бутылке, без газа и с газом. Почему она такая дура и почему плачет? И почему Дэвид сидит спокойный. Он знает, что это формальность. И Эмма знает. На втором этаже у окна грустил охранник худой и мрачный в зелёной форме, с большими глазами и вздутыми бирюзовыми венами на руках. Эмма представила густую бордовую кровь текущую долго и вязко под кожей и... и ей стало дурно, ещё дурнее. Её собственные руки колело, точно кожа... точно кожи не было. Точно между Эммой и миром ни черта не было, ни границ, ни спасения, слишком близко и густо, слишком густо и рядом, она проскочила пролёт и чуть не упала, туфли скользили по старому камню стоптанному, белому, гладкому до блеска. Она вцепилась в перила, в воздухе очень-очень запахло холодом, серым бетоном, замишлым, промокшим, сиренью у входа, недавним дождём.

Как она полетит куда-то? Как будет работать в условиях ядовитой Верны, если ей становится плохо от такой мелочи? «Соберись», – прошипела она, благо на лестнице больше никого не было, вокруг никого не было. Тишина. Эмма

медленно спустилась на первый. Найти воду в общем-то хорошая идея, разумная. «Бывает, – решила она, – перенервничала. Большая ответственность». Всё это было правдой, а всё равно не отпускало. На длинных столиках выросли кофейные чаши и плоские корзинки с выпечкой, многоэтажные блюда с тарталетками.

«Эва бы справилась лучше», – подумала она с горечью. Сестра со всем справляется лучше. Эмма схватила салфетку, высморкалась, смяла и кинула в мусорку под столом. В носу щипало, она взяла ещё три, ещё две закинула в карман. «Справляется, – хмыкнула Эмма, она наконец заприметила воду, открутила серебристую жесткую крышку и сделала два маленьких глотка. – Но это не ей лететь на Верну. Это не она полетит исследовать другую планета. Не Эва увидит звёзды. Не Эва выступала сегодня!». Эмма отхлебнула ещё. Сестра бы в жизни не решилась остановить дом так надолго, улететь так далеко. «Это я всю жизнь куда-то бегу! Из родительского дома к Эве, от Эвы в какую-то сомнительную любовь, потом в общагу, в другой город, в другой мир», – Эмма усмехнулась. Пора бы вернуться, послушать про модели микроскопов и захватить Дэвиду воды.

В дверь постучали. Эмма дёрнулась, зачем-то свернула все вклады, будто этот кто-то стоящий за дверью мог бы поймать её на... На? Её ловить было не на чем. Ей просто не хотелось открывать. Особенно если там пташки или капитан. У лабораторной двери стоял Фет с планшетом. Эмма

улыбнулась.

– Я отчёт дописал, – сказал доктор. – Нужно кое-что обсудить.

– Пойдём наверх? – предложила она, вспоминая, что кажется сегодня не завтракала и не обедала. Доктор кивнул.

– Эта ситуация, – начал он, – мне не нравится. Я летал с... с разными людьми. С Зимородковым капитаном тоже.

– Думаешь, это его *пташки*? – Эмма заглянула в буфет, там, к счастью, было пусто. – Почему пташки, Фет?

– Потому что у них клеймо в виде птички. Зимородковый капитан так своих называет. Я знаю его, Эмм. Это не Людвиг.

– Хуже? – Она набрала чайник. Хуже Людвига. Сколько дней уже здесь эти пташки?

– Людвиг служил в полиции, когда жил в Старом мире, он из Полиса. Он и сейчас служит. А этот... Отбитый. Напиши Людвигу, – доктор тяжело вздохнул. – Я не знаю, что ещё можно сделать.

– Я написала, – Эмма наконец села. – Я тоже не знаю. Я расписала, что задница полная, что иначе мы не могли, еле спасли. А что они сбежали от кого-то, знать не знали.

Фет смотрел с таким изумлением, что Эмме стало даже как-то не по себе. Что она сделала? Ничего ж особенного.

– Я неплохо вру, – пожал плечами Эмма. – Думаю, ты знаешь. И не говорить же ему, что наш капитан герой тупоголовый. Людвиг это знает и так.

Фет неопределённо мотнул головой, поправил очки и от-

хлебнул из кружки.

– Это не чай? – спросил он мирно, явно стремясь перевести разговор на что-то попроще.

– Кипрей и дикая мята, – ответила Эмма и тоже уткнулась носом в кружку. Ей было весело, но веселье то было нервным.

– На вообще Верне есть настоящий чай?

– Ну, – протянула она с виноватой улыбкой, – не я живу здесь тридцать один год.

– Не напоминай, – буркнул Фет. Он вообще очень не любил, когда кто-то заговаривал о его возрасте. – Зато ты знаешь каков настоящий чай.

– Знаю, – кивнула Эмма. – Ни разу не встречала его на рынках. А кофе есть. Странно, правда?

Фет не понял, но кивнул. У него в голове не возникали холмы, усаженные по спирали зелёными кустиками, причем явно мультяшные, из рекламы.

– Кофе растёт южнее, – объяснила Эмма, не к месту представляя баобабы и темнокожих женщин в пёстрых тюрбанах. – Кофе – это деревья, а чай – кустарник и он любит влагу, на сколько, я знаю. – А знала Эмма не то, что бы твёрдо. – Наверное не смогли устроить полив.

– Ты его всё-таки защищаешь.

– Какого?

– Героя тупоголового, – доктор скалился.

– Что? Да оно мне надо? Сдался он мне... – Эмма устави-

лась в кружку, кипрей лип к стенкам, пить неудобно. Почему вышло нервно? Да просто нервно. Просто нервно сейчас. – Давай лучше твой отчет посмотри.

– Ага, – кивнул Фет. – Посмотрим. Так...

– И нам, кстати, нужно разобрать покупки. Наши припасы благодаря гостям в этот раз...

– Придётся опять на Южную заглянуть. Ты права. – Доктор включил планшет. – Но всё же скажи, что у вас с ним происходит? – доктор перелистнул страницу.

– Ничего. Думаю, этот пункт можно убрать.

– Уверена?

Эмма отрешенно кивнула. Речь шла о припасах, и ей было ну совсем без разницы сколько-зерновую крупу собрался покупать Фет.

– Да, убирай.

Фет усмехнулся.

– Я про капитана. Он тебя раза три за это время искал. Прячешься?

– Нет, – отмахнулась Эмма. – Но он меня бесит, если ты это хочешь услышать.

– Это я понял. Так почему?

– Потому что он невыносим, самодоволен и до противного навязчив. – Эмма вздохнула. – Впиши какао, Луи его любит. – Доктор нахмурился. – Из бюджета пока не выбиваемся.

– Откуда ты... Ты ж даже не смотришь в список.

Эмма пожала плечами. Она прекрасно умела прикидывать в уме. Точные суммы почти не когда высчитывала, но пределы знала. Физики считать не любят – оперируют порядками величины.

– А ещё я завидую, – добавила Эмма негромко. Ей было стыдно. Фет удивлённо вскинул бровь. – Капитану нашему.

– Ты временами тоже бываешь невыносима, когда начинаешь критиковать или упорствовать на пустом месте, или ни черта не делаешь, когда сделать надо бы.

– И всё равно выходит, по-моему. Заметь, моё «пустое место» ещё ни разу не оказалось таким уж и пустым, а бездействие не привело к проблемам. Я чувствую, когда нужно что-то делать, а когда нет.

– Ты ведьма.

– Ага. Ленивая и хитрая. Ты добавил какао?

Доктор кивнул.

– Морковь или свёкла?

Эмма недоуменно глянула на него: «Свёкла? Мы ещё и это покупаем. И вероятно готовим...».

– Морковь, – пожала плечами Эмма, так-то ей было всё равно, но доктор почему-то полагался на неё. – Кабачки и спаржевая фасоль, – добавила она. – И то, и другое плохо храниться, но можно нарезать и заморозить.

– Записал, – отрапортовал Фет и улыбнулся хитро.

– Хватит, Фет. Пожалуйста. Давай просто закончим. Не хочу про него. И про пташек не хочу. Пусть Людвиг сначала

ответит. И может вообще удастся высадить их где-нибудь и всё.

– Как хочешь.

– Спасибо. Голова последнее время не работает совсем. Ничего не могу сделать. Так что там по списку?

– Не наговаривай. Ты блестящий ученый, – напомнил Фет. Кажется, он и вправду в это верил.

– Блестящей я становлюсь, – Эмма вздохнула, – когда намажусь перламутровыми тенями. – Кажется на Верну тени она не брала. – Всё? Тогда я пойду. Мне нужно работать.

Доктор понимающе кивнул. Начинать что-то новое сил не было, не было сил и продолжать. Эмма просто загрузила накопившиеся данные в облако и отправила на институтскую почту.

После был банкет. Все спустились на первый, всем раздали по бокалу с чем-то светлым и игристым. Выставили к стеночке с большим плакатом с маленькими буквами НМ. Рогачу поднесли микрофон. Эмма улыбалась. Им официально одобрили экспедицию на Верну. Такого не было уже лет тридцать.

«Тридцать четыре года назад трагически завершилась последняя вернская экспедиция. Корабли Старого мира...» – говорил ведущий, это была подводка к чем-то восторженному, героическому, великому. Великий шаг. Величайший. Такой бюджет!

«Мы планируем...» – говорил Рогач.

Все подняли бокалы.

«Внимание! Обнаружено задымление. Просьба незамедлительно покинуть корабль. Внимание...». По потолку растянулась полоска тревожных красных лампочек. Сигнализация не выла, женский голос, чем-то похожий на Эммин успокаивал, точно протягивал невидимую руку: туда, туда вдоль красных лампочек.

«Тебе надо ты и покидай», – шикнула Эмма, выводя на панель интерактивный план корабля. Задымление мигало в районе буфета. Эмма выругалась и натянула противогаз, предварительно дважды нажав «сохранить». Файл улетел в облако, теперь пусть хоть вся Верна дымит, работа уже в архивах.

Перед дверью в буфет висел красный огнетушитель. У каждого отсека был огнетушитель. Эмма с трудом подняла красный баллон. Дверь заклинило. Систему частично обесточило. Эмма сдернула пластиковую заглушку и вручную отворила дверь.

– Вашу ж мать, – выругалась она. – Вы б хоть вентиляцию включили. – Эмма хотела было уйти, но замерла, уставившись на Константина. – Повесь, – Эмма сунула ему тяжеленный огнетушитель. Теперь можно идти. – Идиоты, – прошипела она в коридоре. – Придурки.

– Эмм, – слышалось виновато, – прости.

«Засуньте это прости, – думала она, но говорить не решилась. Нечего тратить время, оно и так улетело впустую. –

Пусть Фет вам вставит. Да, пусть». Не останавливаясь, она напечатала ехидную записку доктору. Пошли вы все.

Красные лампочки погасли. Сигнализация заткнулась.

На хрен пошли.

V

– Эмма! – крикнул он в пустой коридор. Ведьма и не подумала отзываться. Лампочки светили тускло-тускло, тени напозлали друг на друг, и оттого коридор казался ещё длинней и уже. Ведьма исчезла в сплетении теней, будто в ночь вошла, будто была настоящей ведьмой.

Константин разочаровано пнул табурет. Он всё делал неправильно. Боги! Что за дела? Почему дома такого не случилось?

– Вот скажи, – он уселся на спинку дивана, в голову снова пробрался клубничный дух поющей девчонки, – что я делаю не так?

– Не так? – она повернулся к нему, заглядывая своими бледными кошачьими глазами в его глаза. – Смотря о чём ты.

– О ком, – буркнул Константин.

– Госпожа злится? – Она отставила фужер. – Обижается, – поправила сама себя. – Конечно. Нужно будет извиниться. Эмма любит засахаренные фиалки?

– Не знаю, – бестолково протянул Константин. Боги, он уже столько с ней пережил, а до сих пор не знает ни что Эмма любит есть, ни что читает и слушает, не знает её любимые цвет и время года.

– Все любят. А кто не любит, может продать, – рассудила

Ли́ка. – Но дело не только в этом, – она вновь пригубила коктейль.

Флейтист, точно вынырнувший из забвения, потянулся с бутылкой в их сторону.

– Мне хватит, – отрезал Константин.

– Мне тоже, – она прикрыла ладонью фужер. – Что тебя мучит, о славный герой?

– Мучит? – скривился Константин.

– Угу, – она улыбнулась так, будто знала всё правду этого мира, хитро и пьяно. Просто пьяно. – Ты подумай пока, а расскажу тебе сказку. Земные боги такие любят. Ты ведь и сам немного...

– Бог.

– Земной, – а вот теперь ухмылка у неё вышла почти Эммина, но до ведьминой всё ж не дотягивала. – Я слышала, ох не помню, где, – она залпом допила коктейль, – тебе важно где? – Константин в ответ мотнул головой. Ему плевать. Внутри зрело стойкое предчувствие, что он должен быть где-то не здесь. Константин остался сидеть и слушать. – В общем, есть такая теория и мне она по душе, в которой говорится, что все мы часть одного целого, что каждый человек – это воплощение одной души, пришедший в этот мир дабы познать всю его множественность.

– Чего? – вполне планомерно спросил Константин.

– Ну я это ты, ты я, и тот ворчливый доктор, и госпожа, и Эмма, и все-все люди на всех-всех станциях.

– А зачем?

– В смысле «зачем»?

– Не знаю... По мне так, – Константин заглянул в свой стакан. – Это... мы разные люди. Отдельные.

– Подлить? – возник флейтист под правым локтем.

– Мм, – неопределённо промычал Константин. Флейтисту и того хватило. – Да, спасибо. Хватит. Не знаю. Я не об этом. Я не верующий.

– Твоё право, – Ли́ка дёрнула плечом. – По мне так легче осознавать, что всё мы по факту одно, и что боль, причинённая другому – это боль, причинённая самому себе.

– На кой вообще причинять кому-то боль? – Константин чувствовал, что потихоньку пьянеет. Ни что из слов Ли́ки не помогало, всё только путало. – Мне надо... – он тяжело поднялся. Как долго они тут сидят? – Вы допивайте. Каюты...

– Помним! – звонко отозвалась поющая.

Эммы в коридоре, конечно же, не было. Да и с чего бы ей тут стоять? Константин направился к рубке. Нет, не её сме́на, там Луи. Он развернулся, грузно переваливаясь с ноги на ногу. Под ботинками что-то хрустело: ручка выпала из кармана. Тирхская ручка, с отвращением подметил Константин и двинулся дальше, проскакивая буфет. Он убрал стакан или оставил? А есть теперь разница? Эмма и так и так будет зла и Фет, Фет уж тем более. Размашистым пьяным шагом он доплёлся к машинному, развернулся, не в силах войти.

Глава 8

тихая сила

I

Эмма скинула кофту, отстегнула левую лямку комбинезона, правую заклинило. Эмма поленилась её разнимать и просто вылезла, вышагнула из кобеза. Осталась в рубашке, заляпанной какой-то дрянью из машинного, на черные пятна налипла копыями пушистая пыль, и в волосах пыль. Она смутно помнила, что нужно переодеться. Тело всё сделает само. Между машинным, в котором сегодня, именно сегодня, когда же ещё! вздумала сломаться установка, снабжающая корабль водой; между машинным, лабораторией, рубкой, ещё раз рубкой нужно было чем-то занять себя. Она подошла к шкафу в смутной надежде на второй уже чистый комбинезон. В лежащем на полу очень грустно пикнул коммуникатор. «Что-то по дальней связи, – отметила Эмма, – очередное Эвино письмо». Комбинезона в шкафу не оказалось. Вещи давно уже стоило постирать. Эмма дёрнула юбку и на неё свалился клубок застиранных носков вперемешку с голубой рубашкой. «Сойдёт», – решила Эмма, подмечая, что в городе никогда бы так не оделась, даже дома никогда. Ну тут ей, в сущности, было плевать, лишь что-нибудь руки закрывало. Коммуникатор пикнул ещё раз, но Эмма никак не могла выпутать рубашку.

«Слушай, – послышалось теперь из рации. Говорил Луи,

и он был озадачен. – С нами тут хотят выйти на связь».

«Ага», – сказала Эмма в рацию.

Ага.

Одной рукой, застёгивая рубашку, другой пытаюсь нащупать коммуникатор в складках брошенного комбинезона.

«Ну вашу ж мать! – сказала Эмма. И Луи согласился. – Всех в рубку. – Эмма ненавидела командовать особенно, когда сама ни черта не понимала. – За пташками, – процедила она, – прилетели».

– За вами прибыли, – сообщила Эмма. Сообщение было весьма и весьма однозначным. Она надеялась, что её «всех в рубку» значило Фета в рубку, Луи и капитана этого долбанутого.

– Что нам делать? – вполне спокойно спросила девица, только пальцы у неё слегка дрожали, но она сплела их в замок. Флейтист встал у неё за спиной. Готовы бежать или сдаться? Они не выглядели бойцами. Никто не выглядел, если на то пошло. У Фета был пистолет, у Эммы – шокер, который остался в каюте, в ящике под трусами. Она его только на станции брала. «Бойцы», – подумалось грустно.

– Ответить, – вздохнула Эмма, – Луи, отвечай.

Шесть человек для маленькой рубки – это слишком. Эмма подошла поближе к креслу, поближе к переговорному устройству и Луиной спине. Он запоздало кивнул и произнес одними губами:

– Приняли.

– Не выдавайте нас, – прошептала певица.

– Добрый день! – принеслось по связи.

– Добрый, – выдавила Эмма.

– Стыковочку разрешаем?

В голове стало пусто, темно и сухо. Ни-че-го. Стыковочку.

Разрешаем. Какого чёрта ей снова надо решать?

– Разрешаем, – подал голос Константин, уверенно, будто так и надо. Флейтист ругнулся, хотел бы сплюнуть, но не дали. – Спокойно, – сказал он тише, – сейчас всё разурлим.

Эмме очень захотелось всё-таки разыскать шокер, а лучше пистолет.

– Принято! – отозвался голос.

– Отключай, – прошептала Эмма. Луи треснул панельку.

У другого его плеча оказался Константин. – Ты ошалел?

– Напротив, сейчас что-нибудь решим! Сколько у нас времени?

– Пятнадцать минут, – вздохнула Эмма. Решать в прочем было не обязательно, всегда можно сдать пташек и свалить. Сдать и свалить.

– С-стыкуемся? – уточнил Луи.

– Да, – кивнула Эмма, – Фет?

– Да, – прозвучал стальной Фетов голос, – пусти меня порулить.

– Вы нас отдадите? – процедил флейтист.

– Нет, – заявил Константин. Может стоит отдать всех троих? И вместе с кальяном. – Я пойду туда и потолкую. А вы...

– Стыковка, – пискнул Луи.

– Вставай, – поднял его Фет и сам плюхнулся в кресло.

Эмма отошла к противоположному краю. Ей было тесно и людно среди шести человек. Корабль несло к грозе.

– Заболтай их, – она говорит? – Сможешь?

– У нас нет шаттлов, – вздохнул Луи. – Я тоже об этом подумал.

– У них есть. Фет?

Фет озадаченно глянул на Эмму, он и без того был озадачен стыковкой.

– Есть, – сказал доктор. – У Зимородка есть, в нижнем отсеке. Плохая идея.

– Плохая... – протянула Эмма. – У нас есть шаттл, на котором они прилетели.

– Я... – хотел возразить Константин. – Гони корабль к буре. Когда подойдём, вы, – он повернулся к «пташкам», – свалите на том шаттле.

– Тут поблизости, в четырёх часах лёта, станция, – подхватила Эмма.

– Пристыковались, – огласил Фет.

Открылся нижний люк.

– Ну я пошёл! – безумно улыбнулся Константин.

Он спрыгнул. Снизу слышались шаги. А если его прибьют?

– Нужно проверить шаттл, – сказала Эмма.

– Пересядь теперь ты, – сказал ей Фет. – Мы с Луи по-

смотрим.

«Почти что план», – подумала Эмма, падая в кресло. Нужно было сразу садиться самой. Её тем более смена. Пташки притихли. Не пташки, а люди, музыканты хотя бы. Она старательно разглядывала панели. Проверить шаттл мог бы и кто-то один. Время сделалось вязким. Гроза может и повернуть, а может вовсе не случиться. Им сильно повезёт. Но выдержит ли корабль? Придётся разрывать стыковку. А если этот горе-капитан не успеет?

С другой стороны, сам проблемы привел, пусть сам и решает. А если его застрелят?

– Скоро, – прошептала Эмма. Тучи двигались верно.

– Не думаю, госпожа, – вздохнул флейтист. – Он всегда получает то, что хочет. Он не выпускает свои вещи.

– Вы не вещи, – напомнила Эмма, ни решимости, ни злости в её голосе не было, – вы люди.

– С клеймом едва ли.

Знала, что на Верне есть рабство? Здорово, правда? Такое ощущение, что летели на одну планету, а попали чёрт знает куда. Эмма вздохнула. Она не знала, что сказать парню. Его распирало от обиды, от гнева, от желания обматерить тут всех, но кого материть? Кэпа? И что с этого будет? Девочка-певица стояла смирно, не смирилась, не то капитану поверила. Сама Эмма ни во что не верила. Так надеялась чуть-чуть. Не убили бы его там... и не поставили клеймо. Эмма судорожно потрогала холодными пальцами свою шею. Тако-

го она от Верны не ожидала.

– Получится? – спросила певица.

– Не знаю, – призналась Эмма. Откуда ей знать?!

– Вы ведьма... – тихонько пробормотала девица, будто это что-то значило.

– Тебе погадать? – получилось гадко. – Сейчас?

– Н-нет, – певица мотнула красивой головкой. – Вы заняты... Я думала, вы... ну чувствуете такие вещи, – она вздохнула, – да?

– Я занята, – отрезала Эмма. Она правда не знала, что им говорить.

На экране мелькали вспышки ближних бурь. Через полчаса здесь будет жутчайшая гроза.

II

– Где они?

– Ждут! – сказал Константин, оказавшись на втором корабле. – Сначала мы поболтаем. Луи, блокируй дверь!

И дверь закрылась. И два бугая, один поменьше, почти как Луи, совсем не бугай, если подумать, взяли его под конвой.

– Здесь подождёшь, – буркнул конвоир.

– Да с радостью, – ухмыльнулся Константин. Каюта выглядела роскошно. – Принесёте чайку?

– Нет, – отрезал второй пират.

– Я принесу, – из темного угла каюты послышался женский голос сладкий и переливчатый. – Лани, – представились ему. Саму девушку Константин разглядеть не мог. – Вам чёрный или с малиной?

– С малиной, двумя ложками сахара. И включите что ли свет. Темно как в... – говорить ей «в жопе» не хотелось, – в заднице. Не хочу, чтобы вы оступились с моим чаем. – Константину нравился собственный голос, он звучал здесь почти как в Тирхе, как до изгнания, как у него прежнего, настоящего, сильного! Девушка что-то сделала, и вся каюта наполнилась тёплым янтарным свечением. Писать, конечно, темновато, но подождать пиратского капитана сойдёт. – Благодарю.

Конвоиры скрылись за дверью, встали двумя колоннами, сторожевыми собаками. Константину вспомнился один дурацкий факт: на Верне нет собак. Луи по этому поводу как-то особенно горевал. Вроде как колонисты привозили псов, но те не прижились. Не об этом надо думать. Нужен план. Константин выбрал лежанку поудобнее – серебристый пуфик похожий на лодочку и упал на него.

Что он скажет, что сделает, когда капитан объявится?

Вместо капитана объявилась Лани с дымящейся чашечкой на белом блюде.

– Я тебе печенья ещё принесла.

– Спасибо, – просиял Константин. А если это его последнее печенье? Глупо получится. – Так скоро будет ваш капитан? – Константин не спешил, напротив любая задержка была ему только на руку. Он пробрался сюда на одной только наглости, и что будет делать не знал. – Как его, кстати, звать?

– Капитан Зимородка.

– А имя? Имя у него есть?

Девушка потупилась, будто Константин решил выведать нечто такое, ну что просто, ну вообще и никогда и никому.

– Меня вот Константин зовут, – продолжил – Ты Лани. А он?

– Капитан Зимородка.

– И?

– Виктор.

– Хорошо, – кивнул Константин. – Сядешь? Не люблю

разговаривать, точно с трона.

Она помедлила, но всё же опустилась на соседнее кресло. «Красивая», – подумал Константин. Таких девушек принято считать красивыми: завитые медовые волосы, чуть отливающие рыжим в этом освещении; мягкие розовые губы, круглые светло-серые глаза и длинное жемчужное платье. В таком в машинном два часа с не простиошь. В таком до машинного просто не дойдёшь. Точно кукла. Вещь.

– Нравиться чай?

– Вполне. Спасибо.

– А почему не пьёшь? – девица Лани усмехнулась. – Капитан скоро будет. Пока можешь поговорить со мной.

«Странно, – подумал Константин, – что он не спешит сюда».

– Горячий, – он сделал первый глоток, всё-таки для последней чашки чая эта слишком сладенькая. На Небе он от сахара отвык. – Красивый у вас корабль.

– Красивый, – согласилась Лани. – Но Небо, говорят быстреей.

– Правда? Небо исследовательское судно. Но я, Лани, хотел бы узнать, ты капитану кто? Любовница, подруга, слуга?

– Хочешь пригласить на чай к себе? Не думаю, что ведьма Эмма одобрит.

– Эмма куда лучше, чем хочет казаться. Но я хочу понять, почему на Верне людей считают вещами.

– Правда? – девица скопировала его интонацию. – А где-

то бывает не так? Но я не считаю себя вещью, я предсказательница капитана Зимородка. Он хочется тягаться с Людвигом, а теперь и с тобой.

– Со мной? – не понял Константин. Зачем пиратскому капитану с ним тягаться? И зачем ему предсказательница? Хотя... Такая предсказательница может явно не только предсказывать. – Тоже гадаешь? Подражаешь Эмме? На Верне есть авторское право?

– Есть. Я не беру денег. Я говорю только с капитаном.

– И со мной, – вставил Константин.

– С тобой, – она рассеяно кивнула. – Да. Хочешь что-нибудь?..

– Если только ещё немного печенья.

– Боюсь не успеем. А я похожа на твою ведьму?

– Нет. Нисколько. Эмма другая.

– Так и думала. Ты долго ждал её. – Девица повела плечами. – И что теперь, герой? Что будешь делать? Девчонке ни к чему твои тепло и сила. А Тирхе ни к чему побеждённый герой. Там любят несокрушимых, а тебя сокрушили. Тебя отправили проиграть.

– Зачем ты мне это всё говоришь?

Сияние её жемчужного платья не ослепляло, но заставляло теряться в пространстве. Точно в корабле выросли ещё коридоры и стены, кружились, менялись, точно в калейдоскопе. От пляски света, от путанных слов, от нарастающей обиды Константин почти ничего не видел и очень плохо со-

ображал.

– Меня попросили, – она улыбнулась. – С появлением госпожи Ведьмы стало модно иметь сказительницу, – она поддалась к нему и одними губами шепнула, – на борту, – и рассмеялась звонко и горько, у слов появилось второе дно, которое Константин никак не мог поймать. – А я как видишь ещё и красивая. Ну полно! Вот и мой господин! – Она подскочила, оправила платье, коварный жемчуг вновь воссиял. «А может это не жемчуг?» – подумалось Константину не к месту, он плохо разобрался в камнях.

– Чем расшито твоё платье?

Зачем ему это?

Девчонка неохотно повернулась к нему, всё её внимание занимали едва различимые шаги в коридоре, шаги её господина. Константин подумал о рабстве и об эскорте. Да, она чем-то напоминала дорогую шлюху.

– Опалами, – был ответ.

Девушка Лани схватила отставленную на пол чайную пару.

– Константин, значит?

Пиратский капитан, которого Константин вообразил вторым Людвигом, Людвигом не был. Он показался из-за ширины, окаймлённый медовым сиянием. Высокий, поджарый, чернобородый с завитыми усами, с бирюзовой шапочкой на лысой голове. Он был похож не Людвига, а на одного владельца клуба, с которым Константин когда-то дружил, который наливал ему бесплатно, когда сам оказывался в баре.

Только глаза у пиратского капитана другие – круглые, чёрные и немного навывкате, из-за чего взгляд кажется несколько безумным.

– Капитан Молчаливого Неба! – продолжал тот. – Надо же, ведьма Эмма его кому-то уступила. Хороший кораблик.

– Хороший. А ты капитан Зимородка, так?

– Так! Приятно познакомиться. Где мои пташки?

– Собираются.

– Это хорошо. Глупо с вашей стороны было их укрывать, но благородно.

– Не вижу глупости, мы получили сигнал о помощи и откликнулись на него. У Лики были причины посылать его.

– Допустим, капитан. Поторопишь их или будешь и дальше героем?

– Буду, если потребуется. Но думаю, мы можем договориться.

– Ха, – сказал капитан Зимородка. – Мои пташки сбежали с Алой, они там выступали, захватив аванс, костюмы и инструменты. Пойми, Константин, я обязан пташек вернуть.

– Они не пташки, а люди и им решать куда податься. И с авансом можно разобраться. А даже если нет, странные у вас тут порядки... рабство... – Константин глянул на часы, куда только что упало уведомление от Луи. – Поздно, – улыбнулся он, – кажется, ваши люди снова не смогли их удержать. Свобода, – протянул он, и получил кулаком в челюсть. – Твою мать! – выплюнул Константин.

Бирюзовая шапочка полетела на пол.

– Хватит! – рявкнул пиратский капитан. – Хватит, мать твою!

– Сдаёшься?

– Да, – он тужился отпихнуть Константина, не очень успешно. – Я не за этим к тебе пришёл.

Технически это Константин к нему пришёл.

– Ха, – выдохнул он. – Ха.

Не такой уж он и сильный, просто первый удар был неожиданный. И Константин отвык. Конечно, отвык. На мирном Небе бить некого. У него промелькнула о том, что это вообще-то здорово и ему нравится. Нравится спокойствие. И когда ещё об этом размышлять, как не стоя против пыхтящего пиратского капитана?

– Лани! Лани, лёд! – крикнул он, прижимая ладонь ко лбу.

– Так чего от меня надо?

Свои вопросы Константин уже разрешил, если удастся вернуться на Небо, иначе получается, что он обменял жизни Лики и Джейка на свою. Неравноценный обмен.

– Тебя ищет полицейское ведомство и Тирхские послы, и Тирхский прокуратор.

– Какая приятная новость.

– Знал, ты оценишь, – измученно улыбнулся пират. Вообще-то не так и сильно он пострадал.

Из неосвещённого угла к ним подплыла Лани, без слов подала лёд своему господину.

– Вам тоже? – тихо-тихо спросила она.

– Будь добра.

– Будет, – хмыкнул пиратский капитан, и только когда Лани ушла, он продолжил. – Смело ты, конечно, от них сбежал. Но тут как с моими пташками. Всё равно поймают.

– Посмотрим, – Константин ухмыльнулся.

– Теперь по твоей милости мне придётся искать их по всем облакам обитаемой Верны!

Константин широко улыбнулся, и кровь капнула на майку. Вернулась Лани, но не со льдом, а с бутылкой.

– Холодная, – прошептала она.

– Спасибо, – так же тихо ответил Константин. Она встала у стеночки, точно её нет. Удобная красивая вещь.

– Ты разве не хочешь вернуться? – пиратский капитан опустил в кресло, и Константин тоже сел: ни сверху вниз, ни снизу вверх – он любил говорить только на равных.

– Да не особо. – Он соврал. Он уже знал, чего на самом деле хочет. Хочет ли вернуться к прежней жизни, к себе прежнему, и к всем тем людям... особенно к Августину.

– Верна понравилась? Или ведьма? Впрочем, не моё дело. Моё дело передать тебе это. Надеюсь, ты его не помял.

– Что это?

– Коммуникатор. – И на колени ему действительно лёг sereneкий коммуникатор. – В Тирхе такими не пользуются? – Константин молча указал на часы. Часы у него были хорошие, отличные были часы. – У нас таких технологий нет,

точно останешься? – Пирату становилось лучше, а вот щека Константина начала ныть, во рту было мерзко и солоно. Зуб остался в ковре. Вычистят? – Не моё дело, – он поднял руки. – Голова кружится, – пожаловался пират. – Напиши, как будешь готов. С тобой очень хотят на Портовой встретятся.

– Кто?

– Господин без имени. Мне он назваться не пожелал. Мне, если честно, твой отказ только на руку. Тирхский, как его боже? Прокуратор! Точно. Я ж говорил уже. Он планировал вновь сделать Верну колонией, подвластной Старому миру. Тирхе разумеется. С тобой во главе.

– Ну да, – сказал Константин и пожалел, что чашечку унесли, туда можно было сплюнуть кровь, придется глотать. – Ну да. А на черта такая сложная схема? Он мог просто предложить мне отправиться на Верну. Мог рассказать, к примеру, а не ссылать.

– Так романтичнее, – ухмыльнулся капитан, прикрывая ледяным компрессом правый глаз. – Павший герой вновь поднимается. Романтика!

– Бред.

– Ну как знаешь. Стой, зуб заberi. Лани! – приказал пират.

Зуб обернули салфеткой и бережно вложили ему в ладонь. Три дара получается: зуб, бутылка, коммуникатор.

– Благодарю, – пробурчал Константин.

III

– Там была шлюха и... – он улыбался своим треклятым окровавленным ртом и почти не шепелявил, будто ему вовсе не больно, будто выбитый зуб так пустяк, каждый день по два выбивают, по три вырастает. – И она косит под тебя.

– Что? – Эмма старалась не смотреть. Её мутило и под губой очень-очень жгло. Она отворачивалась и очень-очень боялась, что он сейчас упадет, что ему больно, а Фет застрял где-то, и Луи бесцельно топчется в коридоре не в силах ни позвать доктора, ни самому принеси лекарства. Много ли нужно? Ватку, что-нибудь спиртовое, лёд. – Луи! – окликнула Эмма, вышло вполне громко, но голос дрожал, как и руки. – Притащи что-нибудь из морозилки.

«И не спрашивай, пожалуйста, не спрашивай удивлённо: у нас что есть морозилка? Трёх раз хватит», – взмолилась она.

– Да, Эмм. Пельмени?

Она кивнула, а он не видит, потому что стоит за дверью.

– Да.

Луи удрал, и вскоре появился доктор. Они точно танцоры сближались, тянулись друг к другу и не касались. Это глупо, считала Эмма. «Объясните же!» хотелось крикнуть и стукнуть их лбами, но Эмма не умела кричать. Фет присел ря-

дом прямо на пол, выставил перед собой чемоданчик, щёлкнул замок. Из чемоданчика очень-очень пахло спиртом. Эмме захотелось не то выпить, не то сбежать. Она медленно отползала в сторону, а когда доктор вынул пинцет длинный и угрожающе блестящий встала. У него найдётся и ватка, и обезболивающее, и всё остальное. Зелёнка? Эмма отшатнулась. Боятся крови незачем, сколько раз она повторяла это, в надежде, что когда-нибудь поверит и перестанет винить себя. Боятся скальпелей, шприцов и пинцетов в умелой руке, адресованных не ей... Эмма рухнула в капитанское кресло. Подбитый корабль слегка кренило. «Не критично, – шепнула Эмма, выправляясь, – ты справишься», – она не знала говорила ли кораблю или больше себе, или просто пыталась наполнить беспощадно спиртящийся воздух словами.

Послышался грохот. В рубку залетел Луи с пачкой пельменей в руках, он нёс её точно ценнейшую вазу, а вазы обычно ронял.

– Вот, – сказал он, косясь в Эммину сторону.

– Фет, – Эмме не хотелось прерывать доктора. – Я подумала, пригодится лёд.

– Положи рядом, – доктор, не оборачиваясь, хлопнул по полу. Луи тот час опустил пачку туда и встал у стенки и, кажется, перестал дышать.

– Мне к затылку, – подал голос горе-герой.

– Открой рот шире, – приказал Фет и свободной рукой сграбастал пачку. – И молчи.

– А как я должен говорить с открытым ртом? – поинтересовался Константин. Фет что-то недовольно пробурчал и всучил ему пельмени.

– Открой и молчи, – повторил он. На пинцете красовалась ватка с марлечкой. Эмма запретила себе смотреть. – Богиня моя пресвятая, как ты вообще болтаешь?

Корабль выровнялся. Всё же запас прочности у него был большой.

– Хорошая драчка, – протянул Константин.

Эмма предпочла не отвечать. Хорошая. Лучше не бывает. Но её ли это дело?

– Так что ты с ним сделал? – подал голос Луи. – Убил?

– Нет, – отрезал Константин. Разве он похож на человека, который может кого-то вот так запросто убить?

«Похож», – грустно отметила Эмма.

– Если ты убил пирата – у нас будут проблемы, – констатировал Фет очень мрачно и очень жестко, как он любил.

«С Людвигом можно договориться, можно откупиться, – прикинула Эмма, – если отдать ему что-нибудь такое, что-нибудь... Что-то дорогое и нужное. – Идей не было. – Тогда он может даже похлопотать за нас. И можно попросить убежища. На Южной, к примеру», – Эмма вздохнула, тогда она не закончит исследования в ближайшую вечность. Но у неё хотя будет следующая, так? И их не убьют. Она потрянула головой, не помогло. Нет, внутри было спокойно, тревоги не было, а значит всё либо хорошо, либо плохо на столько,

что можно уже не рыпаться. Доктор и Луи уставились на капитана, Эмма тоже повернулась, но глаза смотреть не стала, ограничилась кровью на рубахе, и тут зажмурилась.

– Я никого не убивал. Да, боже, вы чего?! На кой чёрт мне убивать их капитана? Ну подрались мы, набили морды. Моей повезло больше! – он хвастливо улыбнулся.

– Оно и видно, – буркнул Фет. – Дальше.

– Дальше мы поговорили. И он согласился отпустить своих пташек и подарил мне бутылку. Я в потёмках решил, что бренди, а это водка.

– Что? – возмутился Фет.

– Водка. Я тоже расстроился.

– И почему это он решил вас опустить?

От тона Фетова голоса Эмме стало не по себе. «Зачем ты так?» – подумала она с грустью глядя на доктора. «Что с ним случилось? – пронеслось в голове. – С Фетом что-то произошло», – поняла Эмма, это подождёт. Но, впрочем, будто ты тут хоть что-то делаешь? Занята, конечно. Сидишь, бестолково пялясь в карту бурь.

– Фет, – оборонила она. Доктор сразу же обернулся. Слушает. Надо говорить громче. Надо закончить эту перебранку. Всем тошно. Надо. – Давайте потом, – вышло тухло. – Это приказ, – уже ровней. – Можешь идти, капитан?

– Могу.

Небо у горизонта сделалось непроглядно синим, ещё не чёрным, но тяжёлым и смурным – дивная обманка. Каким на

самом деле было Вернское небо, мало кто знал. Дружественные панели умело симулировали дом: хочешь бурю – пожалуйста, хочешь смерч – тоже нарисуем. Фет это дело не любил. Эмма стояла прямо под экраном так близко, что складывалось ощущение, ещё чуть-чуть и она провалиться прямо в восходящую бурю. Взгляд у неё был тяжелый, тёмные глаза сделались ещё темней и злей.

– В следующий раз, – Луи поморщился, – рулить буду я. Доктор побледнел, нахмурил лоб.

– Не спорь, – цыкнула Эмма. – Боги, такое ощущение, что это меня по затылку треснули.

– Ты всё близко к сердцу принимаешь, – отпустил Фет. — Нельзя так.

– Нельзя? – осклабилась Эмма. – Нельзя. Спасибо, вот что-то сама не догадывалась, – она действительно потёрла затылок. Она выглядела плохо, и без того бледная, белей только рубашка доктора. – Я не могу не близко, Фет. Я этот грёбаный мир только так и чувствую. Голова у меня так работает. Боги... Сходи-ка лучше к нему.

– Эмм... – протянул Луи, ласково касаясь её плеча. – Эмм, ты хорошая.

– Я знаю, – вздохнула она и отшатнулась. Луи смущённо отступил к креслу, посмотрел на неё и на доктора. Эмма ещё раз потёрла голову, тщетно пытаясь избавиться от фантомного зуда в затылке.

– Фет! – возмутился Луи. – Зачем ты так? Мы не выби-

раем, что мы чувствуем, начал он грозно, но к концу фразы стух: – это работа лимбической системы. Лимбической, правильно? – добавил совсем тихо, глядя уже на Эмму, а не на доктора. Выдержать коронный взгляд Фета мало кто мог.

Эмма слабо кивнула.

– Да что вам всем?! – возмутился доктор.

– Ничего, – прошептала она. – Луи, сможешь вести? Я, кажется, нет.

– Да, Эмм.

IV

Она посмотрела на бутылку, классическая такая чекушка водочная, посмотрела, потрясла и выпила, точно огня глотнула чистого и тугого. Всё натянулось внутри, застыло, трещит, трещит. Хочешь вой, хочешь морщья... Кэп не стоял уже, лежал мирно. Обезбол, видимо, начал действовать. Что тебе снится славный герой из Тирхи? Большое солнце и трубы гремят – славят? Трубы, которые горны представлялись плохо, в голову лезли водопроводные – ржавчина из-под слоев грязно-белой краски. В Новом мире нет героев, есть просто люди получше и подерьмовей. Эва вот явно из хороших, из тех, кто стремится помогать, спасать, души врачевать, из тех, кто не боится сидеть у постели поехавшей девочки, из тех, кто улыбается почти мёртвым. Дэвид тоже хороший, разве нет? Правильно для команды решил, людей увёз. Разве плохой так бы... Эмма поставила бутылку обратно. Стыдно как-то. Стыдно. В рубке не справилась, в машинном тоже какой от неё в таком состоянии толк? Фет справится. Луи справится. Что ты вообще на Небе делаешь, учёная? Раз такая ерунда из строя выводит? Один раз не справилась, не дотерпела чуть-чуть. День, Эмма, чёртов день! Подождала бы и со всеми можно было плакать. Вечно ты...

Эмма подвинулась к краю. Боги, как она такая маленькая

и бестолковая может занимать столько места на чужой кровати? Можно ей вообще сидеть тут? Села бы на стул. Вот стул. На стуле кофта и коробка, из коробки торчит что-то. Эмма сказала бы заячьи уши торчат, какие зайцы на корабле? Эмма придвинулась к столику, схватила бутылку, ударила пальцами о деревянный край, потрогала крышку, погладила горлышко и отхлебнула.

Водка ударила не в голову, но в ноги: всё ниже пояса стало горячим и ватным. Эмме по привычке захотелось открыть окно, она хмыкнула, задрала голову, демонстрируя ухмылку потолкам. «Кони не воют, капитан», – прошептала туда же. Кэп уже спал, кажется. Она посидит тут ещё. Посидит, почему же не посидеть? Главное рядом не лечь – на такой кровати заснёшь сразу же. Эмма не то чтобы бережно, скорее как-то нервно пощупала компресс: холодный и мокрый, хотя уже немного нагрелся от тела.

«Ты не уйдёшь?» – спросил во сне Константин вряд ли её, но Эмма пообещала не уходить, больше, как бы, некому обещать: Луи наверняка сейчас за штурвалом, а Фет после машинного спит, по крайней мере, она надеется, что спит. Ночь. Должно быть так. Без ночи совсем тяжело. Всем нужно выдыхать. Только б не выдохнуться. Эмма поставила водку на стол. Если захочет – допьёт. Будет что-то вроде завтрака. Что герои после схваток пьют? По-хорошему надо ему кашу сварить. Возьмёт и сварит, между вахтами как раз есть полчаса. Ну не поспит, сегодня точно нет. Выпьет кофе, по-

думаешь...

Чтобы не уснуть, Эмма решила подумать о том, о чём в этом мире думалось проще всего – о солнце. Как она всё-таки по нему соскучилась... Солнце так или иначе было связано с домом, представлять его отдельно было странно, но Эмма уже научилась. Солнце. А если не так? Она как-то шла на первом курсе ещё к сестре, кажется, по залитой светом улице, небо там было голубое-голубое и чистое, точно атлас, натянутый гладким куполом. Нет, нет, она покачала головой, никаких куполов, там небо было настоящее и солнце не поддельное, а брусчатка каменная, и новенькие ботинки пружинили.

Эмма тогда шла к сестре. Они договорились встретиться в парке. Это был апрель, середина весны или около того. Тепло уже было и славно. Сестры встретились у остановки. Синий троллейбус выпустил Эву, просигналил встречному товарищу и двинулся дальше. Эмма вскочила на бордюр и легкая, точно танцовщица, миновала слияния коричневых луж. Эва ей улыбалась, она была чем-то взволнована, но говорить не стала, предложила купить мороженого. Эмма призналась, что в этом году мороженого ещё не ела. Они нырнули в магазин, что прятался в большой стеклянной коробке торгового центра, едва не потерялись на эскалаторе, но быстро нашлись, а мороженное выбирали долго. Похоже, что во всех обитаемых вселенных клеить ценники на холодильники люди не умеют, а может это большой заговор всемогущих и веч-

ных. Они трижды проверяли цену на сканере, а потом плюнули и решили, что уж на мороженное потратиться смогут, а потом Эва заметила клубнику. Покупать клубнику в апреле та ещё авантюра, но солнце сегодня было такое золотое и ласковое, что им и не такое сошло бы с рук. Эмма утащила лоток с клубникой в туалет и там вымыла под жутким автоматическим краном. Они макали клубнику в мороженное и улыбались. На вкус та была как мокрая красная мочалка. В парке Эва сказала, что ждёт ребёнка, ей тогда было двадцать три, а Эмме без трех месяцев девятнадцать. О детях она не думала и матерью себя не представляла, но от мысли, что будет тетей ей стало тепло. Ей было радостно наблюдать за Эвой, та казалось ей совсем взрослой, гармонично взрослой. И новость эта казалась правильной. Почему бы и нет? Если все готовы и всем действительно того хочется? Эмма всегда считала, что быть матерью крайне сложно, с такой лавиной ответственности мало кто справляется по-настоящему. А вот тётей, тётей почему-то быть хорошо, или даже не так – правильно. Они прогуляли до вечера, Эвины троллейбусы к тому времени опустели, точно всё те толпы, с которыми она ехала, решили не возвращаться.

Эмма помахала уезжающему боку троллейбусу и пошла домой самой дальней из дорог. В тот год она жила с парнем, чьё имя теперь даже вспоминать не хочется. Он был её первым. Говорят, первые всегда запоминаются, этот как бы тоже запомнился картинкой бесцветной, отретушированной

донельзя. Эмма не любила его. Кажется, за всю жизнь она так ни разу и влюблялась, будто и не умела. В юности Эмма нравилась мальчикам, она была не то чтобы очень красивой, но яркой, и чем-то цепляла, и люди тянулись. Одному такому «притянутому» она разрешила быть рядом, целовать, за руку брать, разрешила назваться её парнем, а потом скоро, на вторую неделю переехала к нему в квартиру.

На самом деле Эмма просто до одури устала жить в переполненном сестринском доме, устала по часу с лишним добираться на учёбу, мыть посуду после гостей, а гости к Эве с мужем ходили толпами: человек по пять за раз. Эмме и мужа Эвиного много было. На что-то своё съёмное денег тогда не было, а в общежитие она заявление не подала. Дома думали, что с сестрой лучше. Лучше. Лучше.

Нет. Не любила она его, просто воспользовалась первой лазейкой, чтобы из суматохи сбежать. Он был хороший, добрый, надёжный и скучный. Ему нравилось, как Эмма решает всё за двоих, как выбирает, когда выбирать не хочется. Он не мешал. Почти не мешал, не шумел. Музыку слушал приятную, фильмы включал неплохие, местами даже очень интересные.

Когда в тот день Эмма вернулась в квартиру, распахнула все окна – на кухне и в спальне, запуская весенний воздух; он сидел за компьютером и побеждал врагов в прекрасном мире меча и платных доспехов. Эмма рассказала сестрину новость, он испугался, что она захочет также. Эмма уверила

его, что детей ближайшую вечность не планирует, может в следующую, но тоже скорее всего нет. Это было правдой, но от самой ситуации Эмме почему-то стало тоскливо.

Через два месяца они расстались, как раз к началу летних каникул: Эмма успешно сдала сессию, отнесла заявление в общажную администрацию и уехала к родителям катать куротников на конях. Верхом она умела здорово. После Эмма ещё дважды пробовала завести отношения, парни ей попадались неплохие, плохих она заранее обходила, наслушавшись ещё подростком Эвиных рыданий, да и вообще себе дороже. Но всё неплохие как один оказывались скучными. К третьему курсу Эмме надоело. В магистратуре она вполне счастливо жила в институтской квартире с кадкой лаванды на подоконнике. Эмма никогда взаправду не боялась одиночества, ей нравилось быть с самой собой, работать и гулять по лесу, забегать на лекции по фольклору и микробиологии, писать научные работы, защищать их на конференциях. В аспирантуре ей встретился Дэвид, они работали в одной научной группе. С его диплома Эмма содрала свой бакалаврский обзор литературы. Дэвид был невысоким, примерно с неё ростом, очень худым и странным. По-хорошему, наверное. Он носил высокие шнурованные ботинки, черные штаны и чёрные же рубашки, татуировки: две на руке, одна под шеей. Он был великолепным рассказчиком, такие люди, по мнению Эммы и должны становиться лекторами. Он стал и был счастлив. На кафедре говорили, что они похожи, они

действительно были похожи, будто Эмма обрела вторую себя. Никто не удивился, когда они сошлись, а потом и съехались, а потом вместе улетели на Верну.

Даже сейчас, если бы Эмма захотела вернуться... если бы захотела, она могла написать ему или позвонить, а потом увидеться, а потом бы они выпили, поговорили и снова выпили, и простили бы друг друга, а может и не простили, но за полгода бы точно привыкли друг другу и вновь сошлись. Если, конечно, он не нашёл себе кого-нибудь. Если, конечно... Но Эмма... Нет, она этого уже не сделает. Даже если вернётся, даже если.

Эмма покачала головой. Они оба выбрали то, что выбрали. Что теперь? Ну что теперь!

«Зачем?» – спросил Дэвид. Ей было так больно, так тревожно, она лишь чудом не вышла из люка, не вышла из Молчаливого Неба, пока люк закрывался, пока тросы отъезжали.

«Мне надо», – ответила она твёрдо. Ноги тряслись и руки, и всё остальное.

Если бы тогда она шагнула к нему в объятия, если бы смогла. Она верила, что может, что тут её примут даже такую. Кто, боги, ну кто не ошибается? Не делает глупости? Кто не сбегает? Вот Дэвид не сбежал. И говорить он с ней не стал. Эмма уползла в душ. В ту ночь она не плакала и утром не плакала и даже позавтракала нормально. Он бы помог попытаться не простить хотя бы, но понять. Мог же?

Она открыла крышку, глотнула и снова глотнула. Она ненавидела водку, но, в сущности, было плевать. В каюте воняло спиртом, а может просто воняло. Эмма потёрла ладони, ей очень хотелось домой. А ещё ей хотелось, чтоб Дэвид, сказал... Нет, уже не хотелось. Чтоб Луи?.. Но Луи сможет и сам. Комната тихо кружилась, не сильно, почти не заметно. Водку Эмма... бутылку поставила, в прочем, на стол.

Эмма надеялась, что в голове станет пусто, а рукам тепло. Но ей стало мерзко и стыдно, и очень-очень противно от себя самой. Зачем она это сделала? Воды бы лучше себе налила, и для него принесла. Эмма встала. Стоять оказалось чуть легче, чем сидеть. Она бы предпочла пятичасовую прогулку. Каюта закончилась быстро. Звуки корабля и звуки собственных шагов давили на плечи, будто Эмма несла все Небо, взвалила и тащит. Что-то скрипело из коридора. Она села обратно, и поняла, что теперь не встанет, если только упадёт, ноги сделались мягкими и слабыми. «Кто тебе виноват?», – подумала она зло. Бутылка торчала на столике едва заметно переливаясь в янтарных отблесках ночника.

Константин лежал тихо. Кажется, спал. Компресс со льдом немного сполз. И Эмма встала и не упала, и поправила, а потом вернулась на свой краешек кровати. Лед таял медленно, но всё же таял, и скоро придётся идти за новым или опять за пельменями.

Тоже ещё. Герой. Ха. Она покачала головой, голова действительно побаливала. «Какого чёрта?», – спросила Эмма.

В каюте было очень тихо и было слышно весь корабль, его обычное урчание стало болезненным и всё вокруг, включая воздух, бутылку с водкой и Эммины мысли.

Она потянулась, чтобы погладить его руку. Кажется, так кто-то делал. Кажется, это ничего не даст. Но главное, сам капитан того и не заметит. «Горячая у тебя рука», – прошептала Эмма.

Кэп открыл глаза. Эмма вздрогнула.

– Привет, – сказал он с кривой улыбкой.

«Твою мать!» – подумала Эмма. «Какого хрена!» – подумала Эмма, несчастно ойкнула, запоздало одернула руку. Подумаешь пальцы заметил, погладил. Её трясло немного. Она спрятала руку под полу рубашки и отползла немного к стене.

– Ты чего? – поинтересовался он бледный. – Я не умер.

– Молодец, – Эмма отвернулась. Боги, если увидит, как она улыбается дура-дурой... – Ф-фета позвать?

Он мотнул головой.

– Не уходи от меня, ведьма.

– Я не ведьма. – Эмма наклонилась, снимая бесполезную тряпку с его лба. – Не уйду. – Зачем ей идти? – Хочешь воды?

– Я только..., – сказал он.

Эмме хотелось, чтобы он сказал... или не говорил. Или просто, или, как он сказал "только". Она покрутила это в мыслях, ничего, конечно, не произошло. Стало холодно немножко. Пустяки. Эмме хотелось, чтобы он продвинулся

ближе. Константин не уверенно ёрзал на собственной двойной кровати. Он сдвинул две койки. Чья это кстати была кровать? Эмма забыла. Он сдвинул, а сверху матрас, и в общем, шикарно.

– Зачем я выпила эту дрянь? – Эмме хотелось выйти из Неба, куда угодно: в серные бури, в безкислородную пропасть, боги, только бы... только бы, она задержала дыхание, горло обожгло. Зачем?

– Эмм, – позвал Константин. Лучше бы он убрался, куда угодно. Ну хоть куда-нибудь. Невозможно смотреть на эту рожу. Хочется его обнять.

– Я домой хочу, – Эмма всхлипнула. Она дёрнула на себя какую-то тряпку, пусть тряпка окажется пледом, пусть... – Боги... Хорошо. – Чего хорошего? Все цепляешься, цепляешься, дура, за позитивную... Слово «психология» встало комом, Эмма всхлипнула. – Хорошо, что эта дрянь сейчас выйдет, и я смогу нормально работать. Выйдет мерзостным драконом.

Эмма любила драконов, она погладила тихонько, чтобы он не заметил, свою руку. Может Константин не любит? Нет, он просто... человек? Просто военный. Просто мальчик из богатеньких, такие о драконах не думают. Только сумасшедшие ведьмы.

– Эмм, иди ко мне, пожалуйста, – попросил он настойчиво. Как ей хотелось, чтобы хоть кто-нибудь так попросил! Попросил. Она отвернулась.

– Прости, – выговорила, пьяный язык ворочался туго, – прости, что видишь меня такой.

– Нормально, – он, кажется, улыбался. – Ты видела и хуже. В смысле меня.

– Ты приятный, – выдала Эмма, всё больше вжимаясь в стену. В животе стало так тяжело и ужасно. Зачем? Вот зачем! Ну зачем?

– Ты правда пьяна, – заключил Константин.

– А так не видно? – она всплеснула руками и стукнулась о стену, звонко, но не больно, утром будет больно. – Не поминай мне на утро.

– Останься, пожалуйста, – прошептал он тихо, точно её же оружием... – Я не могу спать один, – совсем как ребёнок.

Эмма кивнула, Эмме хотелось сбежать, и чтобы он не знал её больше, не слышал, не видел, забыл. Она неловко скинула обувь, подумала: «Не раздеться ль? В одной кровати. С ним. Нет». Эмма выпуталась из рубашки с опаской поглядела на голые руки, потянулась, потому что коже надоело под тканью, а без неё хорошо, и потому что устала, и потому что странная нега заполнила тело, и потому что пьяная была. Эмма примостилась с краю, на одеяле, накрывшись рубашкой. «Замёрзну, – поняла, – вот непременно замёрзну».

– Замёрзнешь, – сказал Константин. – Иди ко мне.

– Я буду мешать.

– Не будешь.

– Эмм, – сказал он. Никто так часто не звал её по имени.

Ну никто. Зачем он зовёт? – Можно я тебя...

– Да делай что хочешь! – объявила она. Нет, она понимала, что так неправильно. Но боги, что ей, собственно, на этой чёртовой Верне терять? Гордость? Девственность? Самоуважение? Ничего, ничего не осталось.

– Знаешь, на Тирхе, я предложил бы тебе вечность и деньги моего отца. А здесь... у меня ни черта нет, я ничего не могу тебе дать.

– Я пьяная в хлам.

– Эмм...

– Хотел обнять – так обнимай, капитан!

Где-то в машинном Фет выронил гогглы, а Луи бесстрашно прошёл через бурю. Константин... Что-то щёлкнуло и на корабле выключился свет.

«Я потом пожалею», – подумала Эмма.

Эмма стянула брюки, брюки упали и ладно, носки она тоже сняла. Уткнулась носом ему куда-то около плеча. Можно не думать, хотя бы немножко, пожалуйста, можно? Эмма уснула. И Константин тоже.

Забегая вперёд, заметим, что за всё время ссылки Константину наконец удалось нормально поспать.

Глава 9

неспящая память

I

Это был маленький закуток тишины, неведомо откуда выросший среди бурь. Луи с удивлением разглядывал россыпь звёзд белых и крупных, точно жемчуг на бархате черноты. Корабль шёл медленно, Луи не спешил разгоняться, хотелось хоть на немного продлить это странное затишье – долгий вдох после нырка. И на душе было уже не горько и не тоскливо, но очень и очень тихо как бывает в ноябрьском саду за неделю до зимы.

После пришло утро, нахлынуло тихим прибоем, прибоем холодного моря. Холодное море другое: светлее и горче всех южных морей, оно точно белое вино в широком бокале: иначе пенится, иначе пьянит. Неправильно даже, подумал Луи. Слишком уж светлый занимался день. Но это просто память о небе, иллюзия, серебряный морок. Да, облака плыли совершенно серебряные, ни грозовые, ни тучи, хотя... наверное, всё-таки тучи, но Луи хотелось, чтоб облака. Луи стало бы чуточку легче, будь оно так. Он смотрел неотрывно на меняющееся небо: из волшебничьи-черного оно стало чуть синеватым, чуть фиолетовым. Цвета атласными лоскутами накатывали и менялись. С экранов рябило серовато-графитными тучами-облаками, мохнатой ватой, а под ватой рассвет. «Не рано, нет?», – спрашивал Луи. Корабль

спал, большая океанская рыба, это не он крутит двигателями-плавниками, это ветер – небесная волна.

Приборы показали: станция. Заводик какой-то, подумал Луи. Луи мигнул маячком. отправил по радиации стыковочный запрос. Во сколько *светает* на станциях? В восемь? В пять? На богатых, где электроэнергию не экономят, ночи не бывает, одна только Южная играет в солнце, приглушает лампы к *вечеру*. В мире без солнца, без света и темноты, в мире, укутанном в плотную мантию яда не случается вечера и рассветов тоже не случается. Не бывает прогулок по набережной, лунных дорожек, льющихся серебром в черной воде. Не бывает. Ничего. Нечего тебе. Нечего, Луи, думать, что Фет когда-нибудь. Когда-нибудь. Когда-нибудь Фет возьмёт тебя за руку. Рука у него будет сухая, но тёплая, такую хочется поймать в темноте, когда когда-нибудь по тёмной набережной под плеск чуть шепчущей воды. Фет будет рад и будет рядом. Но луны у Верны... А нет, ведь кажется, их целых две. Но ни одной не разглядеть.

День пришёл светлый. Небо причалило к станции. Там тоже, кажется, начался день.

– Я... – пролетел Луи. – Я... – В горле булькало от страха, точно кто-то пережал его. – Я люблю тебя! – выкрикнул он. Теперь назад нельзя. Теперь уже всё. Фет либо примет его и всё будет как надо, как должно быть, хорошо будет! Почему им не может быть хорошо? Эти долбаные два, три, пять... сколько?! Сколько-то лет скитаний

должны же закончиться во имя триединого, да? Обязаны окупиться. Точно сорвавшийся рейс. "Был ли он у меня застрахован?" – с горькой усмешкой почти без надежды подумал Луи. Иначе не заплатят. А доктор всё молчит.

– Ф-фет? – протянул Луи жалобно. «Ответь. Ответь, ну?» – нет, он не будет скулить. Фет ответит и сам. Почему он молчит? – С-скажешь что-нибудь?

Доктор вздохнул тяжело и шумно.

– А надо? – таким тоном не отвечают на признание в любви, с таким лицом отправляют на эшафот.

– Да. – Лучшие бы отступить, понял Луи, но не мог. Он будет переть и дальше.

– Хорошо, – вздохнул доктор ещё раз. – Добрый боже, Луи... Ты ведь и сам должен понимать, что я не могу ответить взаимностью.

– Потому что тебе нравятся женщины?

– Нет, – доктор покачал головой, – не только.

– Тебе не нравлюсь я?

Доктор снова мотнул головой, это ведь почти надежда!

– Ты нравишься мне, – признал он устало, Луи сделалось горько. – Но боже, Луи, тебе едва семнадцать, а мне... – он опустил голову, очки съехали к кончику носа, поправить бы их... – я старый. Посмотри сам, – Фет расцепил замок из пальцев. Коснуться бы...

– Не правда, – возразил Луи. Голос как у ребёнка капризный, самому мерзко, – не старый.

– Для тебя старьей. Не тряси головой, – какой у него всё-таки глубокий голос! Особенно когда не ругается. – послушай. – Луи послушно кивнул. — Я скажу один раз честно. Не хочу врать тебе.

– Фет, – Луи вновь потянулся к нему через стол. Кажется, это уже было и закончилось плохо, уже закончилось, но теперь он не уйдёт.

– Ты нравишься мне. – На этих словах Луи вздрогнул. Внутри так ухнуло! – Как ты можешь не нравиться? Не возражай, боже. Ты славный, и умный, и жить не боишься.

– П-правда? – Луи смущённо потупился, – Т-так почему нет?

– Тебе не нужен человек с таким багажом как у меня, Луи. Я сломаю тебя.

– Пф! Н-нет. Нет. Глупости! Я... у меня... я тоже всех потерял. Я тебя понимаю. Может даже лучше, лучше... Я нужен тебе. Я могу быть нужным!

– Нет, Луи, нет.

– Могу! – повторил он упрямо.

– Можешь конечно. Но не должен.

– А если хочу?

– Подумай ещё.

– Фет!

– Хватит.

– Но...

– Всё Луи. Если тебе так проще, считай, что ты не в мо-

ем вкусе. – Зачем он это говорит? Ну вот зачем? Он готов зашипеть, если б это хоть что-то решило! – И в конце концов, я могу сказать нет.

– Можешь, – согласился он слабо. – Но ты... ты не любишь меня?

Фет не ответил. В каюте стало ужасающе тихо.

– Тебе не нужны отношения, так?

На это Фет тоже не ответил.

– Не нужны со мной? Фет! – Неужели трудно ответить? Пусть скажет нет, пусть скажет, скажет, скажет! – Я не могу видеть тебя, говорить с тобой, если ты... Ты презираешь меня.

Ну и правильно! Жалкий воршика. Ему нравятся мужчины, ему мальчики не нравятся!

– Можешь не говорить со мной, – наконец вымолвил доктор, словно плюнул в лицо. Но Фет не плевал, Фет глядел, не отворачиваясь и не моргая.

– Могу! – оцетинился Луи. – Тебя всё равно не переубедишь. Упёртый как... как...

"Ну нагрублю я ему и?!" – Луи беспомощно осел в кресле. Спорить с Фетом как со скалой ругаться. И тошно, тошно так!

– П-прости.

На что доктору это "п-прасти"? К черту. К чёрту. К чёрту! Луи вытолкнул своё тяжёлое тело из кресла. К чёрту.

II

– Эмм? – прошептал Константин, желая проверить, проснулась ли. Эмма открыла глаза, испуганно вздрогнула. – Тшш. Это всего лишь я. Я всего лишь глажу тебя по голове. Ничего...

– А должно быть наоборот, – прошептала она сонно. – Тебя же по голове... Когда я вырубилась?

– Не помню, – он улыбнулся, стало больно, слюна наполнилась то ли кровью, то ли Фетовым обезболивающим стерильно горьким и чуть сладковатым. Константин опасливо потрогал щёку, но толком ничего не нащупал, щека была мягкая и всё.

– Я хоть не мешала тебе? – Эмма отодвинулась, приподнялась на локтях.

– Нисколько, – он потряс головой, хотя трясти не следовало. – Хотя бы выспался. – Говорить тоже больно. Давно ему не было просто физически больно, есть в этом что-то заземляющее. – Давно живого человека не обнимал.

– Ты выспался... – прошептала Эмма, – потому что обезболивающее, а не.. ну не поэтому. А... как себя чувствуешь?

– Превосходно!

– Какие длинные слова, – вздохнула она скептически. – Сколько сейчас? – спросила и сама же ответила: – Полдеся-

того!— воскликнула с ужасом. — Станция!

К станции причалили на рассвете. Луи сам за штурвалом стоял, Фета выгнал, Эмму не позвал. Это они утром узнали, когда ведьма подскочила обеспокоенная, выскальзывая из объятий, из-под нагретого одеяла, натянула брюки, в ботинки запрыгнула, а потом долго чертыхалась, перешнуровывая.

— Я Фета к тебе позову.

Константин хотел пойти с ней, но Эмма шикнула, нет, ему не хотелось ссориться. Не сейчас. Кажется, что-то славное, верное наконец получило начало, а может и нет. Он горько хмыкнул в пустоту. Отвечать было некому. Стены кривились тихие. Поразительно, как быстро он прирос к этой каюте, к команде, к кораблю, как долго Эмма к нему привыкает. Фет явился спустя четверть часа с чемоданчиком, такой мог быть у мультяшного доктора или у проституток. Но увы, ни к первому, ни ко вторым хмурый Фет не относился. Больше всего сегодня он походил на злую птицу, на ворону. Константинову вспомнилась ни кстати аллея перед домом: орешники да каштаны, осенью глубокой сырой в голых кронах селись вороны, они швыряли орехи на плитку, чтобы те разбивались, а потом спускались и клевали, чёрные, серые. Он всегда проходил там с опаской, а после палкой их шугал.

— Ну как чувствуешь себя, герой? — Фет не то что бы издевался, но был очень близок к тому, а значит настроение у него приподнятое. Константин вздохнул, чувствовал он себя

ровно так, как должен чувствовать себя помятый после стычки с очередными пиратами почти-беззубый недокапитан.

– Нормально, – отмахнулся он, растягивая губы в самодовольной ухмылке. Рот тот перекосило: и губы, и десны, и даже сами зубы припомнили вчерашний кулак и фетовы иголки. Ухмылка сползла на левый бок, придавая его лицу вид болезненный и жуткий.

– Вижу, – хмыкнул Фет. – Вот тебе лёд, – он показал Константину скрученную синюю перчатку с плотным шариком льда, резина натянулась и чпокнула, но не порвалась. – Есть платок или полотенце? – Фет придирчиво оглядел каюту, точно санинспектор. И Константину тут же захотелось подскочить, оправдаться и пообещать, что как только будет возможно, он сразу схватится за швабру. «Что за дурь?», – подумал он и остался лежать. Доктор тем временем с тихим: «можно?» приспособил вместо полотенца чистый носок и протянул Константину компресс. – Приложи к щеке. – Фет присел на край покрывала, уложил чемодан на колени, небольшой такой чемоданчик, шприцы с метровыми иглами туда не залезут. – Эмма сказала, спал.

– Спал, – подтвердил Константин.

Фет вытащил тонометр.

– Опухло? – поинтересовался тот без особого внутреннего содрогания. Бывало и хуже. Куда хуже бывало. А тут ещё может удастся сохранить зуб. С этими Вернскими злоключениями Константин чувствовал, что стал относиться к сво-

ей внешности да внешности других проще. Ни фотосессий, ни сладких девиц, которым хочется нравиться не только за деньги, за синее с розовым в длинном бокале...

– Завтра хуже будет, послезавтра пойдет на спад, – оборвал его размышления Фет. – Ты водку выпил?

– Эмма, – он и думал оправдываться, просто вылетело само собой. – Разве это выпил? – усмехнулся Константин. Бутылка на двести пятьдесят миллилитров опустела где-то на две трети. – Я б допил.

Фет возражать не стал ещё раз глянул на бутылку, осуждающе, но и бутылка ему не стала возражать.

– Хорошо. Точнее... – он запнулся, видимо хотел поругать Эмму, но передумал. – Тебе надо пить антибиотики. Пять дней. После еды.

– Так точно, – Константин снова попытался улыбнуться и снова пожалел об этом. – Надо поесть, – заключил он. – Ты завтракал?

Доктор неопределённо мотнул головой. У него сейчас смена в машинном? Или в рубке? Он поменялся с Луи или Эммой, чтобы прийти сюда? Или это Эмма поменялась с Луи, чтобы прийти к нему ночью...

– В буфете есть каша. Ешь мягкое и не горячее. Кофе нельзя.

– Хорошо, что я не Эмма, – усмехнулся Константин. Всё утро мысли так или иначе возвращались к ней, а она не возвращалась. Наверное, в рубке или в машинном, – Кстати, чья

смена сейчас?

– Твоя, – усмехнулся Фет.

– У вас тут больничный бывает?

– Без оплаты. У нас всё без оплаты.

– Понял уже.

– Ладно, с тобой вроде всё нормально. Если хочешь – вставай, скоро станция.

III

Это была меленькая станция, меньше Южной, меньше и той портовой, на которой прокураторский кораблик выкинул Константина. В Эмминых картах у неё даже названия не было, только строчка плавучих координат. Станции на Верне по большей части не двигались, а как бы парили в «безопасных» секторах. Нрав планеты этому способствовал мало. Подвижная атмосфера оставляла очень мало стабильно-спокойных островков. Кораблям-скитальцам этого было вполне достаточно, а вот большим станциям приходилось не просто. Громады вроде Южной, маломобильные и густонаселённые, подвергались наибольшему риску. Попробуй угадай, не ждёт ли их участь Стрельца? Но как рассказывал Фет, люди, живущие внутри, об этом не задумываются. Для них рождённых на небе бури и облака точно и не существуют, весь их мир – закрытая система станции, а что снаружи? Бог? И воля божья. Они и звёздах уже не знали и о других мирах. На Верну редко прибывали гости. Подумаешь ещё немного людей. Мало из каких отдалённых станций они прилетели? Преступники и искатели приключений, отчаянные – так о них говорили. На Верну ссылали политзаключенных, людей толковых по большей части и неугодных системе. За остальными охотился Людвиг. Пиратом он был ровно в той же ме-

ре, что Эмма гадалкой. «Мы носим красивые маски, чтобы не задохнуться», – шутил он однажды, оттягивая новехонький респиратор.

Станция коптила и дымила, флегматично сбрасывая тонны яда в Вернскую пустоту. По сути своей, то был завод. Здесь собирали движки и насосы, штамповали закрылки, набирали в баллоны горючий газ из атмосферы, перегоняли спирт. В общем, занимались всякой грязной опасной работой, невозможной на больших обитаемых станциях. Жили здесь только рабочие, жили вахтами по двадцать четыре дня, таков был технологический цикл набора газа, опять же с Фетовых слов. Стыковаться с грязнулей Эмме совсем не хотелось: маленькие рабочие станции почти всегда обещали хренову тучу проблем, но выбора не было – после стычки с пиратами, после бури в которую попал корабль, Небо необходимо подлатать.

– Нет, Луи. Я не пойду. – Эмма остановилась у края, заглядывая в механическое нутро. Корабль казался не то мёртвым, не то спящим. – Ты справишься и без меня.

– П-правда?

Эмма кивнула.

– Ты хорошо знаешь Небо и местных механиков. А ещё ты ловкий. И тебя не надурить.

– Я сам кого хочешь!..

– Ш-ш, – Эмма приложила палец к губам.

– Тогда я?.. – он махнул вниз.

– Иди.

Луи шутливо отдал честь и побежал к рабочим счастливым. Как так вышло, что Эммин страх стал, ну впрочем, гордостью? Эта ложь такая получилась или что? Луи осчастливлен её доверием, а Эмме не нужно лезть кораблю под шкуру.

Дома, кажется, она не боялась высоты. Или боялась, но заставляла себя каждый раз, чтобы не показаться слабой, не оказаться хуже коллег-мужчин и великолепной Эвы. «У меня хорошая сестра, – думала Эмма, – понимающая. Что ж тогда она так меня бесит?».

Эве доставалось всё, потому что она всё делала правильно, принимала правила этого мира, была хорошей, семью вот выбрала, не артачилась, людей любила. Такой дочерью гордиться можно. Не то что мной.

Эмма села прямо на пол, вынула из сумки планшет. Что ж, у неё есть около двух часов – приятно. Сидеть на краю было не страшно и даже забавно. Только в груди немного жгло. Эмма тряхнула головой. Вроде нормально уже. Утряслось, что могло утрястись. Понять бы теперь, почему так хреново.

«Я завидую, – признала Эмма. – Потому что сама так не могу. Потому что Эва всегда будет примером, а я чокнутой ведьмой. Но даже эти слова не мои».

Внизу гремело. Погасший планшет боком торчал из сумки. «Мама, Эва, Дэвид и теперь этот чертов капитан. Почему я так сильно не подхожу их миру?», – прошептала Эмма. Перед глазами мерцало нечто цвета Эвиных льняных штор.

Свет падает косо в её квартире с видом на бор. В её квартире пахнет иланг-илангом и жареным мясом. У окна Дэвид полон стыда и презрения выплёвывает историю перед Эвой, а Эва тихо стоит и только, едва нахмутив идеальные бровки, качает головой. Она не злится, а хочет вылечить ту малость, что осталась от души.

Эмма закрыла глаза, открыла. Это всё ложь, обрывки не прожитой памяти.

Дэвид сделал её предательницей, Эва – дурой, даже ведьмой она не сама назвалась. Когда все улетели, а она нет. Когда на пустом корабле остались только они с доктором, когда припасы закончились и пришлось остановиться. Когда они причалили на Алой. Когда встретили Людвига...

Эмма выпрямилась во весь рост и откинула волосы. Она знала, что выглядит жалко. А вот им об этом знать не зачем. Она усмехнулась. Бравата и только! Но самую малость добавила сил. Доктор молчал, не двигался и дышал очень быстро, точно после долгой пробежки. Эмма надеялась, что он подскажет, но доктор точно отключился.

«Ну что там?» – послышался бассовитый рёв.

«Доктор Фет и какая-то ведьма», – крикнул пират.

«Доктор?» – голос стал ближе, ближе стали шаги. Прятаться дальше было бессмысленно. Да и где здесь спрячешься? Если только под стол залезть, или в туалете закрыться.

Эмма приказала себе не бояться. Ничего больше не оста-

валось. Она распустила волосы и вышла на свет. Ведьма так ведьма. Очень даже хорошо быть ведьмой. Ведьмы обычно сильнее девчонок с чего-то решивших присвоить себе дирижабль и должность старшего научного сотрудника.

– Добрый день, господа, – её голос звучал тихо, но твёрдо. – Чем вам помочь?

– Добрый, – усмехнулся тот, чьи шаги она считала. «Пират», – поняла Эмма. Он был рыжий и кудрявый, как модель из рекламы цирюлен, с рыжими завитыми усами, одетый белую рубашку с жабо и высокие кожаные ботинки. – Вы ведьма?

– Видимо я, – усмехнулась Эмма.

– Неожиданно. Корабль я так понимаю тоже ваш?

– Да, – согласилась ведьма. – НМ-2.

– Молчаливое у вас судно. А как полностью называется? – пират казался вежливым и убивать её прямо здесь не спешил. – И как вас зовут? Я Людвиг.

– Эмма, – сказала Эмма и протянула ему руку, не для поцелуя, для рукопожатия. И пират её стиснул. – А корабль... – Эмма так и не выучила то чёртово нагромождении цифр, которое служило ему названием. – Небо Молчаливое, – выпалила она.

– Приятно познакомиться, – заключил пират. – Расскажите свою историю?

– А у меня есть выбор?

– Думаю, нет, – пират улыбался из-под своих завитых

усов.

– *Тогда я поставлю чай.*

Эмма шумно выдохнула в термос, кофе был на обед. Луи, как закончит, обещал раздобыть еду. Лавандовый кофе горячий и горький, отчётливо пах травой и домом, озёрами, к которым она водила туристов, жизнью к которой уже не вернуться. Ну что за мысли, Эмма? Тебе же всегда было плевать на эти ностальгические сопли, закапай нос и продолжи работу. Эмма вздохнула. Читать эти письма, что резать себя. Вот и нож рядышком лежит, бутафорский атам, она крутила его, не замечая. Эмма с досады щёлкнула ногтем по ножу. Даже странно, насколько чутка Эва была к другим людям и на сколько слепа к сестре. «Ну и не буду ей отвечать», – решила Эмма, и стало полегче, и кофе куда вкусней показался.

На хрен мне этот Дэвид не нужен и не был не нужен, Эмма хохотнула очень зло и очень горько. Отыскала себе вторую себя, второго. Это удобно и очень. Мне тогда нужно было доказать сестре и миру, и родителям, что я не чокнутая, не чумная, что как они. Когда я стала жить с Дэвидом, они, проклятие, стали относиться ко мне серьёзнее что ли. Уважать, сука, стали. Два красных диплома, куча статей, докладов и конференций ну да неплохо, даже хорошо, умница Эммочка. А с мальчиками как? Никак мама. А с Дэвидом то другое дело. Я, получается, использовала его. Бывает. Я и любила его. Я не умею не любить людей, которых подпускаю близко. Все равно ж недостаточно. Может и хорошо...

Хорошо! Да, хорошо, что мы вот так... расстались. Он хороший, он найдёт как жить. И я хорошая, и я найду.

Пора, сказала она, запихивая термос в сумку.

Без особого труда она взлетела на четвёртый этаж, перемахивая по две ступеньки на лестнице. И только когда поднялась, поняла, что загнала себя, спина вспотела и дыхание сбилось. Таковую ведьму там не ждут. Эмма замерла в начале коридоре. «Дыши, давай. Продышись нормально!» – приказала она себе, расправила плечи, поправила волосы. Нужно работать. Люди ждали её. В коридоре скопилось уже человек семь. Пора звать. «Пора», – сказала она в тишину. Помощника как на Южной здесь, конечно, не было. Она и не предполагала, что здесь клиенты найдутся, и что кабинет предоставят. Пришлось быстро перетаскивать колдовские вещички. Эмма зажгла последнюю свечу, печально отмечая, что свечи-то заканчиваются. Не время переживать. Прилетят на большую станцию, там и поищет.

IV

Луи разбежался, мостки заманчиво пружинили под ногами, прыгнул и не долетел чутка, грохнулся на четвереньки, железо под ним гроыхнуло так, что казалось на всей Верне слышно. Луи охнул и хлопнулся на живот. Вот надо было прыгать? Нельзя сказать, что падение вышибло из него дух, скорее просто царапнуло самолюбие.

– Что с тобой, паренёк?

Ну надо же, монах в таком свинарнике! Луи почтительно склонил голову.

– Да так, дедушка, полетать решил, – фыркнул Луи, отряхнулся и собрался уже бежать дальше, но монах грубо дёрнул его за штанину.

– Не спеши, парень. Отдышись.

Хорош совет!

– Да всё в порядке, – отмахнулся Луи. Рабочие ушли на перерыв, и он тоже решил сбежать, к тому же он обещал раздобыть обед, и его надо было ещё забрать и найти Эмму, и Фета тоже найти. – Опустите, а?

– Ваши люди украли драконьи души! – заявил старик. Луи поморщился, вот надо же было столкнуться с полоумным! – И запаяли их в туши кораблей. Думаешь, как они летают?

– Драконьи души, – фыркнул Луи, – ага.

Луи набрал воздуха, готовясь к долгой речи: ну двигатели там, теория относительности. Перед глазами разлинованным пятном всплыла схема второго Неба. Луи про себя очень гордился своим умом и памятью. Эмма только раз показывала ему документы межзвёздного НМ, а он вот запомнил Подробности, конечно, не назовёт, но, по существу, рассказать может, даром что ли Эмма его учила? Нет-нет. Тоже ещё драконьи души! Такого в солнечном мире нет.

– Что не веришь? – ощерился монах. — Ты парень неплохой, зачем мне врать?

Луи потупился. Мало ли зачем хорошим людям головы дурят?

– Мне правда идти надо.

– Надо-надо, – покачал головой монах, а потом резко встал щелкнул Луи по лбу. – Дар, – прошипел монах. – Память крадёте, души крадёте. Взяли у земли, взяли, – повторял он. Совсем рехнулся. – Взяли. Нечего брать! Нечего. Мёртвое – мёртвым. Покой спящим. А тебе парень...

Луи наконец удалось вывернуться. Дед закричал, побледнел. Луи уже не смотрел и не слушал, а несся во всю прыть к выходу. Мостки прогибались и грохотали. «Души, туши, – крутил про себя Луи, – что за бред?». Мостки не заканчивались. По-хорошему он должен был выйти уже отсюда. Луи обернулся, а деда не было. Что-то случилось с рабочей станцией. Исчез корабль и перила, запахло гарью.

Луи остановился, потёр глаза, глаза щипало. Лестницы, с

которой он так неудачно прыгнул, тоже не было. А не при-
виделось? Журчал фонтан. И Луи всхлипнул, шея чесалась
он почему-то стоял в рубашке и пиджаке напротив фонтана,
в рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Затылок непривыч-
но холодило. Он взъерошил короткие волосы.

*Он плакал тихо-тихо, ни шмыгал носом, ни кричал, за-
мер никуда не мог деться. Что-то страшное происходило
вокруг, расцветало огромное, всеобъемлющей горестью, об-
нимало, затапливало, мешало смотреть и дышать. Проще
всего было забыть, как большой кошмар по утру. Луи не
приказывал себе забывать и о беспамятстве не просил, он
ни о чём не просил. Он стоял тихонько и ждал, чтобы за-
кончилось. Поскорей, поскорей. Не могут списки быть веч-
ными, не могут люди стоять здесь до ночи, и пацана од-
ного, мелкого, бледного не заметят. Кому нужен? Никому.
Никому ты, Луи... Луи всхлипнул, подхватил сумку с по-
лу и ломанулся прочь сквозь толпы. Кто-то крикнул, кто-
то пнул под рёбра, кто-то попытался обнять. «Пошли вы
все!» – просипел, не сбавляя шага. Скоро всё останется по-
зади, истает, исчезнет. Плотные кольца толпы рассеялись,
Луи вынесло к какому-то рынку. Был вечер, или то, что на
станциях звали вечером. Свет угасал. В бедных районах на
ночь электричество полностью отключалось. Луи точно не
знал, где оказался, он и как попал на площадь помнил плохо.
Он вообще ни черта не соображал. Всё выглядывал звёзды
в металле потолочных каркасов. По щекам стекали слезы,*

из носа текло как из свёрнутого крана. Луи высморкнулся в рукав, больше ничего под рукой не оказалось. Он был жалок. Как же он был жалок! Луи высморкался ещё раз и решил больше никогда не рыдать, пнул какой-то ящик, пнул ещё раз, нога угодила во что-то мягкое и вонючее. Луи попытался это стряхнуть, а потом плюнул, в сущности, это не важно – воняют ботинки или нет. Он же был в ботинках? А куда шёл? А..а? Он споткнулся, бестолково взмахнул руками и свалился, и решил не вставать.

Но встать пришлось. Он встал и пришёл к мосту.

Он подошёл к мосту, перекинутому над большим фонтаном. Кажется, эти люди пытались сделать реку. Луи очень грустно хмыкнул. Разве ж это река? На самом деле было красиво и очень: жёлтые фонарные отблески играли в бликах, в глади почти-реки отражались дома и мостики, и кудри цветущей лианы. Фонари роняли капли света и брызги подхватывали их, разнося по всей фонтанной чаще, огромной и чёрной. Луи не помнил, какого цвета были бортики и днище фонтана, он, кажется, ни разу сюда не приходил, а сегодня набрёл. Право, такой день заслуживает чего-то особенного, а то как же все прелести его не запомнить. Он очень зло хохотнул, а смех забулькал в горле, а горло болело, и дышалось очень тяжело, и если взять и прыгнуть... Он просто намокнет и вероятно, простудиться. Луи отлично плавал, тело всё за него сделает, а расшибиться – высоты не хватит. До чего славный вечер! Цветами пахнет, во-

да журчит. Он со всей злости шлёпнул рукой по перилам. Раздался глухой металлический лязг. Красиво. Мда. Оттого ещё странней: в таком красивом мире такие гадкие вещи творятся!

Луи плюхнулся на задницу, сначала хотел сесть, но ноги не удержали. И что теперь? Кто ему бродяге слово скажет? Штаны испачкаются? Да они и так все в рыночной пыли. И рожка грязная, опухшая после рыданий. Луи дёрнул молнию, рюкзак точно всхлипнул. Как он его берёт! Из дома вещь, из настоящего дома. Ну и что? Что с того? Где этот дом, а?

Луи стоял на мосту, на железном, под ним ярусы и ярусы рабочего грохота. Что происходит? Он не хотел вспоминать это. Он вспомнил день, когда сказали, что корабли Нового света, улетевшие с Верны, чтобы вернуться с другими людьми и другим оборудованием...

Отец улетел да не долетел. Пусть провалятся! Квазарам в пасть! Чертовы Тирхские корабли! Врагов нашли. «Провалитесь!» – выкрикнул Луи, и крик утонул в воде. Воевали бы как раньше со своим Полисом, с Вальдой, хоть с богом трехликим!

Луи потряхнул головой, волосы из пучка на затылке выпутались и рассыпались, прикрывая шею. Что за нахрен? Этого не было. Он не стоял на площади, когда объявляли. Его не оставляли одного на попечении дядюшки-профессора. Ерунда. Он не сбегал, когда услышал, что корабль Ново-

го мира, улетевшие с Верны, чтобы вернуться... Он шёл на обед.

Ему друг пирог обещал подождать. Ему Эмма только что написала, что закончила. Ему давно не пятнадцать и не четырнадцать. И монаха сегодня он не встречал. Какие монахи вообще на станции-заводе?

Пирог грибной с белым сыром и зеленью. Пирог. Фет написал, он тоже всё, и ему даже заплатили. Луи перевязал волосы. Мостик закончился, он спрыгнул.

V

– Два часа минимум, – заключил Фет.

– Долго, – отметила Эмма, голос у неё был усталый и безучастный – Сегодня не много, даже ремонт не отбили. В таких местах не густо с желающими вызнать будущее, – она широко зевнула. – Могу вам погадать, для своих скидка пятнадцать процентов.

Луи заговорщически подмигнул ей.

– У меня есть пирог! Подарили, – выдал он быстро, обиженно поглядывая на Фета. – Меня здесь помнят.

– И даже не хотят спровадить, – хмыкнул Фет.

– Что с тобой такое? – возмутился Луи.

– Устал, – обронил доктор. – Далекое ещё?

– Пойдём, пойдём! – подбадривал его Луи. – Я знаю, где тут потише.

Эмма просто пожала плечами и отправилась вслед за ним. Константину тоже, впрочем, без разницы здесь есть или где-то ещё, главное от корабля подальше. Пусть ремонтируется. Один лишь доктор застыл с укоризной.

– Фет! – окликнул Луи. – Все хорошо будет. Ничего с кораблём не сделается. Тут воров не держат, – он усмехнулся, – меня через вахту выкинули!

Эмма прыснула.

– Было б чем гордиться, – пожурил его Фет и всё же поплёлся, всем видом выказывая своё многогранное недовольство.

– Тут в глубине есть садик, – объяснял Луи. – Первый директор был эстет. Сейчас он заброшен. Там есть фонтан... то есть прудик. Там хорошо.

Константин не спорил, и просто тащился в хвосте. На пиратский коммуникатор написали, и он понятие не имел, что с этим делать.

– Чем бы его... – Луи огляделся и трагично вздохнул. Ничего хоть сколько то похожего на нож под рукой не было. – Так ломать? – он растерянно глянул на Фета. Доктор хмурился, грязные руки и пирог в его сознание плохо стыковались.

– Сейчас всё будет, – сказала Эмма и вытянула из волос тонкий ножик, сантиметров десяти в длину, с россыпью зелёных камушков на рукояти. – На.

– Ты хоть протри его, боги! – возмутился Фет.

– Антисептика нет, есть спиртовая настойка валерьяны. – Эмма запустила руку в поясной мешочек.

Доктор болезненно поморщился.

– Ой, да не хмурься, Фет! Хочешь, отвернись, – весело предложил Луи.

– Нет, спасибо.

Константин прыснул. Где-то в глубине рюкзака у него был нож.

– Почему вы... – начал Фет, – почему я с вами живу?

– Потому что! – объяснил Луи.

– А ты всегда закалываешь волосы ножом?

– Это не нож, это атам. Для алтаря. Лежит красивый на столике, кверенты думают, что надо так. Он тупой.

– Тупой, – подтвердил Луи, натружено круша пирог, – только в заднице ковырять. – Луи выставил пирог на середину и взял кусок. – В общем, что будет красиво, я не обещал.

– Куда дальше отправимся? – спросил Фет, когда пирог закончился. – Припасы у нас есть, Небо починят. Мы свободны в кои-то веки. Что у тебя по курсу, Эмм?

– Пока, – усмехнулась Эмма, – у меня свободный курс. Хочу кое-что проверить. Если выйдет, будет очень и очень... Хорошо будет. И нам заплатят.

– Луи на тебя плохо влияет, – хмыкнул Фет.

– Не правда! – возмутился Луи. – Ничего я не влияю.

Эмма прыснула.

– В Портовую, – как бы невзначай вставил Константин. Карман обожгло. – Мне нужно кое-что закончить.

– Хочешь посмотреть на кораблики Старого мира? – усмехнулся Фет.

Константин покачал головой.

– Ну значит в Портовую! – объявил Луи. – Можно форму патента оформить как раз.

– Можно, – кивнула Эмма. – Рано правда ещё...

– Ой, да они сто лет рассматривать будут. Ты ещё рада-

ров... как раз закончишь.

Эмма покачала головой, но возражать не стала.

– Тогда решено, – заключил доктор. – Луи пойдём. Думаю, у рабочих перерыв тоже закончился.

– Да они и без нас...

– Пойдём.

Луи неохотно поднялся.

– А мы? – Константину тоже не хотелось возвращаться на корабль. Здесь было тихо и хорошо.

– Они справятся, – махнула рукой ведьма.

– А ты? – спросил он.

– Я уже всё. Сегодня немного. Не думала, что кто-то вообще придёт. Кэп...

Если она спросит, зачем в Портовую...

– Как давно ты гадаешь? – выпалил Константин. – Ты же физик, да? И ведьма. Это странно как минимум. Или ты только на Верне?

– На Верне, – Эмма потупилась. – Я... никогда не брала за это деньги. Карты да... Мне просто нравилось... Мне нравилось считать себя ведьмой ещё до Верны, до краха, – она хмыкнула и дёрнулась, и снова натянула рукав до самых пальцев, затем поправила: – до закрытия нашей экспедиции, ну в общем до того, как Луи предложить на этом заработать. Из нас троих, в смысле меня, его и Фета, он единственный ориентируется... чувствует, на чём можно. Я вот не умею, – она будто оправдывалась, но не оправдывалась,

смотрела вскользь, смотрела сквозь, смотрела в сторону. – Могу считать. Я хорошо считаю. Могу раскладывать пыльные травы, обмахиваться таро, могу...

Ей было жутко и было стыдно, Константин чувствовал это и чувствовал, что это надо как-то закончить.

– А мне ты так и не погадала, – вспомнил он.

– А хочешь? Даже теперь?

– Хочу, – он легко пожал плечами. – Почему бы и нет. – Знать хоть немного наперёд заманчиво, даже если это игра. – А как с таро начала? – спросил он, не особо ожидая ответ, но ответила и сразу.

– У сестры была книга по психоанализу про коллективное бессознательное и метафорические карты с птицами. Она показывала их пациентам, те говорили, что видят, чувствуют, а она говорила на сколько они в жопе. С таро так же можно.

– Про жопу можно и без карт понять.

– Можно, – улыбнулась Эмма, это должны были быть её слова. – Подожди, я попробую их найти, – она подняла сумку к себе на колени и принялась наощупь рыться в ней. Константин не раз подмечал за Эммой эту привычку: рыться в ящичках и сумках, не заглядывая внутрь. – Хрен что найдёшь.

Из сумки очень-очень пахло пряной сухой травой вовсе не пыльной вопреки её словам. «Лаванда», – догадался Константин.

– Лаванда? – переспросил.

Эмма кивнула:

– Домашняя. Росла в горшке на кухне. Надеюсь, Дэвид, хотя бы изредка её поливает или Эве отдал. А впрочем, уже плевать. Это давно не моя лаванда, – она вздохнула, но больше задумчиво, чем грустно. – Дома лет семь прошло. Загоны, – Эмма хмыкнула, – небесной механики, – объяснила она, яснее не стало. – Нашла! – Из сумки выкатилась та самая чёрная коробочка с каратами, которую трогать нельзя. – На что гадаем? – прозвучало как «на что поспорим?».

– На... – он замялся, банально и как-то по-девчоночьи будет сказать «на любовь».

– Хочешь путь героя разложу?

«Я не герой», – подумал Константин.

– Путь...

– Ты бледный кстати, – она точно впервые посмотрела в его сторону. Впервые.

– Ты тоже, – отмахнулся Константин.

– Я всегда такая. И не мне вчера рожу набили. Ты нормально?

– Да, – то ли соврал, то ли нет. Он не знал, а если не знаешь, разве это ложь? И если так, то правду тоже не скажешь.

Мутноватая поверхность пруда слегка рябила, посеребрённая светом купольных ламп. У разбухшего мшистого причала покачивалась лодчонка на четверть полная воды. «Так куда пошёл Фет?» – подумал мельком Константин, но

спрашивать не стал, не так уж это и важно. «Ушёл присматривать за Луи, который присматривает за кораблём, в котором...» – нашёлся ответ. Зачем ему это? Доктор не любит оставлять Небо без присмотра, даже на оплаченных парковках. Будто кто-то мог бы спереть огромный дирижабль. Луи бы смог. Константин прыснул по себя: ну вот он уже смеётся сам с собой. Насколько же он стал похож на молчаливых обитателей Неба?

Эмма закончила тасовать колоду и даже успела постелить между ними чёрный шёлковый платок. Платок как пруд слегка дрожал и серебрился, и оттого ткань казалась водой, а вода шёлком, но не чёрным, а зеленовато-голубым. Эмма придавила платок шкатулкой и прошептала, и приказала:

– Тяни шесть карт.

Карты были плотные, прохладные и густо пахнущие можжевельником, он точно за руку её взял, её, её. Но Эмма сидела рядом, на той стороне платка, смотрела, неподвижна.

– Тут это... задом наперёд.

– Оставь, – сказала она тихо, и Константин одёрнул руку. – Не бойся карт.

– Там херь какая-то, – он указал на третью.

– Сейчас, сейчас, – улыбнулась ведьма. – Оставшиеся три под ними.

Рядом коротко стриженная седая женщина вытащила из портфельчика маленькую серебристую фляжку, блеснула глазками, потупилась, поймав взгляд Константина, и отвер-

нувшись отпила.

Её тонкие пальцы порхали над картами. Карты складывались веером, павлиньим хвостом, уходили спиралью в пространство.

– Ловко ты...

– А-а, – протянула Эмма, – ага. Луи научил. Он круче умеет. Он, – карты остановились. Эмма вздохнула. – Он фокусы может. В смысле умеет. Показывать, – закончила она смято. – Попроси как-нибудь.

«Попрошу, – подумал Константин, – как-нибудь. Почему бы не попросить?».

– И жульничать в дурака? – он улыбнулся. Луи как-то надурил их с Фетом, и пташекк тогда тоже надурил.

– И в покер, – кивнула Эмма. Карты вновь запорхали, ожили ведомые фарфоровыми пальцами. – У меня долго не получалось. И так здорово как у него вряд ли выйдет.

– Эмм, – промычал Константин, он это манеру ведь тоже подхватил от Луи. Эмм это не имя, одно мычание. Что в него вложишь? Как её уверить, что всё верно, что здорово, что твоих пальцев уже хватает, хватит, чтобы... только дай коснуться, коснись меня.

«Один поцелуй», – подумал Константин и ужаснулся, раньше бы он не думал, а наклонился и поцеловал. Но раньше он не целовал ведьм, он не ведьм раньше целовал, а славных девочек, полупрозрачных девочек, поблёскивающих в ночном неясном свете девочек с пухлыми сладковатыми гу-

бами. Губы у Эммы были сухие и красные после только что выпитого горячего кофе из термоса.

– Так какой вопрос, кэп? Удастся ли свалить с Верны?

– Два, – сказал он. – Можно два? – уточнил. Эмма кивнула. – Второй будет. Давай стандартно. Любовь и власть.

– Можно и три, но чуть точнее. Так будет не проще, но как это... ёмко. Так я смогу ответить прицельно.

– Я не знаю, как точно. Не знаю, – признался Константин.

Глава 10

пираты и патрульные

I

Господин без имени обещал явиться на площадь с фонтаном не позже половины восьмого. Площадь в Портовой была только рыночная и без фонтана. Константин не до конца понимал, как сможет его найти: незнакомая, ну почти незнакомая, станция, не существующий фонтан и человек, не пожелавший назваться. Писал он как лицо должностное сухо, без угроз, но явно потряхивая казенным оружием по ту сторону экранчика пиратского, ну для него не пиратского, конечно, коммуникатора. Пираты, которые патрульные. Боже, что за планетка? Захочешь полетать себе на дирижабле с сабелькой в своё удовольствие, так нельзя же. Покажи разрешение на ношение сабельки.

Щека, кстати говоря, ещё ноет. Манипуляции Фет помогли сохранить зуб, он прирастает обратно, но, как помнил Константин, просто выбитый зуб заживает быстрее, а может просто регенерация тканей на Верне оставляет желать обезболивающего. Тупой удар выбил его из жизни на непозволительно вялые три дня. Разобраться с этим господином, будь он неладен по ту свою сторону экрана, стоило раньше. Были бы силы, Константин бы ринулся к нему разбираться в тот же день. Или то ночь была? Ну не важно. Надо с Эммой поговорить. Пират недвусмысленно дал понять, что с Констан-

тином желают переговорить законники и сунул, сунул же после взаимного мордобоя этот чертов коммуникатор, любовно пригладив карман. Артефакт жизни, к которой не хочется возвращаться.

Тогда, ещё на Южной, Константин сам напросился на этот бал, достал художника, он правда хотел, тогда хотел, теперь не хочет ни здесь служить, ни в прокураторские лапы возвращаться. Надо с Эммой обсудить и с остальными тоже не помешает. Но с Эммой нужно объяснить. «Я вроде б не сделал ничего, – мысли крутились тревожные, – ничего что было предательством. Пока. Ещё. Надо поговорить».

Он беспокойно слонялся по коридорам нижней палубы. Здесь было темно и землисто и затхло пахло картошкой, как в настоящем подвале. Константин не часто бывал в подвалах, в отцовском доме был погреб с элитной алкашкой, куда обычно отец спускался сам, желая пустить пыли в глаза не менее элитным гостям, либо дворецкий. Константина туда не пускали, отец уж слишком дорожил своей коллекцией сухих вин со всех берегов Старого мира. «Старого мира, – покрутил Константин с удивлением, – я стал говорить как Эмма». Подростком он влез туда и утащил две бутылки и первый раз напился, нажрался. Домашние не заметили. Отцу по большей части было всё равно, он замечал Константина в конце учебных четвертей и во время смотров. Он растил себе приемника, а всё что не касалось этого самого «приемничества»: отличных оценок, успехов на стрельбище

и на олимпиадах по праву, его волновало мало. Даже серебряная медаль с борцовского состязания его не впечатлила. «Это потому, что она серебряная», – думал тринадцатилетний Константин, в четырнадцать он принёс золотую, а в пятнадцать понял, что дело не в позолоте железной плашки, а в том что отцу на него плевать. На него как на него. Ему важно лишь собственное отражение, которое так криво преломилось в сыновьем лице. Константин ещё трижды таскал бутылки с драгоценным игристым. Казалось, отец при все его педантичности счёт запасам не ведёт. Протаскивал в кампус, на тусах уходило всё. Пацаны такое не очень любили, им, да и самому Константину, больше по вкусу что-то крепкое и убойное.

Он остановился. «Хватит», – собственный голос в темноте показался громом. Может поэтому Эмма так тихо разговаривает? Часы показывали что-то около полуночи. Константин зачем-то натянул на них рукав. Достаточно ещё времени, чтобы ни черта не сделать, но выспаться. Достаточно, и чтобы досмотреть Тирхские документы. Тоже ещё подарок следователя. Константин хмыкнул, хотелось сплюнуть, но самому ж придётся мыть. Уборка у него значилась через две вахты. Внутри жгло. Выбросить, выкинуть к чёрту эти бумажки и всю Тирхскую память. Константин оправил кофту, взглянул на часы ещё раз, прикрыл люк ведущий к картошке и понял, что ему просто необходимо сейчас переговорить с Эммой.

Он поменялся сменами с Луи и получилось, что не спал почти сутки. Голова сделалась чугуновой точно старая кастрюля, а ещё в ней что-то плескалось и кипело, да норовило вылиться за край. Константин шёл медленно, сжимая в ладони плашку фетовых таблеток. Выпьет две, а потом кофе. И ещё часов пять протянет. Корабль не спешно подгрёбал к Портовой. На душе было мерзко. Константин предпочёл бы ветер и проливной дождище на палубе настоящего корабля. Но кругом было лишь небо, бесконечное и злонравное. По пути к буфету он набрёл на Эммину каюту, сложно было в прямом коридоре на неё не набрести. Ему ужасно хотелось переговорить об этом с Эммой, не то попросить совета, не то объяснить. Сколько же он врал ей? Врал Эмме и всему Небу... Или не врал, но просто не договаривал. И они ведь тоже играют в молчанку: Константин видел, как Луи тайком пробирается в лабораторию, как шарит в Эммином компьютере; видел и как доктор шептался с пиратами, встречался с накрахмаленным пареньком у края рынка, а Эмма? У Эммы тайн больше чем браслетов. Её дверь оказалась не заперта. Константин постучал и вошёл, не дождавшись ответа. Его время ускользало. Как медленно сегодня идёт корабль! За штурвалом Фет.

Эмма спала.

Она лежала на самом краешке кровати, свернувшись в тугой комок. Константин думал, что так могут спать только кошки, а потом на ум пришла какая-то муть про одиноких

людей и закрытые позы. «Поздно», – пожурил себя Константин, ведь поговорить можно было и до. До смены, которой он поменялся, до того, как Небо причалит, а Эмма уснёт. Он взял плед, валявшийся сиреневой лужей у шкафа, и накрыл свою ведьму, и вышел прочь.

Найти площадь с фонтаном, поговорить, а дальше, как пойдёт. Он обязательно найдёт время всё объяснить. Он же не собирается на самом деле подарить Небо военным? Ну что за бред? Константин взлохматил волосы и не без удивления заметил, что вспотел. Он нервничает? Боже, но почему? Просто разговор с очередным придурком? Скольких придурков ему довелось встретить!

Корабль встал, и дверь отъехала, и лампочка мигнула зелёным, и Константин спрыгнул, и человек в светоотражающем жилете попросил документы, протянул бланк. Константин пожал ему руку и, кажется, испачкался, но в кармане был платок, а в другом кармане антисептик, а голове какая-то муть, молочная каша, сырая мешанина досады и нежности. Разве бывает внутри столько неразделённой нежности? А ещё влечения, и досады, оттого что всё разворачивается так, как разворачивается? Жилет быстро разобрался с документами, махнул напарнику, и Константин ушёл. Площадь с фонтаном оказалась площадкой в ближайшем скверике. Эдакая любезность. Видимо, господин без имени побоялся, что Константин заблудится, и он опоздает на службу.

Снаружи было свежо: вентиляция разгоняла застоявший-

ся ночной воздух. По тротуару, огибая раскопанные клубы, переваливаясь с щётки на щётку, ползла подметально-уборочная машина. В «предрассветном» полумраке всё выделось медленным и тяжелым. Электроэнергию в Портовой сэкономили, на ночь освещение приглушали, а рассветом считали семь утра – хорошее время, чтобы встать и отправиться на работу. «Половина седьмого», – отметил Константин. Надо же, он пришёл вовремя, а этот, так просивший не опаздывать, где-то застрял. Машина с её нелепыми синими щётками казалась неповоротливой и пузатой, из приоткрытого на треть бокового окошка вилась облачно табачного дыма – уборщик курил, курила машина. Вся Портовая сонно прикуривала, предчувствуя медленный электрический рассвет. Константин вдохнул чужой холодный табачный воздух и шумно выдохнул, и снова вдохнул. Он не курил, пробовал как-то лет в пятнадцать, в пятнадцать все пробуют – не понравилось. *Та, кого он не спас*, курила. Марихуану. Она не считала травку наркотиком. Марихуана пахнет слаще, пахнет солнцем, полем, потом, пахнет тусами, её обнажённой не то горячей, не то горячечной розовой кожей, её золотыми кудрями высветленными, плотной пудровой помадой, белым кружевным чокером на шее, и пусть это не запах, но вихрь всего, что осталось – память запахов. На удивительно тонкой бледно-мраморной горячено-горячей шее белый чокер, шлюший ошейник с красным камешком-рубином. Она кутала этим кружевом засосы, *твои поцелуи*. Мазала тональ-

ным кремом, выбеляя лицо и шею до кукольной фарфоровой хрупкости, а сверху повязывала кружево. Засосы сначала бардово-коричневые похожи на продолговато овальные коричневые пятна. Корица. Белые булки-улитки и кофе с пенкой, обязательно сладкий, но на обезжиренном молоке, в высоких стаканах в картонных подстаканниках, когда они жили вместе, те пять месяцев Константин таскал эти булки-стаканы. Он пил, *она* курила, а потом они трахались. Завтрак ценой с хороший стейк. Он тогда не считал деньги.

Машина уехала, оставив две мокрые колеи на асфальте. Включился фонтан. Пришёл господин, откашлялся. Высокий, худой, бородатый.

– Доброе, – сказал он, натягивая маску, – У меня бронхит. Не пугайтесь.

– Привет.

– Сигарету?

– Нет, спасибо.

– Как добрался? – господин с бронхитом тоже перешёл на «ты».

– Без пробок, – бестолково пошутил Константин. Оглядел собеседника, подсовывающего сигарету под маску, запоздало протянул руку. Тот был повыше и похудей, телосложением напоминал Фета, форма сидела на нём неважно. «Пошла бы мне эта форма?», – прикинул Константин и тут же не к месту вспомнил, как Эмма в первую встречу назвала его красивым, красивой агиткартинкой. Какими были бы следы по-

целуев на Эмминой коже фарфоровой и без пудры, тонального, перламутровых блёсток, коже, пахнувшей ни сладкой потной вожденной марихуаной, но терпким можжевельником. Какими будут её поцелуи? И почему Эмму лишённой всякой коричной сладости целовать хочется больше? Потому что нельзя? Потому что она недоступная взрослая, далёкая как отец? Не умеет отвечать искренне, не желает смотреть прямо? Не то же ли самое чувствует Луи, вымаливая внимание доктора?

Нет.

«Нет», – отмахнулся Константин.

– Мда. Припоздился я. А вы вовремя, – жамкая сигарету губами, заключил господин. – Не возражаете, если мы пройдем ко мне в кабинет? Ведомство за одно посмотришь. – Он через предложение перескакивал с «ты» на «вы», и Константину уже хотелось взять его за шкурку и встряхнуть. – У нас контора покруче, той, ну куда вас засунуть хотели. Может, ты и прав, что сбежал. И с экипажем Неба познакомиться успел к тому же.

– Не против, – оборвал этот поток Константин. Слушать то, как он говорит о Небе... Какое он вообще право имеет так говорить о корабле?! Но это хотя бы отрезвило. Пора бы как бы уже.

Ведомство, которое контора покруче, всё ещё было конторой – высоким серым зданием по ту сторону фонтана. Непримечательные стены, заурядная дверь, турникет, охра-

пывающий с ночной смены охранник.

Господин приложил пластиковый пропуск к турникету, тот неохотно пискнул. Вдвоём, прикинул Константин, по одному пропуску они не пройдут.

– Здравствуйте, – рявкнул он, получилось громче, чем он рассчитывал. Охранник дёрнулся. С его колен свалился планшет.

– Здравсьте, – пискнул он почти на тональности турникета.

– Я с ним! – Константина указал на господина, почти прошедшего, почти застрявшего, зацепившегося краем кителя о лапу турникета. Факт очевидный, конечно. – Пропустите?

– Д-д..., – то ли вздохнул, то ли задохнулся охранник. – Документы пожалуйста. Я вас запишу.

– Нет необходимости, – всполошился господин. Он наконец весь вылез вместе с растёгнутым кителем и сумкой.

«А всё потому, – усмехнулся Константин, – что форма должна быть по размеру – раз, и застёгнута – два».

– Мне не жалко, – улыбнулся Константин, документы он собой не брал. Он явственно ощущал, что тратит ни на что драгоценное время господина. – Куда записываться?

– С-сюда, – охранник уронил ручку на толстый, но пустой журнал посещений. Огромная книжища была открыта где-то на третьей странице.

– Отставить! – приказал господин. – Боже триединый! У нас нет на это времени. Открывай.

Но опоздал сегодня не Константин. Турникет всё также

жалобно пиликнул. Константин подавил желание перемахнуть эту хиленькую конструкцию. У него было, что странно, хорошее настроение, настроение подгадить ведомству. Почему-то в охраннике с турникетом, слитым в одно несчастное существо, и в господине, и в этом крепком сером лифте он видел дом: паскудную рожу Августина, ласковое до боли, до визга напутствие прокуратора и все укоры отца, и себя. Эмма права, в двадцать три не становятся генералами, даже такие герои как ты Кесаев. И ты Кесаев не тот Кесаев. Лифт прибыл.

– Прошу вас, – сказал господин. Он ещё не злился, но был близок к тому.

По коридору перед ними семенила девочка в очень узких брюках, в очень. Особенно на...

– Кесаев? – подтолкнул его господин.

– А почему, не знаешь, верх мужской формы, – протянул Константин задумчиво. Девочка закрылась в кабинете. – китель, а женской – приталенный жакет? На женщинах ткань экономят?

– Нам сюда, – указал господин. Нет, и сейчас он ещё не сердился. – Не знаю, – вздохнул, – честно не знаю. – А Эмма знала. – Но если примешь моё предложение, сможешь лично разобраться.

– М-м. Но представлять меня охране ты пока не намерен?

– Нет, – отрезал господин.

– И представиться сам не желаешь?

Господин криво улыбнулся, протянул руку, процедил имя. Имя ему не шло, и Константин решил всё так же мысленно считать его просто господином.

– Твоё положение на Верне весьма шаткое. И стало оно таким твоими же усилиями, заметь.

– Ага, – кивнул Константин. – Давай к делу.

– Внутрь. Проходи.

– Нарциссы?

Кабинет господина украшали три одинаковых белых букета в трёх одинаковых белых вазах.

– Ирисы. Не сортовые. Дикие вроде как, насколько это возможно в тепличных условиях.

Константин кивнул и плюхнулся в кресло, не дожидаясь приглашения. Кресел было два, одно поскромнее, Константин выбрал хозяйское.

– Удобно?

– Вполне. Так что тебе нужно?

– Небо, – легко ответил господин. – Всё просто, Кесаев, – его плечи в плохо подобранном кителе дернулись. – нам нужен корабль. Добудь его и получишь кресло. Хочешь моё, хочешь новое прикупи.

Константин сам того не желая окинул взглядом предложенное кресло: просиженное, чёрный, местами протёртый дермантин.

– И на кой чёрт вам корабль?

Господин усмехнулся. Конечно, он ждал этот вопрос. Ко-

нечно, он отвечать на него не намерен.

«Нужен, Кесаев. Да не смотри ты так. Не уж то сам все приказы своим солдатиком разжёвывал. Разжёвывал? Нет? А были ли у тебя те солдатики?»

Константин сердито мотнул головой и только потом понял, что собеседник молчал. «Проклятье, – выругался герой, не разжимая губ. Лицо его стало сердитым и точно оледеневшим. Он попытался моргнуть, вышло с трудом, будто мышцы все онемели, будто тело стало чужим. – Что за?!».

– Молчаливое Небо корабль Нового мира, единственный в своём роде. На всей Верне да и у нас на родине не найдётся похожих. Это другие технологии, другие двигатели, материалы корпуса, внутренка. Я в это плохо разбираюсь, но есть люди готовые глотки грызть лишь бы залезть под подол, – он хрюкнул, – твоему кораблику.

– Хотите украсть?

– Не хочу упустить преимущество в небе. Если кто-то из местных раньше нас получит технологии Неба, наши притязания...

– Понял, – перебил его Константин. – Почему бы тогда не купить? Эмма продаст.

– Продаст? Чокнутая ведьма ненавидит военных, уж не знаю, что мы ей сделали. Не трать время на уговоры. Приведи мне Небо. Не гоже, чтобы такая птичка была в руках шарлатанки, вора и бывшего пирата.

«Пирата?» – не понял Константин, но с этим можно разо-

браться потом.

– И что мне с этого будет, кроме кресла?

– Придумаем! Ну по рукам тогда, раз согласен?

– Нет, – Константин покачал головой. – Мне просто любопытно, за что вы планировали меня купить. – Он усмехнулся.

– Купить?

– Только про долго не готорие. Все свои долги я отдал. Небо не мой корабль, не мне решать его судьбу. И уж точно не вам.

– А кому тогда? Ведьме? Кесаев, вспомни, твою мать, кто ты. Ты прокуратору служишь, а не какой-то мелкой шлюхе.

Шлюха. Вот как он об Эмме думает! Вот почему Константину хочется раскрасить ему рожу, расквасить к чертям собачьим!

– Зачем ей корабль? Миссию-то свернули.

«Тварь», – подумал Константин.

– Нам он послужит лучше, – закончил тот.

– Прекрасно, – улыбнулся Константин.

– Договорились? – улыбнулся этот.

– Нет, – продолжил он, всё шире ухмыляясь. – Я, как помнится, уже посылал ваших коллег к чёрту. Думаю, и вам туда.

– Кесаев!

– Да что такое? Неужели я не могу спокойно странствовать по Верне? Чего это вы меня всё припахать желаете? Я больше не служу. И Небо вам служить не будет. Так что все-

ГО ВАМ ДОБРОГО, ГОСПОДИН.

II

Дни утекали, Эмма не понимала, куда они деваются, её прекрасное чувство времени отказало, точно в мире пропали запахи, а может звуки. Но звуки были, неотложное бормотания двигателей, рык созревающих гроз, грохот шагов за дверью каюты, рубки, лаборатории: громче, громче, удар и на спад. Жизнь на Верне действительно напоминала море: бесконечный заплыв в толще вод, без навигации, без света от выдоха к вдоху. Эмма просто плыла, потому что нужно плыть. Работать почти не получалось: она приходила в лабораторию каждый день к часу, который сама себе и назначила, включала компьютер, запускала программу, калибровала приборы и больше ничего сделать не могла. Устала в машинном? Не выспалась после смены? Да вроде бы нет. Но и отдохнувшее тело отказывалось слушать, руки тяжелые и чужие в давно заживших рисунках бессильно опускались на подлокотники кресла, а в голове плескался туман сонный и белый, и было липко, и было мерзко от себя и своего бессилия.

Очередной кофейный не-сон долгий, молочно-мутный. Давление немного упало, и голова опустилась в теплую сладковатую взвесь. Мысли тяжелели, а потом ускорялись, а потом снова тяжелели, точно хлипкий вагончик на горке полз,

скрипел – ухнул вниз. Движения тоже выходили дерганными, но, честно говоря, тут она почти всё время была какой-то нервной, угловатой, изломанной, точно линии на экранчике осциллографа.

Она осела на мраморный бортик, край длинного-длинного паутинчатого, как звала его Эмма, свитера соскользнул к воде. Всё лучше, чем упасть в фонтан. Свитер был ей велик, но если его со всеми неровными хвостами, заправить в юбку, будет нормально, даже появится некая заманчивая иллюзия задницы. Эмма была в штанах и свитер свисал ей с левого бока до колена, а справа до середины бедра. Волосы она тоже толком уложить не успела, завязала как-то, заколола шпильками.

Рядом, положив ногу на ногу, расселся парень, смутно похожий на пирата из свиты Людвиг: русоволосый и бородастый в наутюженных белых штанах, в лимонной сорочке с кружевными манжетами, в мягких замшевых туфлях, с сережкой в левом ухе. «Пират», – поняла Эмма. Никто более не уселся бы на край фонтана в таких штанах. По сравнению с этим парнем она выглядел грязной и сумасшедшей. Эмма небрежно вытянула свитер из воды, отжала. Прилично ли так поступать? Эмме решила – плевать, да и парень в её сторону не смотрел, щёлкнул зажигалкой, закурил.

– Девушка, хотите?

– А? – видимо, она как раз таки долго пялилась. – Нет, спасибо. Не курю.

– Алар.

– Эмма.

А теперь вставай и вали отсюда. Алар не двинулся, и Эмма, сжавшись от его улыбочек, выловила второй край свитера аиз фонтана. Выловила и встала. Где там Константин? Воздух у фонтана был влажный, холодный и затхлый. Видимо, воду меняли нечасто. «Не хватало ещё привыкнуть к нему. Как к Дэвиду», – и от последней мысли ей сделалось очень холодно даже внутри теплой станции, температура воздуха плюс двадцать три градуса; даже внутри футболки и паутинчатого свитера. Она зачем-то сразу оделась как на сеанс. Только верх, штаны и ботинки остались рабочие, её любимые чёрные штаны с кучей карманов. Наполовину ведьма, наполовину автослесарь. Где-то сбоку, с левого, поближе к заднице холодил ногу гаечный ключ, а с другого торчал зелёным пластиковым носиком канцелярский нож. У пирата небось такого не было, был пистолет. Людвиг выбил всем своим людям разрешение на оружие. Всё-таки это Людвиг. И этот точно из Людвиговых.

Капитан появился со стороны ведомства. Шагал уверенно, будто только что кого-то победил.

– Рада видеть тебя. – Эмма даже улыбнулась. Неплохо, это правда прозвучало неплохо, уж точно лучше, чем «ну наконец ты припёрся». Она не хотела грубить, и признаться, что вот так сидеть у фонтана с кем-то, кого зовут Алар, у кого сигареты и такие отутюженные белые штаны страшно, и не

потому, что штаны, а потому что все что связано с людьми и не связано картами – страшно. Так она покажется не хорошей, а сумасшедшей.

– Я тоже, – просиял Константин. – Ты бы знала насколько! – он выглядел взбудораженным. – Ну пойдём куда-то? Что здесь интересного есть?

– Каскадный рынок, – сказала Эмма.

– Веди! – Константин.

III

Они долго бродили по путанным изгибам каскадного рынка. Внизу журчали фонтаны. С верхнего яруса на этот спускались бордовые лианы дикого винограда. Константин с тоской вспомнил, что в Тирхе сейчас весна и город нежно зелёный, что прошлую весну он не застал и следующую вряд ли увидит.

– Мне часто кажется, что времени на Верне нет, – начала Эмма, снова тихо. Она всегда говорила так тихо, что ему приходилось прислушиваться, но Константин привык. Ему хотелось встать ближе, ещё ближе. – Всегда осень, – Эмма указала на виноград. – Или всегда лето. И как понять, что мы ещё живы?

– А разве нет? – улыбнулся Константин. Он тоже об этом думал. Верна так похожа на ад, а эти станции и корабли – кусочки мира, осколки памяти. Здесь осень, там лето. – Давай чая выпьем?

– Давай. Пока Фет не видит, на что мы тратим деньги.

Они немного посмеялись. И дверь в кофейню оказалась дверью в бар.

– Я давно поговорить с тобой хотел. Мне нужно...

– Что закажите? – встрял бармен. – Есть абсент, хотите?

– Да, – выдохнула Эмма. Она почему-то нервничала.

– Да, спасибо. Эмм, мне нужно кое-что рассказать о пташках. – Встреча с господином это не о пташках, но без них, без пиратского капитана, этого бы не было. Или было? – О Тирхе.

Эмма кивнула. И хорошо.

– Абсент!

Константин посмотрел в свой зелёный стакан, понюхал и понял, что не может говорить. Точно анестезия во рту, точно язык онемел, как после манипуляций Фета. Он выпил. Выпил. Но стакан остался таким же зелёным. И Эмма выпила. Эмма ждала.

– Им не рассказал, а тебе расскажу.

– Ну и за что мне такая честь? – она улыбалась своей привычной ехидной улыбкой, она попыталась сказать это максимально добродушно.

– Может будешь лучше ко мне относиться, а? – попытался Константин. Не то.

– Не надейся, – она улыбалась, – капитан.

Но Эмма настроена доброжелательно. И всё кажется хорошо. Он набил морду пиратскому капитану, он не отдал Небо этому господину из ведомства.

– Мама горянка, из зажиточных, – выпалил Константин совсем не по делу, а остановиться не смог. – Отец её был кем-то вроде главы местной деревни, а его брат – священник, другой в полиции. Верхушка власти. У них было два поля, и отара овец, кони и коровник. Не чета отцу. Никто ему не че-

та. И все же они поженились. Мама, мама была ему послушной тенью. Она рано умерла, болела. Мне лет, мне двадцать было. А ей тридцать восемь, совсем не возраст, чтобы умирать.

– Моей пятьдесят шесть было, когда я уехала, – Эмма отвела взгляд. – А умирать кому когда время... – Она не договорила, она потянулась к нему. Неужели хочет обнять? Обнять проще. Вот же чуть подвинулась в его сторону, откинула волосы со лба, чтобы не мешались, чтобы видеть хоть что-нибудь, чтобы... но испугалась.

– Если честно, я её плохо знал, да и отца выходит, неважно. Дед хороший был, отцов папа, но жил далеко и приезжал раз в год с подарками. А может это подарки были хорошие? Чёрт его знает. Я уже ни в чём не уверен. Мы вообще мало с родственниками общались, особенно с мамиными. Она только раз упросила отца отвести нас к тем бабке с дедом. Мне было лет... вот не помню, то ли девять, то ли уже одиннадцать. Целое чёртово лето в горах прожили. Местные возненавидели меня. Я слишком от них отличался.

Эмма кивнула.

– Люди не любят, когда отличаются.

– Да... – протянул он, посмотрел на Эмму. Ему ли о том говорить? Он быстро научился быть своим.

– Ты говорил, это связано с пташками, – напомнила она.

– И с Тирхой, – попытался оправдаться Константин. Зачем он вообще это начал? Куда, чёрт возьми, его понесло? –

Да. Музыканты. Моя девушка была певица. – А это зачем сказал? Но Эмма не злилась, просто кивнула и отхлебнула абсента она так легко его пила. – Думаешь, зря я всё это начал?

– Не думаю. Ты поступил правильно. Тем более всё уже закончилось. Я связалась с Людвигом, проблем у нас быть не должно.

– Я не мог оставить их там. Боги, в открытом небе!

– Я знаю.

Эмма потянулась к его руке. Или нет? Или к стакану? Эмма потёрла нос.

– С Людвигом? – только сейчас услышал Константин.

– Да. Он сказал, всё нормально. Он уладит.

Конечно, пират всё уладит, всё что ты тут устроил.

– Он к тебе клеится.

– Что? – Эмма прыснула. – Нет.

– Ты с ним спала?

Она изменилась в лице, отодвинулась. А что такого? Нормальный ж вопрос. Логичный.

– Ну знаешь, что, капитан, – Эмма сказала это так едко, что, если бы слова были ядом давно бы и стены, и воздух прожгли. А ведь не кричала, не злилась, едва шептала. Ведьма! – Интересных людей можно не только трахнуть.

От неожиданности он, кажется, проглотил все возмущения. Почему это? Почему она сказала так? Так грубо и?... Точно секс это что-то нет не постыдное, но посредственное.

Боже, сколькими же способами она может назвать меня идиотом?

– Я не имел ничего такого ввиду! – возмутился Константин, но слабо. Слабее, чем хотелось.

– Да? – притворно изумилась ведьма. Голос холодный, а лицо – посмертная маска. И всё же она смеётся. Да она же смеётся над ним! Издевается. Чёртова ведьма!

«Можно тебя просто никто не?..», – хотелось бросить ей в лицо. Что бы тогда ответила эту чинная ведьма? Хотя чинной Эмму назвать не получилось. Она скорее чокнутая. И выглядит сумасшедшей и ведёт себя так же. Сценический образ? Приросшая маска «станционной» гадалки? Или действительно шиза?

– Не бери в голову. Моя сестра и куча народу, да почти все, наверное, считают так же. С людьми можно дружить, у них можно учиться. Можно написать портрет или книжного персонажа. Можно выпить с ними.

– За тебя, – он демонстративно поднял стакан. Эмма пить не стала. – А что насчёт Людвига?

– А Людвига, – она вдохнула и кажется, больше не выдыхала. И без того чёрные глаза, стали ещё черней, – я боюсь до усрачки. Ты разве не понял?

– Так значит, интересных людей можно бояться? – усмехнулся Константин. – Мой вариант мне нравится больше, – хотя тот вариант был не его.

– Можно, – процедила Эмма. Её голос стал тише, стал дёр-

ганным, шелестящим. – Я всех людей боюсь.

– И... – он хотел пошутить про Луи, безобидного пацана, с которым даже эта ведьма бывает доброй.

– Тебя тоже, – сказала Эмма, не дав ему пошутить.

– Как ты тогда со своим Дэвидом сошлась?

– Не твоё дело, – процедила Эмма. – Налейте ещё.

– У меня вот девушка была, певица, как Лика говорила...

А вот здесь действительно нужно остановиться.

IV

– Певица? И где ты её... – Эмма проглотила окончание. Собственно говоря, ей было всё равно где и кого этот горе-герой подцепил. Чёртов стакан стационарного абсента развязал язык.

– Я вёл мм... праздник. Отец попросил, – будто оправдываясь, добавил Константин. – Она пела.

– Логично, – хмыкнула Эмма. До сеанса ещё час, ещё час его терпеть. Ну слушай теперь, раз спросила. Эмма с жадности попросила ещё. Наливальщик был только рад. А вот Фет ей чертей вставит – дорого. Дорого.

– Я тогда со сцены...

– Упал, – закончила Эмма. Ей было тошно от капитанской улыбочки. Певица. Мог с пташками улететь, если это ему так нравится. Эмма опустила голову и посмотрела вскользь. В зале было пусто. Первая половина дня. Он продолжать болтать об отце, о сцене, о том, что сам прекрасно поёт и просто был пьян тогда, и что всем понравилось.

Через два стула от них сомнительного вида мужичок подливал в пивной стакан что-то из маленькой рюмки, подливал медленно точно химик, готовящий хитрый раствор. Эмма почувствовала, что слишком долго смотрит, а мужичок уже заинтересованно поднял голову, вот-вот помашет или заго-

ворит. Она отвернулась.

– Слава вселенной, ты не мой сын.

– Но твой капитан.

Иди к черту.

Эмма была слишком трезва для этого, слишком добра.

Поэтому она молча встала – допьёт в коридоре.

– Девушка! – крикнул наливальщик.

– Зараза, – процедила Эмма. Вернулась, старательно отворачиваясь от Константина и от наливальщика, и вообще стыдно, задела стул, бахнула казённый стакан на стойку, а потом подняла, выпила и снова поставила. В горле жгло.

По спирали каскадного рынка Эмма шагала одна, безучастным усталым призраком она плыла мимо кадок с кудрявым самшитом, горшков с чайными розами, мимо девчонки, что тянет на ниточке связку зелёных шаров. «Почти дирижабли, – подумала Эмма, – почти бесполезны». Маленькой девочкой она ненавидела воздушные шарики за их веселость и быструю смерть. Когда ей приносили шары такие же зелёные и розовые, и синие, и белые в россыпь блёсток, и розовые с белым «праздник» она сдувала их и убирала в ящик, точно это могло упрочить их бестолковую пёструю жизнь. В семнадцать с половиной, съезжая от родителей к сестре, Эмма выкинула к чёрту и пыльные шарики, и школьные блокноты, чуть надписанные, чуть... В чем толк их отсроченной смерти? В чём толк? У бакалейной лавки топтались дети, разглядывали караваи. Эмме тоже хотелось посмотреть

на хлебные завитки, искусно вылепленные бутоны, она прошмыгнула мимо. После абсента мир сделался ярче и дурней на несколько тонов. Эмма боялась выдать нелепым жестом, горящим взглядом свою причастность к этому беспутному полуденному пьянству, а ей ещё работать. С людьми. С людьми.

Люди шли и смеялись, хохотали, что мочи, громче и громче, и громче, и громче. Эмма нырнула в толпу, пролетела между парочкой кудрявых женщин, чуть не сбила с ног дедка в панамке, ухватила за перила, там за ними этажа четыре людей, людей, людей. На что она чёрт возьми разозлилась? И нет, он не подойдёт. Не попросит вернуться. По стеклу и пластику змеились лозы дикого винограда. Точно в глубине огромного колодца, плескался фонтанчик с минус первого этажа.

Хорошо было бы постоять у бортика, зачерпнуть пальцами тонкого бурления. Живой воды на станциях не было. Эмма очень скучала по рекам, по дому, по настоящему солнечному миру. Боги, боги, боги! Металл охлаждал ладони, этого мало. Мало. Вместо солнца лампы, вместо рек фонтаны с подсветкой, вместо жизни обманка одна. Сама выбрала! Эмма до боли сжала перила. Если прыгать... «Дура ты», – сказала она и разжала пальцы, и отошла от края.

«Если я хочу вернуться, – напомнила Эмма себе, – я могу написать в дирекцию. Я могу попросить Эву, она устроит скандал и за мной пришлют корабль», – она прыснула.

Со скандалящей Эвой связываться как минимум не надо, а лучше быть где-нибудь на другой планете. Как я сейчас! Она спустилась на уровень ниже, здесь торговали духами. Голова переполнилась запахами, точно всполохами разноцветных атласных лент. Эмма пошла быстрее. Её немного мутило. Хотя не так уж она и пьяна. Бывало хуже. Нет, кажется, она уже совсем не пьяная. Абсент выветрился ещё на четвёртом, а тут просто воняет. И хватит корить себя. Что сделала, то сделала.

«Неужели я действительно хочу вернуться? – удивилась Эмма. – Или снова ищу любви хоть где-нибудь, где-нибудь, где вместо любви чрезмерная опека и жирные оладьи на завтрак? Один раз можно, но не всю чертову длинную жизнь».

На втором продавали одежду. Однажды Луи приволок ей сумку, шикарную сумку, карманов в ней было столько, что, если распилить Небо и распахать по отделениям, остается ещё немного места для воды и подводки. Но сумку Луи украл, и Фет вернул её обратно.

На первом этаже торговали овощами, сыром, вином, рыбой, хлебом. У лестницы пахло приятно свежей выпечкой и виноградом, а ближе к выходу воняло. Эмма наказала себе не вдыхать эту рыбную пакость, ускорила шаг. Продавцы с прилавков зазывно орали. Эмма шагала, дверь приближалась

Собака!

«Зараза», – подумала Эмма.

Большущая чёрная носатая и в тапках. Боги, собака в тапках! На каждой лапке по розовой тапке. Эмма замерла, но не от страха, а по привычке: собака ни бежала, ни рычала, ни скалила пёсьи зубища, а тихонько шлёпала своими розовыми тапками, принюхиваясь к фонтанному парапету. «Нормально», – подумала Эмма. «Бей, беги, – вспомнила Эмма, – замри». Последнее было как раз про неё: во время стресса она ни бежала, ни «била морды» как Константин, а исчезала, точно выцветала из собственного тела, из страшного мира. «Но сейчас я, кажется, здесь», – отметила Эмма, внутри не ухало, ни леденело. Она вдохнула глубоко и выдохнула. Когда тебя нет, тебя и не трогают. Собака ткнулась мокрым носом Эмме в колено.

«Привет, – сказала Эмма, – можно тебя почесать?». Она протянула руку, рука чуть дрогнула, дракон раскачивался в облаках. Собака нюхивалась в Эммину сумку. «Там пусто, дружочек», – Эмма запустила пальцы в собачий загривок. Шерсть на ощупь оказалась сальной и жесткой. Ей повиляли хвостом. «Всё хорошо, – сказала Эмма, – хорошо. Дома, у меня тоже есть песель. Я вас лю... люблю?».

– Доброго дня, госпожа! – послышался басовитый голос. Людвиг. Эмма узнала его и впервые не почувствовала страха.

– Привет, – она подняла голову и улыбнулась, глядя пирату в глаза. У Людвига были славные голубые глаза. – Твоя?

– Моё! – усмехнулся пиратский капитан. – Позавчера выменял. На твой скафандр, не обессудь, госпожа.

Эмма пожала плечами. Отдал и отдал. Важнее другое:

– Откуда на Верне пёс? Был корабль Старого мира?

«Конечно...», – подумала Эмма. На Верне собак не держали. А Людвиг завёл.

– Всё знаешь, госпожа! Был. С Полиса. Слышал, ищут кого-то. Тирхского генерала. Золотом заплатить готовы, представляешь, а не тушёнкой! Но я таких... хм... Кесаева не встречал, – Людвиг широко улыбнулся.

– Спасибо, – прошептала Эмма.

– Пустяк, госпожа. Вот за тушёнку и пошуршать можно. Ты только, Эмм, с Виктором не шути. Он пташек своих... Да что я тебе рассказываю! – он хлопнул себя по ноге. Людвиг считал, что Эмма знает все хитрости небесного пиратства не хуже него. Он считала её своей. И это умиляло. – Впрочем, хорошего неба тебе, госпожа!

– И тебе, Людвиг! – Эмма не умела и не любила называть людские имена. В них столько силы и ключ к уязвимости... – Пусть небо всегда будет добрым к тебе!

Людвиг благодарно кивнул, очень уж любил это напутствие.

– За мной, Ниобате! – окликнул пират. Пират улыбался. – За мной!

Глава 11

ваша честь

I

«**Я**, – задохнулся Луи, – просто влюбчивый!», – попытался оправдаться он. Фет посмотрел неодобрительно. Ну и подумаешь! Он на всех так смотрит. На всех.

«Тогда попробуй влюбиться в какого-нибудь ещё. Попробуй», – сказал доктор. Он что пытается его своим равнодушием? Он о консервах больше волновался! Он о... Он!

«Ну и... – вспыхнул Луи, – Ну и попробую!».

Из корабля он выпрыгнул с честным и злым намерением влюбиться да так чтоб всем тошно стало! Ну может не всем, но доктору точно.

Вагон встал, Луи чудом лишь ухватился за дальний поручень, слева на него повалилась женщина, женщина справа ткнулась носом в плечо своего не то отца, не то мужа, сзади с мягким хлопком рухнул руль от самоката, самокат тоже рухнул, но потом, беспомощно завалившись набок. Хозяин выматерился и ткнул Луи локтем, добавляя ещё пару градусов нелюбви к самокатам. Луи вообще и сам катался, он катался на всём, включая тележки из супермаркетов и чужие корабли, но если выбирать, Луи предпочёл бы доску без руля или руль без доски.

Двери разъехались, и Луи вынесло наружу. Самокатчик стучал колесами по битой плитке подозрительно близко. Из

динамика неслось что-то нравоучительное и гнусавое, поезд постоял и отчалил, Луи шмыгнул на эскалатор.

В потоке-противотоке люди почему-то казались красивее: они не толкались, не наступали на задник ботинок, не сыпали волосами в лицо. Впереди ехал парень постарше Луи, светловолосый в желтой длинной вязаной кофте на пуговицах, в квадратных очках с большим матерчатым красным рюкзаком. Это несоответствие желтого и красного так завлекло Луи, что он не смог оторваться и получил ещё один тычок локтем от особо суетливой бабки в комбинезоне механика. Эта бабка-механика даже повернулась, чтобы высказать, чего это тут её локти во всяких проходимцев попадают, но лестница дёрнулась, и бабке пришлось нашаривать локтями поручень.

Какой же жёлтый у него был свитер, какой же красный рюкзак! Лестница дёрнулась, и парень пропал, его вытеснили – закрыли собой другие человеко-головы.

Не так далеко вверху ехал парень похожий на мрачного ангела, на музыканта с афиши, на сон, из которого жалко выныривать, на пьяное полусладкое, на Эммин кофе, если вылить туда коньяка. Луи сделалось жарко и захотелось вылить, непременно и выпить, быстро, не глядя, обжигая язык и нёбо. Потоки сровнялись, и Луи не выдержал, Луи украдкой улыбнулся ему. Такие люди специально оказываются на эскалаторах, специально, чтобы в них влюблялись, специально заходят в вагоны, специально, чтобы из-за них проезжали

станции. Но парень читал что-то мелкое, с рябящего синего коммуникатора. У поездов они плохо работали, проекции выходили «шумные». Читал и слава богам. В таких влюбляются. В таких-то и влюбляются. Луи тоже попробовал, но рюкзак был красный, а свитер жёлтый, и к ними зачем-то как коньяк терпкое, как полынь крепкое прикрепилось лицо доктора. От несправедливости Луи чихнул.

Лестница медленно подбиралась к вокзальному холлу. Луи поправил сумку, которая стараньями толкучих почти упала, и как-то внутренне напряжился. Ему очень нравился этот вокзал. Это был самый волшебный вокзал во всей Верне, с высоченными потолками и настоящим стеклянным куполом, а за ним настоящее небо, ни симуляция, ни шумная картинка с задыхающихся внешних камер – небо как оно есть. Стекло меняли раз в три месяца. Оно стояло так высоко, что можно проводить работы, не закрывая станции. Рабочие просто-напросто опускали второй защитный купол, не такой волшебный, волшебство требует денег.

Он явственно помнил, как Эмма рассказывала о небе, о памяти неба. Было утро или что-то очень на то похожее, по общему вернскому времени часов девять. Луи спустился из рубки, а Эмма только проснулась, её день начинался. Она зашла в высоких шнурованных ботинках, готовилась к машинному, села и сразу же их сняла. Эмма запустила компьютер, Луи плюхнулся в соседнее кресло. На экране висело нечто золотисто-солнечное и немного осеннее, почему осеннее он

не знал. Спящая память подсовывала почти настоящие картинки кленовые жёлтые-жёлтые листья и вот такое же небо. Луи сказал, что это утро похоже на осень. Эмма пожалала плечами, улыбнулась, сказала:

– И правда.

– А какой сейчас сезон? – спросил он и понял, что действительно не знает, совсем не знает уже года три не знает, какое тут время года. Тут вообще есть время года? Наверное есть, планета же крутится и метеорологические условия явно меняются, но это всё значит, так мало значит... Это всё память. Луи бросило в жар, он даже потянулся растягивать пуговицы на рукавах. Гадко. Память о солнечном мире, фантомная память жила и болела в голове Луи подобно мигрени, от которой старательный Фет всё никак не подберёт таблетку.

– Не знаю, – ответила Эмма. – Когда я улетала, в Новом мире была зима, если накинуть полгода нашей работы и ещё два месяца будет примерно конец осени. Но это не объективное время, это даже не время Нового мира, кадавр какой-то из прошлого и не-настоящего. – Она и сама точно пребывала в ненастоящем, в каком-то неоконченном полусне. – Экранам не верь. Там большая галерея туч, но они особо не подо что не подвязаны. Я насобирала красивого и особо не думала про зиму оно или осень.

– Ты сама?

– Ага. Экраны должны были показывать Верну, они и по-

казывали, пока работали камеры. А когда всё сбилось...

Луи помнил этот разговор, весь-весь. Помнил, что Эмма сидела в своём лабораторном кресле, скинув ботинки, прижав колени к груди. Штаны рабочего комбинезона задралась, а ноги под ними казались тоньше Луиново запястья, это не было красиво, это было хрупко и было слишком. И Луи решил не смотреть. Носки у Эммы были розовые и очень застиранные: на пятках, на пальцах серые катышки-колтуны-валуны ниток и пыли, пахнувшей мылом. От Эммы приятно пахло мылом и не смываемым можжевельником.

– Сделать кофе? – спросила она. Работать не получалось. Луи кивнул.

– Так что там?.. – протянул он, глядя на Эммины пальцы, без всякого прочего её участия расплетающие узлы на шнурках. Из ботинок она вылезла как-то так, не развязывая. Ботинки с барахолки, как и почти вся их одежда, были Эмме великоваты. Новое покупал только Фет, покупал оптом: пачку одинаковых серых рубашек, серых носков, штанов тоже серых, на столько серых, что просто жуть. В этом своём «новом» гардеробе он выглядел как черно-белая ксерокопия, местами даже чуть-чуть рябил, как рябит пожеванная нерадивым принтером бумага: то выбивались дреды, измятая после машинного рубаха, старый свитер, единственный и почти не серый. Одна только «домашняя» бандана, которой он изредка пользовался как респиратором, была красная с крохотной золотой нашивкой у левого угла.

ка.

Эмма встала и Луи подскочил следом. Остаться здесь? Одному остаться... Боже, чего ж ему страшно? Это ж нестрашно! Он столько лет прожил один, справлялся один, а Эмма просто идёт за кофе: лестница, дверь, пятьдесят метров по коридору, десять минут – помолоть, вскипятить, снять, захватить кружки и пакет миндального молока. Дверь. Пятьдесят метров по коридору. Пошёл тоже. Решил, что будет не лишним закинуть вариться обед.

– Мы об... – запнулась Эмма, – экранах, да? – закончила сонно и чуть потерянно, точно опасаясь, что собеседник давно потерял интерес к разговору, а она ещё помнит и что-то стыдиться помнить и говорить.

– Да! – Луи тоже помнит. – Экраны, что там с ними? Полетели и...

– Полетели, – повторила она отрешено, слова как ниточки между ней спящей, сыплющей кофе в дребезжалку-моллку, и миром.

– Не экраны... передатчик, то есть камера, – Эмма потёрла глаза и тут же одёрнула руку, обеспокоенно посмотрела на пальцы: – Думала, покрашены, – пояснила она и потёрла ещё раз. Фет такое не одобрял. Но Фета там не было. – Когда все улетели... Когда... Недели две прошло наверное. Мы с Фетом ещё не освоились толком и залетели в бую, и камера сдохла. Наши передатчик сбоил, подсовывал какую-то муть с чужих кораблей. Я отрубилла всё к черту и

стало... Ну знаешь, темно и очень пусто, так была хоть какая-то иллюзия, что есть жизнь и за пределами нашей кастрюли, а после осталась кастрюля, и мы в ней и чернота, густая и очень тяжелая. Я не пожалела денег, поменяла камеру, а та... Ну ты её видел. И я поставила это. Заменяла вернское небо небом Нового мира. Накачала видео, настроила алгоритм: за бортом тучи – включается файл тучи1. Мы смотрим не на небо, а на мою память о нём.

«Я просто влюбчивый», – решил Луи. Чем это ещё объяснить? Чем объяснить эту гадость, эту вечную ни стираемую грусть? Ненужность.

Конечно, не нужен, если ты, идиот, каждого встречного тянешься целовать! Был бы как Эмма, ей на всех наплевать. Удобно же!

Один поцелуй на полгода. Один поцелуй против уймы упреков. Неловкий ворованный поцелуй, смазанное касание губами о губы. Не первый, конечно. Разве можно до шестнадцати с половиной ни разу не целоваться? Как выяснилось позже не без помощи Эммы можно не целоваться и дольше, до девятнадцати как она или двадцати двух, как её универсальная подруга, или вообще никогда не целоваться, потому что не хочется, потому что, честно говоря, не всем это и нужно.

Это неловкое касание рот-в-рот было первым, потому что с Фетом, а с Фетом всё было важнее, острее, болезненнее и ярче в разы разов. Нет, Луи умел целоваться, умел хорошо с языком, без языка, он и сексом уже занимался раз во-

семь, ну или семь. Нет, точно восемь. Трижды с девушками и пять раз парнями. Каждый раз с разными, стыдно признать-ся. Люди быстро приходили в его жизнь и так же быстро исчезали. Жутко подумать, что Фет и Эмма и всё Молчаливое Небо могут вот тоже исчезнуть, развеяться в дымке безжалостных Вернских облаков. С девушкой, которую звали не то Ви, не то Иви, а может даже Ванессой, Луи встретился в забегаловке в Портовой. Он работал на кухне, лепил из соевого фарша куриные котлеты, поджаривал сырны палочки в густом коричневом масле, крепостью и выдержкой превосходящим местный абсент, а она в зале – на раздаче, ходила в красной маечке с белым фирменным воротником и бейджем, заполненным от руки, между такими же красно белыми столами, пластиковыми, покоцанными, промасленными жиром, залитыми нестирающимися каплями кофе и газировки. Забегаловка была дешевой и никогда не закрывающейся, потоки посетителей и сотрудников не иссякали, только двигались навстречу друг другу параллельными курсами. В первой половине дня, а Луи редко когда доставались эти половины – за них платили меньше, там было вполне прилично: столы стояли ровно, чисто вытертые, почти радушные, в зале теснилась очередь рабочих и студентов из ближайшего строительного училища. Они брали кофе, круассаны и акционные завтраки.

После следовала тишина, столы всё так же чистые пустовали, лишь изредка занятые все теми же студентами, прибе-

жавшими поесть вместо пар. К вечеру работы прибавлялось, к ночи прибавлялось грязи, официанты не успевали сметать просыпанные ломтики картошки, островки лапши, куриные кости, вытирать кофейные, шипучие, пьяные лужи. Мера хаоса возрастала. О мере хаоса, об энтропии Луи помнил очень смутно, но всё-таки помнил, на кухне в вечернее время становилось жарче, становилось душно и дымно, котлеты прыгали и пригорали быстрее, креплённое масло свирепело и принималось скворчать куда громче и брызгало куда дальше, чем днём. Это была не самая плохая работа. Здесь было тепло, ещё как тепло! Платили немного, но в срок, и на еду трагиться не приходилось, а ещё неподалёку располагалась общага всё того училища, в которую Луи после недолгого разговора устроили как студента, он и по возрасту походил на студента. При желании он даже мог бы на самом деле стать студентом в этом училище. Где и как раздобыть документы, он уже понял, разговаривать с людьми научился, а черчение? Ну что он черчение какое-то не потянет? В крайнем случае экзамен всегда можно купить.

В дальнейшем с училищем не сложилось, Луи подвернулась возможность свалить с Портовой и оказалось, что свалить в неизвестность ему хочется куда сильнее, нежели обрести какое-то подобие дома, пусть и в стенах общаги, но со стипендией и хитро выбитым сиротским пособием.

Ви, Иви или почти Ванесса, тоже думала поступать, хотя не так: она копила. Она твёрдо знала, что поступать нужно

и не в училище, а в Юридическую академию. Она была умная, правда умная. Носила то очки, то странные линзы, превращающие её миндалевидные карие глаза в золотые с узкими змеиными зрачками. Волосы стригла коротко, раз в месяц перекрашивая из красного в синий, из синего в белый, из белого в золотисто-розовой, на самом деле они были чёрные, и Ви приходилось их постоянно высветлять, из-за чего волосы делались ломкими и тонкими как паутинка над старой вытяжкой.

Сошлись они случайно, до того за полмесяца работы даже ни разу не здоровались. В этот вечер Луи выменял у парня-третьекурсника пачку сигарет на какую-то ерунду, то ли на половник (откуда у него взялся лишний половник? Откуда бы у него вообще взялся половник?) то ли на стаканчик не сладкого, что вероятней, кофе. Луи не курил, но решил попробовать, а Ви курила, так он выменял за пачку поцелуй, пять прогулок, учебник по праву и секс, не сразу – сначала прогулка, потом право ну и так далее. Гулять с Ви было потрясно, целоваться мокро и скучновато. Луи старался быть нежным, Ви лезла языком к нему в рот, он залез к ней и оцарапался о брекеты. Всё было правильно, но так фальшиво, куриные котлеты из соевого фарша были куда реальней, чем эта едва-любовь, и паутинка над вытяжкой, и шум в студенческом коридоре, и желтеющий вечерними часами свет, и злокозненное черчение. Спустя две недели прогулок, безвкусных поцелуев, кофейных пятен и паутинок Луи ку-

пил презервативы. Он догадывался, что у Ви такое есть, но для первого, первого для него раза, решил купить сам. Он вообще считал, что такое должен покупать именно парень, на его ж... ну хм... ему ж надевать. Ви была не против. Ви сказала, что после смены зайдёт к себе, переоденется и после к нему. У Луи как раз было около часа, она жила рядом, чтобы ещё прибраться, ещё раз помыться, ещё раз проверить всё и без того проверенное, сесть на краешек кровати и смотреть как на экранчике краденного коммуникатора вспыхивают синие искорки уведомлений. Он немного переживал, много на самом деле, что Ви не понравится его комната и он сам при близком рассмотрении окажется каким-то не таким, не правильным. Должно быть в нём что-то такое неправильное, настолько неправильно, чтобы в пятнадцать оказаться на улице. Хороших не выгоняют. Но думать об этом было больно болью острой простреливающей, и Луи старался думать о другом. О комнате, например. То была хорошая, маленькая, конечно, но хорошая комнатка с шаткой двухъярусной кроватью, отлитой из чего-то полого и зелёного, с длинным столом вдоль подоконника, шкафом, плоским потолочным светильником, похожим больше на белую коробку, чем на люстру; без стульев и тараканов. На Верне, к счастью, тараканы не водились. Комната была двухместная, но Луи жил один. В комнате было темно, с кухни по коридору тянулся, прилипая ко всему и всем запах чего-то очень чесночного и очень горелого. Луи покрепче затворил

дверь, распахнул окно, включил вентиляцию и даже пшикнул трижды дезодорантом возле кровати, запрятал выскользающие рукава и штанины поглубже в шкаф, сложил четыре книги – все его антикварное богатство, стопочкой друг на друга, opravил кофту, не новую, конечно, но чистую, вполне себе чистую, ловко прошмыгнул в коридор, ловко притворил дверь, в надежде не напустить ещё больше чесночной гари, и побежал встречать. Всё было важным, всё было новым, немного стыдным, но все ж так делают? Ему нравилось, что это выйдет так легко, что Ви чуть старше, чуть опытнее, больше друг, чем страсть. А ещё он тихо гордился собой, тогда очень собой гордился: у него получилось из ничего, из горького сухого ничего, вылепить почти настоящую жизнь: работа, девушка, жильё, перспектива в виде училища, а ему и не шестнадцать даже, и он уже не девственник, ну почти, к концу дня точно не будет. Это ведь важно, это почему-то очень важно, а обратное стыдно.

У неё было мягкое, нежное тело, её было славно, гладить и обнимать, и целовать аккуратно, оставляя на шее... Нет, тогда Луи так не умел. В общем, все начиналось неплохо. И для уточнения Ви не была толстой или уж тем более жирной, но и особо худой тоже не была. Она была очень красивая, но эта красота трогала его очень мало, как красота музейных картин. Луи любил картины, но страсти... не так... У него встал, Ви помогала. Может дело в любви, которой не было? Закончилось быстро, они быстро оделись. Луи проводил её

в душевую и постоял, пока она мылась на стрёме, проводил в комнату, поставил чайник. Сбегал помыться сам, хотя не очень понимал зачем. Потом они выпили чай и полночи болтали о боге, о богах. Луи помнил, что бог один, Ви говорила, он триедин. Верить они оба не верили, смеялись легко и похабно. Потом Ви сказала, что чай вкусный, но дома кровать получше, и Луи проводил её к дому. Больше они не спали. Хотя Ви намекала, что можно бы. Потом он улетел, а Ви, наверное, поступила в свою Академию.

На Южной он тоже пробовал с девушкой, тоже с хорошей и тоже что-то было не так.

II

Возвращаться на корабль после всей этой гадости в баре, после тупых капитанских откровений и абсентного стука в голове тяжело. На борту был только Фет. Луи уехал, а капитан этот ещё не вернулся. Не вернулся и хорошо. Который сейчас час? Даже не полдень, а Эмма уже умудрилась напиться и побрататься с Людвигом. Она глухо хмыкнула, в пустом буфете слышать её было некому. Эмма вынула из шкафа черную скатерть, бросила на стол.

– Тебе помочь? – послышалась из коридора. Эмма дернулась, но это Фет.

– Да нет. Я... мне это нравится вроде как, – выдавила она бестолково. – И до сеансов время есть.

– Можно тогда я просто посижу здесь?

Эмма пожала плечами.

– Посиди.

– Что-то ты быстро?

– Да... Как-то... Ты, если хочешь, можешь по станции погулять.

– Это ж Портовая, чего я там не видел? Одного понять не могу, на черта наш капитан побежал на станцию в такую рань? Не знаешь?

– Нет, – отрезала Эмма, и отвернулась к шкафу. Скатерть

она постелила криво, и камни скорее разбросала, чем расставила. И вообще мусор какой-то. Хлам.

– Да и пришёл разбитый, – протянул Фет.

– Он пришёл?! – Дверца хлопнула перед Эмминым носом. – Фет, а я очень странная? – Вот и зачем это спрашивать, будто сама не знаешь. Будто капитанских слов и взглядов капитанских недостаточно.

Фет усмехнулся. Фет кивнул. Стало ещё печальнее, дышать нечем стало, а ей и так не дышится. Пыль от трав этих чёртовых, можжевельник, лаванда – пыль и труха. Выкинуть. Чокнутая. Сумасшедшая ведьма. Как на неё эти пташки смотрели? Скоро она будет, нет, боги! будет совсем как... совсем... Нет. Не будет она похожа на их младшую сестру. Не будет. Справка о профнепригодности и бледное мамино лицо, хватит ей одной такой дочери... Из жизни выпасть, из мира... Выбрав «Небо», она уже выпала. Гадко, но страшнее этого, куда страшней потерять себя, контроль утратить над всем, над разумом, чтобы ядовитые бури были не снаружи, но везде. Кем она тогда станет? Что, чёрт побери, от неё останется? Только ум один у неё и есть.

За полями и магистралью виднелся лес. Где-то там текла, извиваясь, тихая речка, там же был и хутор, а чуть в отдалении лечебница.

Эмма приходила редко. Чаще сестра все делала за двоих: собирала гостиницы, вызванивала пропуск, искала туфли помягче да куртку попроще. Эва людей любила, и его люби-

ла просто по умолчанию. И поездки ей все были не в тягость и учёба и личные консультации. Эмма бы ни за что не выдержала всё то море людских горестей. Ах как же! Она усмехнулась и её голос гулко пролетел пустой кабинет, отразился и замер, как замирают в воздухе снежинки ещё мгновение и всё. Эти сеансы, квиренты, таро и можжевеловые благовоения, боги да калька, клоунская калька с Эвиной работы.

Но Луи прав, за это платят. О большем и думать нечего. В воздухе бестолково и самую малость болезненно пахло чем-то весенним. Так пах, наверное, новый шампунь. Пролесками и медуницей. Весенним лесом. Тем, что у лечебницы.

Однажды ей всё же пришлось ехать туда самой, благо на машине, а не на автобусе. Эва махнула рукой, мол не разобьёшь. До поля она ехала по памяти, потом по навигатору. Эмма неплохо ориентировалась на местности, но только на больших расстояниях, когда нужно было найти подъезд или дверь что-то в её голове ломалось, порой ей приходилось подолгу блуждать вокруг здания, материться на всех, опаздывать, собраться перелезть забор, а вход-то рядом.

Навигатор честно вывел её к забору лечебницы. Эмма припарковала машину, заглушила двигатель и ещё минут семь сидела, бестолково пялясь на кусты самшита, пропустившие молодые листочки сквозь тонкие прутья забора. "Никого ваш забор не остановит", – думала Эмма, она б легко через такой перелезла. Вообще была у неё привычка не подходящая младшему научному сотруднику, прикидывать

доступность заборов и оград. Нет, боги. Так никогда не выйдет. Легче легкого вновь машину завести и в город. Но если посчитать сколько бензина она сожгла, в пустую получается... Нет. Нет-нет. На последнем «нет» она решительно хлопнула дверью, пикнула сигнализацией, попутно проклиная Эвину работу. Ветер поднялся сильный. Деревья стонали, мотая кронами. Эмма подняла голову, прикидывая, не обвалиться ли на сестрину машину ветка старого каштана. Не обвалиться, решила и, заматавшись потуже в шарф, зашагала к посту охраны.

Зонт она, конечно, оставила в машине. «Чёрт», – сказала Эмма. «Чоп», – проскрежетала калитка. С Эвы пропуск уже не требовали. Эву знали. Охранник Тимур дарил ей букеты надёрганных здесь же маков, диких ирисов и васильков. Охранник Тихон как-то отдал ей подписной том «Архетипов и коллективного бессознательного», книга была такая старая и такая красивая, что Эмма даже утянула её почитать, а потом, вдохновившись, купила таро в местном псевдовосточном магазинчике.

Эммин пропуск смотрели всегда да ещё и паспорт требовали. Люди почему-то не верили, что Эмме может быть больше семнадцати. Детей для посещений не допускали. Это, пожалуй, было самое строгое из ограничений. Эмма считала его вполне разумным. С трудом она распахнула дверь и проскользнула внутрь, а следующий порыв ветра грохотом извещил второго охранника о её приходе. Эмма ойк-

нула, с опаской оглядываясь на дверь.

– Здрасьте! – рявкнул охранник.

– Здравствуйте, – прошептала Эмма, нащупывая пропуск в поясной сумке. – Я к... я сестра..., – выговорить то имя не получилось. За столько лет... За пять лет. Всего за пять! Оно стало запретом и холодом, шепотком глумливым в чужих губах, мамиными слезами, Эвиной храбростью. Гадостью. Гадостью. Гадко так. – Сестра Эвы. – Эмма шлёпнула пропуск в лоток под окошком.

– А-а, – протянул охранник. – Ага. Ну, проходи.

К Эве обращались на вы.

– Бахилы, – прилетело ей в спину. Эмма дёрнулась чуть испуганно, она как раз натянула синий пакет на левую ногу. – Можно не надевать, – закончил охранник. – Чай не зима.

«Чёртов день», – подумала Эмма, тихая бахилы обратно в коробку. На улице сухо – не зима. Разумно, да. Что б вас всех...

Надо с ним ещё говорить? Эва бы поболтала. Она не Эвы. Эмма подошла к лифтам и ткнула вверх. На четвёртый и пешком можно. Нет. Пусть ещё хотя бы пять минут утечёт в шахту лифта.

– Я выйду замуж за того, кто принесёт мне букет белых ирисов, – говорила сестра.

Страшно наблюдать за тем, как сам ты перестаёшь быть собой. Именно, что наблюдать. Будто нечто сильнее и ве-

сомей крадёт твою волю, наваливается и душит. И дни становятся долгими, становятся вязкими. И никакой радости, точно стала каменной, разучилась чувствовать, и тело моё каменное, тяжелее и неподъёмнее земли. Остаётся спать. И спать. И спать, и спать. Фет говорит, это нормально, пройдёт со временем. Организм истощён, нужно отдохнуть, а потом медленно, медленно заново выучиться вставать и умываться, подбирать одежду, варить кофе, если это так тебе нравится, есть. Я ем не потому что хочу, а потому что знаю: телу нужна еда. А мне самой – грамотный психиатр и рецепт на антидепрессанты. Только такого на Верне нет. Проще клад разыскать и бутылку рома. Я могла бы спиться. Многие спиваются, это вроде несложно. Но я предпочитаю спать. Во-первых, это дешевле, а во-вторых, так у меня останется шанс вернуть все как было. Я не хочу возвращать, но падать в небо пока нет сил. Во мне ещё жив упорный маленький танк, прущий в дождь по бездорожью. Он глуп и шепчет: «Вставай давай. Ты ещё можешь стать великой учёной!». Я? «Ты». Я не верю, сползаю с постели. Потому что помню, кто теперь собственник Неба. Кто, если не я?

Ирисы росли здесь же за оградой лечебницы. Эмма знала, что сестра иногда ходит гулять там, что видит эти чёртовы ирисы изо дня в день, пока те не отцветут. Глупое условие, глупое желание. Самое подходящее для семнадцатилетней сумасшедшей.

– Выйдешь, – кивнула Эмма. Врать было гадко и горько,

точно ветку полыни во рту разжевать. – Все будет хорошо, – прошептала она. Она чувствовала кожей, что будет так себе, что никто сестру отсюда не отпустит, что долгожданный семнадцатый день рождения пройдёт здесь на отшибе живого мира, что не стать ей полноценным членом общества теперь, что это грёбанное общество её сожрёт, дожует, что осталось.

– Ну мне пора, – сказала Эмма. – Эва в четверг приедет.

– Хорошо.

– Хорошо, – повторила Эмма, – я пойду. Пока.

– Пока, Эмм. Спасибо тебе за прогулку и за книги.

– Да не за что, – Эмма махнула рукой, мягко закрыла дверь, отошла немного и тихонько выругалась. Проходящий мимо санитар ойкнул, но замечания не сделал.

Доктор поймал её на выходе пожал руку и попросил приезжать хотя бы раз в месяц. Эмма сказала, конечно, она эж понимает, как важно для сестры её внимание. Понимает, всё понимает, а теперь до свидания. К машине она бежала, но это потому что дождь.

Фет молча поглядывал, как она расставляет свечи к сеансу.

– О чем думаешь, ведьма? – Он очень редко называл её ведьмой и больше в шутку. Но Эмме стало неуютно. Ведь Фет то точно, Фет знал, какая она ведьма.

– О сёстрах. – «О том, как наш замечательный капитан назвал меня сумасшедшей. Под стакан дорогущего абсента.

И мне все больше и больше кажется, что он прав», – Эмма вздохнула. – Где у нас зажигалка?

– У тебя под, – Фет страдальчески нахмурился, – под рукавом. – Что-то шлепнулось на пол. Фет наклонился, ему высокому было непросто подлезть под стол. – Держи, – вздохнул он, выныривая с пыльной зажигалкой и пыльной головой. – Видел кэпа. Он пьяный и злой. И от тебя, кстати тоже чем-то таким тянет.

– Фет... я... – Нет, нотацию Эмма не выдержит, не сейчас. Но Фет не стал ругать её, только спросил:

– Работать сможешь?

– Смогу. – Она кивнула. – Ну ладно. Ещё пять минут и начнётся.

III

– На что вы надеетесь, госпожа? – он ухмыльнулся, протягивая «госпожу» притворно сладко. «Не Вернский», – рассудила Эмма, местные так не говорят и не смотрят.

– Я? – спросила Эмма. – Я лишь скромная ведьма. Карты читаю.

Он казался себе сильным, казался властным. Но это Верна. Здесь все в одной заднице. Эмма чувствовала себя непривычно спокойной. Раньше, раньше она б такого взгляда не выдержала, а сейчас. Можно просто выгнать его с корабля. Легко и быстро. Подумаешь, полицейский.

– Я знаю, госпожа, откуда вы на самом деле, и чем занимались ранее, не знаю только, с чего вдруг решили остаться на Верне. Расскажите?

– Вам в протокол или как?

– Мне интересно.

– А мне нет. Начнём сеанс?

– Вам этого хочется?

– Я этим зарабатываю. И вы, как я знаю, уже заплатили. Иначе бы не смогли войти.

– Мальчишка на входе был крайне настойчив.

– Всё верно. Так мне начинать? – Эмма вновь перетасовала карты, на сей раз медленно.

– Не стоит. Давайте так, госпожа Эмма, вы поможете мне с одним вопросом без карт, а деньги – оставите себе, идёт?

– Ну? – спросила Эмма. – Что за вопрос?

– Не вопрос, просьба скорее. Отпустите Кесаева. Он всё-таки военный, а не капитан. И вы же знаете наверняка как ведьма, что человек он ненадёжный, пробивной, конечно, но характер скверный. Мы придумаем, как его применить.

– Применить?!

– Ну да, неправильно сказал. Такая служба подойдёт лучше и ему и нам, и вам как следствие.

– А его вы спрашивали?

– Да. Он упорствует.

– В смысле отказывается? Тогда к чему разговор?

– Кесаев подданный Тирхи, и он обязан исполнять прямые приказы.

– Был, – отрезала Эмма. – Теперь он *мой* капитан. Вам показать документы? – Эмма коснулась браслета, экранчик загорелся зелёным. – Зову Луи? Моего настойчивого мальчика, – она подмигнула полицейскому, она не умела подмигивать.

– Не стоит. Мои коллеги, как я понимаю, их уже проверяли.

– Так точно, – Эмма говорила куда увереннее, чем чувствовала, она точно плыла вслепую в тугой холодной черноте, нырнула и непонятно вынырнет ли. – Иначе бы мы не летали.

– Летали, – он потёр подбородок. – Вы знаете, что Вернские так не говорят? Корабли ходят и стыкуются.

– Какое это имеет отношение к делу?

– Ха.

– Никакого. Время вашего сеанса закончилось.

– Ещё пять минут, госпожа Эмма. Вы так и не услышали меня.

– А вы меня, – хмыкнула Эмма. Этот человек пугал её. Пугали и собственные слова. Боги, имеет ли она право решать за Константина? Не будет ли ему лучше вернуться на службу? «Не бывает бывших генералов, бывают павшие», – пришли некстати чужие слова.

– Кесаев на борту вам ни к чему. Он может казаться неплохим капитаном, – полицейский с презрением выплюнул последнее слово. – Кесаев золотой сынок Тирхи, его растили для другого, уж точно ни с гадалками летать, ни искать мёртвые чудеса. Вы ведь хотите разглядеть следы жизни на Верне, узнать, как и когда планета стала такой?

– Не ваше дело. Договор моей миссии лежит в архивах Южной. Интересно – прочтите сами.

«Но вам вероятно не дадут. Какая жалость», – этого Эмма не сказала, она не хотела нарываться, она хотела выгнать полицейского, а лучше столкнуть пинком прямо в Вернские облака.

– Кесаев самолюбив и горд до жути. Вам нужен такой капитан, госпожа?

– Самолюбивее меня? – Эмма встала. – Не думаю. – Она покачала головой, и шаль соскользнула с её левого плеча. – Выметайтесь отсюда, – отрезала она. Ведьма ведьмой. Он хотел было что-то сказать: открыл рот, нахмурил брови. – Вон!

– Зачем так грубо?

– Затем, что занимаете моё время без толку, – Эмма выложила колоду на стол, коснулась лотка с благовониями, поиграла пальцами, зачерпнула горстку и бросила в лампу. – Прощайте, – процедила она, подула в лампу. Полицейский выжидающе смотрел на неё. – Прощайте, – повторила Эмма. – Не занимайте клиентский стул.

– До свидания, – он резко встал, – госпожа.

Эмму трясло, она спрятала руки под стол, вдохнула глубоко, выдохнула, вдохнула и снова, и снова. Её мутило. Вдохнула и выдохнула. Вдохнула. Браслетик услужливо вспыхнул. «Фет, – быстро напечатала Эмма, – выпроводи полицейского». Вдохнуть. Эмма поправила шаль. До конца «смены» ещё пять квинентов, в лучшем случае три. Можно попросить Луи закончить. Он отоврётся, но деньги... Эмма вытерпит. Она встала, плеснула в чашку остывшего кипятка и выпила – не полегчало.

– Следующий, – крикнула Эмма в коридор. Три, ну или пять, не так и много. Не так и много. Тем более здесь она оказалась сильнее. «Боги, – прошептала она, сминая юбку, – боги». – Добрый день! – сказала громко, и вошедшая женщина счастливо улыбнулась ей.

IV

Впереди мелькнул бритый её же рукой капитанский затылок. «Кэп», – шепнула Эмма. Она только-только отстояла его перед... Она только-только послала его к чёрту, сбежала из бара, напилась перед сеансами, наобнималась с собакой Людвига.

«Нет, я туда не пойду», – прошептала Эмма, ей нужно было убедить себя, остановить себя. А может и не прошептала, а подумала, только губы беззвучно... Если сейчас подойти? Эмма чувствовала, что от неё пахнет абсентом, собакой, пиратским одеколоном, тревогой и даже дым от благовоний этого не перебьёт.

Он погладил ручку, дверь отъехала. «Так и буду стоять?», – подумала Эмма, пытаясь нащупать, чего в ней больше обиды или... Он скинул рубаху, остался в серой футболке, кажется докторской, такие пачками покупал Фет. На докторе они висели, на Константине... нет. Взлохматил волосы, исчез. Пора идти. Вернулся. Переставил сумку на стул. Ну и сколько можно стоять? Два шага между движением и дверью. Хочешь, чтобы заметил? Свет падал косо, и казалось его комната золотится изнутри.

Небо вильнуло в сторону и можно было упасть, а можно было... Под языком сухо и гадко. Пить полынное, глотать

горькое и заедать воздухом тоже горькими и тоже сухим. «Я не могу», – решила Эмма. Но Небо снова качнулось в сторону. Да что такое?! И захотелось крикнуть злое в рацию. Кто-то там в рубке? Руки совсем из задницы? В рубке Фет.

Эмма потрогала рацию, а потом вдохнула как для нырка и проскочила дверь. На середине коридора её нагнал Луи. Эмма неловко запнулась о собственную ногу, хотела в буфет нырнуть, но это совсем глупости. От Луи то зачем прятаться? Эмма ведь даже рада его видеть, просто сил разговаривать нет.

– Я... – прошептала она, быстро пятясь к ближайшей двери. На языке созрела ложь. Но Эмма проглотила её, приказав ногам остановиться, те не послушали. – Ты что-то хотел? – выдавила она почти бодро.

– Нет, – мотнул головой Луи. – То есть... я потом! Не нужно избегать меня, Эмм. Ты скажи и я отвалю, – обезоруживающе улыбнулся Луи. – Я не обижусь, честно.

– М-м... – протянула она, всё же замедлив шаг. – Д-да?

Луи закивал, а Эмме сделалось так стыдно, что проще сразу провалиться в облака.

– Но я вот что хотел, – Луи потрогал пучок на голове, – к тебе ж полицейский заглядывал, да? – Эмма кивнула, полицейского они оба видели. Полицейский Луи даже заплатил. Глупо отрицать его существование. Лучше отрицать капитана. – Чего ему нужно?

– Сказал, что поговорить. Пришёл, уселся...

– А куда мы так быстро идём? – спросил Луи.

– Наверно ко мне. – Эмма не знала, она шагала, потому что не могла сидеть и стоять тоже не могла. – А потом он предложил мне сдать Константина, вместо сеанса таро.

– Кэпа?! – возмутился Луи. – И ты?..

– Послала его, – Эмма равнодушно пожала плечами, – а деньги оставила.

– Правильно, – Луи уважительно прыснул.

Эмма зашла в каюту, Луи тоже зашёл. Эмма выдернула шпильку, сняла кольца, браслеты и дырчатый свитер, оставшись в футболке. А футболка Дэвида. Серьёзно что ли? Она сняла и футболку, и оказалась голая по пояс, а сзади Луи. Эмма взвыла, но ни звука не вышло. Благо, на кровати валялась какая-то кофта.

– Я Людвига видела, – сказала она, одевшись, будто так и было задумано. Луи, кажется, совсем не смутился. – Он собаку завёл.

– Собаку? – удивился он. – П-правда? Настоящую?

– Настоящую. Большую. Мне до пояса, наверное. Зовут Ниобате, – зачем-то добавила Эмма.

– Как ниобий что ли?

– Похоже, – улыбнулась Эмма.

– Не знал, что он химик! – усмехнулся Луи. – Эмм, на Верне ведь нет собак.

– Теперь есть. Ему привезли её из Старого мира. Из Полиса.

– Ого! – глаза Луи ещё больше округлились. – У меня тоже собака была, – добавил он печально.

Эмма кивнула.

– И у меня.

И эта общая память о собаках, и эта маленькая каюта... Не заправленная кофта... Эмма чувствовала, что мысли совсем расплылись, и лицо Луи стало размытым, возможно нужно было включить свет.

– А как там наш капитан?

Нужно, наверно, выйти отсюда или отправить его.

– Спокойно как вода в стакане, – отрапортовал Луи. Она немного запуталась, кто был в рубке на взлете, и кто сейчас, но сейчас точно Фет, потому что этот в каюте.

«Хорошо у него всё, значит», – мрачно рассудила Эмма и, широко зевнув, спросила:

– Почему в стакане? – она быстро и дёргано заправила кофту и вышла в коридор.

– Ну там вода тихонько стоит. Без колебаний.

Настроение у неё было так себе, хотелось плакать и ещё больше надраться, можно поработать немного. Луи шагал рядом.

– А как же тепловые колебания атомов в решётке?

– Ну если... и их не видно. Подожди, какая у воды кристаллическая решётка? Она же жидкость.

– Атомы там все равно есть, – Эмма зачем-то продолжала спорить. Хотя ей было так плевать!

– Есть, – Луи бодро шагал в сторону лаборатории. Надеется поработать. Боги, Эмме бы просто сейчас рухнуть в кровать, и если не спать, то хотя бы поплакать.

– В решётке стакана.

А стакан стеклянный, а стекло не кристалл, и структура у него не кристаллическая, без дальнего порядка. К чёрту. Эмма тряхнула головой.

В лаборатории за её столом, на её кресле сидел Константин. Сидел развалившись, точно на троне, точно ему тут и надо сидеть.

– Выметайся, – прошипела Эмма, но получилось тихо и жалко.

– Эмм? – Луи глянул на неё испуганно и удивлено. – Ты чего?

– Ничего. – Она зажмурилась. Что ей теперь делать? Что ей чёрт побери делать? – Давай лучше завтра? Прости, – добавила она совсем тихо, глядя на Луи, пятясь к двери.

Тот ободряюще улыбнулся. Капитан... на капитана она смотреть боялась.

– Без проблем. Я... можно мне... – он указал на компьютер.

– Да, – не думая, согласилась Эмма. Ей бы выйти, просто убраться отсюда.

– Ступай за штурвал, – скомандовал Константин. И вышло очень громко, и вышло очень страшно. И Луи и Эмма недоуменно уставились на него, но Эмма сердито, а Луи оби-

женно, как ребёнок, которого отправили в постель раньше обычного.

– Кэп? Ты чего?

– Фета пора сменить. И ты лучше всех лавируешь в бури.

– Да, кэп.

И Луи кивнул, и Луи ушёл, и дверь закрылась за ним, и в лаборатории стало пусто и звонко, и очень вязко, и страшно. И выйти нужно было Эмме. Ей очень нужно было. Правда! Но вышел Луи, и дверь закрылась, и воздух сделался желтым от ламп, и тугим и сухим, очень сложно таким дышать. И тогда Константин спросил:

– Поговорим?

Эмма на это мотнула головой.

– Поговорим, – сказал он утвердительно.

Она едва могла стоять и вдыхать этот сухой несъедобный от света и цвета, и страха воздух.

– Что ты от меня хочешь? – прошептала она.

– Что я от тебя хочу? – он устал. Звучал устало. И не было ни издёвки, ни злости. Но всё равно страшно. Старая привычка бояться. Спасибо Эва, спасибо Дэвид. Эмма пятилась к двери. Эмма вдохнула и заставила себя остановиться. – Боже, Эмм! Я не... Не хочу, чтобы ты меня боялась. Я неплохой, правда.

– Знаю. – Она опустила голову. Неплохой, что бы ни говорил сегодняшний господин, что бы он сам ни говорил в баре.

– Эмм, посмотри на меня, – попросил он. – Когда ты так...

мне кажется, кажется, что ты исчезаешь куда-то, не хочешь видеть меня. Если не хочешь – скажи, хорошо?

– Хочу, – она зажмурилась, потому что в носу щипало, потому что это совсем невозможно теперь.

– Тогда... – он встал и шумно выдохнул. – Почему это так сложно? – Эмма не знала, она всё ещё стояла, прижавшись лопатками к стене. – Я, правда, не хотел тебя обижать. И я плохо понимаю как надо.

– Я тоже. Давай просто... давай... Я не знаю.

– Всё нормально, – он улыбнулся. – Можно я тебя обниму?

Эмма кивнула, но лучше, конечно, было б сказать.

Он тоже кивнул.

– Я сегодня, – Константин подошёл ближе, – Небо у законника отстоял.

– А я тебя, – призналась Эмма.

– Правда?

Константин, наконец, приблизился настолько... приблизился и обнял.

– Тебе решать, а не ему или кому-то, – прошептала Эмма ему в плечо.

– Мне, – согласился Константин. – Ты такая... Эмм... Не уходи, пожалуйста. Не уходи, хорошо?

Почему он не злится, а просит остаться? Эва бы злилась, а Дэвид оставил.

– В облака? – прошептала Эмма, хотела пошутить, но

вспомнила похороны Рогача. – Я... я больше не...

– Тш-ш. Эмм? Эмма?

Ну вот что он от неё хочет? Хорошо, хоть не видит лица, и не знает, что она плачет. Зачем вообще плакать? Всё что было, было давно. Всё, кто недолюбили, остались в старом городе Нового мира, вместе с лавандой, собакой, научной карьерой и их планами на её жизнь.

– Ничего. Не...

«Не докапывайся до меня, пожалуйста. И не жалей. Я не выдержу», – подумала Эмма. Она стала как Луи. Но разве довериться кому-то значит быть жалким? Может надо не выдержать хоть раз? Один раз. Чтобы больше не нести в себе эту ядовитую память об облаках.

– Ты не этого хотел, да? – Эмма подняла голову и усмехнулась. Слишком горько. Слишком жалко. Ну что поделаться? И лицо красное.

– Я хотел с тобой побыть и всё. И не всегда, – Константин погладил её по голове, – тебе быть ведьмой, а мне капитаном. Не всегда.

– Я хочу собаку, – протянула Эмма. – Нет. Я хочу к *моей* собаке. И если ты сейчас скажешь, что...

– Хочешь, ничего не скажу?

Глава 12

законы небесной механики

I

– Знаешь какое преступление самое тяжкое?

– Это ты к чему? – не понял Константин. Доктор смотрел как-то уж очень подозрительно. – Предлагаешь застрелить кого-нибудь?

– Это я к тому, что самое страшное что можно сделать в небе это не ответить на сигнал бедствия.

– А если подстава? Или ты сам в беде? Или просто ну... не вывезешь?

Фет многозначительно хмыкнул.

– Ты же герой. Не забыл? – доктор поднял бровь. Он издевается! – Первый спасать кинешься.

Издевался, но был прав. Отвечать Константину расхотелось.

– Они не подавали сигнал бедствия, – вставила Эмма. И всё трое обернулись к ней. – Может просто от бури уходят. Тут совсем близко. Ой, чёрт! – Эмме самой пришлось уворачиваться.

– Не пираты, нет? – очень нервно протянул Луи.

– Не знаю, – не оборачиваясь, ответила Эмма. – Камера совсем уже... – она вздохнула. – Надо новую.

– Не бойся, – Константин хлопнул Луи по плечу, поражаясь собственному оптимизму. Многовато стало пиратов в

Вернских небесах. Луи вздрогнул. – Отобъёмся!

– Чем это? – скептически поинтересовался Фет.

– Кулаками, – отмахнулся Константин.

Корабль подплывал все ближе и ближе.

– Минуточку! – воскликнул Луи. Клацнул люк, и пацан провалился в «капитанский тайник». Константин и не подумал удивляться. Люк в рубке, в котором Луи хранит хлам, подумаешь! Что там должно быть на самом деле, никто уже не знал. Возможно, утробистый отсек в полтора метра глубиной был частью мудрёной или напротив недоработанной системы вентиляции, а может прежний капитан Молчаливого Неба хранил здесь нечто важное. На старых кораблях примерно в этом месте располагался чёрный ящик, на Небе с его ролью справлялась маленькая красная флэшка. Эмма как-то предложила хранить там ром, кажется, так поступал пиратский капитан, но с хваткой руки Луи «тайник» стал вместилищем всякого хлама, вполне возможно, ворованного.

С минуту поковырявшись, Луи вынырнул, держа в руках короткую кривую саблю с немислимыми металлическими кружевами на эфесе. «Музейная что ли?» – подумал Константин.

– У нас есть абордажная сабля! – огласил Луи.

Фет очень строго и почти не сердито глянул на него, как бы спрашивая: ты серьёзно? «Видимо, да», – усмехнулся Константин про себя. Луи мгновенно сник, но спорить не стал – просто отвернулся к Эмме с Константином.

– Я больше по огнестрельному, – ответил тот.

Второй корабль тем временем отклонился влево, передав на Небо короткий сигнал, что у них всё хорошо, стыковаться не намерены. Эмма выдохнула.

– Вторых пташек я б не выдержала, – поделилась она полшепотом. – По вахтам, народ, – добавила куда громче. – Я тут справлюсь.

Экстренная ситуация перетекла в обычную смену и видеть их рядом ведьма не намерена. Константин почувствовал, как внутри нарастает обида. С чего бы? Да ясно с чего!

Фет вышел первым, одарив напоследок Луину саблю ворчливым: спрячь, где взял.

– Он думает, я настолько дурачок, что поранюсь, если просто возьму её в руки?! – возмутился Луи, когда шаги доктора стали потише. – Вот ещё! Да, я не умею фехтовать, как этот Людвиг, но! – фыркнул он.

– А Фет, кстати, умеет, – сказала Эмма, – не любит, правда. Он несколько лет с пиратами жил.

Луи поднял саблю, точно желая прирезать за это то ли пиратов, обучивших доктора, то ли его самого.

– А ты? – спросил он с болезненной горячностью. – Кэп? Эмма почему-то отрицательно мотнула головой.

– Я с пиратами не жил, – усмехнулся Константин. Луи смотрел на него с такой надеждой, пришлось сдаться: – Умею, – он улыбнулся.

Глаза Луи блеснули, что два огонька, Эмма же скорчила

неопределённую гримасу и отвернулась к дисплеям.

– Научишь? – Луи поддался к Константину всё с той же саблей наперевес.

– Научу, – капитан отшагнул назад. – Но сначала рукопашному. И убери эту штуку от моего лица. – Константин без особого труда отобрал дурацкую саблю. Разве ж это оружие?

Пока они рассматривали чужие корабли и сабли, Эммина смена закончилась, сама же ведьма, убедившись, что Небо идет ровно, исчезла. Константин и не слышал, как закрывалась дверь, не слышала, как она вставала. В кресле просто оказался Луи, точно всегда там и сидел. Константин всё ещё разглядывал саблю. Ему нужно было к ней.

– Уходишь, кэп? – почти разочарованно спросил Луи.

– А Эмма сейчас?..

– В лаборатории, – ответил он.

– Прости, что выгнал тебя вчера, – вздохнул Константин. Луи лишь отмахнулся: забыли уже.

Правильно ли он поступил, отказавшись от... от Тирхи, от прокуратора, от отцовских планов? «От власти и могущества», – усмехнулся Константин. Вместо Эммы в лабораторном отсеке он нашёл Фета. Доктор мыл полы. Константин окликнул его и даже открыл рот, чтобы спросить, не видел ли тот Эмму, но вместо этого зачем-то сказал:

– У меня есть приглашение на бал колонистов. – Взять и выпалить эту горчущую правды, стыдливую. Что сразу не

сказал? Почему не поделился со своей командой, а капитан? Не признался, что хочешь сбежать? Хотел.

– Что?

Швабра упала. Константин поднял швабру.

– Я говорил с одним поли... законником, – исправился Константин, доктор называл их так, а значит так и надо с ним говорить. Фет вцепился в швабру как в меч. Константин прокашлялся и очень легко, на одном дыхании, как стих в младшей школе рассказал все от пирата до прокуратора Тир-хи. Доктор тоже прокашлялся, но отвечать не спешил.

– И что будешь делать? – наконец спросил доктор.

– Не знаю, – Константин вздохнул. Два месяца назад, или сколько там, он всё бы отдал за этот бал, за шанс сбежать. Вернуться. Было бы куда возвращаться. И потому сейчас, глядя на Фета, на швабру, на закрытые двери лабораторного отсека, за которыми нет Эммы, он ответил, ответил легко:– Думаю, на бал всё же надо сходить, – он улыбнулся и вздохнул. – Не пропадать же билету? А если честно, – Константин видел, что доктор злится, что шуточки про билеты его только бесят, – хочу прояснить эту херь до конца. Хочу знать какого черта мой прокуратор, погнал меня на Верну. Почему о его планах и видах на меня мне никто не сказал? И разве можно крутить людьми... Знаешь, я верил ему как отцу.

«Может даже и больше», – эта мысль испугала Константина.

– Прояснить хочешь, – процедил доктор.

Константин кивнул. Фет ждал от него чего-то другого. Ссоры.

– Ты ведь много с кем летал, – Константин едва не сказал «с пиратами», – лучше меня разбираешься в местных... – Интригах? Как оказалось, Константин в интригах вообще не разбирался. – Не подскажешь, что делать?

– Мне надо подумать, – холодно ответил доктор, но тут же чуть подобрел: – Я уже понадеялся, что у нас всё хорошо.

Константин виновато улыбнулся и, кажется, стал похож на Луи.

Эмму же он отыскал в её каюте посреди ещё больше бардака, чем был у неё обычно. Переступая порог, Константин попытался припомнить какая у него сейчас смена, потом попытался придумать предлог, но не смог и просто вошёл.

– Луи сказал, что ты в лаборатории.

– Я шла туда, но потом решила, – Эмма замолчала, окинула взглядом каюту, – выкинуть кое-что.

– Хочешь навести порядок?

– Хочу избавиться от... пока думаю про телескоп.

– У тебя есть телескоп? – удивился Константин. Совсем мальчишкой он просил у отца, но тот не подарил, не стал баловать и без того богатенького на игрушки сына. Глупая мечта посмотреть на звёзды сквозь дивные стекляшки до сих пор жила с ним, задвинутая в глубину сознания. – Дашь посмотреть?

Эмма как-то грустно улыбнулась. Неужели откажет?

– У нас их три. Два на орбите Верны, а с третьего ничего не видно. Понятия не имею, зачем Дэвид, – она нервно выдохнула это имя, спрятала руки в рукава, покачала головой, позволяя растрепавшимся волосам упасть на лицо. Удобно так, чуть повела головой и глаз не видно. – Зачем он взял телескоп. Атмосфера, – протянула она, – даже здесь в обитаемых облаках, такая плотная, что никаких звёзд не видно. Зачем взял, – повторила, – и почему оставил?

– Эмм? – попросил Константин. «Не прячься от меня», – не сказал. – К чёрту телескоп.

– Да нет... Хочешь, м-можно потрогать его, – она дёргано улыбнулась, – за Луи подсмотреть. Не знаю. Ещё изображения с орбитальных на компьютере есть.

– Давай. Знаешь, глупость конечно... Я в детстве хотел астрономом стать, правда потом решил, что капитан звёздного корабля интереснее.

– Почти получилось, – хмыкнула Эмма.

– Почти. Ну ладно. А те орбитальные... Зачем вам? Ты же вроде саму планету исследуешь, так?

– Так, – кивнула Эмма. – Лично я. Мы... нам... Нам нужно было выжать максимальное количество данных из этого сегмента... вселенной, чтобы найти жизнь в другом. Мы и м... прибор для спектрального анализа запустили. Ты знаешь, затмение позволяет узнать размер планеты, её орбиту. Таким образом можно классифицировать планеты, не видя их, отделить газовые гиганты от экзопланет. Экзо- – это та-

кие, как наши. Во мне, кажется, просыпается лектор, – она мучительно улыбнулась.

– Знаю, – кивнул Константин. Это он где-то слышал. – А почему вы прилетели искать сюда?

– В этой солнечной системе нас не было тридцать пять лет. По твоему летоисчислению с учётом гравитационных искажений не меньше семидесяти, а может век. Мы давно потеряли связь с «колыбелью жизни».

– Колыбелью? – удивился Константин. – Ни разу такого не слышал.

– Ага. Мы же колония, которой совершенно случайно удалось избежать больших войн, разрухи и прочих радостей старого мира. В семнадцатом году мы потребовали независимость. В тридцать первом получили её. К сорок пятому по нашему времени всё о нас забыли. Ведь так?

– Так, – подтвердил Константин. До Верны он знать не знал о каких-то ещё мирах. Они ему просто были ни к чему. Герои борются за свою землю. У героев своих дел сполна.

– Данные больше века не обновлялись, как и ваше оборудование, по всей видимости. Одним полётом мы решили бы две задачи: собрали бы данные на Верне и запустили исследовательский модуль на орбите. Автономный.

– Вы ещё ищите эти экзопланеты?

– Мы ищем жизнь. Не может быть такого, что во всей обозримой вселенной мы были бы одни.

– Наверно. А если найдёте, что дальше?

– Не знаю, – Эмма легко пожала плечами, будто речь шла о завтраке, а не о деле всей её жизни. – Если хочешь посмотреть, пойдём.

Он кивнул и встал, выпутываясь из какой-то ткани, то ли кофты, то ли шали. Зачем ей столько одежды? На полу валялись тетради, в углу у шкафа тросточка Рогача. Кажется, он правильно запомнил имя. Эмма же всё смотрела куда-то вскользь, куда-то вглубь, точно видела параллельный поток событий, а потом резко встала, за ней потянулся путанный шлейф плед, футболки. Что-то упало, упало и покатилося, но ведьма не обернулась на звук.

– Мне наверно понадобится большая коробка, – сказала она, натягивая ботинки на голые ноги. – Или две. Часть продать можно.

– Я поищу, – тут же нашёлся Константин. Что он ещё мог для неё сделать? Демонов, как оказалось, всё равно считать приходится в одиночку. Но она не одна. Но разве ей это скажешь? – У нас ящики от продуктов остались.

Эмма кивнула. И они отправились в лабораторию, и Фета там уже не было, не было сил рассказывать о бале. Вчера объяснились же. Он толком ничего не стал рассказывать, а Эмма тем более. Впрочем успеется.

Она открыла ему фотографии и вывела их на второй монитор, и включила что-то своё.

Просто сидеть рядом уже хорошо. Такая малость! Нет, всё правильно. Наконец правильно. Эмма не обращала на него

никакого внимания, укладывала какие-то цифры в длинные столбцы, вбивала формулы, ругалась одними губами. И было в этом что-то такое, что-то отчего он Верну был полюбить готов и прокуратору его козни простить. Он как бы читал и пил её душистый кофе в её лаборатории. Константин не глядя перелистнул страницу. Её темные волосы, заколотые на затылке двумя карандашами, давно растрепались, тяжёлые тёмные ниспадали на плечи, ни чёрные, но шоколадные. Шоколадные. Он должен непременно ей это сказать. Здорово ведь звучит! Эмма как раз замерла перед экраном, кивнула чему-то и вновь принялась печатать. Разве большое дело сказать?

II

– У тебя волосы такие красивые, точно горький шоколад.

– А?

Она не слушала.

– Это радар? Тот самый?

– Да. Не смотри пока не закончу. – Эмма щёлкнула вкладку, и программа погасла. – Он пока неважно работает, сбоит – учится. Это нейросеть. А я не программист. Я физик. Но каждый физик немного кодит. Я много говорю? – она тряхнула головой, чтобы волосы упали и спрятали лицо, глаза спрятали. – Прости.

– Ты? – удивился Константин. – Ты не много говоришь, – он улыбнулся и попросил: – Рассказывай.

– Д-да, – она кивнула. Как на экзамене. Преподавательский стол, рядом Рогач. Рассказывайте, Эмма, рассказывайте. Она тряхнула головой ещё раз, теперь чтобы согнать непрощенный образ горький и колкий. Это было давно. Бакалавриат был давно. И в кабинетах тех давно сменили обои и мебель. – Я отвыкла оттого, что меня слушают, – сказала она, точно винясь, и тут же поправилась: – если не сеанс или не Луи. Но то другое. Платный балаган.

– Эмм, – протянул Константин, кажется, он перенял эту манеру у Луи. – Всё хорошо.

Банальные фразы-маяки то ли держат, то ли мусор. Но лучше пусть держат. Что-то же должно держать? Эмма невольно подалась в его сторону. Ей было неловко и тело сделалось неудобным. Хотелось спрятаться куда-нибудь и отойти, она заставила себя сидеть. Хватит бегать, небо большое да не бесконечное. Попробуй говорить.

– Я... – вышло плохо, – я чувствую, – уже лучше. Ты чувствуешь. Ты чувствуешь что? – чувствую себя зверьком каким-то бестолковым, надломанной фарфоровой фигуркой. Я словно напрочь разучилась говорить. А может не умела? Притворялась только. Всю жизнь притворялась, чтобы влиться, похожей быть если не на сестру, то хотя бы на Дэвида. – Эмма спешно заткнулась. Это много. Это слишком много. Столько нытья не выдержит и Фет. Он не поймёт. Ему такое... Зачем оно вообще кому-то? – Тебе, наверно, такое странно.

– Про притворяться? Да ни чуть. Всю жизнь пытался вылепить из себя что-то на отца похожее. Как оказалось зря. А вообще мне интересно. Мне всё про тебя интересно. Если бы не Небо, я бы никогда такого человека как ты не встретил.

– Сумасшедшую ведьму?

Он хмыкнул и покачал головой.

– Тебя.

– Меня Фет зовет.

III

«Утряслось», – заключил Фет. Как же ему хотелось, чтобы все злоключения Неба закончились, но, кажется, у бога отца и богини матери имелось ещё сполна неудач. Пожалуй, это был самый мирный и самый неудачливый корабль, на котором ему довелось побывать, а Фет и на торговых ходил, и на пиратских, на служебных и пассажирских, ловил однажды беглых с полицией. Врач-то всем нужен. Особенно пиратам, пираты и платят хорошо. Когда-то он клялся, жене клялся! что ни за что, никогда больше не ступит на борт пиратского дирижабля. Восемь лет прошло. Доктор запустил ладонь в волосы, наощупь распуская хвост, корни успели отрасти. «Пора бы подвальять», – подумал он устало. Волосы росли медленно и росли седыми, хотя рановато в тридцать седеть, а разве волосам прикажешь? В плотных дредах разглядеть белые волоски сложно, и потому можно сделать вид, что их и нет. Но правде, Фет чувствовал, что именно так и должно быть. Он давно перестал считать себя молодым. Только вот Луи всё хочет и хочет от него чего-то, чего Фет ему точно уже не даст.

Эмма послушно дожидалась его в буфете.

Фет вздохнул, а ведь всё было хорошо, пока не явился Константин со своим приглашением.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Как обычно, – хмыкнул Фет.

– Ты какой-то более хмурый чем обычно. Луи?

«Ведьма», – подумал Фет.

– Поставишь чай?

– Так Луи?

– Не только. Вот что он от меня хочет? Мне тридцать, а он ребёнок. Я уже прожил свою жизнь.

– Тебе тридцать один, – напомнила Эмма, – и это не много. У вас не такая большая разница в возрасте.

– Эта разница не такая большая, если б мне было сорок, а ему двадцать шесть. Не семнадцать, Эмм! Он ребёнок. Он всё ещё грезит о солнечном мире. Родителей хочет найти.

– Собаку, – прошептала Эмма.

– Что?

– Да ничего, – она мотнула головой.

– Я просто право не имею смущать его. Нет, пусть выкинет эти мысли. И это не любовь, это глупость. Лучше скажи, чего ты такая...

– Какая? Я обычная, – Эмма попыталась улыбнуться. – Я за вас переживаю. Я... заработалась просто. И вспомнила кое-что.

– Про сестру?

– Не издевайся. Но да. Не про Эву.

– А у тебя ещё сестра есть?

– Младшая. Она в... ребёнком с ума сошла.

– Твою мать.

– Мою, – согласилась Эмма. – Мать ей всю себя посвятила, а меня с семнадцати Эва воспитывала. Но чёрт с ними обеими. Чай. Просто не хочу также. Чай. Точно. Чай, – повторила она сама себе, а может чашкам, с которыми кружила. Посмотрела на ящик, поняла, что коробку ещё не унесёт. Поняла, Фет понадеялся. Иначе точно уронит. – Как думаешь, Фет, – она выглядела не грустной, скорее уставшей, растерянно смотрела то на шкаф, то на стол, то на Фета, – стоит ли продолжать исследования? Обратной связи нет. – Эмма остановилась и чашки, наконец, оказались на столе, благо пустые. Благо, с чайником она не пустилась танцевать, нервно бродить по тесному корабельному буфету. – Тебе какой заварить?

– Без разницы, – пожал плечами Фет. – Делай как себе.

– Меньше посуды испачкаешь?

– Меньше, – согласился Фет. – Тон у тебя какой-то подозрительный. Но мне правда без разницы. Лучше скажи, почему если ты столько раз порывалась бросить всё равно продолжаешь? – Он остановился перевести дыхание. Эмма наполняла чайник из кулера. Насос весело бурчал. – И не просто. – Фет замер. Из переполненного чайника брызнул фонтанчик, Эмма отскочила матерясь, протянула руку, выключила, снова выругалась. – Ты усовершенствовала... м.. боже, триединый, что ты там сделала? Радар бурь?

Она кротко кивнула.

– На старом спутнике.

– Конечно! – всплеснул руками Фет. – И это конечно ничего не стоит, – он усмехнулся, он ждал, чтобы Эмма сказала хоть слово против, но Эмма молчала, не стала ему возражать. Она достала из ящика полупустую коробочку, только на дне в ней что-то шуршало. Поставила на стол уже без крышки, и тут же эту крышку потеряла, но нашла. В коробочке пожухлые и измятые перекатывались золотые цветы с толстыми конусовидными серединками.

– Будем ромашку пить. Успокаивает.

– Я спокоен, – заметил Фет.

– Да? А Луи не очень.

Доктор нахмурился, но Эмма пропустила этот взгляд. Она ловко, убийственно ловко со всей не свойственной ей грацией подхватила булькающий чайник. Фет вспомнил молитву, но тут же приказал себе забыть. Чайник плюхнулся на стол. Немного кипятка пролилось на пол. Эмма удивлённо посмотрела под ноги:

– Надо же, почти не пролила.

Фету было бы в пору взвыть, но выть он не стал, он привык.

Второй рукой она нырнула в банку и высыпала по шепотке сухих цветов в чашку. В какой-то момент Фет потянулся забрать чайник, но ограничился тем, что подобрал колени.

– Ты не ответила.

– Ты не психолог, – фыркнула Эмма. – Я тебе не плачу.

Разве что чаем.

– Вот видишь, ты даже не платишь за мою доброту, – вывернул Фет. Он шутил на самом деле, и Эмма знала это, а Луи и часто не понимал. Трудно наверно так жить, когда ты такой обидчивый.

Фет отрешённо гонял стакан по столу. Стакан был грязный, видимо кто-то пил утром воду и не убрал.

– Так что тебя гложет?

Эмма вздохнула.

– Не гложет. Просто тревожно.

– Ну, ведьма. Я про себя рассказал.

– Не повторяй за этим.

– За кэпом? – усмехнулся Фет. – Вы разобрались, так?

– Спорно.

– Он же тебе нравится?

– Фет!

– Нравится.

– А тебе Луи нравится.

– Боги, Эмма!

– Что?

– Ладно, – доктор вздохнул. – Не хочешь говорить, тогда у меня к тебе вопрос. Твоего капитана пригласили бал.

– Мм. И что? Ты предлагаешь мне ревновать?

– Нет, я предлагаю, тебе пойти с ним. Это бал колонистов, Эмма. Там обычно собираются... не колонисты. Послы и всякие... С внешнего мира. Ему не стоит идти туда одному.

– Мы на Южную летим?

– Да. И скоро прибудем. Хотя бы припасы пополним с этим балом. – Фет вздохнул и отхлебнул немного ромашкового чая. – Ты разве не видела наш курс, пока в рубке была?

Хотя это же Эмма, она могла и не видеть.

– Я уже два дня в лабе. Доделываю радар. Константин и Луи подменили.

– И знаешь, всё-таки ты какая-то странная. Я видел коробки. Это *его* вещи?

– Частично. И Дэвида, и Рогача, и чьи-то ещё. Луи сказал, что знает, кому продать их. Так что заработаем даже. Обменяем память на деньги.

– К бурям такую память.

– Ты прав, – просто кивнула Эмма. Фет обомлел. – Жаль, остальное нельзя так же отдать.

IV

– Ты хочешь, чтобы наш кэп пошёл туда? Один?

– Да, – Эмма непонимающе кивнула. – А что не так? Он знает этих людей, а значит, ему с ними и разбираться.

– А если он предаст нас?

– Как он может предать нас? – Эмма хмыкнула. – Сбежит? Проиграет корабль в карты? Это мой корабль, Фет, только я могу его проиграть. А я, могу тебя уверить, играть не буду.

– Один он не пойдёт.

– Ну, так иди с ним ты.

– И на что это будет похоже? Обо мне и так ходят разные слухи. Нет. Это бал колонистов, праздник небесных, меня там не ждут, а тебя вот напротив.

– Ждали бы – направили пригласительный на моё имя.

– Ты обиделась на совет? – доктор вскинул бровь, решил, что докопался до первопричин. А вот и нет. Плевать ей на этот совет, и балы, и предательства. Это ж нужно быть таким параноиком! «Я просто не люблю, когда столько людей», – с грустью подумала она, такую причину Фет уважительной не сочтёт.

– А ты на Константина?

Действительно, чего он на него взъелся?

– Нет, – фыркнул Фет. – Просто не хочу проблем. Люди

не меняются.

– Что? Откуда ты вообще эту глупость взял? В этом мире меняется всё. Это его суть. Нет ничего, мать его, постоянно-го. А ты о людях!

Фет ничего не сказал, только брови наморщил и глянул исподлобья. Спорить с ним, ух!

– Думай, что хочешь, – отмахнулся доктор. – Несколько жалких месяцев на борту нашего кораблика не превратят самовлюбленного гм.. героя, – он выплюнул этого героя с собой беспощадностью, – в надёжного... гм.. союзника. Ты слишком сильно на него полагаешься.

– Я ему верю, – просто ответила Эмма.

– А ты не влюбилась? – если раньше Фет спрашивал это с улыбкой, то теперь...

А может и влюбилась! И что с того? Тут Эмме захотелось треснуть доктора. Они будто на разных языках разговаривали.

– Ты на меня смотришь, но видишь... не меня, Фет. Я не знаю, почему так, – она не хотела спорить, и даже кричать не хотела. Хотя Фет почти орал. Нет. Эмма опустила плечи, точно опала в своём кресле. – Я знаю, что делаю. И мне одного мнения хватит. Моего.

Доктор хмуро, очень хмуро глянул в её сторону.

– Подумай ещё, – буркнул Фет, с трудом усмиряя ярость. Она не умел принимать свою неправоту и чужую волю. И что с ним таким делать? Повод же пустячный!

Из коридора очень-очень тянуло обеззараживающим раствором. Эмме невольно вспомнился рейс, котором она когда-то летела ещё студенткой, ещё дома. Сбежала перед сессией к холодному морю. Билеты вышли дешевые в стране было беспокойно, но Эмма решила, что она смелая, даже не так – бесстрашная. Мама тихонько охала в телефон, Эва сказала: дура, куда ты собралась. Эмма подхватила рюкзак и уехала, одна в незнакомый город, просто потому что хотела. И это было хорошо. Самолёт летел долго, в салоне царил неестественный синий полумрак – светили только маленькие лампы, то ли спать приглашая, то ли вдохнуть поглубже и не выдыхать до приземления, и воняло там как в операционной, Эмма никогда не бывала в операционных, но пахнуть, по её мнению, там должно так. Летать Эмма не боялась, ей нравилось это особое состояние близости с невесомым, нравились облака розовато-белые в преддверии рассвета. Её сосед – пузатый мужчина в клетчатом костюме громко похрапывал, от него ощутимо несло настойкой пустырника и той штукой, которой моль в шкафах гоняют. Мужик этот точно боялся летать. Ненадолго Эмме показалось, что Фетова рубашка пахнет так же: пустырником, спиртом и шкафом, который почему-то не любят открывать, в котором прячут шубы и дорогие костюмы.

Кресло скрипнуло, и Эмма очнулась. Равнодушно мерцал компьютер, в коридоре стихали шаги. Ничем здесь на самом деле не пахнет, и очень тихо к тому же, и доктор ушёл уже.

«Обиделся», – прошептала Эмма. Может зря она так? Может это ей нужно обижаться?

«Он этого мне не простит», – поняла Эмма.

Небо подплывало к станции, точно большая рыба, рассекая боками облака. Небо не торопилось. Исследовательский корабль на гонки не рассчитан. Странное дело, подумалось Эмме, а ведь она не знает, кто сконструировал Небо. Где-то в документации, конечно, значились имена, она даже их видела, но не читала. Одни талантливые ребята придумали корабль для других, рассчитали всё, построили, проверили, а они заporоли. Сколько денег в никуда. Но Эмма почти смирилась и думать о том, почти не больно, тоскливо и только, обидно, но тоже бывает.

Она проверила карту бурь, погрозила радару. Она всегда так делала. Корабль казался живым, но только казался.

Нужно было встать и сделать что-нибудь, хоть чем-нибудь заполнить этот рыхлый кусочек дня, но она совершенно точно знала, что ехать ей некуда, а главное не зачем. Все дела уже сделаны. Покупками займется Луи.. Перекладывать картошку из мешков в ящики Фетова блажь, пусть он этим и занимается. Эмма долго и крайне бестолково просматривала файлы на лабораторном компьютере, дело не шло. У неё просто никак не получалось хоть на чём-то сосредоточиться.

Даже сейчас, когда всё давно и точно закончилось, когда она одна в своей лаборатории и никто и не скажет ни злого, ни доброго – ничего не скажет, некому говорить. Эмма

слушала гул приборов тихий не различимый почти, точно легкий зуд. Она вздохнула, закрыла вклады одну за одной. «Нужно свечи купить», – решила Эмма и стало легче.

Оставшиеся свечи были тонкие, тоньше Эмминого пальца, в неопрятную крапинку, она скрутила их из огарков магазинных свечей, неказистые на вид, наощупь шершавые, но внутри травы, колдовство настоящее: крапива – от порчи защита, чабрец от страхов и невзгод. Эмма поставила коробку обратно, вытянула из шкафа платье, шёлковое красное, на тонких бретельках, кинула на кровать, чуть промазала. Платье стекло по постели, половина на полу, другая на покрывале. Чёрт с ним. Нужно на станции нормальных свечей купить. Люди платят за красивую магию. Эмма вернулась к шкафу, стоило бы прибраться, обычно уборки хватало дня на три, она пихала одежду комом, потом рылась во всем этом, вытягивая нужное больше наощупь. Эмма наклонилась, дёрнула кожаные брюки, брюки вылезали медленно. Сейчас она оденется и выйдет на станцию. Купит свечи и может кофе и посидит немного прудика в саду осени. На Южной всегда осень. Над прудиком у кофейни всегда виноградные грозди. Хочешь срывай, это видно входит в ценник. Эмма застегнула брюки, затянула ремнем, накинула черное что-то, что походило на рубашку, на пончо, полупрозрачное что-то с чёрной вышивкой по чёрной ткани, с чёрным топом под низ. Дома она была бы красивой. Здесь же просто была и то похоже на половину. Эмма рухнула на кровать к пла-

тью, книгам, ещё тёплой пижаме, к злосчастному планшету. На планшете мерцала строчка, строчечка в четыре слова, тревожная-растревожная в своей цифровой услужливости, услужливая в своей красной гадливости, любезная как подлиза... Эмме отпихнула планшет к краю кровати. На часах такое же уведомление. Кто бы зарядил... «Вам письмо от Эвы». От Эвы вам письмо. Письмо вам. От.

«Отстань», – сказала Эмма.

До «бала» было ещё часа четыре, сколько точно Эмма не знала, ей было лень искать и заряжать часы. От часов точно пахло Дэвидом, ни его тихим городским парфюмом и сигаретами, ни шелковой легкостью волос, то будто дух, подсвеченный горечью образ. Почти год уже... Год! Целый. А больно, нет обидно! Вот как. Точно по мягкому острому. Сокровенное на билборде большими буквами – получай! Она так тщательно и долго выбирает людей, так редко им открывается. И потому что страшно, и потому что сложно. Всегда, потому что такой была. Холодной и тонкокожей, циничной и чуткой. Зачем ей такой? Зачем она такой получилась? Была бы как Луи: открытой и славной, яркой, как золотой солнце, бесстрашной и звонкой, и доброй. Или как Фет: прямой, непреклонной, стальной. Только ты, Эмм, так не умеешь. Безумная как сестрёнка. До бала три часа и сорок пять минут, уже сорок четыре. Эмма чувствовала это время как запас тугий материи почти звёздной, не заполнено тёмной. Эмма отодвинула планшет в сторону. Она не будет сегодня

читать, может быть после, может быть завтра, если напьётся. Три неполных часа – это хватит. «Если ты встанешь», – хмыкнула Эмма и встала.

Глава 13

оборванные связи

I

До рассвета, до конца смены, до Южной оставалось немногим больше часа. Корабль шёл ровно и Луи успел заскучать. Южная, как и почти все станции-гиганты почти не двигалась, Южная парила, точно кит, а может огромная рыба. Луи любил сравнить небо с океаном, даром что ли воздушные корабли называют кораблями? Настоящее море он помнил смутно. Луи перелистнул страницу и поднял голову, чтобы мельком взглянуть на радар. Как он и думал в воздушных «водах» Южной было тихо. Раньше это казалось ему настоящим волшебством. Луи вернулся к книге. Он любил это время, любил быть единственным не спящим на корабле. Луи потянулся. Книга ни Эммина, но земная, оставленная кем-то из улетевшей команды всё ещё пахла типографскими красками и клеем, страницы хрустели. Похоже, Луи был первым, кто её открыл. С первой страницы ему улыбался черно-белый автор, он говорил, что история автобиографична, а в книге были драконы. Но Луи, в сущности, было плевать, он плохо запоминал имена писателей и режиссёров, обычно его интересовали сами книги, возможно, это первое предисловие, которое он прочитал. Автору на вид было лет сорок, но в его год рождения, Луи помнил, Луи точно это помнил, он много чего не помнил, но это он точно знал, ров-

но в этот год он пошёл в школу.

«Ерунда какая-то», – думал Луи, разглядывая драконий хвост на форзаце. По году издания вообще выходило, что книга младше Луи на тридцать четыре года. А ещё выходило, что он почему-то помнит ни Вернское летоисчисление, а Эммино.

Но час прошёл, и в рубку заглянул Фет, чтобы проконтролировать стыковку. Луи спрятал книгу, он сёл на неё, ему не хотелось, чтобы доктор увидел.

– Слушай, – сказал он после того, как корабль встал и двигатели остановились. Скоро к ним должен был подняться сотрудник парковки. – Я тут нашёл кое-что. – Луи чуть-чуть пододвинулся, сидеть на книге неудобно, а он уже долго на ней сидит. – Кое-что про... не совсем про меня, но...

– Ты до сих пор не оставил это? – устало поинтересовался Фет. – Сколько можно, – вздохнул он.

– Сколько нужно, – пробурчал Луи. Полгода. Пол вернского года он пытался найти хоть какую-то весточку из своей прошлой, своей почти не существующей жизни. С тех самых пор, как он попал на Небо, с тех пор, когда Эмма разрешила пользоваться её компьютером. Луи смотрел и смотрел, искал и искал, пока в глазах не щипало от сухости, пока тело не становилось рыхлым, тяжёлым и чужим. Тогда он поднимался, ходил по лаборатории из стороны в сторону, из стороны в сторону. На часы глядел. Ещё ходил. И ещё. Если смены не было – падал обратно, если Эмминых шагов слышно не

было – падал обратно, а если было – плёлся в рубку или в машинное.

– Ты себе же больнее делаешь, – ворчал Фет. – Даже если это было, это уже было, – доктор выделил последнее слово.

– Но Фет! – Луи посмотрел на него так жалобно и так жалко, что самому стало стыдно, невыносимо стало так на доктора смотреть. Почему он так жесток, почему всё его доводы правдивы до боли и не поспорить, не попросить?– Я не специально... – добавил он тихо. Если бы Фет сейчас, если бы...

– Ты как ребёнок себя ведёшь.

– Мне семнадцать! – возмутился Луи. Опустил голову, волосы упали на лоб, почти глаза спрятали. Так себе аргумент. – Ты хочешь, чтобы я был старше?

«Чтобы тебя это не мучало, – закончил Луи про себя. – Я для тебя ребёнок. Ребёнка целовать нельзя. Совсем гадость получается».

– Я хочу, чтобы ты жил нормально. – Фет отвернулся к плану Неба и стал ещё дальше. Не достать. Не дотянуться. Не... – Послушай. Когда мне исполнялось шестнадцать и я решил учиться на медика, отец, алкаш, с которым жила моя матушка, сказал, что ни монетки на моё обучение не потратит. Он лучше эти деньги сыну отдаст, первенцу – наследнику. И действительно отдал, сынку соседки. Он с ней по молодости переспал или она с ним. Та тётка с кем только не спала. Он лет двадцать откладывал то, что пропить не успел, там не много вышло, мешок картошки и тот дороже. И всё

равно, он отвалил эти деньги чужому пацану, которого раз в жизни видел, а не мне, своего сыну.

– Это грустно, Фет.

– Да наплевать на самом деле уже. Я сам выучился, и сам зарабатывать стал. Женился, квартиру получил недалёко от нашей. Матери всё предлагал переехать, но она ни в какую, мол на кого отца оставляю. А потом Стрелец. И всё. Живи настоящим, Луи.

«А сам ты живёшь?» – хотелось спросить, но Луи не решился. Как быть с человеком, с которым даже честно говорить не получается? И это я дурак или с доктором что-то не то?.. Ну не может же такого быть! Фет умный! Фет... Луи посмотрел на него. Посмотрел. Посмотрел. Но отвечать сил не нашлось. Самым глупым и плохим было бы сейчас заплакать. Ну не будет же он плакать? И просить больше не будет.

– Я посплю пойду, – сказал Луи. – Пока время есть.

– Иди, – сказал Фет и голос у него был губительно равнодушный.

Луи было гадко. Он чувствовал, что обманули, обокрали и выпихнули на улицу в дождь. Сколько бы он ни искал, ни рылся в Эмминых книгах, картах, атласах – пустота. Пустая, пуснейшая, пустее просто некуда! Хоть прыгай из Неба в облака. В облаках и то жизни больше, больше надежд. Последнее время его двигала одна лишь злость. Ох, боги добрые! Боги злые, ничего кроме скрипучей ярости к Фетовым суждениям у него не осталось. Как же можно, как ну, скажите

пожалуйста, быть таким упрямым и таким строгим, а главное недальновидным настолько? Как?

Он встал, поклонился доктору, указывая на нагретое пилотское кресло, подобрал книгу и пошёл в буфет, потому что поесть уже неплохая идея, всё равно ничего получше в голову не приходит. В коридоре он столкнулся с кэпом хмурым и озадаченным. «Доктор там?» – Константин указал в сторону рубки, да с такой силой махнул рукой, будто хотел кого-то прибить. Луи пробурчал ему нечто утвердительное, и кэп исчез.

Луи вскипятил чайник и вспомнил, что даже сеансов сегодня не будет, вспомнил, что сегодня вообще ничего не будет. Эмма и кэп уйдут на бал, а ему за кораблём следить. С досады он опрокинул пустую коробку от какао, коробка оказалась не такой и пустой, и Луи пришлось искать веник. День не заладился. Завидев его с веником, Фет противно ухмыльнулся, и Луи чуть ли не взвыл от досады. Хотел пойти к Эмме, но передумал, а потом передумал обратно, в смысле почти пришёл к её каюте, но Эмму застать не успел.

На корабле было тихо, так тихо, что Луи время от времени казалось, будто он оглох. Луи стучал по столу ногтем. Звонко – значит слышит. В облаках корабль вёл себя по-другому, он то рычал, то мурлыкал чистому небо, то шипел, проскальзывая мимо бури, то приветствовал встречные дирижабли на одним лишь им, кораблям, известном языке. Луи знал его голос и нрав. А сейчас... сейчас ему было очень и очень тоск-

ливо. Эмма, кэп и ушли на станцию, и Фет скоро уйдёт, вот прошёл уже к каюте одеваться, а его оставили следить за дирижаблем. «Из вредности», – подумал Луи. С другой стороны, это хорошая возможность залезть в Эммин компьютер и снова попробовать... Но Луи не хотелось пробовать. Он вернулся в рубку, по пути стукнулся лбом о потолок. Тот, кто построил сюда лестницу, был дурак. И это факт, а не его, ай зараза, субъективное мнение. В рубке Луи подрубил дисплеи, и получилось будто спящее Небо рассекает белые кучевые облака похожие на горы, а может на эльфийские крепости, а под кучевыми целые озера полупрозрачных перистых, сквозь них виднеются поля и настоящая речка, змейкой растянувшаяся по долине. Луи откровенно маялся.

Он оказался на Верне лет в пятнадцать, в четырнадцать может быть, а может и раньше. Пусть будет три года назад. Но Эмма говорила, что вернский год равен чуть ли не семи годами Нового мира, а это значит, что Фет не прав. Нет. Луи мотнул головой. Это значит, что он смотрел не тот временной промежуток. Он читал про Эммино время. В Эммино время закрытые города перестали пропадать. В Эммино время война закончилась. В Эммино время его родителей уже не было, и его самого тоже не было. Это нужно проверить. Луи выскочил из рубки.

Луи шустро миновал темный кусочек коридора, подошёл к двери лаборатории, с минуту точно простоял в нерешимости. Если он прав, то... то и Фет прав. Всё случившееся уже

случилось. Он больше не вернётся домой, потому что дома больше нет. Получается, никто его предавал. И не искал, не потому что, Луи в чем-то плох, а потому что его невозможно было найти. Потому что он просто выпал из времени. Потому что... Хватит! Он толкнул дверь, запустил компьютер и плюхнулся в Эммино кресло.

Эмме кто-то написал. Луи не хотел читать чужую переписку, но клацнул дрожащими руками не туда. Письмо было коротким и официальным, Эмму благодарили за проделанную работу и звали назад.

Луи запаниковал и отправил письмо в спам. Закрыв браузер. Боги да что же он делает! Так же никогда... Никогда теперь! Он не вернётся, Эмма не вернётся... И они останутся все вместе, большой семьёй. Будут долго-долго исследовать Верну, пока последнее горячее не истает. Фет успокоится, он научится любить его! Он поверит ему. А тогда ведь и верить не нужно. Не будет больше у Луи памяти, как дома никогда не было, как... Он сел обратно. Кликнул мышкой. Почта. Почта. Письмо удалилось. Ну, молодец Луи. Теперь иди и живи счастливо. Фет обязательно тебя простит. Луи со всей злости долбанул кулаком по столу. Во стороны разлетелись Эммины коробочки, пинцет укатился, а затем упал. Луи щелкнул по письму, оно мигнуло и попросилось обратно в папку «входящие». Луи щёлкнул ещё раз, и письмо стало не прочитанным.

Может... Может это дело не его? Пусть Эмма сама решит,

хочет ли она возвращаться, хочет ли с кэпом быть. И Фет ведь тоже не маленький. Между тем Луи было очень и очень горько, он точно кусок от себя отрывал. Поговорить бы им хоть раз нормально. Луи поднял пинцет и пристроил его обратно.

II

Виноградные грозди тихо покачивались. Девчонка, подпрыгивая пыталась добраться до ягод, рядом с ней бабка, бабка шикнула, и они ушли.

«Вечное безветрие, – думала Эмма, – вечная тишина, будто кто-то закупорил время». Ей не хватало грозы и снега, она тосковала по настоящему ветру и настоящему солнцу. Но было в этой тишине, в этом медленном безвременье что-то, чего она и сама себе не могла объяснить, не могла нащупать. Грозди медленно покачивались, почти остановились. Кофе леденил горло. Эмма чувствовала, что ей это нужно, прямо необходимо, замедлить, зафиксировать душу, точно сломанную руку и не тревожить, пока не срастётся. Год не тревожить. Она помешала соломинкой лед. Кофе, подкрашенный мятным сиропом, пах не похоже на растрёпанные кустики из родительского палисадника. На пальцах остались ароматы травяных свечек. Эмма осмотрела каждую, свечник одобрительно кивал, ему нравилось выполнять заказы ведьмы, а Эмме просто хотелось побыть ещё немного в лавке, заполнить эти длинные три часа хоть чем-то, ни машинным, ни лабораторией. Ей совсем-совсем не хотелось возвращаться на борт Неба. Осточертели коридоры, и вечно тёмный закуток в конце, буфет и рубка. И люди, которым она не по-

может, потому что не понимает, как сделать Луи не больно, как убедить Фета, как не злиться, как не бояться Тирхского капитана, как не тянуться к нему, не тянуться и не сбегать. У фонтана сидела утка, чистила перья. Грозди покачивались, встала девушка, помахала подружке. Та увидев её улыбнулась, подскочила и обняла. Девушки замерли друг напротив друга. Эмма чувствовала, как переплетаются ароматы их духов. И вот одна потянулась к другой и очень робко поцеловала, и отстранилась испуганно, но вторая взяла её за руку, и в этом было столько нежности и света.

Эмме нужно было идти. Она опаздывала.

Она вернулась на корабль и снова распахнула шкаф. Красное платье на красных бретельках ждало её. Шелковое платье. Платье-комбинация без рукавов. Эмма почти с ужасом разглядывала свои голые худые руки. Нужно было спешить. Нужно было накрасить губы красной помадой и волосы расчесать. Волосы не закроют предплечий, не закроют дракона. Нужно было идти. Нужно встретиться с Константином и услышать:

– Ого! – Он, конечно, улыбался, он выглядел красивым и властным. Это всё костюм.

На комплимент его «ого» тянуло с большой натяжкой, возможно, он просто не знал, что бы придумать ещё. Про глаза и платье? Наверное, он привык получать, а не придумывать комплименты. Тем более это просто вежливость и не боле. Эмма нервничала, ей было холодно в красном платье,

ей казалось, что сейчас из ниоткуда вылезут Эва с Дэвидом и скажут, что она дура и сволочь бесчувственная, татуировку решила сделать, вовремя.

– Что ты сделала с волосами? – вместо них спросил Константин.

– Помыла, – ответила Эмма растерянно и посмотрела на волосы, точно они были чужими. – И расчесала.

Будто раньше она этого не делала.

– Я думал, ты кудрявая, – он всё ещё улыбался. Эвы и Дэвида все ещё не было.

– Нет, – Эмма покачала головой. – Я просто их всё время заплетаю или собираю. Надо почаще расчёсываться, – она хмыкнула.

– Тебе идёт, – просто закончил Константин.

– Спасибо.

– Знаешь что, Эмм, – он остановился, и Эмме тоже пришлось встать. Двери мерцали электрическим синим, безумным, болезненно ярким, как небо октябрьским вечером, как платье на школьный выпускной. У Эммы было именно такое платье. И думать о платье ей было легче. Ей было страшно. Страшно просто быть с людьми. И если бы Эмма следовала своим «страшно», она бы просто убежала вот прямо сейчас. Но Константин стоит рядом, и она прошла, она проехала столько в этом чертовом платье на бретельках. И все видели её, и все видели дракона. Конечно, она шла, обняв себя руками, так чтобы одной левой закрыть правую, чтобы спря-

тать. А сейчас не спрячешь – Константин взял его под руку. Не так сложно обойти его. Наклониться и под рукой проскочить. Подумает, что странная, что рехнулась совсем? Пусть думает. Будто и так не знает!

– Я люблю тебя.

– Что? – просипела Эмма.

– Я люблю...

Зачем он это говорит?

– Не надо, – попросила она тихо-тихо, слабо-слабо.

«Любит, а через пару дней забудет», – хмуро подумалось Эмме. Любит. Его «любит» не больше «мне нравится до-нимать тебя, проводить с тобой время». Эмма хмыкнула. В лучше случае. Но вернее будет «хочу с тобой переспать».

– Эмм? – протянул он.

Ах, да она ещё должна ответить!

– Не надо, – только и смогла выдать Эмма. Где твой непробиваемый цинизм? Пробили? Почему голос такой жалкий? – Не надо, хорошо? И заходить пора.

Он ничего не сказал, опустил руку, кивнул. Обиделся? Злится? Эмма б обиделась. Но что, что она должна отвечать?

– Та дверь? – спросил он очень тускло, равнодушно.

Боги, ну что теперь? Может, поговорить? Извиниться хотя бы? Или... или... Но на что ему такое «прости»?

– Левая, – сказала Эмма, вытряхивая из сумочки паспорт.

В галереи было очень холодно, градусов на семь меньше по сравнению общестанционной температурой. Эмма зна-

ла, так нужно для экспонатов, и между тем ужасно озябла, открытое платье оказалось слишком открытым. Она бывала здесь всего раз месяцев семь назад, или больше, тоже замёрзла, и конечно, забыла и не подумала. Можно было пиджак взять. Немного приличных вещей, чудом, глупым чудом прихваченных из дома у неё осталось. Эмма старалась их не надевать, не вынимать из шкафа, боялась даже посмотреть, но главное себя увидеть и понять на сколько она стала другой. Это плохой знак, Эмма знала, но не хотела не замечать. Потому что страшно. Боги! Разве можно столько всего бояться? Она откинула волосы назад.

Люди сновали по залу, разодетые, разукрашенные, надушенные – элита беглецов.

Эмма неуверенно протянула руку, экспонаты не трогают, с людьми шутят, игристое пьют, широко улыбаясь, главное, чтобы между зубов не вытекло. Ей было тоскливо и мутрно, и почему-то обидно. Было б на кого обижаться! На себя разве что.. Эмма провела пальцем, только пальцем по мраморному носу трехлицей скульптуры, вбирая касанием всю её каменность, всю память о солнечном мире, о скалах, часть которых она была, о мастере, частью души которого она тоже была.

Слишком много людей, слишком пошло и ярко, и лучше бы Фет пошёл.

– Почему здесь так холодно? – спросил Константин.
Эмма отшатнулась от головы, точно пойманный вор.

– Это для картин.

Разве он не ушёл пить и улыбаться?

– А для людей? – улыбнулся ей капитан.

– Искусство и красота, – пожала плечами Эмма. «Ещё два часа, – подумала она с тоской, – и можно уйти. Всего два часа». Эмме захотелось спрятаться куда-нибудь, чтобы людей рядом не было, чтобы тихо, наконец. Это было настолько неловко! Боги, два часа, а потом сбежать.

– Я тоже искусство и красота... – заявил Константин. – Там!

К ним подошла девушка с подносом.

– А? – Эмма не успела сориентироваться, как Константин куда-то пропал. И оказалось, так ещё хуже. Она тщетно пыталась закрыть руки волосами.

Люди, натекающие тугими волнами в маленький зал, пугали ещё больше. Почему, почему эти чёртовы люди не могут заткнуться и деться куда-нибудь? Почему не могут перестать гоготать?

Парочка сладко хихикала. Эмма была готова проклясть их. Выцарапать ядом их имена на крысиной шкуре и бросить в огонь. И чтобы ветер растянул дымок по всей Верне, и чтобы солнце шлепнулось в пустоту космоса. Но Эмма просто отвела глаза. Нет, она не такая ведьма. И ведьма ли вообще? А это ведь просто люди. Людям свойственно хихикать без повода, быть шумными и вездесущими, ходить в обнимочку. Нет. Надо выпить и срочно.

«Чего ж они меня так бесят? – подумала Эмма, высматривая официанта с подносом или стол, вокруг которого людей поменьше будет. – Ну хихикают и чёрт с ними. Шумно. Я устала? – спросила себя, до конца не понимая, не чувствуя ни черта. – Нет, вроде бы. Не больше обычного».

Перед её носом остановилась девочка-официантка в черном фраке. Эмма из вежливости цапнула какую-то розовую конфету с её подноса, и девочка тут же убралась. Эмма смяла конфету пальцами, на настоящий рахат-лукум эта штука походила мало: крахмал и сахар, и душная розовая эссенция. Теперь ещё и бесформенная, и на вкус не лучше, нет, это неплохо, почти не плохо, но розовый запах такой сильный, что кажется, будто мыло жуёшь. Ничего, чем можно было запить это счастье, Эмма взять не додумалась, и девчонка с подносом куда-то запропастилась. Эмма растерянно оглядела зал. Внутри прорастало чувство подозрительно похожее на панику и не розовых конфетах дело, и даже не в капитане этом несчастном. У него свои дела и мысли. У него своя жизнь. А ты, Эмма, многого хочешь! В голове было темно и лучше бы пусто. Она растерянно обняла себя за плечи, вспоминая, что замёрзла, вспоминая, что... Нет, тут его не найти. Людей в зале было не меньше сотни, в довольно маленьком зале. Люди хихикали у неё над ухом. Люди пили, звенели бокалами, уплетали тарталетки и на крахмальные конфеты не жаловались. Кто-то подхватил Эмму за локоть. Она вывернулась. Подумаешь, перепутали толпе! Подумаешь. Человек

не ушёл, от него очень крепко пахло горьковатым парфюмом и табаком.

– Здравствуй, госпожа Эмма, – сказал Людвиг.

«Проклятье», – подумала Эмма. Чего не доставало этому дню как ни встречи с пиратом!

– Добрый вечер, – она кивнула ему холодно, но вежливо.

– Ты одна?

– Я с Константином.

– Хуже, – хмыкнул пират. – Пойдем присядем. На той стороне столов неплохое вино.

Он сел через кресло, откинул волосы со лба. Его костюм из шерсти и шёлка дивным образом отсвечивал в этом золотистом полумраке. Глаза Людвига хитро поблёскивали, щербатая улыбка походила на оскал, и сам в общем напоминал лощенную овчарку, если бы овчарки пускались в пиратство. Он выглядел роскошно и опасно. Золотые перстни на крупных пальцах напоминали кастет. Эмма тревожно прокручивала собственное кольцо, несуразно большое и кажется даже не серебряное, если ударить таким, можно рассечь скулу, если она решится ударить.

– Будешь, госпожа? – Людвиг подвинул бокал. Из этого он пил или из второго?

– Спасибо, – выдавила она, цепляясь пальцами за тонкую ножку.

– Непокойно на душе?

Эмма мотнула головой.

– Одолжить тебе пистолет?

– Что? – встрепенулась Эмма. – Я... я не умею.

Что-то щёлкнуло, едва слышно шоркнула ткань. Людвиг отстёгивал пистолет. Он действительно собрался отдать пистолет! Прошёл сюда с оружием. Пустили. Пират.

– Нечего там уметь, госпожа! Возьми. – Нечто холодное и увесистое легло ей в ладонь, а сверху хлопнула горячая рука пирата. – На деле разберёшься. Но лучше бы до дела не дошло, – он посмотрел на неё тепло и сочувственно. – Где только твоего волчонка носит?

– Не знаю, – прошептала Эмма бесцветно, ей не хотелось выдавать всю ту злость, что накопилась за вечер. Кроме себя некого винить. Эмма выхлебала игристое, не чувствуя ни цветочного букета, ни алкогольной горечи. – За удачу, – добавила Эмма запоздало, приподнимая уже пустой бокал.

– За удачу! – провозгласил Людвиг и тоже выпил. – Лишней она не бывает. А теперь смотри влево. За твоим капитаном прилетели тирхские друзья. Очень плохо, что он тебя оставил, а может, наоборот, хорошо. Этот парень, – Людвиг кивнул куда-то влево. Эмма не поняла. – Белобрысый.

– Вижу.

– Это посл. Он идёт сюда. Не говори ничего. Делай, что скажет. Потяни время. Я придумаю что-нибудь.

– Спасибо, – прошептала Эмма.

Белобрысый подошёл к ним. Поклонился Людвигу. Около Эмминой шеи оказался нож. Она сглотнула.

«За мной», – приказал посол. Глаза у него были голубые, а лицо злое-злое. Эмма медленно встала. «Поговорить», – добавил посол. Людвиг едва заметно кивнул. Нож исчез. Её привели в маленькую комнату. Эмма замерла, почти как скульптуры из зала – глина номер да-вашу-мать, она не пятилась к двери. Что к ней пятиться, закрытой? Она застыла, замерла, заледенела. Что бы он ни сделал, он сделает с телом, но не с ней. Мужчина был немногим старше Эммы, был ниже, но шире раза в три. Справиться с ним? Даже если шокером, который остался на корабле, даже если шпильку в глаз – она не справится. До окна далеко. Людвиг пытался всучить ей пистолет, а она...

III

– Боже, – вздохнул Константин. Отчего-то ему очень хотелось ржать. – Главное разочарование этого мира из хрена-лиона прочих, – он хмыкнул. Людвиг ждал. – Все пираты у вас тут патрульные. Это ж подстава какая-то!

Людвиг доверительно улыбнулся.

– Ну что поделать. У меня есть шпага и разрешение на неё. Удобно.

– Ага. Не говори только, что такова жизнь и...

– Скажу лучше, – перебил его Людвиг, – что за той дверью Тирхский посол запер Эмму. И тебе лучше поторопиться.

– Что? Что твою мать? Какого тогда ты удостоверениями трясёшь?

– Чтобы убедить тебя. Медленней, капитан. Медленней. Они тебя ищут.

– Да твою мать!

– Тише. Сильно не горячись там.

– В смысле не горячись? Ты нормальный? Они! Эмму! Да сука!

– Что им от тебя надо? Корабль?

Константин криво усмехнулся.

– От меня им нужен я. А Небо, так, – сувенир. Мой прокуратор, хочет, чтобы я вернул Верну Старому миру, Тирхе

конкретно.

– А ты не хочешь?

– Я не хочу больше ввязываться в это. Они могут заставить меня? Я в ссылке, но я все ещё я.

– Ты капитан Неба по документам, так?

– Так, – подтвердил Константин. – Луи заверил это всё в Портовой, нас проверяли в мой первый день.

– Хорошо. Значит теперь ты работаешь не на Тирху, а на Новый мир.

– И что это меняет? У меня все ещё Тирхское гражданство

– Меняет, – возразил Людвиг. – Всё, кто прилетает на Верну, становится частью обитаемого неба, прошлое не важно. Если ты на Верне, ты больше не принадлежишь Тирхе, ты больше никому не принадлежишь. Люди из Старого мира бегут сюда за этим, мы с ребятами помогаем устроить им новую жизнь.

– Значит, я могу послать их нахрен?

– Можешь, – улыбнулся Людвиг. – Только не будь так резок. Третья дверь за трехголовой девкой. Я помогу тебе. – Пират хлопнул Константину по плечу. Он благодарно кивнул. – Удачи, капитан.

– Ты правда капитан Неба?

– Правда, – признал Константин.

Взгляд паренька сильно переменялся, в нём удивление мешалось с благоговением.

– А ты знаешь госпожу...

– Олег! – шикнул на него второй охранник. – После будешь автографы просить.

– И я не собирался, – тихо-тихо пробормотал тот и замолк.

Больше охранники не заговаривали с ним, встали столбами по трём углам комнаты, всем видом выказывая серьёзность ситуации. Вероятно, им было велено напугать Константина, но единственное, что его сейчас тревожило, это исчезновение Эммы. «Не нужно было её бросать, – с укором подумал Константин, – Хотя тогда и её тоже схватили». Константин чувствовал, как начинает закипать, это тихое ожидание ничуть не шло ему на пользу. Он должен найти Эмму и честно объяснить с ней, всё рассказать, а не как на входе. Думал нелепое признание привяжет ведьму? Она и слушать не захотела. «Она попросту испугалась», – догадался Константин.

– Долго ещё ждать, – он потянулся, – вашего господина? – и небрежно повёл плечами. Под пиджаком на сбруе у него имелся не только краденный пистолет из хором художника, но и Людвигов нож с крупной жемчужиной на рукояти. Стоящему по левую руку охраннику ни что не мешало разглядеть и то другое, и каплю брусничного соуса на лацкане, которую Константин посадил, спеша на «разговор»; и на размах плеч пусть полюбуются! Конечно, он немного сдал со

времен Тирхского генеральства, но размогнуть носы этим придуркам сил хватит. Губы его невольно растянулись в ухмылке достаточно бравой и хищной вполне. Кажется, он разучился улыбаться по-доброму. Разучился и вся беда.

– Скоро, – был ответ пустой и короткий, одно хорошо. Этот бравый наконец-то решился открыть рот.

– Славно, – ухмыльнулся Константин. – Может ты тогда, – он указал на нервно мнущегося у двери охранника, – да, ты. – Тот сглотнул, но кивнул. – Принеси чего-нибудь выпить. Четыре бокала. – Этим ребятам тоже не помешает промочить горло. А если откажутся – их дело. Пусть заметил, что Константин и о них подумал. Охранник сомневался. – На твой вкус.

Константин небрежно махнул рукой, мол чего ждёшь, и тот выскользнул за дверь, чтобы минуты через три вернуться с целым подносом красных бокалов. Константин взял один и протянул левому охраннику, тот недоуменно глянул, но всё же взял. «Таких людей, – подумал Константин, – отец бы держать не стал, и я бы не стал». Правый начал отнекиваться, а тот, что принёс угостил себя сам.

Красные пузырьки в стакане приятно лопались, напиток пах розами и немного кислил.

– За вас, господа! – Константин поднял бокал, там как раз оставалось на один последний глоток. – И за моё Небо, – добавил он, оглядываясь на третьего охранника. Тот слабо улыбнулся.

– Говорят, Молчаливому Небу нет равных, – осмелел правый охранник. – Но по скорости нашим кораблям он уступает.

– Небо, – начал Константин, – исследовательское судно. Мы изучаем небеса, а не гоняем подобно пиратам.

– Вот-вот, – закивал левый стражник, – Пираты, – выплюнул он, – никому жить не дают.

– А если не секрет, что именно вы исследуете? – подал голос, стоящий у двери. – Если тайна, я пойму, не нужно говорить.

– Ну, – протянул Константин. Он ведь сам в душе не ведал, чем занимается Эмма, но кое-чем похвастаться мог. – Сейчас мы тестируем радар бурь. Здесь был такой, но лет тридцать тому назад вышел из строя, – он повторил Эммины слова, и охранники вдохновлённо закивали. Пираты и бури вот главные вернские напасти.

– Я такое чудо не застал.

– Куда тебе! – усмехнулся правый стражник. Всем троим охранникам было на вид не больше тридцати, а тому, что у двери, и двадцать не дашь.

– И давно вы на Верне служите?

– Лет десять, наверно, – пожал плечами левый.

– Я пять, – отозвался правый.

– А я всю жизнь, – сказал стоящий у двери. – Ну не служу в смысле, – поправился, – живу. Родился на Стрельце.

– Солидно.

Наконец посол соизволил явиться. Разъехалась бесшумно пёстрая перегородка с танцующими журавлями, которую Константин принял за фотообои, довольно безвкусные, как для галереи. Посол, видимо, думал появиться из стены и тем произвести большое впечатление. Не получилось. Константин отставил свой бокал обратно на поднос третьему охраннику, и с улыбкой произнёс:

– Добрый вечер!

Посол повернулся. На широком загорелом лице смесь досады и недоумения. Впрочем, он довольно быстро сумел с ними совладать. Он был невысок, но очень крепок. Короткие волосы, ресницы и брови были до того светлыми, что казались совсем белыми. Одет он был в стандартную Вернскую форму, на поясе болталась резиновая дубинка, не исключено, что где-то под курткой припрятан пистолет. Только дурак явился бы без оружия. В общем, ничего примечательного, только загар. «Явно не Вернский, – рассудил Константин, – и прилетел недавно».

– Добрый, – отозвался посол. Глаза у него были хитрые, но не злые.

«Знакомая рожа, – подумал Константин. – Открой он рот минутой позже, я даже бы вспомнил как его зовут. Малек? Мингслей? Чёрт его знает!». Но человек заговорил глубоко и зычно, казалось, его голос проник в стены, оплёл галерейную балюстраду и, изливаясь, наполняет всю Южную, как она есть. И Константина оплетает, опутывает.

– Простите мне моё опоздание. Возникли некоторые дела. Олег? – Парень с подносом встрепенулся. – Что это у тебя?

– Игривое, – ухмыльнулся Константин. – Кислогато, как по мне. Подай ему! – распорядился он чужим Олегом, тот нервно дёрнулся с подносом.

– Благодарю, – фыркнул человек. – Так что, господин Кесаев, как протекают ваши странствия? – он пригубил бокал. – Вижу ядовитый норов Верны пришёлся вам по душе.

«Ядовитый норов. Пришёлся. Мне по душе, – покрутил про себя Константин, он уже отвык от всякого кудрявого пустословия. – На кой ему тянуть время?».

Отвык, не отвык – сейчас не время. Столько лет жил с лизоблюдам! Забыл? Так вспомни. Улыбку натяни и действуй. Один вечер не возвратит тебя на Тирху, капитан.

«Я не хочу, – наконец понял. – И не вернусь. Не из упрямства, не от обиды, а потому что та жизнь была не по мне. Пора обрести свою, капитан». Капитан? И сила разлилась внутри. Да, капитан. Если хочешь им остаться – делай что-нибудь.

– Пришёлся? – Константин изумлённо поднял бровь. – Верна, Мирек, – он вспомнил его имя и точно власть обрёл. – Ничем не хуже иных миров. Есть города и люди. Гении, – он развёл руками, точно намерился обнять всю галерею, все стены, все творения в ней, – и дурачьё, – случайно хлопнул ближнего охранника по куртке. – Отец учил меня защищать и тех и этих. И жить достойно, сколь бы ни был богат я или

стеснён.

– И чем ты тут живёшь? – Мирек утратил почтенное «вы» и чуть не добавил «разбоем?», но Константин и без слов это считал.

– Наукой, – широко-широко ухмыльнулся Константин. – Я, как тебе известно, служу капитаном на Молчаливом Небе. Помогаю госпоже Эмме исследовать тайны вернских облаков и всего, что под.

– Госпоже ведьме, – благоговейно выдохнул охранник.

– Достоинно, – хмыкнул Мирек. – Стало быть в науке все равны. Предатели, – он наклонил голову, – воры и шарлатаны. Занятно, что сказать.

– Вы Небо не клеймите! – робко возмутился охранник. – Они своё дело знают.

– К госпоже ни у кого претензий нет, – подхватил второй.

А третий лишь кивнул.

– Но мы, господа, говорим отнюдь не о ней. И рот вам раскрывать пока что не было велено.

– Строгий ты, – усмехнулся Константин. – Давай к делу теперь. Ты, как я понимаю, хочешь корабль, и чтобы я слушался прокуратора? Корабль сразу скажу принадлежит не мне и даже не Эмме. Корабль собственность небесного ведомства Нового мира. И я теперь, с тех самых пор, как стал капитаном, служу им.

– С чего ты взял?

– По документам. Показать? Прокуратор ясно дал понять,

что больше во мне не заинтересован ещё на Тирхе. И говорить с ним у меня нет никакого желания, Мирек. А будут вопросы, – Константин улыбнулся. Он умел улыбаться. – Я переговорю с представителями наших соседей, с Полисом, например. Слышал в зале есть такие. Позовём? Думаю, им будет любопытен план реколонизации Верны.

Мирек закипал, а Константин ухмылялся. Троица охранников жалась к стене.

– Изменщик, – процедил Тирхский посол.

– Я? – удивился Константин.

В зале грохнуло. Мирек махнул охранникам, те высыпали наружу. «Людвиг», – догадался Константин. Бал колонистов был безнадёжно испорчен, зато будет материал для вернских газет.

– Ты не можешь отказаться.

– А вам нужен человек, который будет рулить колонией из-под палки?

Примерно тут послу захотелось набить Константину морду, а Константину уйти, что он и сделал, увернувшись. Посол с размаху шлёпнулся на собственный стол. Он просто потерял равновесие и возможно сломал нос.

«Эмма», – прошептал Константин и бросился прочь из зала.

Он даже получил какое-то удовольствие от стычки с Миреком, точно доказал сам себе, что может как до Верны и больше не хочет. Это не слабость, а просто жизнь, которая

течёт, непрестанно меняя людей.

IV

– Эмм! – воскликнул он и перемахнул через забор, наплевав на расшикарный костюм, газон, чужие взоры и этикет.

Эмма стояла непринужденно, по крайней мере, попыталась встать. Волосы пусть лежат чёрным шёлком слева, нет, сзади. Платье хорошо, а вот содранные локти... Если бы она курила, то закурила. Она нелепо помахала Константину, мол, привет, я тут.

– Эй, всё в порядке? – он подбежал так близко, что мог обнять бы, и это было правильно – обнять. Но Эмма отошла к стене. Она кивнула. Кивнула и поправила волосы. Ей хотелось выглядеть непринужденно, хотелось казаться смелой.

– Как ты... – начал Константин. Он тоже замер. Это его искал тирхский посол, это из-за него Эмме пришлось... Только сейчас она вспомнила, что до сих пор держит туфли в левой руке, правой поправляет волосы. Это поэтому ногам холодно. Нет, просто холодно.

– Я из окна выпрыгнула, – прошептала она. Туфли стукнули каблуками о плитку и раскатились, благо, недалеко.

– Со второго?

Эмма кивнула. Тут невысоко. Первый этаж был скорее цокольным – полуподвальным. И на траву прыгать не страшно, не твёрдо почти.

– Прости меня.

– За что?

– За... За то... Меня увели... – признался он с неохотой. –

За то что тебе пришлось прыгать из окна и всё это... Бал этот... пираты, послы. Прости...

– Я видела, – тихо сказала Эмма.

– Уроды, – процедил он. – Меня Людвиг предупредил. Думал, на Верне таких уродов меньше, – он говорил нескладно и нервно. Эмма хотела добавить, что уродов повсюду много, но не стала перебивать. – Не в смысле, что Людвиг урод. Они уроды. Ну ты поняла.

– Да, – кивнула Эмма, поняла, ей наконец удалось обуться. – Домой пойдём? – спросила Эмма, потому что сейчас нужно что-то спросить, потому что молчать впервые страшно.

Он другим стал, героем в мраморе, в позолоте волос. Хотелось на плечи накинуть что-нибудь, хотелось в тень уйти, в тени спрятаться.

– Иди сюда, – он взял Эмму за руку, а она дёрнулась так будто Константин её подстрелил, и она сейчас рухнет куда-нибудь в клумбу эту, к примеру, хорошая такая клумба, чтобы свалиться туда в красном платье, потрёпанном, но роскошном. – Прости, я резко, да?

– Нет, – вздохнула Эмма. – Меня трясет.

– Ещё бы. Эмм?

– Странное чувство, – обронила Эмма, ей не хотелось го-

ворить, долго-долго объяснять не хотелось. Кэп поймал руку и легонько погладил пальцы. – Не злись на меня. Пожалуйста, – попросила Эмма шепотом. Но взрослые люди так не говорят. Не говорят. Боги, как же она не любила объясняться! Руки дрожат. Кажется... И голос глупый. И до чего нелепо так стоять!

– Я не злюсь. Честно! – он ухмылялся нахально и весело. – Может я сам был не прав.

Эмма фыркнула. С такой рожей неправоту не признают.

– Ну... – протянула она кротко, нужно мириться, а не опять... Да что с ней не так?! Он ведь неплохой, и плохого не говорит. – Пойдём уже, пожалуйста, – попросила она.

Ты не сбежишь от разговора. Никуда ты не сбежишь, потому что на Верне бежать некуда. Константин кивнул, и взял её под руку, точно она вещь какая-то! «Боги, Эмма, да что ж ты возмущаешь всё время? – подумала она хмуро. – Мне нравится, – Эмма легонько тряхнула головой, но мысли не вытряслись. – И так я не упаду».

– Слишком быстро, да? Я буду ждать если, нужно. Нужно, Эмм?

Ну почему это так нелепо? Почему ей нужно отвечать?

– Да, – наконец выдавила она. – Я не умею людям доверять.

«А пора бы уже научиться», – подумала она и даже без злобы. Просто пора. За этим прячется страх, выученный и старый. «Бесстрашной я никогда не была и точно не стану, а

вот храброй...» – Эмма стиснула его руку и ей стало полегче. Ей было больно, но кажется, это «больно» вполне зажило.

– Мне нужно рассказать тебе, на этот раз нормально. Эти люди, которые... ну тебя... Им я нужен. Я тогда, в тот день, когда... В тот день, когда Луи приволок меня на Небо, я сбежал из местного полицейского ведомства. Послал их к чёрту, сказал – надоели. Решил, лучше сопьюсь чем опять. А они отпускать не умеют. Меня, – он вдохнул глубоко-глубоко, – меня сослали... Правительство Тирхи хочет Верну. Моими руками. А Вернские власти хотят Небо. А мне надоело. Хочу летать с вами.

– Они отстанут?

– Не знаю. Я был убедителен, – он усмехнулся. – На самом деле, я думал, я думал, что с Верной... Отсюда нужно валить.

Эмма кивнула. С тем не поспоришь. Ядовитая Верна не убивает, но истощает.

– Я тоже думала, – она вздохнула. – Я думала... Пора её отпустить.

– Эмм, если получится, скажи можно, – он снова остановился, чтобы вдохнуть, – с тобой улететь?

– Да.

– Так просто? – улыбнулся Константин.

– Н-навечно. А почему бы... Да. Просто. Не хочу думать, почему должно быть иначе. Пусть будет так. Если улетим, улетим вместе.

– Признанья в любви ты принимаешь сложнее.

– Не смейся.

– Я не смеюсь. Эй? Я послу нос сломал.

Эмма прыснула.

– На всей Верне остался хоть один посол, с которым ты ещё не подрался?

– То были законники, – сказал Константин по-вернски. – Я не виноват, что они ко мне лезут. То есть виноват, наверно. Да пошли они!

– Боги. Знаешь на кого ты похож?

– На идиота?

Эмма покачала головой.

– В детстве мама читала мне сказку о золотом императоре. Ты на него похож. – Эмма вздохнула. Боги, сколько нежности в ней дремлет, сколько страха мешает дышать!

– Мне тоже читали, – кивнул Константин. Под ногами розовый гравий, ботинки забавно шуршат. – Это наша сказка. Старого мира, как ты говоришь.

– Он наша колыбель и наша память. – Теперь же голос не дрожал, почти красиво. Красиво ведь прозвучало? – Я... я... в детстве полюбила его. Хотела быть колдуньей, его женой. А может им самим, не знаю.

– Ты похожа, знаешь, на них обоих. Такая же смелая и умная.

– Ни черта я не умная.

«И всё время боюсь», – подумала она. В груди стало тяжело-тяжело от проглоченных слов.

– Ну да.

– Я люблю тебя, – выдохнул он обречённо. Будто это могло что-то значить. Последний кто любил её не так нежно, не так нагло, но тепло, но легко, но любил, отвернулся. Ни предал, ни бросил, просто не смог. И нет в том ничего плохого. Это все ядовитые Вернские облака.

Эмма молча приняла это признание, как принимала отговорки Луи, нотации Фета, как мамыны упрёки когда-то приняла. Ей было слизко от самой себя и от обиды, что никак не выходит, что совсем не проходит, тускнеет немного. Немного. Слишком медленно она выцветает. Постель была мягкая – легче лёгкого провалиться в простыни, провалиться и промолчать. Боги, боги и духи и демоны вернского неба! Ей б расплакаться. Кэп нежно, едва касаясь провёл пальцами по спине, вырисовывая тонкую линию позвоночника. Её трясло.

– Холодно?

Эмма промычала отрицательно, вышло жалко. Подумаешь переспали. Подумаешь не отстанет теперь. Сама разрешила. Зачем? А захотелось. Это слабость? Это глупость? Это?..

– Кэп?

И что она дальше скажет?

– Иди сюда, – он продвинулся ближе, – давай просто по-
лежим? Тебе не хорошо?

– Мне стрёмно. – В подушку всё же легче говорить. «Я
поступила так, как обещала себе не поступать» – нет, это-
го она не скажет. – Я... я дура. Мне слишком долго было
страшно. Боги! Я и тебе столько нервов... Чёрт! – она пнула
подушку. – Знаешь, что я так долго пытаюсь сказать? – Эм-
ма усмехнулась. Ей было не то стыдно, не то смешно. Боже,
неужели так сложно губами выдавить слова?

– Нет, – улыбнулся Константин.

– А то, – Эмма резко подняла голову, говорить в подушку
было как минимум неудобно, – что ты мне тоже нравишь-
ся, – закончила она почти что с вызовом, но больше себе и
онемевшему так не кстати горлу. – И мне, с одной стороны,
стыдно, что я так долго... не знаю обижала тебя? – Нет, не
так. Она ведь не хотела кого-то обижать, эти перепалки... –
Что мы ссорились, – она кивнула. Кажется, так правильно.
Эмма не хотела извиняться, за то, что она такая, какая... ка-
кая бы ни была. Ей было страшно и больно очень долго. Ей
было не до «нравиться», а главное не до «люблю».

– Мне тоже. Хорошо, что я настойчивый.

– Боже.

– А что? Нет что ли? Важное что-то?

– А? – не поняла Эмма.

– У тебя на коммуникаторе, – пояснил он.

– Нет, – отмахнулась. – От Эвы. От сестры. Она пишет мне

периодически. Нотации в основном. Хочет, чтобы я жила, как она живёт. Не хочу отвечать.

– Звучит похоже на моего отца. Это он был Тирхским генералом. Героем.

Эмма уткнулась ему лбом в плечо.

– В бурю их. Давай я выключу.

Константин приподнялся и протянул ей коммуникатор с тумбочки. Эва теперь писала нечасто, запомнила, наверное, про разницу во времени, кусочек релятивисткой механики, а может Дэвид разжевал. Он умеет хорошо разжёвывать.

– Столько дерьма, которое я не могу отпустить. Вроде и время прошло, а меня гложет.

– Смерть учителя?

– Не знаю. Люди умирают, это данность. Это факт.

– Эмм, если тебе больно – это нормально, что тебе больно.

– Ага.

Но больно ей похоже было по какой-то другой причине. Да...

– Расскажи про него. Ну, как его звали.

– Рогач Тимофей Владимирович. Смешная фамилия.

– Моя лучше.

– Ага, – Эмма цокнула. – Знаешь, – протянула она, – он любил говорить, что дома в столе у него есть волшебная книга, которая позволяет путешествовать между мирами. Книга младшего бога. Вроде как он с подружкой украл её из школы, в мире-как-наш. Что бы это ни значило.

– Он с моей планеты?

– Не думаю. Он просто шутил. В этих байках одна его подруга была принцессой, другая опальной чародейкой, крутившей шашни с тёмным колдуном.

– А с кем он шашни крутил?

– Не знаю. Официально он был женат на профессорке теологии. – Эмма положила ему голову на плечо и стало тепло.

Утром Эмма выскользнула из-под одеяла, оделась быстро и быстро ушла. Константин ещё спал. Так в общем-то проще – не нужно объясняться, смотреть на него не нужно. Ей стыдно – вот в чём дело! Боги, но разве это плохо? «Я разве предала кого-то? – спросила она, – Ни Дэвида, ни Рогача». Она только проверит почту, напишет Эве, что всё хорошо и выключит к чёрту компьютер, и сразу вернётся к нему.

«Странное вышло приключение», – Эмма рухнула в кресло, кресло скрипнуло и откатилось к столу. Где-то наверху в рубке Луи вел по радарам тяжелое Небо, вёл через тучи и Вернские дожди. Эмма тронула мышку. Монитор засветился зелёным. Луи... Опять не выключил после себя. В непрочитанных мерцало только одно письмо, то самое, пришедшее перед балом, ни Эвино, ни Дэвида, от заведующего центра космических исследований.

Эмму звали домой.

Глава 14

чернее чёрного

I

Облака плыли тихие – серебро, окаймлённое пурпуром. Луи плохо помнил дом, казалось, все его яркие и такие желанные картинки, как он сам их называл, были простой калькой с корабельных экранов, с Эмминых фильмов и слов. Даже сны о доме, напоминали, вывернутое Небо. «Если дом тот вообще был», – добавил бы Фет. Луи морщится. Был! Он будет и дальше упорствовать, и когда-нибудь Фет согласится. Страшно, но похоже именно *дом* и разделяет их с доктором. Если бы хоть один отступил... «Был», – сказал Луи, вкладывая всю свою силу в одно тихое слово. Но какие дома облака он не помнил, а временами, кажется, и не знал. Всё его прошлое точно вытрясли, зачистили без жалости. «Так бывает», – объяснял Фет. Ну и что с того, что бывает? Ему, Луи, это «бывает»... Лучше бы обнял! Боже. Луи замер и понял, что забыл дышать, забыл высматривать бури. Забыл и просто сидит, бессмысленно пялясь в хитрый экран. Вот сиди и пялься! Луи воровато огляделся, но в пустой рубке никто не появился, некому ловить его за руку и отчитывать за невнимательность... «Поймут, что я облаках летаю вместо того что бы лететь...» – Луи стало грустно от такого каламбура, он взялся за рычажок и без особых усилий увернулся от маленького бурового хвоста.

Да они ж знают все трое: и Эмма (как Эмме не знать?) и кэп – сам ведь проболтался! и Фет, он не дурак, чтоб не заметить, не догадаться, когда к нему лезут вот бессовестно и порываются поцеловать. Почему сразу не выгнал? И неужели ни в одной вероятной вселенной он не мог ответить на поцелуй?

Тогда все и испортилось? Или раньше? Или потом? Луи так и не понял, где оступился, в чем провинился, чем обидел доктора. А может он просто недостаточно для него хорош? Фет взрослый, а он мальчишка. Неужели дело в этом? В чём вообще дело?! Дисплей высвечивал какую-то муть с левым двигателем, после всех ремонтов Небо немного кренилось, а тут ещё, как назло, новый очаг вызревает. Проклятье! На минуточку ж отвлёкся! Но Луи знал, что с этим делать. За время пребывания на Небе он сделался хорошим пилотом.

В тот день злополучный день-поцелуя кэпа с ними ещё было, Луи и сам всего как месяц попал на Небо и обжился как. Он трудился, ха! Пахал по две смены просто затем, чтобы доказать, что хоть на что-то годен, что он не только воришка с блошиного рынка, что может, может быть им полезен. Он ведь и в механизмах шарит, и с управлением с ходу разобрался, будто уже водил корабли... и картошку чистит, и готовить умеет не то, чтобы сильно вкусно, но съедобно вполне. Станционные воришки не только воровать горазды! В свои семнадцать, тогда ещё в шестнадцать ему довелось работать грузчиком, уборщиком, мойщиком посуды, подма-

стерьем механика, сапожника и даже агронома с большим секатором, но нигде, увы, он не задерживался надолго, точно какая-то неведомая сила, толкала его в спину, нашептывала тихо и упорно: уходи. И он бежал, подхватывая старый рюкзачок, а потом случилось Небо и доктор Фет, и Луи понял, что пропал.

В тот злополучный день он по обыкновению решил заглянуть к доктору в перерыве. В его каюте было тихо и очень темно. Луи даже подумал по началу, что у Фета что-то проводкой. Подумал о ящичке с инструментами, который остался в машинном, и о стоимости новых ламп и проводов, выходило много, по крайней мере больше, чем у них с Эммой было на тот момент. Тогда они жили бедно, не беднее рыночных попрошайек, но для свободных, так звали на Верне всех странствующих на собственных кораблях, всех — от дураков до пиратов, плоховато. Луи это сразу заметил, заметил также, что и работы на корабле было явно больше, чем людей, способных её выполнять. Они зашивались. Управляться с таким кораблём без команды — немыслимо. В том и был его шанс. Луи умел видеть возможности. Такой вот талант. К нему бы ещё везение! Впрочем, попасть на борт Неба тоже удача. Этого Луи не отрицал и по-прежнему опасался, что его вот-вот выгонят. Он быстро и безошибочно понял, что корабль Эммин и решать только ей, но Эмма ему сразу понравилась и к мнению доктора она прислушивалась, а с доктором они как-то поладили. Луи умел выбирать людей, кто

не умеет, тот долго не живёт, такая вот жестокая выучка.

Доктор удивлённо поднял голову, глянул, хмыкнул, продолжил читать.

– Почему у тебя темно так? Сломалось?

– Нет, – мотнул головой Фет. – Привычка.

– А-а, – протянул Луи и сел напротив, его не приглашали, но можно же? Доктор, кажется, не возражал, он его и не замечал, кажется. – У меня свободное время, – объяснил Луи, точно извиняясь. – Эмма не говорила, что делать, ну когда...

– Отдохнуть, – вздохнул Фет. – Обжился?

– Да. У вас хорошо! Мне нравится! – Луи и сам не понял откуда в нём столько энтузиазма, ещё пару минут назад сил едва ли хватало, чтобы сползти со ступенек, а лесенка-то из рубки короткая. – А тебе?

Доктор поднял одну бровь.

– Да, тоже.

«А я нравлюсь?» – подумал Луи, как работник, конечно, спрашивать вслух не решился.

– Эмма сказала, ты толковый пилот, – просто сообщил доктор. Луи почувствовал, как у него багровеют щёки. Толковый пилот! Надо же! – Летал раньше?

– Неа, – он радостно мотнул головой, волосы упали на лоб, Луи попытался их сдуть. Фет очень странно глянул на него. – Я подстригусь, если надо. Надо, да?

– Что?

– Что? Или ты про полёты? Я на самом деле хреново помню, что было до... Ну вообще всё детство. Точно мне сразу пятнадцать стукнуло и сразу на улице.

– Амнезия?

– Ага.

– То есть, что такое амнезия ты знаешь?

– Я много чего знаю! – сообщил Луи и поспешил заткнуться.

А потом он сделал самую большую глупость, на которую только был способен: приподнялся, отпихнул скрипучий стул и, глядя доктору в глаза, быстро-быстро, чтобы не передумать, чтобы не успеть подумать, вдохнул, сбил локтем пустой стаканчик для карандашей и поцеловал Фета, поцеловал и отшатнулся. Нелепо и быстро коснулся губами губ. И задышал быстро-быстро. Застыл, не поднимая глаз.

– Эмм, – спросил он после, – а у Фета ведь нет никого? Женщины в смысле или... – он не решился сказать «мужчины», ведь это б значило признаться. Нет, он не мог.

– Нет. У него была семья, – Эмма говорила отрывисто, слова иголками кололись в пальцах. Луи сжал губы, Луи вцепился в кресло. – Жена и дочь. Они погибли, – Эмма перещёлкнула программу, – на Стрельце.

– А-а... – «Я дурак. Я дурак! Я идиот, – Луи попытался оторвать хотя бы одну руку от кресла. – Он же... я...». На такое люди обычно говорят «сожалею», «ох, блять» и «какой ужас». – Я поцеловал его, – выдохнул Луи и стукнулся

головой об стол.

Эмма, кажется, успела подхватить мышку и маленькую коробочку с зондами.

– А он? – просто спросила Эмма. – Похоже не в восторге. Прости. Я... – она понятия не имела, что говорить.

– Мм., – промывчал Луи, не поднимая головы. – Ты права.

И снова он не придумал ничего лучше, чем постучаться к Эмме.

II

И вот с какой-то возмутительной садистской радостью Эмма отметила: год прошёл. Ровно год назад согласно вернскому летоисчислению началось её плавание по этим ядовитым облакам, а через пару месяцев узнается, что недомогания Тимофея Владимировича – это не вздор, Эммочка, что ты без дела хмуришься, нам работать пора. «Ну может...», – просила она. Рогач улыбался. И ничего. Ничего она не может.

«Смешно до жути», – сказала Эмма створкам шкафа. Ей очень-очень хотелось умыться. Она сунула консилер и круглую плашечку перламутровых теней в задний карман. До двенадцати ещё... Не двенадцать ещё. Она шла по коридору, изо всех сил стараясь не шуметь, не бежать, только бы не заметили. Боги, как ей хотелось, чтобы Дэвид заметил, чтобы он вышел сейчас, вон оттуда, сейчас. Эмма нырнула в ванную, открыла кран. Она забрызгала майку. Не сильно. «Может всю намочить, чтобы стала чернее?» – подумала Эмма с досадой. Почему-то самыми чёрными вещами в её небогатом вернском гардеробе оказались серая майка, серая кофта и синие штаны.

«Думаешь я не справляюсь?» – Эмма отвернулась, поправила штаны, одёрнула кофту, кольца выровняла, чтобы камни по центру пальца, чтобы симметрично; волосы заки-

нула назад, лишь пару прядей оставила, чтобы уши спря-
тать. «Я справлюсь», – сказала она сама себе. В зеркале
отражалась какая-то жалкая дурная девчонка. Эмма до-
стала из сумки консилер, помазала под глазами, растёрла
пальцем. Стало чуть легче. Она уже меньше походит на
труп. Когда-то был мультик: там ходила вот такая дев-
чонка, она была призрак. Эмма стиснула консилер и, ка-
жется, поцарапала ладонь ногтями и, кажется, он треснул
и, кажется, выпал и, кажется...

«Ты же с телом своим справиться не можешь», – заме-
тил он незлобно без усмешки, просто заметил, как заме-
чают утренний дождь, кошачью шерсть на черном паль-
то, новую стрижку старой знакомой. Не вошёл даже. Эм-
ма не запирала. Она посмотрела на дверь: да, дверь не за-
крыта. Вот защёлка, вот! Свет льётся из коридора жёл-
тый и тусклый, точно тонкая струйка грязной воды из
бабушкиного крана. Ей было противно собственное тело
опухшее, оплывшее, тяжёлое и склизкое. Серенькая май-
ка, штаны-для-выступлений, и кольца. Эмме казалось, что
эти кольца звенят, как колокольчики на корове.

«Иди к чёрту, – подумалось Эмме. – Там тебя ждут», –
подумалось зло. Она посмотрела в зеркало, но не увидела се-
бя. Посмотрела, но не увидела. Провела рукой по стеклу, по
холодному, по забрызганному, в мелких пятнышках зубной
пасты. Посмотрела... Кто его должен был мыть? Посмот-
рела, поправила кофту, одёрнула брюки, потрогала кольца.

Сознанию не за что уцепиться. А может выбросить эти чертовы кольца за борт в вернские облака, в бури и тишину. Звенящие кольца. Поправила кофту. Дэвида нет в коридоре. Поправила брюки. Сколько там до полудня?

«Эмма!» – раздалось отчётливо. Она вышла, никого не было.

«Лечись», – сказала себе Эмма. «Лечись!», – повторила, шагая к буфету. Как солдатик шагая. «Лечись». И с каждым приказом, бездушным и жёстким, ударом, ожогом, уколом, укором... И с каждым ей делалось хуже и гаже, а лампы тускнели. В буфете сидели люди. Сидели и говорили, а на столе стоял гроб. Так долго искали. На Верне другой похоронный обычай. Так долго. Нашли? Заказали, так Эмме сказали. Когда вернулась, не с Южной, на Южной-то прощ. Один корабль к Южной, один корабль, другой корабль. Она сказала, что будет искать? «Я не говорила», – точно помнила Эмма. Это отмазка. Не важно. Важно. Что важно? Эмма вошла, но сесть не смогла. Стол, за которым... на котором печенье, ломкое с красным кружочком варенья, хрустящие вафли, кофе на завтрак, все сидят рядом, болтают: какие там планы, а нет никаких. Эмма упала, на стул, что подставили рядом. Думали места не хватит, хватило бы ещё на десяток таких же понурых. Только доктор стоял, не садился. Длинный и бледный. Люди на Верне были повыше, были бледнее. Эмма сама уже стала как скатерть, на столе тоже белая, белая, цвет разведённой извести. В

школе им говорили, как правильно воду..., как красить стволы щербатых орешиников. Эмма потрогала кольца. Пальцы на месте, Эмма на месте.

«Ну что? Уже время», – подал голос...

Эмма смотрела вскользь. Ей двадцать пять, ну чуть больше, по Вернским меркам... астрономический год... Эмма забыла какой там сдвиг. «По фазе», – подумалось горько. Забавно, однако, за двадцать пять лет она ни разу не видела трупов, то есть на похоронах не была.

Труп выглядел трупом. Желто-ужасный, всё стало жёлтым и мерзким, в прожилках прогорклой бирюзы, как вены под кожей, под кожей не... Не смотри, раз не можешь. Эмма посмотрела на пол. Эмма не плакала, она не понимала, почему ещё не плачет. А потом вышел кто-то, кто знал, как говорит бог. И люди встали. Вставать около дивана неудобно, колени ровно не разогнёшь, потому что близко. Мысли носились так быстро, что Эмма уже просто не понимала. Она падает, падает со стула, падает лопатками на пол. Падает. Падает. Падает.

«Небо было добрым к нему», – сказал кто-то из вернских. Эмма не слушала. Как такое можно слушать?

Гроб упал в облака. Так почему-то надо. Они скинули тело из Неба в небо. Эмма сидела на стуле и грызла кусок круглой лепёшки, потому что круглые лепёшки надо грызть, тогда души... Эмма прикусила щёку. Она плакала, а больше никто не плакал. Она посмотрела на Дэвида, он сидел через

стол и три блюда, через бокал и супницу. На Верне есть супницы, но нет гробов. Потому что есть супы, но нет кладбищ. Она хотела, чтобы Дэвид взял её за руку, чтобы погладил пальцы. Эмма спрятала руку. Дракон, замотанный в плёнку-пелёнку, болел. Его нужно было выпускать на воздух, чтобы повреждённая кожа дышала, чтобы заживала. Эмма боялась размотать руку, боялась, что кто-то увидит, поймет, чем она занималась, что спряталась, что сбежала. Сбежала татуировку бить. Сбежала. Корабль летел медленно, а может просто висел, не двигался, замер, застыл, всё. Тут и будем жить. Эмма чихнула и вытерла нос рукавом. Хуже некуда. Она даже до салфетки дотянуться не могла. Руки не поднимались, окаменели, приросли согнутые, а может просто некто невидимый пристрочил рукава к бокам. Эмма чихнула ещё раз и откусила лепёшку. На той стороне стола Дэвид поднял рюмку. Эмма попыталась взять свою. А потом он заговорил, а она не смогла, а потом заплакала, а потом укусила лепёшку, а потом люди долго-долго, а потом...

Тело падало долго. А потом упало. Потому что так, работает гравитация. Потому что работает. Эмма не могла работать. Эмма лежала и плакала, смотрела на руку и плакала, прятала руку, не открывала, когда стучали. Когда стало сильно больно, она разыскала доктора и попросила успокоительное. Доктор, Фет, понятно, что доктором был Фет, кто ещё? Доктор, то есть Фет, доктор сказал: закон-

чилось. Заставил снять кофту, дал мазь от контактного дерматита, и почему-то сказал, что прощает.

Эмма просто не смогла выкрутиться, не смогла выдернуть руку, а сбегать от доктора, когда тебе двадцать пять или больше уже, но без разницы, сбегать от доктора, когда ты научный сотрудник, когда в экспедиции, когда вы оба на борту треклятого дирижабля... Да куда тут в общем-то сбежишь? Доктор был так холоден и так спокоен. Доктор говорил строго, точно всех призраил, доктора опасались, доктор простил Эмму, точнее просто не наорал.

«Падать в небо, наверное, страшно, – думала Эмма, – падать страшно». Она проводила, едва касаясь подушечками пальцев, по стенам, по люку. Она могла, она могла бы! Будто сложно открыть и выйти?! Эмма слушала, как они собираются прочь. Как непросто теперь. Какими будут неустойки по гранту. И никто не заплатит. Мазь от контактного дерматита щипала, но это не больно, больно, когда жжётся, когда раненная по дурацки кожа, всё время замотана, запрятана. Когда стыдно от самой себя. Когда хочется отрубить эту руку. Но лучше всё тело. Просто выйти из этой кожи, из этих тряпок. Всё это время она ходила в серой кофте, которая не чёрная, и в синих штанах, которые тоже не чёрные, и не снимала, и не меняла, и не мылась. Эмма попыталась вспомнить сколько, чтобы устыдить себя, чтобы загнать это жалкое тело в белую душевую с большим зеркалом. Какой эстет упибал зеркало в ду-

шевую? Вышло три дня. Нестрашно, по сути. В походах... в походах Дэвид всегда грел воду. Эмма решила, что прожжёт и четвёртый.

– Эмма, – позвал её доктор. – Эмма, я прав? – спросил доктор.

– Вы правы, – сказала Эмма. А я не права.

– Конечно! – обрадовался доктор. – Конечно! – повторил совершенно счастливо.

Эмме вспомнилось, что людям необходимо верить в собственную правоту, по крайней мере так Эва говорила, это как потребность, потребность в безопасности. Эмма была более чем уверена, что где-то напутала. Эмма всё топталась у люка. Что доктор здесь делал? Доктор застрял на корабле со всеми. «Ждёт станцию, – решила она, это было бы логично. – Ждёт станцию, чтобы сойти».

Доктор стоял и улыбался.

– Всегда говорил, что у меня хорошая память на имена и на лица, – сказал он. Эмме, в сущности, было плевать, но она кивнула, потому что хорошая память – это вроде как хорошо, и если человек счастлив, то с ним надо порадоваться.

– Вы что-то хотели? – спросила она, потому что ещё не много и стена, большие вжиматься некуда, а доктор смотрит, точно хочет просветить её кости без рентгена. Она, кажется, ещё улыбается, а может и нет уже? Может.

– Да, – доктор наконец отвернулся, потому что в даль-

нем коридоре что-то грохнуло. – Да, – повторил и снова уставился.

Эмму трясло, её бесило это чёртово ощущение загнанности, этот узкий чулан у люка, этот длинный доктор, похожий на зверя и на маньяка, а ещё это было очень волнительно, в самом тупом из смыслов. Ей хотелось, чтобы он наконец наклонился, чтобы коснулся. Чтобы... Нет, ей просто хотелось, чтобы хоть кто-нибудь пусть и этот мало-знакомый доктор её обнял и пожалел.

– Вы остаётесь на Верне?

– Да, – просто ответила Эмма, всё внутри у неё было каменным, заиндевелившим. – Я продолжаю исследования.

«Дура ты трусливая, – усмехнулась она со злобой. – Исследования, конечно! Ты просто... просто», – она не могла признаться даже себе. Не могла. Эмма всё смотрела на люк. Нет, падать в Вернские облака совсем не страшно, только выйдешь и задохнёшься.

– Я бы хотел попросить вас, – раздался голос доктора. Эмма вздрогнула. – Вы не позволите мне пожить ещё какое-то время на этом корабле?

– Живете, – махнула рукой Эмма. Она почему-то знала, что доктор попросит, точнее думала, что он уже попросил, не её, конечно, зачем её просить?

– Спасибо. Я не помешаю.

– Ага.

– Но позвольте говорить честно... – начал доктор.

– Можно на ты, – прервала его Эмма. Ей надо было кивнуть – позволяю, она кивнула. Доктор улыбнулся. Улыбался он крайне сурово, наверное, по-другому не выйдет, если ты родом отсюда.

– На что вы собираетесь жить? – спросил он прямо. И Эмма улыбнулась его жестокой прямоте. – Финансирования, как я понимаю, у вас не будет. Ваши услуги... Не думаю...

– Знаю, – закончила Эмма. – Наши... мои конкретно услуги, – я учёный, повторила Эмма, учёный, – Верне не нужны. Но, – она глубоко-глубоко вдохнула, – корабль полностью автономный. Небо не требуется топливо, не требуется подзарядка. Питьевая и техническая вода вырабатывается из атмосферы.

– Получается только еда, – заключил доктор.

– И лекарства.

А это он должен был сказать.

– А что вы ещё умеете?

– Переводить и редактировать статьи, ездить верхом, гадать. – Невероятно полезные умения, особенно для планеты с одним языком и без лошадей. – Я не вернусь туда. Знаю, так было бы лучше, так было правильно. Знаю. Но не могу.

– Эмма? Эмма? – повторил он. – Я не заставляю вас. Я помогу вам, буду лечить людей за деньги, как уже лечил.

– А я?

– А вы разрешили мне жить на вашем корабле. Только с документами нужно будет разобраться.

– Хорошо.

«Нужно так нужно», – подумала она тухло.

– Как кстати рука?

– Н-нормально, – Эмма испуганно глянула на доктора и закатала рукав. Кожа выглядела сносно.

– Хорошо, – кивнул доктор, легонько касаясь холодными пальцами кожи у отворота рукава. – И краска не расплылась. Значит, коррекция не требуется.

Он так легко говорил об этом! Об этом можно говорить легко?

– Д-да.

– Ещё день не мочите, и все будет хорошо, – с этим он развернулся, и Эмма осталась одна напротив люка с закатанным рукавом.

Есть на корабле кусочек темнее тёмного, чернее ночи, тоски чернее, за машинным, "тихая лаборатория". Эмма там не работала, потому что не умела, сложно уметь, там работал Рогач.

III

Эмма встала, потому что задница отвалится так долго сидеть. Она беспокойно обошла стол, подвигала кресло – ровнее на получилось. У входа в лабораторию топтался Луи. Его нужно было пустить.

Они встретили Луи через пару месяцев после того... Ну понятно после чего. Эмма успела привыкнуть к одиночеству и чертовой куче работы, к ворчанию и педантичности Фета, к тому, что руки зачем-то надо прятать. Длинные кофты и шали, рубахи, перчатки по локоть – иначе нельзя. Если кто-то на этом пустом и огромном корабле увидит дракона, мир определённо рухнет. Просто рухнет без причин, но навсегда. Как падало тело в открытое небо, так всё живое упадёт. «Прячь!» – запомнила Эмма. Она даже в зеркало на себя старалась не смотреть. А ещё она знала, что это называется обсессивно-компульсивный синдром, когда безумные мысли, безумные страхи и ритуалы псевдовольшебные, чтоб их загасить; и что лучше от её прятаний никому не будет. Жаль, между понимать и чувствовать места столько, что можно слона упихнуть. О доме Эмма первое время не думала, точно исчез, точно кроме корабля у неё ничего не было и за его обшивкой ничего не было, даже станций и планеты, и космоса, а бури на приборах это про-

сто условия новой жизни, её прямая и единственная обязанность.

Дни тогда текли медленно. Ни закатов, ни рассветов на Верне не было. Астрономические сутки планеты, если совсем точно, делятся здесь триста шестнадцать дней солнечного мира, Нового Эмминого мира, или триста сорок семь – Старого, того, откуда спустя семь месяцев придёт Константин. Привычная к солнцу Эмма совсем перестала чувствовать время, такое плотное живое всегда оно стало ничем, изнуряющем маршем по темной пустыне, ожиданием ближайшего ничего. Доктору Небу нравилось. Он быстро освоился.

Эмма выглянула. В коридоре по обыкновению царил полумрак. Луи жался к стене.

– Эмм... Можно?

Она кивнула. Открыла по шире дверь. Воспоминания мерцали перед глазами, превращая коридор в не коридор, в другой коридор, в этот же, но в прошлом, когда тут ещё ничего не мерцало, а все светильники работали. Эмма прошла немного, прошла во тьме. Прижалась лбом к холодной стеклянной двери, а в ней как в зеркале отражался весь лабиринт дверей и памяти. Сырой раной вздёрнутый, взорванный. Ты слишком долго его прятала. Пряталась. Пора бы наконец посмотреть. И Эмма не позволила себе отвернуться, зажмуриться не позволила. В холодной черноте стекла дрожало её собственное отражение, её лицо и руки, не прикры-

тые. После бала и красного платья прятаться не хотелось. После капитанских объятий. После...

– Эмм, – позвал её Луи. И морок растаял, коридор был просто коридором.

«Мне нужно было вспомнить, – прошептала Эмма. – Мне нужно было время. И Верна дала его мне». Дурнота отступила.

– Вы снова поссорились с Фетом? – прямо спросила она, вернувшись. Луи ждал. А ещё Луи ждал, что всё разрешит, придумает как надо, убедит Фета. Но Эмма могла только быть рядом, как не были с ней.

– Эмм, а ты на чьей стороне? На Фета, да? Или... – он даже сказать «на моей». Смотрел и смотрел – ребёнок, недополучивший любви. А просить её страшно, но об этом Эмма судила по себе. Может потому они так и тянулись друг к другу? Мальчишка-вор и взрослая ведьма, бывшая когда-то учёной.

– На твоей. – Эмма точно знала, что так отвечать нельзя, что это так по-детски делить стороны, тем более, когда вы все на одном корабле болтаетесь. Это может рассорить их с Фетов ещё больше. Куда больше? «Ведьма», – она хмыкнула. Ну ведьма, да. Ведьма с грустью заглянула Луи в глаза, кажется, всё правильно она сказала. Кажется...

– Тогда скажи честно, он меня не полюбит, да?

– Да, – Эмма не успела подумать, и её «да» обрушилось им двоим на головы, да прозвучало веско как на сеансе, только

без платы и карт.

Луи кивнул, понурившись.

«А ведь могла и соврать», – запоздала поняла Эмма. На сеансах она не врала. То есть... прикидывать ведьмой уже... уже как бы ложь. Люди приходили с верой, а она орудовала этой верой будто стамеской какой-то. Нет, она старалась говорить если не правду, то... ту... ту правду, которую открывали карты. И люди с радостью принимали её.

Глаза у Луи покраснели, а кончик носа стал малиновый.

– Мне нужно было, – он всхлипнул, – услышать, – всхлипнул, – от кого-то ещё.

Здесь можно было подвинуться к нему и шепнуть что-то пустое и обнадеживающие: «всё будет хорошо», «может подождём ещё?».

– Это, не потому что я дурак? – он, наконец, поднял голову и резко перебросил волосы назад, почти с ненавистью. Эмме захотелось погладить его по голове.

– Ты не дурак. – В который раз она это говорит? – И Фет так не считает, он боится за тебя. – Боги, ну и глупое же оправдание! Жаль, что так и есть. Столько боли готовим друг для друга, потому что иначе страшно. Накричать всегда проще... – Он хочет, – Эмма вдохнула глубоко-глубоко, но воздух всё не усваивался, – чтобы мы всё были реалистами и чистили картошку.

– А ты не умеешь, – Луи слабо улыбнулся.

– Да умею я, – вздохнула Эмма, – просто не люблю. Толь-

ко не говори ему. – Ну что за мелочный заговор? Подмигни ещё. – Я не думаю, что Фет готов хоть кого-то сейчас полюбить – «так как ты этого хочешь» этого Эмма не добавила, а Луи ждал. – В романтическом плане. – Она отвернулась.

«Стыдишься или трусишь?» – этого Эмма тоже не знала.

– Потому что его родные умерли? – протянул Луи. Эмма кивнула. Нет, она не знала наверняка, скорее всего и сам Фет не знал, и даже не чувствовал, он попросту заостенел в собственной боли, и решил, что больше счастья ему не положено. – Мои тоже, – почти обиженно добавил Луи. – А я могу. Знаю-знаю, мы разные люди... Может это потому, что я их не помню, а он, напротив, помнит очень хорошо? Может потому что у меня нет дома, нет и никогда не было, и я выдумал себе невесту что и так хочу в это верить! Цепляюсь малодушно. Нет чтобы отпустить и пойти чистить картошку! – он повторил про картошку, он её слушал. – Я просто хочу домой. А он у меня его отнимает. Хочу, чтобы меня любили... Не только как ты, Эмм. Я знаю. Я очень... – он покачал головой. – Я просто воришка с блошиного рынка.

«У меня тоже нет дома. И, кажется, никогда было. А если и был, то я сама все перепортила» – сказать так – обесценить всю Луину боль. Разве сытая девочка из хорошей семьи, с образованием и средним окладом может так говорить?

– Мы тут все... – Эмма задумалась, ничего верного в голову не приходило, – потерянные, – сказала она. – И я, и кэп, оставшийся без своих геройский погонов, особняков и

по чему там ещё он плакал? – Луи пожал плечами – И Фет, – закончила Эмма тихо. – Хорошая команда подобралась.

– Ага. Но ты можешь вернуться. У тебя там сестра.

– Да, – кивнула она зачем-то и зачем-то добавила: – Эва, – голос дрогнул и вместо имени вышел плевок.

– Вы не ладите?

– Нет, мы дружили, – не задумываясь, ответила Эмма. Это настолько привычно, настолько очевидно, что как-то иначе и быть не должно. Луи непонимающе глянул, а затем кивнул. Дружили. Только я завидовала ей всё детство, хотела, чтобы родители любили хотя бы также, когда поняла, что не выйдет, решила сбежать. На другую планету. Что ж, удачно. – Она никогда не понимала меня, всю жизнь хотела переучить. И я сбежала.

– Эмм, а ты хотела бы назад?

– Я... – Эмма запнулась, в горле стало колко и холодно. Хочешь? Он точно хочет. Для Луи дом – спасение, грёза. Ни яд, ни злоба вместо тепла. Ни лёд, сломившийся под ногами, ни нож в момент признания. Только вот провести жизнь в ядовитых облаках?..

Луи прочистил горло и выдал на одном дыхании:

– Эмм, я должен тебе кое-что сказать! – он посмотрел так виновато и снова заговорил: – Там тебе на почту пришло письмо. – «От Эвы», – подумала Эмма устало. – От Карлионского.

– А-а. Точно.

– Н-не знаю. Я прочел. И в спам отправил. Случайно. Честно. Я восстановил потом. Там... там в общем, они предлагают тебе корабль. Хотят, чтобы ты вернулась домой.

– От проректора, – вспомнила Эмма. Мысли сделались неподъёмными. – Корабль...

– Ты об... – начал он тихо-тихо, но оборвал сам себя и выпалил: – Возьми меня, пожалуйста! Я хочу в солнечный мир.

IV

Константин застал в Эмму в столовой, хотел сообщить, заходя, что мол взлетаем. Хороший предлог, по существу так. Толкнул дверь, там не заперто было, Эмма всегда на сеансы не замыкает, но притворяет чуть-чуть, чтобы люди знали: ждут. Толкнул, и по громкой связи голос Луи: «Ну что, господа, сядьте ровно! Взлетаем». Корабль тряхнуло, да так, что Константин едва не рухнул с прохода на стол.

– Твою мать, ты как? – спросила Эмма, подскакивая.

– Мм... – бестолково выдал Константин. – Порядок.

Где-то в рубке ругнулся Луи. Эмма упала обратно на диван и снова взялась за карты, но она их не выпускала.

– Тебе погадать? – Эмма безучастно тасовала карты. – Смотрела кое-что для себя. Мне кстати... – прошептала она, – нужно...

– Я чайник включу.

– Ага, – Эмма всё перелистывала колоду. – Он пустой наверно.

– Сейчас всё будет. – Константин с довольной ухмылкой ломанулся к фильтру, подставил чайник под кран, не глядя. Насос урчал в большом бутылке. Константин не успел выключить, и вода полилась через край, оплескав его свитер, штанины и пол.

– Тряпка где-то в углу, – сказала Эмма. – Я тоже постоянно... разливаю.

А потом она встала, бросила карты на стол, выскользнула из уголка, и прижалась к его спине. Константин так и застыл с открытым чайником.

– Прости, – сказала она, отходя. – Дурацкий день сегодня. Не понимаю, как его дожить.

– И ты за это извиняешься? – он улыбнулся и, улучив момент, поставил чайник.

– Нет, – Эмма мотнула головой. – За то, что нагрублю все время. Прости.

Он повернулся. Чайник щёлкнул, моргнул красным глазом. Константин протянул руку. Эмма вздрогнула, казалось, вот-вот исчезнет, не сбежит, так проскользнёт сквозь стену.

– У тебя изолента на гребешке.

– Это с машинного. – Она тряхнула головой, пучок распался, и деревянный гребень упал на воротник. Эмма поймала его не глядя, точно ни раз уже проделывала подобный трюк.

Константин подумал: «У нас всё может быть хорошо», но чтобы не пугать сказал чуть проще:

– Давай пить чай.

– Хочешь тайну? – Эмма подула в кружку.

Он кивнул:

– Давай.

– Я вообще-то не особо люблю кофе. Как бы кофе и кофе.

Могу и не пить, – сказала она как-то грустно – обманчиво бесчувственный тон, точно нет за её чернящими глазами человеческой души, только старая магия. Оно и ясно, почему люди верит её гаданиями, почему самой Эмме верят. Стать бы ближе, на шаг. Константин немного наклонился к ней. Эмма инстинктивно отпрянула. Всё это было так тихо, так быстро и незаметно. Поняла ли что, сделала? Знает ли зачем?

«Я вот не знаю», – думал Константин. Кофе, который она варила, обжигал язык, как она говорила: намешать чёрного огня... И между тем было вкусно. Сахар Эмма не добавляла. Константин не удивился бы, если выяснилось, что она не знает где такое лежит. Она не гладила вещи, не слушала музыку, избегала людей, а деньги больше считала, чем тратила. Казалось, она может обойтись без всего.

– Но я люблю его варить. Почти что магия... – она пожала плечами. – Я бы хотела быть ведьмой. Правда. Растирать травы в ступке, беседовать с духами леса, танцевать в лунном свете. В Новом свете, знаешь, кстати, целых три луны. Одна большая – Тори, и две маленькие, они не круглые, как у вас, изломанной странной формы, точно сплюснутые картофелины. Иногда мне кажется, что магия действительно есть. – Она наклонилась и последние пряди выскользнули из косицы. Эмма равнодушно тряхнула головой. – Что все эти штучки, – она провела над столом рукой. Константину почудилось, на мгновение, боже, всего лишь, что карты да свечи вот-вот поднимутся, уже... сейчас! и устремятся к её

ладони. – Весь этот мусор шутовской что-то значит. Карты... запахи, свечи... мерцанье ламп. Мы дурим себя.

– А может не дурим. Если это держит, помогает, то почему бы и нет? – он улыбнулся. – У Верны есть спутники?

– Отчаяние, – хмыкнула Эмма.

– И безнадёжность, – добавил Константин.

– Да нет, – она улыбнулась. – Отчаяние – это имя Вернской луны.

– Ей подходит.

– А сама Верна когда-то была Верой. В легенде.

– Ты думаешь, я нарцисс? – вдруг выпалил он зачем-то и пожалел, и посмотрел как медленно закипает чайник. Слишком медленно. Ему нужно было это сказать-выплюнуть-выкинуть и услышать ответ, услышать и дальше пойти, и дальше дышать.

– Нет, – она усмехнулась. – Тебя заносит периодически. Ведёшь себя как самовлюбленный... – Эмма отвернулась, Эмма фыркнула. – Это неплохо, вообще-то. Просто бесит местами.

– Нарцисс звучит лучше.

Чайник всё. Константин протянул руку снять его.

– Как цветок? Или как нарциссическое расстройство личности? Ты подумай.

– Откуда ты это всё знаешь? Ты физик же, нет?

– У меня сестра клинический психолог.

– А у меня вот никого нет.

Эмма покачала головой.

– А мы? Ну или хотя бы... – она придвинулась ближе. – Ты говорил... – она не осмелится произнести. Она почти коснулась его руки.

– Что я люблю тебя, – выпалил Константин. От своих слов и чувств он не отказывался. – Да. Но ты не говорила мне того же. Я привык на самом деле, – теперь он отвернулся, теперь он не смотрел. – Люди, которые мне встречались, которые были мне близки, были мне гораздо нужнее, чем я им.

– Нет. То есть... Я...

– Эмм, не нужно, – оборвал её Константин. – Если ты не чувствуешь того же, не говори и не извиняйся. Я взрослый уже, переживу.

«А тебе, – он не добавил, – нужно вернуться наконец в свой солнечный мир. Довольно Верны с её отчаянием».

– Боже, – прошептала Эмма, её голос дрогнул. Ну зачем она себя мучает, можно же просто забыть. – Я дура... Я... – она захлёбывалась словами, слова не шли. – Да что за?! Проклятье. Поганый день. Нет. Я хотела сказать. Я... Не отворачивайся от меня, пожалуйста. Я не извиниться хотела, – она выдавила грустную кривую улыбку, улыбку-ухмылку, – я всё пытаюсь сказать, что ты мне тоже... Но мне трудно. Не понимаю почему.

– Эмм...

– Дай, договорю, а то опять собьюсь, – она усмехнулась. – Зараза... Сегодня тот день, когда он умер, потом Луи... Я

ушла утром, потом письмо. Я соберусь сейчас.

– Эмма.

Он не вовремя. Нужно было спросить сначала, а потом...

– Я тоже люблю тебя. Вот. Мне просто нужно больше времени. Боже... Скажи, я не пожалею об этом?

– Нет, – он мотнул головой. – Нет, – он шагнул к ней навстречу. – Эмма, – протянул, вдыхая терпкий можжевельник. – Обещаю.

Глава 15

послушаешь в записи

I

По просьбе Эммы корабль остановился. В облаках подле Южной было тихо. Они ждали Фета и Луи. Остывший чай в почти полных кружках уже не пах. Один можжевельных дух наполнял буфет. Она успела рассказать ему, что из дома пришло письмо, что её ждут и готовы выслать корабль.

«Ты полетишь со мной?» – спросила Эмма. «Полечу», – сказал Константин. Эмма протянула руку и погладила его по щеке. «Мне побриться?» – спросил Константин. Он не хотел, чтобы это закончилось, но это было так не реально, что продолжаться просто не могло. Эмма с улыбкой покачала головой, а потом привстала и сама поцеловала его. Неповоротливый корабль останавливался, его трясло и покачивало. Их двоих прижало друг к другу, сообразить, что происходит стало ещё сложнее. Губы у Эммы... Губы у Эммы горячие и мягкие. В коридоре слышались шаги, и они точно дети оторвались друг от друга.

Недовольный и малость обеспокоенный доктор явился первым. Луи что-то доделывал в машинном. Они все ещё сидели близко-близко друг к другу, весь воздух сделался можжевельным, сделался терпким и тёмным, и сладким.

– Что случилось? – Доктор глянул на Эмму. Он, кажется, был готов сражаться с пиратами и с патрульными, с пташка-

ми.

– Ничего страшного, – примирительно сказала она. – Садись. Нужно обсудить, – она пыталась собраться с мыслями, и фразы выходили отрывистыми и тихими. – Всем вместе. – Она держала капитанскую руку.

– Без Луи?

– Луи сейчас придёт. Он в машинном, он в курсе.

Фет нахмурился, он не любил узнавать всё последним. Но Эмма будто этого не замечала, а может знала, что лучше продолжать. Как много он ей прощал того, что никогда бы не простил Луи.

– Садись, – попросила Эмма, и доктор послушался. Выглядел он всё равно недовольным. – В общем, – Эмма вдохнула, – меня зовут домой. – Она вытащила коммуникатор, разблокировала и сунула Фету.

Тогда и явился Луи, посмотрел на доктора, на удобное кресло, которое оказалось слишком близко, покрутился и плюхнулся на стул по другую сторону стола.

– Кэп, у нас остался кипяток? Плесни мне немного.

– Боги, Эмма, да у тебя тут вся заварка вымылась! – возмутился доктор.

– И Фету налей, – усмехнулась она. И качество и некачество чая, вкус... временами она просто забывала об этом, точно выходила из этого материального мира, из собственного тела, из государства вещей.

– Не надо. Луи, достань заварку.

– Что я сразу? – возмутился Луи, вставать ему не хотелось.

– Ты ближе сидишь.

– Да ладно вам, – Эмма встала сама, видя, как помрачнел Фет, как Луи насупился, – сейчас заварю новый.

– Давай я поставлю? – предложил Константин, не отпуская чайник. Эмма тихо кивнула, и он пошёл набирать. Заурчал моторчик фильтра.

– Вам какой? С мелиссой похоже. Мелисса успокаивает, – пояснила Эмма. Спокойствие этим двоим не помешало бы.

Чайник закипал медленно, бурчал и посвистывал. И никто почему-то не спешил говорить. Луи ерзал, стул скрипел, Фет дышал тяжело и смотрел тяжело, точно прощался заранее.

– Получается, улетаем, – сказал Константин. Тревога разрешилась в звук, и стало полегче.

– Получается, – кивнула Эмма.

– Хорошо, – Константин тоже кивнул.

– Хорошо, – подхватил за ним Луи.

Звякнуло. Эмма дергано возвратила холодную кружку на стол.

– Я ответила, – прошептала она, вставая за чайником. – И они ответили. Полгода.

Время снова сказать «хорошо».

– Что будет с кораблём? – впервые подал голос Фет. – Они требуют Небо назад?

– Нет, – Эмма мотнул головой. – Такой корабль дорого транспортировать. Тем более он уже окупился. Небо оста-

нется Верне. По документам оно не пригодно к эксплуатации. По документам Нового мира Небу тринадцать лет. Слишком много для дирижабля в условиях ядовитой Верны. Они думают, что денег с него не выручить. Небо останется здесь. Я поговорю с Людвигом.

– Хочешь оставить Небо пиратам? – Фет побледнел.

– Что с ним ещё делать, раз забрать не получится? Я доверяю Людвигу, – отрезала она. – Он выручал нас.

– А мне ты корабль не хочешь оставить? – холодно поинтересовался доктор.

– Фет? – Луи поддался вперёд.

– Я не полечу с вами, – ответил Фет, не дожидаясь вопроса.

– Прекрасно! – процедил Луи. – Ты это не серьёзно?

Доктор очень криво усмехнулся.

– Ну отчего? – Ему точно нравилось злить Луи. Тот покраснел, но сдержался.

– Мы не завтра улетаем, – напомнил Константин. «Мы», – он усмехнулся про себя.

– Ага, – хмыкнула Эмма. – В лучшем случае месяцев через пять или семь. В лучшем. Я не знаю, как сильно исказилось время.

– Ты успеешь доделать, что не доделал, – продолжил своё Константин. «Пять месяцев, – прикинул он, – или семь. Это до чёрта. Можно ещё раз обоворовать пиратов и сломать нос местным законникам».

– Мне нечего доделывать, – фыркнул Фет. – Я не собираюсь лететь. Верна – мой дом.

– А как же... – дёрнулся Луи, но договаривать не стал, насупился.

– А как же мы? – закончила за него Эмма.

– А вы улетайте. Я не держу.

– Твою мать, Фет! – возмутилась Эмма. – Я не о том.

– Стал бы я держать?! Тебе тут плохо. И Константину. Вы не отсюда, не прижились.

Эмма закатила глаза.

– Знаешь что? – подскочил Луи. – Вставай. Я хочу... Я хочу поговорить с тобой.

II

– Фет! – Эмма не умела кричать и даже сейчас, когда гор-
тань обожгло от звона, вышло тихо, но доктор замер. – Ты
нужен мне.

– На Верне, – усмехнулся доктор. – Там у тебя будут дру-
гие. С сестрой помиришься.

Это было жестоко.

– Не говори со мной как с ребенком. Не говори как старик.

– Эмм, я не приживусь там.

– Приживёшься, – повторила она упрямо. Ну что за баран,
а зовет себя доктором?

– Ты же такой реалист, зачем врёшь?

– Не вру, – она мотнула головой. – В моей мире место
много, найдётся куда всунуть такого щуплого докторишку.
И я, лично я, не смогу без твоего голоса.

– Послушаешь в записи, – буркнул Фет.

– Лучше придумать не мог?

– Нет, – пожал плечами доктор. – Прости меня, Эмм.

– До утра подумай.

Доктор покачал головой. Ну конечно, умный такой! Эмма
с трудом держалась, чтобы не выкрикнуть ему что-то обид-
ное, что-то злое и бесполезное. Но почему? Почему в конце
концов, надо так?

– Фет, – пролепетал Луи, – Фет...

Они втроем подскочили. Они с Луи не удержат его.

– Мы протягиваем тебе руку, – сказал Луи, – нельзя отказываться от руки, – закончил он убеждённо и действительно вытянул руку. Это было так нелепо и так беспомощно. Эмма бы никогда не решилась. Эмма всегда знала наперёд, что это бесполезно, что утопающие в облаках, как в памяти, в памяти, как в вернских облаках выбирают упасть.

– Мы что в детском лагере? – съязвил Фет.

– Да, – буркнула Эмма. – Очень похоже.

Гиблое дело спасти того, кто не хочет быть спасённым. «Хочешь спасти кого-то – купи сосисок бездомным котам», – подумала Эмма очень едко и хмуро.

Луи дрожал, но руки не опустил:

– Фет, пожалуйста!

Доктор не ответил. Он не согласится. «Ну ты и баран, доктор», – Эмма вздохнула, Эмма посмотрела на Фета, на его хмурое немолодое лицо, на тонкие брови, на морщины, расплзшиеся складками на лбу, на губы, стиснутые крепко, чтобы ни слова, ни вздоха не проронить, он будто бы умер или медленно умирал, там под очками, в глубине себя, вдали от Луи. Зачем он так?

«Купи сосисок, Эмма», – сказала она, и вырывая себя с кровью из этих чувств, из этой боли, чужой, о боги, не её, Эмма посмотрела на Луи, посмотрела на Фета. Луи обернулся испуганно. Она лишь плечами дёрнула. Не могу. Она

ушла, хотя ни разу ещё не уходила. Она не смогла бы выдержать его отказ. Не смогла. Потому и вышла как дура в коридор. Постояла с минуту, опираясь на стену плечом. Как Луи теперь? Но что она сделает? Ничего она здесь не сделает. Теперь точно.

Константин ждал её в рубке, но увидев удивился. Помахал рукой одной рукой. Можно не говорить. Можно ничего не говорить, не пытаться вытянуть из себя что-то весёлое или нужное, объяснившие бы решение Фета. Эмме бы кто объяснил.

Она взяла его за руку, потому что от руки не отказываются.

III

Всё разошлись, и Константин отправился в рубку, кому-то ведь надо. Полный горячий чайник, дважды налитый, дважды включенный, остался на столе. Константин не думал, что выйдет так. Эмма тоже не думала. Константин вернул корабль на прежний курс.

По-прежнему больше не будет.

– Фет не хочет, – сказала Эмма. – Зря я... Не нужно было...

Константин покачал головой.

– Побудь со мной, – попросил он.

Интересно, это жалко звучит или пойдёт?.. Или люди действительно так разговаривают? Прошлые не-вернские категории заржавели настолько, что воспользоваться ими никогда, никогда больше не получится. Ну и в бурю их. Чем только теперь пользоваться, если прежнее отлаженное, верное, безотказное теперь сплошной коррозионный прах?

Эмма молчала. Константин чувствовал, почти что видел ещё непроизнесённые, застрявшие корявыми, пыльными, землистыми камнями, слова. Это не ему нужно. Нет, ему нужно. А ещё нужно до такого волнительного адреналинового покалывания в пальцах обнять. Но Эмме нужней. Нельзя жить с камнями в горле, с такими змеисто-землистыми

серыми булыжничками под языком. И вот когда она выдохнула, когда приоткрыла рот и губы покрасневшие от горячего дрогнули, но удержали её каменное слово, когда это затянувшееся неговорение стало нугой, паутинными путами, он встал. Потому что хватит уже, если честно. И голос отца, прорывающийся в этот мир как помехи из радио, ещё не заткнулся, но наконец потерял значимость. Да, как прежде не сработает. Ну и что? Не такое уж огромное между ними кресло.

– Ты как?

Она пожала плечами.

– Я злюсь, – призналась она. «На кого» надо бы спросить, но Константин не решился. Что-то мешало, или напротив подсказывало остановиться. Пусть будет так, как решит она. Он просто встанет рядом, толкнет пилотское кресло, смахнет рукавом пылинки. – На Фета, потому что он решил, что его жизнь больше ничего не стоит, что единственное, что ему можно, так это остаться здесь. А ещё на себя, потому что кажется, это уже было. Потому что люди уже уходили от меня точно так же, а я ни черта не делала. И на них я тоже злюсь, потому что не дали мне попрощаться. На коллег. На Дэвида. А ещё на сестру и родителей, которые внушили мне, что делать надо, как все делают. – Она вздохнула. Её трясло. – Им было так страшно потерять его, всем. Всем, боже! И проще... проще было, закрыть глаза, и тщетно мучить себя и его мучить бесполезными капельницами, укола-

ми, которые уже не делают, не тогда. Всем чем угодно. Всё что угодно, лишь бы не отпустить. Мне не с кем было поговорить об этом. Сесть и сказать, он умирает. Я не смогла себя заставить пройти эти метры от двери до двери, заглянуть и попрощаться. Я злюсь на себя, потому что боялась. Потому что могла бы с ним подружиться! Я думала, что такому человеку буду не интересна. Я дура, кэп.

– Неправда, – убежденно сказал он. Попробуй только её убеди. Но Эмма не стала возражать и прятаться тоже не стала, и посмотрела прямо, и сказала:

– Спасибо, что ты... ты здесь... и что не оставляешь меня.

На экране мерцало что-то ночное и тихое. Бурь не было. Радар научился обходить грозу. Эмма улыбнулась. Вот теперь его признание было бы уместно. Но с другой стороны, не случись оно тогда, сегодня бы тоже не случилось.

– Что будем делать эти семь месяцев?

– Путешествовать, – Эмма пожала плечами. – Заглядывать на станции. Дурить людей. Бодаться с пиратами.

– Хороший план.

Она перебралась к нему в каюту. Вещей оказалось немного, особенно если их сложить и все колдовское оставить, а все чужое и пахнущее прошлым отдать облакам.

– Ты не боишься, – спросил он вечером, когда в рубке уже был Луи, когда корабль шёл ровно, когда лежали вдвоем и было тепло, – что там, – он имел в виду Новый мир, её дом, – все изменилось?

– Я надеюсь. За этот год там прошло тринадцать. Даже диктатор, просидевший в президентском кресле все мои двадцать четыре года и ещё десять, ушёл на пенсию. Это будет другой мир. И это хорошо. А ты?

– А я... а я, честно говоря, понятия не имею, что буду там делать. Но у меня есть полгода чтобы придумать, а ещё опыт пилота, крутое образование, спасибо отцу. И ты говоришь, у вас закончился срок годности диктатора, может вам нужен новый?

– Одного хватит, – она усмехнулась. – Придумаем что-нибудь. У тебя ещё есть опыт работы с научной группой. Нам, наверное, за эту вернскую миссию премия полагается.

– Премия – это хорошо, – протянул он. – Я... а вообще не представляю, как это вернуться в мир, который прожил за твой год десять.

– И я не знаю, но не боюсь. А ты не будешь скучать по Тирхе?

– Не буду. Я попрощался, – сказал Константин и понял, что это действительно так. – Никогда не чувствовал себя свободным настолько. Это была глупая и грязная игра, возвращаться к которой я не намерен. Не хочу быть чьей-то пешкой. Хватит. Знаешь, Эмм, тогда б я выбрал бутылку виски и пулю вот сюда, – он стукнул себя пальцем по груди чуть-чуть левее сердца. Эмма поддалась в его сторону, вместе с ней взметнулся терпкий солнечно-хвойный до горечи пьяный можжевелевый дух. Она положила свою холодную ла-

донь на то же место, и покачала головой.

– Не надо, хорошо? Не надо.

Он улыбнулся кротко, но лукаво, он так умел, а может повторил за Луи.

– У меня был пистолет и целый шкаф отцовского коньяка. И целый погреб отцовского вина. Я пил тогда, не просыпаясь, не выныривая. Держал заряженный пистолет на столике у кровати. А потом меня всё ещё мутного от бухла погрузили и скинули в вернское небо. Я туда не вернусь, хотя, наверное, мог. Я, знаешь, прокуратура потеснить мог. Но я не хочу. Слушай, сходишь со мной, мне бы выкинуть кое-что в облака.

– Люк нельзя открывать без защиты, – она покачала головой. – Нужно респираторы найти. После завтрака посмотрим, хорошо?

Он хотел выкинуть пистолет, последнее Тирхское воспоминание.

«Спасибо отец и прощай!», – подумал Константин, закрывая глаза.

IV

Луи вывел его в коридор, просто вытряхнул! Удивительно, как он только позволил так обойтись с собой: пацан-то ниже на голову и силы в нём... Со злости и не такое сделаешь, Эмма как-то выпихнула громилу Людвига с одного корабля на другой. Ну он конечно, не больше метра по стыковочному коридорчику пролетел, даже меньше. Луи крепко-крепко вцепился Фету в локоть и отпускать не спешил. Дверь за их спинами закрывалась медленно, прямоугольник света, который она выпускала в коридор, сужался ещё медленнее, точно вода, потихоньку сбегаящая по плитам в водосток.

– Ну? – сказал Фет. Луи съежился, голову вжал, но хватку не расцепил.

– Дальше, – то ли сердито, то ли обиженно приказал он. Фета эта серьёзность, эта сердитость попросту забавляла. Правда ещё ему было грустно, этого он признать не мог.

Так «под конвоем» они дошли до медкабинета. И Луины пальцы разжались, он пошёл искать выключатель.

– За халатом, – подсказал Фет. Халат, по правде, стоило постирать.

– Помню, – буркнул Луи, сгребая несильно чистую ткань. И стало светло. Его накрепко сцепленные пальцы разжались

во второй раз, и Фет почувствовал, будто от него что-то физически отваливается – локоть, за который больше не держатся, туго скреплённые дреды, нос.

– Что ты от меня хотел?

Луи нахохлился. Щеки надулись. Белые брови нахмурились.

– Поговорить.

– Говори, – развёл руками Фет, а потом отвернулся и подвинул кое-что на столе. Кое-что – чашка, звякнула о другое кое-что – об антикварную подаренную пять месяцев назад всё тем же Луи, всё тем же, но не тем. Этот вырос. Луи, стоящий и нервно дышащий в прямую до чугунной прямо-сти спину доктора, не стал скулить, не стал просить, а только спросил:

– Почему ты не хочешь с нами лететь?

Этот Луи был лучше и был несчастнее, и Фет как будто бы ещё не чувствовал, но чуть предчувствовал свою вину. Он не умел признавать себя неправым, зато умел корить годами. Отнимаем от почти тридцати двух двадцать пять – получаем семь.

– А почему я должен хотеть? Это вы, – он скривил рот, – не отсюда. Хотите вернуться? Я понимаю. Сколько ты мне об этом твердил?

– Я... – наконец Луи сбился, настрой его сдулся. – Я не домой возвращаюсь. Мой дом – это вы. Корабль, рубка, Эмма, кэп и ты. Что? – возмутился он. – Я не могу так говорить?

Я могу говорить, как мне нравится. Тем более это хорошее.

«А ты злой», – додумал за него Фет.

– Почему же? Можешь.

– Вот и прелестно. – Луи отвернулся. Крутанулся. Вернулся. – Ты не ответил.

– Ответил. Да не смотри ты... – Значит ему всё-таки придётся это озвучить. – так, – закончил Фет. И кое-что на столе опять звякнуло, это ложечка в кружке. – Я не хочу. Могу же я...

– Хорошо, – прервал Луи. – Можешь, – кивнул он.

– ...не хотеть.

– Я..., – протянул Луи. – Я думал. Думал, что, – ему явно стало сложнее говорить, но он не сбежал. Прошлый Луи сбежал бы. – Что... В общем, я мог бы остаться и навязаться тебе. Но... – снова протянул он. Он очень сладко, как вязкие кисловатые мармеладные конфеты, тянул слова. – Ты действительно можешь не хотеть. И ты не хочешь. Я принимаю это. Правда, Фет. И больше не буду пытаться тебя целовать. Надеюсь, ты встретишь кого-то. Надеюсь, я тоже. В солнечном мире...

– Иди, твою мать, сюда.

Фет не мог это слушать. Он вздохнул хрипло, он сам ухватился за ляжку Луинового комбинезона, дёрнул к себе.

Луи одарил его самой кривой, самой несчастной, самой лукавой улыбкой, улыбкой воришки, комбинатора, пилота и покачал головой.

– Я тоже, – сказал он, – могу расхотеть.

«Можешь», – не сказал Фет, и понял, что его услышали, понял, что Луи слушал его всё это время. И кажется, можно было и по-другому, и кажется можно было... Луи оправил рубашку, лямки комбинезона и вышел. Его ждал солнечный мир, большое путешествие, которое он так ждал. Его ждала новая жизнь и новые люди. Причем здесь Фет? Корабль неспешно плыл через тучи. Тучи наливались красным, кажется, то был закат. Доктор, чувствовал, что ему необходимо объясниться, а ещё он чувствовал, что никаких сил на это нет. Он не покинет Верну, он не оставит эти облака, полные его, *его* памяти, *его* жизни.

Фет намеренно шёл медленно. Он надеялся встретить Эмму, и конечно, не призвался себе в этом. С ней поговорить было бы проще. Луи он уже все рассказал. Захочет извиниться – выглянет, и он с радостью её послушает. Можно подумать, что он это злонамеренно делает! Эмма-Эмма. Порой хуже Луи себя ведет. Он покачал головой. Но она не догнала его, не выглянула ниоткуда. И Луи больше не искал его, и даже кэп, хотя с Константином они вроде бы не ссорились.

Небо с экранов темнело, ненастоящее небо. Настоящее, он знает, сделано из перебродившей памяти, превратившийся в бури и кислоту. Все ушедшее живет за бортом. Иногда такие, как Эмма прилетают искать его. Они не знают, что Верна – это память мертвого мира, погребённого самого в себе, все его души стали облаками, стали, потому что больше

не могли жить на земле. И все было правильно. И небо молчало. Пока из старого солнечного мира к нему не явились железные корабли с живыми людьми. Живые люди привезли с собой воздух, живые люди выстроили станции, выхватили куски неба, куски памяти и из памяти появились прежние, такие как Фет. Порой Небо забирает их обратно. Когда чья-то жизнь заканчивается, говорят, все бури стихают, ведь богиня судьба, обернувшаяся черноволосой девой, приходит проводить душу домой.

Эммы не было в лаборатории, и в рубке, и в каюте. Фет решил, что больше не будет искать её, решил, что сделать что-то полезное для корабля будет лучше. Будет лучше. А потом она оказалась в машинном. Явно специально – искала.

– Мне будет тебя не хватать, – призналась Эмма. Подошла поближе и обняла его. Фет тоже обнял. Она оказалась совсем тонкой, но тёплой. Фет подумал о роще. В солнечном мире есть такие штуки – рощи, он видел картинки и маленький фильм. В рощах растёт много-много тонких деревьев, тонких и белых. Вот таким деревом он видел Эмму: тонким и стойким, и тёплым, белые деревья должны быть тёплыми, они ведь на лампы похожи, возможно, даже светятся по ночам.

– Мне тоже, – сказал доктор, когда она отстранилась. – Кто будет ставить ботинки на приборную панель? Кто будет есть с чаем сырые вареники?

– Чёрт! – вздохнула Эмма. – Ты видел?

Он видел.

– Но, знаешь, – сказал Фет, улыбаясь, – у нас есть пять месяцев. Пять или семь. Чтобы по-настоящему попрощаться.

«Как ты тогда не смогла», – но этого Фет не добавил. Эмма снова его обняла.

Эпилог

Говорят, у белых звёзд, так далеко, что и не сосчитать годами, крутятся другие миры. Говорят, небо ядовитой Верны соткано из памяти. Говорят, герою – герою всех героев для начала нужно стать дураком. Говорят, духи квантовой запутанности знают, как оно там наверняка.

Спустя обещанные шесть месяцев корабль Нового мира прибыл в Портовую. Небо встало рядом. Открылась дверь. Они вышли из Неба вчетвером – попрощаться, и вскоре покинули Верну. Доктор пообещал писать, и взял с них обещание отвечать, только не как Эве. Корабль нёс их сквозь звёздную пустоту к солнцу Нового мира.

По возвращению они застали самый краешек весны: цветущие яблоневые сады, почти облетевшие, устланные белыми лепестками; аллеи отгоревших тюльпанов.

По возвращению их встретил Дэвид.

Дэвид стал профессором, заведующим кафедры. Он постарел и обрезал волосы, берцы сменил на туфли, а чёрные рубашки – на белые. И было даже немного грустно, будто за эти пятнадцать, Эмма никак не могла к тому привыкнуть, он потерял что-то важное, выцвел. Но между тем это был Дэвид и он вышел встретить её, их троих. Он ждал у корабля, он позаботился, чтобы им подали машину, чтобы позволили

отдохнуть после перелёта, отменил журналистов.

– Привет, – сказал он.

Эмма боялась, что стоит ему появиться, стоит заговорить, как мир рухнет, а вместо солнца наползут вернские облака. Но голос Дэвида остался прежним и мимика, и серебряный медиатор на шее, поблескивающий из-под рубашки – кулончик, который Эмма заказала ему на первую годовщину. Эмма знала, что через пять лет из этих пятнадцати Дэвид женился, и что ещё через два года развёлся.

Эмма, боялась, но Дэвид заговорил, а мир остался цел, и тогда, вдохнув глубоко-глубоко и выдохнув тихо, она тоже сказала:

– Привет.

На языке плясало студенческое «здрасьте». Она чувствовала себе немного первокурсницей и немного самозванкой, и немного ведьмой, надурившей всех вокруг, всех включая время.

Дэвид улыбался. Люди, приехавшие с ним, погружали вещи из корабля в машину. Луи счастливо щурился на солнце, точно котёнок, его немного штормило, но Константин стоял рядом, а на борту их всех включая пилота осмотрел доктор, к сожалению, не Фет, а милая дама с розовыми кудрями.

– Я скучал, – произнёс Дэвид, он не собирался её отчитывать, не собирался стыдить. Он подошёл и обнял очень аккуратно и быстро отстранился. – Не думал, что ты вернёшься.

– И я не думала, – усмехнулась Эмма. – Рада видеть тебя, –

сказала она и это было правдой.

Их гоняли по конференциям, банкетам и медкомиссиям.

На четвёртом этаже напротив новенького стеклянного лифта появилась мраморная табличка с именем Рогача. Эмма долго всматривалась в позолоченные буквы, пытаясь отыскать среди этой печальной красоты его тень. Но буквы остались буквами, а память – памятью. Она постучалась в кабинет Дэвида, чтобы забрать диплом.

Встреча с сестрой тоже прошла проще, чем Эмма её представляла. В Эвин дом они приехали все вместе, купили вино, торт и букет белых ирисов для девочки, которая так и осталась девочкой, вернуться в мир у неё не вышло, её разум так и остался среди богов и звёздных башен. Девочка рисовала и её картины имели успех в очень узких кругах, по большей части среди психиатров и особо эпатажных искусствоведов.

Эмма долго мялась у порога, прижимая к груди белое полусухое, она бы отхлебнула, если б могла открыть. Дом казался огромным: двухэтажным, трех-, пяти-, он рос и рос и рос, пока Константин не подошёл и положил ей руку на плечо.

– Хочешь завтра зайдём? – предложил Константин.

– А торт сами съедим, – добавил Луи.

Эмма вздохнула: «Не зачем дальше тянуть». Она перехватила бутылку одной рукой. Бутылка не выпала. Дом остался двухэтажным обычным домом с палисадником, двумя кизилловыми деревьями по обе стороны от крыльца. Незачем. Она

боялась, она подошла и позвонила. Спустя минуты к ним вышел постаревший Эвин муж с толстым желтоглазым котом на руках. Они разулись и направились в гостиную. Без ботинок Эмма чувствовала себя совсем маленькой, она обняла вино, как Эвин муж кота, но рядом шёл Константин, и Луи тоже шёл рядом.

– Давно вы переехали? – спросила Эмма. Потому что нужно было что-нибудь спросить, а больше ничего на ум не приходило. Не спрашивать же у этого незнакомца с котом, где Эммина лаванда, и где собака, и почему их забрал Дэвид, а не вы.

– Лет шесть назад, – задумчиво протянул муж. – Да, где-то так. Когда Эва решила забрать...

– Можно её увидеть? – выпалила Эмма.

– Не хочешь сначала... – смутился муж, – поздороваться? – Эммина просьба явно напугала его, сбила четкие инструкции.

– Сначала с ней. – Эмма покачала головой. Она и сама не знала, откуда в ней эта настойчивость. То ли страх перед Эвой, то ли желание разобраться с самым страшным. Самым. Девочке, которая не вернулась, тридцать лет, теперь на четыре года больше, чем самой Эмме, назвать её младшей сестрой...

– Тогда туда, – он указал на лестницу. – Которая дверь поймёшь.

– Спасибо, – кивнула Эмма. – Луи, возьми вино.

Луи кивнул, больше всего в этом доме его занимал кот. Константин отдал её букет и прошептал: «Ты справишься». Эмма прижалась лбом к его плечу, пахнущему кондиционером для стирки, терпким парфюмом, вечерним воздухом и чем-то очень родным. На втором этаже было темно, видимо, свет экономили, из одной двери слышалась музыка, из другой мультики. Эмма постучала туда, где было тихо, где на черном дереве парили белые феи.

В гостиной было прохладно, из открытых окон веяло вечерним дождём. Эва разливала подаренное вино по бокалам, Луи пытался выторговать бокал для себя. Эмма тихонько проскользнула в комнату. Никто не заметил её присутствия. Никто. Даже кот.

– Налей ему, – сказала Эмма. И Луи просиял, а Эва побледнела.

Это точно была она. Кому ещё тут быть? Это была она. Невысокая, прекрасная, во всем замечательная Эва. Как же она похожа на мать! Примерно такой Эмма и помнила маму, когда была именно мамой, её мамой, а не мамой сумасшедшей девочки. Ей тоже было немного больше сорока, она носила такое же короткое каре, такие же очки, похожий свитер, похожую длинную юбку в мелкую складку. Потом маме стало совсем не до них. Эва была уже взрослой, уже вышла замуж, заканчивала магистратуру. Спихнуть второго не проблемного ребёнка на первого... Эва была ей мамой больше, чем мама.

К чёрту. Нужно было обнять её и пережить этот ужин.

Бутылка оказалась на столе. Эва проскочила всю гостиную. Этот свитер, эта юбка, эти очки и причёска шли ей. Они обнялись и отстранились. Эмма села между Луи и Константином, он поймал её руку под столом и погладил дрожащие пальцы.

– Что будете делать дальше? – спросила Эва. В её голосе не было упрёка, но и тепла тоже не было, и вряд ли оно появится скоро. И вряд ли они с Эммой будут близки как когда-то, а может они и не были близки на самом деле?

– Я поступил в Янтарный город, – похвастался Луи. – Мы поедем туда в конце лета.

– А как твоя аспирантура?

– Закончила. Мне простили эти два года. За вредное производство, – Эмма усмехнулась. – Всегда хотела побывать в Янтарном городе. – Она улыбалась. – Потом, может быть, в столицу отправимся.

– Надо же ваш мир посмотреть, – Константин подмигнул. – А то мало ли. Это уже третий, в котором я побывал.

Эва тихонько охнула.

– Ну удачи вам! – улыбнулся муж, поднимая на колени толстого желтоглазого кота.

На том и закончилось лето. Они погрузили вещи в машину, и отправились в Янтарный город, дремлющий у берегов тихого северного моря. Эмма никогда не чувствовала себя настолько свободной. Они ехали, поочередно меняясь. До

Янтарного города всего полтора дня дороги, это не Верна. «Это не Верна», – повторяли они друг другу. Хотя чем-то похоже, да капитан?

Константину и Эмме пришлось пересдавать на права. Луи тоже хотел, но у него не оказалось документов, процесс затянулся. Свою фамилию Луи так и не вспомнил, в мире ядовитых бурь и прогорклой памяти фамилии не особо нужны, он взял фамилию Константина, потому что... а почему бы и нет?

– Море! – воскликнул Луи, – Эмм, смотри море!

– Остановимся? – предложил Константин.

Они съехали с дороги, пустой в этот сонный предрассветный час. По ту сторону лишь изредка проскальзывали тяжелые ночные фуры. До города оставалось совсем немного, и шепот моря был так завлекательно близок. Пахло ночью, холодом и бензином, летом, что вот-вот оборвётся, лимонной полынью, шуршащей у ног. Луи потянулся, посмотрел на Эмму, на Константина и бросился к обрыву и замер у края, раскинув руки, приветствуя море и новую жизнь. Со всем черное море было почти не разглядеть ни отсюда, ни из машины, оно точно вытекало из неба, такого же черного – почти невесомость, необъятная звёздная тишина.

Эмма слушала тучи, медленно крадущиеся с востока, тучи шептали: небо всегда было добрым к тебе.

КОНЕЦ

29 сентября 2021 года